The background of the cover is a photograph of a vast mountain range. The peaks are layered, with the foreground showing more detail of snow and rocky terrain, while the background fades into a soft, hazy blue. A thin, winding river or stream is visible on the right side, cutting through the lower slopes of the mountains.

Павел Назаров

ГОНИМЫЙ В ДАЛЬ
ИЗ
КАШГАРА
В
КАШМИР

16+

Павел Степанович Назаров

Гонимый в даль из Кашгара в Кашмир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68560742

SelfPub; 2022

Аннотация

Автор, Павел Степанович Назаров – видный горнопромышленник дореволюционного Туркестана, ученый-естествоиспытатель, один из лидеров Туркестанской военной организации. После ареста органами ЧК (в 1918 г. в Ташкенте) и бегства в китайский Кашгар был вынужден совершить дальнейший трудный переход через Кунь-Лунь и Каракорум в Кашмир. Наблюдения, первоначально изложенные автором в виде рукописи, были переведены на английский язык Малькольмом Бёрром – его товарищем по исследовательским работам в Родезии и Анголе. Книга, с которой выполнен обратный перевод, впервые была опубликована в 1935 г.

Содержание

Глава I	10
Глава II	61
Глава III	123

Павел Назаров

Гонимый в даль из Кашгара в Кашмир

От переводчика

Предуведомление.

Данный перевод свободно распространяется в *электронной форме* с ведома и согласия переводчика на некоммерческой основе при условии сохранения целостности и неизменности текста, включая настоящее уведомление. Любое коммерческое использование оговоренного материала без ведома и согласия автора перевода не допускается. Цитирование возможно только со ссылкой на первоисточник.

Замечание об иллюстрациях в тексте перевода.

В своей книге П.С. Назаров использовал фотоснимки, сделанные сэром К.П. Скрином (1888–1974) в 1922–24 гг. во время его консульства в Кашгаре. См.: «Chinese Central Asia» by C.P. Scrine. Mahuen & Co. Ltd. London. First published in 1926. 306 pp.

В данном издании, в соответствии с законодательством о соблюдении авторских прав, их пришлось заменить на иные, подходящие к тексту иллюстрации, которые являются общественным достоянием, либо разрешены к распространению правообладателями. Соответствующие сведения помещены

в конце книги.

В сносках – примечания переводчика, если не оговорено иное. Гиперссылки на сайты Интернета даны по состоянию на 10.12.2022.

В.В. Цибанов

Посвящается госпоже Скрин в благодарную память¹

Предисловие

Сила духа, закалённого острыми переживаниями в постоянной борьбе с опасностями, эрудиция, знания, охотничье мастерство, наблюдательный глаз, озорной юмор и живое, яркое перо писателя завоевали Павлу Степановичу Назарову широкий круг поклонников – не только в Великобритании, но и за рубежом – везде, где признаются и ценятся мужские качества.

Как видный участник антибольшевистского мятежа в Туркестане в 1918 г., предпринятого в надежде на британское военное сотрудничество, Назаров безжалостно преследовался карательными органами победившей в итоге Советской власти. Скрываясь в горах и лесах на протяжении двух лет, ему удалось избежать всех ловушек и, после сокрушительно неудачной первой попытки, добраться до Кашгара, главного города китайского Туркестана, где четыре года мирно прожил среди друзей.

¹ П.С. Назаров посвящает свою книгу г-же Doris Forbes née Whitelaw (1897–1971), супруге сэра Клермона Персифаля Скринна (C.P. Scrine), являвшегося Британским Генеральным Консулом в Кашгаре в период с 1922 по 1924 гг. http://en.wikipedia.org/wiki/Clarmont_Skrine.

Недавние тревожные события в Китайском Туркестане, или Синьцзяне, восстание дунган, гражданская война, смерть многих британских подданных, ранение супруги Генерального консула Великобритании привлекли широкое внимание к этой «земле потерянной цивилизации», как её называет автор. Его углублённый отчёт о земле и людях заслуживает прочтения с особенным интересом.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Кашгарии исходят в основном от английских исследователей, многие из которых, конечно, хорошо знали страну, но в данном случае автор подает нам картину в буквальном смысле изнутри, поскольку едва ли можно считать его «иностранцем» в том крае, где обрел временное убежище. Он прожил более тридцати лет в Средней Азии, по большей части – в русском Туркестане, который также населен сартами и киргизами, а те мало отличаются от таковых народностей Кашгарии своими обычаями и языком. Мы видим людей глазами опытного русского естествоиспытателя, точно так же, как видим страну, её животный и растительный мир, её полезные ископаемые, глазами натуралиста, который повествует со всей глубиной понимания предмета.

В то время, когда китайское правительство, наконец, признало большевиков, и в Кашгаре было открыто Советское генеральное консульство, Назаров понял, что его прибежищу настает конец, что вновь надо бежать. Он снова гоним! И вот он дает нам подробный и чрезвычайно интересный отчёт о

своём путешествии через Яркенд и другие города Синьцзяна, через пустынные высоты Кунь-Луны, через Каракорум, Крышу мира, Ладакх и Западный Тибет, до самого Кашмира, где вновь найдет приём и убежище среди своих британских друзей.

Итак, он прибывает в Кашмир, начав своё путешествие в России. В итоге половина его пути пришлась на Азию и совпала с путём, пройденным Марко Поло. Как заметил один критик, повествования Назарова представляют собой смесь сочинений великого венецианского путешественника и «Арабских ночей»². И это воистину так.

Те читатели, которые проникнутся уважением к автору и пожелают услышать больше о тех необычных приключениях, которые в конечном итоге привели его в Сринагар, пусть примут во внимание комментарий Литературного приложения к «Times»: «необходим пересмотр всех стереотипов последнего поколения, дабы понять, что в определенных условиях доктор философии может рассматривать Китайский Туркестан как место для "лечения покоем"». Таким непременно следует прочесть более раннюю работу автора – «Hunted Through Central Asia», Blackwood and Sons³.

² Т.е. «Тысячи и одной ночи».

³ См. перевод данной книги – «Беглец в просторах Средней Азии» на http://ridero.ru/books/beglec_v_prostorakh_srednei_azii/ или на сайте переводчика: <http://tsibanoff.narod.ru/nazaroff/nazaroff.html>. Скачивание эл. версии бесплатное.

Малькольм Бёрр⁴

United University Club, August 1934

Часть I. Земля потерянной цивилизации

Стены Янги-Шара, Яркенд. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

«Эти грустные кладбища, унылые окрестности, безжиз-

⁴ Малкольм Бёрр (1878–1954) был английским писателем, переводчиком, энтомологом и геологом. Преподавал английский язык в Школе экономики в Стамбуле, большую часть жизни провел в Турции. Близкий друг П.С. Назарова, вместе с которым работал в Африке, переводчик его трудов с русского на английский. http://en.wikipedia.org/wiki/Malcolm_Burr. <http://www.npg.org.uk/collections/search/person/mp54468/malcolm-burr>.

ненная река, текущая меж пустынных песчаных берегов, скудная дикая природа – слабая тень богатства Ферганы, часто вызывали у меня чувство тоски и печали. И тогда мои мысли обращались к северу, где за снежными гребнями Тянь-Шаня осталось всё, что было мне дорого, что составляло всю мою жизнь и смысл моего существования. Всё осталось в прошлом, ушло навсегда, чтобы никогда уже не вернуться. Моё нынешнее положение было печальным, а мое будущее – туманным и неясным, без всякой надежды на счастье и благополучие!»

Глава I

Кашгар. – Первое знакомство. – Как я здесь очутился. – Древний город, его окрестности, одежда жителей, звуки. – Меня консультируют китайцы. – Китайские дамы. – Шествия. – Моления о дожде и их результат. – Авгуры. – Похороны.

Не много найдется мест в этом мире, столь же труднодоступных как Кашгария, то есть Китайский или Восточный Туркестан. Даже аэропланы, которым не страшны ни полярные снеговые пустыни, ни глушь самых удалённых мест Чёрного континента, редко достигают этой «земли счастливой». Здесь, в самом сердце Азии, в окружении высочайших гор и ужаснейших в мире пустынь, нет дорог ни железных, ни автомобильных, и у стремящегося сюда путника нет иного выбора, кроме издревле знакомого нашим предкам – спина лошади или верблюда.

А если сюда доберется, то столкнется с миром странным, со средневековой жизнью дней давно минувших, с населением, чей быт повседневный во всех деталях и мелочах словно застыл навеки. Здесь увидит он города, словно крепости окруженные древними стенами, с воротами, что запираются на ночь, а ключи от города хранятся под стражей до утра. Путешественник не увидит здесь высоких заводских труб, не услышит грохота машин, гудения колес и крика паровозно-

го гудка, не встретит однообразного населения промышленных городов. Здесь нет безработных, хотя можно наблюдать немало людей ничем не занятых, а просто сидящих тихо и отстранённо куда-то смотрящих, да ещё полуголых нищих с цветком за ухом, может быть, даже верхом на лошади.

Странная земля! Размерами отнюдь не мала, покрывает площадь почти миллион квадратных километров, но лишь полтора процента её пригодно для земледелия.

Современная европейская цивилизация почти не коснулась этой обособленной страны. Но под песками её необъятных и безводных пустынь лежат останки древней высокоразвитой и своеобразной культуры. Там где-то погребены замечательные произведения искусства и обширные библиотеки с бесценными рукописями на многочисленных языках древнего мира.

В то далекое время, когда христианская цивилизация в Европе едва зарождалась, святой Иероним⁵ писал о Британии так: «Когда я был мальчиком в Галлии, я видел шотландцев, людей, живущих в Британии, поедавших мясо человеческое, хотя имели много крупного рогатого скота и овец. Они же предпочитали окорок пастуший или кусок груди женской». В то время, когда запад Европы ещё погря-

⁵ Цитировано по Rev. D. Crawgord, F.R.G.S., in *Thinking Black*, published by Morgan & Scott, Ltd., London. (Прим. П.С. Назарова). Софроний Евсевий Иероним (342–419), Святой Иероним – иллирийский церковный писатель, аскет, создатель канонического латинского текста Библии. http://ru.wikipedia.org/wiki/Иероним_Стридонский.

зал в варварстве, в стране, где ныне простираются безводные пустыни, высокая культура уже создавала произведения искусства, а люди изучали древнюю философию Индии и Греции, философию приверженцев религий, полных возвышенных чувств и человечности – Зороастра и Гаутамы Будды. Древняя история Кашгарии тесно связана с таковою Древней Персии, хотя страны разделены огромным расстоянием и невероятно высокими хребтами Памира.

Первым европейцем, достигшим таинственной земли, тогда ещё вовсе Европе неизвестной, был злополучный Адольф Шлагинтвейт⁶. Он прибыл в Кашгар из Индии в 1857 году, пройдя через Кашмир, Гималаи, Каракорум и Кунь-Лунь. Но имел несчастье осуществить смелое своё предприятие, когда страна была «освобождена от китайского ига» татарами-мусульманами под предводительством Ходжи Вали-хана. После долгих пыток несчастный учёный был обезглавлен на Конном рынке, голову поместили на пирамиде из черепов других жертв, коих постигла та же участь.

О, до чего же часто, как будто по иронии судьбы, «освобожденный» народ горько оплакивает свое освобождение! В долгой истории Кашгара такое случалось не однажды. Я сам был тому свидетелем, прожив два года в «освобожден-

⁶ Адольф Шлагинтвейт (нем. *Adolf Schlagintweit*) (1829 – 1857) – немецкий исследователь Центральной Азии. Казнен эмиром Кашгара. Подробности гибели Шлагинтвейта установил казахский разведчик и исследователь Чокан Валиханов во время своей экспедиции в Кашгарию в 1858 году. http://ru.wikipedia.org/wiki/Шлагинтвейт,_Адольф.

ной» России, а затем четыре года в Китае, который также был «освобожден» от имперского режима.

Более удачливым оказался второй англичанин, мистер П.Б. Шоу (P.B. Shaw)⁷, чайный плантатор и торговец, которому удалось проникнуть в Хотан в 1868 году. Два года спустя сюда прибыли господа Т.Д. Форсайт, Хендерсон и Юм, последний впоследствии опубликовал интереснейший научный отчёт о своем путешествии «Из Лахора в Яркенд»⁸. В 1873-74 годах г-н Форсайт возглавил важную и хорошо оснащенную экспедицию ко двору Якуб-бека, сарта из российского Туркестана, правившего в ту пору в Кашга-

⁷ Вероятно, опечатка: речь идёт о Mr. R.B. Shaw, который стал участником миссии Т.Д. Форсайта в 1970 году (см сноску ниже).

⁸ Очевидно, имеется в виду книга: George Henderson, MD and Allan Oktavian Hume. «Lahore to Yarkand: Incidents of the Route and Natural History of the Countries Traversed by the Expedition of 1870, under T.D. Forsyth». Ознакомиться с ней можно пройдя по ссылке <http://www.amazon.com/Lahore-Yarkand-Incidents-Natural-Countries/dp/4871877752?asin=4871877752&revisionId=&format=4&depth=1>. Аллан Октавиан Юм (1829–1912) – английский колониальный чиновник, сотрудник Индийской Гражданской Службы, инициатор создания Индийского Национального Конгресса (ИНК). Также известен как выдающийся учёный-орнитолог. http://ru.wikipedia.org/wiki/Юм,_Аллан_Октавиан. Сэр Томас Дуглас Форсайт (1827–1886) – англо-индийский администратор и дипломат. Руководил экспедицией из Лахора в Яркенд и обратно. Маршрут протяжённостью 2 тыс. миль был пройден за 6 мес. Отчёт об этой (первой) миссии Форсайта доступен по ссылке: <http://ia800209.us.archive.org/23/items/cu31924023438868/cu31924023438868.pdf> Любопытно, что одним из участников похода значится «Mr. R.B. Shaw, the first Englishman who ever went to Yarkund and who may be called the pioneer of Central Asian trade with India».

ре⁹. Целью экспедиции было заключение торгового договора с этим авантюристом. В экспедицию вошли три ученых: доктор Столичка, геолог, Г.У. Белью, этнограф, и Дж. Биддольф, естествоиспытатель. Экспедиция собрала ценный материал для изучения Таинственной «земли Альтишахр» (так именовалась когда-то Кашгария)¹⁰, страны, для европейцев запретной, – им она открыла новый мир в самом сердце Азии. К несчастью, экспедиция понесла серьезную потерю в лице доктора Столички, который первым доложил науке о геологии страны: на обратном пути он не выдержал разреженной атмосферы плато Каракорум, самого высокого в мире, и скончался от сердечного паралича¹¹.

⁹ Магомет Якуб бек Бадаулет (1820–1877) – военный и государственный деятель Кокандского ханства. Правитель государства Йеттишар («Семиградье») в Восточном Туркестане, занимавшего в 1870-х годах почти всю территорию совр. Синьцзяна и уничтоженного Цинским Китаем в 1878 году. http://ru.wikipedia.org/wiki/Магомет_Якуб_бек_Бадаулет.

¹⁰ Историческое название области Таримского бассейна в XVIII–IX вв. Буквально означает «шесть городов». <http://en.wikipedia.org/wiki/Altishahr>.

¹¹ Фердинанд Столичка (1838–1874, Индия) – чешский и австрийский исследователь, ботаник, зоолог, геолог, геодезист и палеонтолог. В 1873 году совершил свою последнюю поездку в Гималаи, в качестве члена 2-й *Яркендской миссии* Томаса Дугласа Форсайта (о ней идёт речь в данном случае). Умер от болезни на обратном пути в Индию, у южного подножья хребта Каракорум. Экспедиционный врач д-р Г.У. Белью поставил диагноз: «менингит». Современные врачи полагают, что это была обычная высотная болезнь. Научный отчет Столички опубликовал А.О. Юм. http://ru.wikipedia.org/wiki/Столичка,_Фердинанд#Последняя_экспедиция. Книга одного из участников экспедиции Форсайта, лейтенанта Томаса Гордона была переведена на русский язык: Гордон Т.Э. Путешествие на Памир. – СПб., тип. В. Безобразова и К°, 1877. Скачать книгу можно на

Примерно тогда же Кашгария открылась и с другой стороны. Одним из первых русских, кто прибыл сюда, был генерал Куропаткин, в то время капитан Генерального штаба¹².

сайте http://militera.lib.ru/explo/gordon_te/index.html.

¹² Алексей Николаевич Куропаткин (1848–1925) – выдающийся русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902), военный министр, член Государственного совета. В мае 1876 года был направлен во главе посольства к Якуб-Беку Кашгарскому для установления границ с Ферганой. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Куропаткин, Алексей Николаевич](http://ru.wikipedia.org/wiki/Куропаткин,_Алексей_Николаевич).

Д-р Генри Уолтер Белью (слева) в качестве переводчика с Амиром Шер Али Ханом (в центре), полковником Фредериком Голлоком (стоит) и полковником Кроуфордом Троттером Чемберленом. 1869.[2]

Роберт Шоу (второй слева) и сопровождающие лица перед отбытием в Кашгар. 1874. (*Sir F.E. Younghusband*)[3]

Капитан Джон Биддульф (справа) и Ф. Столичка на зимней квартире в Кашгаре. (*T.D. Forsyth, 1873*)[4]

Революционная буря, что разразилась в моём отечестве, разбросала образованных граждан России по всему земному шару, вот и меня занесла она в эту печальную, пустынную, но в то же время интересную страну.

Я имел очень хорошее представление о Кашгаре по рассказам путешественников. До революции сюда можно было добраться таким путём: до города Андижана, что в Фергане, конечной станции Туркестанской железной дороги – за десять дней (от Лондона), а дальше до Кашгара верхом – за двенадцать или четырнадцать дней. Но сейчас этот путь закрыт, и Кашгар снова изолирован от цивилизованного мира.

Чтобы добраться туда из Индии через Памир, нужно месяца два. Шесть месяцев утомительного путешествия займет путь через пустыню Гоби из Пекина, с большой вероятностью быть ограбленным китайскими разбойниками или того хуже – быть застигнутым долгою суровой зимой с её ужасными метелями. В этом случае путешествие может продлиться и целый год.

Кашгар стал отправной точкой нескольких больших научных экспедиций, занимавшихся исследованием секретов самых таинственных и труднодоступных областей Центральной Азии. Здесь побывали: Н.М. Пржевальский, П.К. Козлов, В.И. Роборовский, Свен Андерс Гедин, сэр Марк Аурель Стейн, Альберт фон Лекок и другие знаменитые путешественники.

Экспедиция Свена Гедина у русского консульства в Кашгаре. (Н.Ф. Петровский, 1903)[5]

Через те же ворота семьсот лет назад Марко Поло въехал в полусказочную страну Китай. Он был поражен увиденными чудесами. «Жители Кашгара, – писал он, – имеют удивительное свойство знаться с дьявольскими чарами, ибо могут заставить своих идолов говорить. Могут с помощью своего колдовства вызывать перемены погоды, породить тьму и совершать такие необычные вещи, что никто в них не поверит, не убедившись воочию».

Как влекла меня к себе эта земля со времён самой ранней моей юности! Как мечталось своими глазами увидеть своеобразие её природы, встретить редких животных и вообще

всё то необыкновенное, что может явить таинственная страна, окруженная немислимыми пустынями и высочайшими горами планеты! Здесь начинался путь к познанию далёкого Тибета и труднодоступной Индии. Отсюда, если верить преданиям, из самых глубин азиатских, как из жерла вулкана изливались потоки людские, бесчисленные варварские толпы, что в прах повергли цивилизации Европы и опустошили цветущие земли старого западного мира.

И разве не учили нас в школьные годы, что наши предки, Арийцы, родом из Ариаварты¹³? А ведь это есть древнее санскритское название обширнейшей области Азии, которая, по теперешним понятиям, лежит в переплетении высочайших кряжей Гиндукуша, восточными писателями именовавшегося Кох-и-Кафом¹⁴, а греческими – Кавказом. Сей есть дом изначальный так называемой «Кавказской расы» человечества!

Именно здесь, в преддверии этом, в самом Кашгаре пребывал я отныне. Не как путешественник, не как учёный-исследователь или турист заурядный, но как беженец несчаст-

¹³ «Ариаварта означает “страна Арийцев”. Это древнее наименование Северной Индии, куда пришли и где основались первые выходцы из Средней Азии после гибели Атлантиды. Это наименование относится лишь к горным долинам среди Гималайского кряжа, а не ко всем низинам Индии... Огонь Ариаварта означает великий дух и потенциал этой нации, ибо арийцы-индусы называют себя также “Ариаварта”». (Рерих Е.И. Письма в 9-ти томах, т.2, п.70).

¹⁴ Название Кох-и-Каф или Кафкух «гора Каф» использовалось персами как название легендарной горы и для «странной» и неизвестной территории Кавказских гор.

ный, изгнанный из большевистского «рая», потерявший родину, семью, дом, собственность, оставшийся без гроша в кармане!

Кашгар. Вид на руины древнего города. (Ф. Шрадер, 1878)

[6]

Здесь обнаружил я отделение Русско-Азиатского банка, и поскольку являлся его старым клиентом, управляющий предоставил в моё распоряжение комнату. Здание банка располагалось на территории вне городских стен, неподалёку от реки Тюмен, на берегу которой стоит древнее городище.

Рассчитавшись с киргизом, моим верным спутником, ко-

торый провел меня сквозь все трудности и опасности путешествия, оказался я без денежных средств. А потому сразу же пришлось озадачиться поиском какой-нибудь работы, дабы обеспечить своё существование. Возможность навсегда остаться в Кашгаре никогда не приходила мне в голову. Найти работу по своей специальности казалось маловероятным или вовсе невозможным, а потому мысли мои всё время устремлены были на юг, где в ясный день вдалеке можно было различить заснеженные вершины Кунь-Луны. Там, за горными пустынями Каракорума и кряжами Гималаев лежал Кашмир, страна поэзии, романтический порог далекой Индии, где не перевелись ещё люди цивилизованные, откуда открывались широкие пути во все уголки мира.

Кашгар, улица и стена старого города. (*К.Г.Э.Маннергейм*, 1907)[7]

Однажды вечером вышел я прогуляться по берегу реки. Он был переполнен людьми и животными. Погонщики купали и мыли своих лошадей. Вереницы ослов, каждый из которых был загружен парой специально сконструированных бочек, переходили вброд по воде, достигавшей крупы, и поочередно останавливались в ожидании, пока их бочки наполнятся водой. По дороге, ведущей от ворот к реке, люди гнали вереницу изможденных лошадей с вьючными седлами на спине.

«*Ка-ирдан атлиар келган?* (Откуда лошади пришли?)» – спросил я погонщика. «*Сринагардан*, – с гордостью ответил он, – *Сринагар – дан!*»

Сердце моё встрепенулось. Впервые услышал я устами произносимое название: Сринагар! – столица Кашмира: доныне было оно для меня лишь понятием географическим. Теперь я находился почти в пределах его досягаемости и глядел на лошадей, только что прибывших с тяжелыми грузами из богатой земли Лала-Рук¹⁵; они прошли через ледяные перевалы Гималаев, через безжизненные пустыни Каракорума, усеянные костями животных – тех, что погибли на обочинах дорог, отметив путь для вслед идущих караванов.

¹⁵ «Лалла-Рук» (*Lalla-Rookh* от перс. – *румяная; в пер. любимая, возлюбленная*) – ориентальная романтическая повесть в стихах и прозе, сочинённая в 1817 году англо-ирландским поэтом Томасом Муром и вскоре снискавшая большой успех в континентальной Европе. Принадлежит к той же группе памятников романтического ориентализма, что и «Ватек» Бекфорда, «Кубла-хан» Колриджа, «Гяур» Байрона, восточные поэмы Пушкина. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лалла-Рук>.

Кашгар. Вид на реку и город с террасы Российского консульства. (К.Г.Э.Маннергейм, 1907)[7]

Собственно говоря, вся обширная равнина, на которой стоит город Кашгар с окружающими его городами и деревнями, есть не что иное, как пустыня, потому что даже берега рек, протекающих через неё, Тюмен, Кызыл-су и Гез безжизненны и бесплодны. Только там, где устроены арыки и организовано искусственное орошение, растут деревья и трава, зеленеют сады и виноградники. Орошаемые земли отделяет от пустыни резкая граница. Где нет воды, там ничего не растет, кроме верблюжьей колючки *Alhagi camelorum* с глубоко уходящими корнями и кустов каперса *Capparis*

*spinosa*¹⁶, раскинувшегося на земле, с жёсткими темно-зелёными листьями, красивыми белыми цветами и стручками, которые, открываясь, обнаруживают тёмно-красное нутро. Как ни странно, местные жители не собирают ценных в гастрономическом отношении бутонов каперса, и китайцы привозят их из Шанхая.

Вид Кашгара. (*D.T. Hanbery*, 1894)

Кое-где по берегам арыков и речек встречаются зарос-

¹⁶ Каперсы колючие – травянистое растение; типовой вид рода Каперсы (*Capparis*) семейства Каперсовые. Дикорастущие каперсы в кулинарных целях используют в Европе, Северной Африке, Северной Америке, Индии и в Дагестане. http://ru.wikipedia.org/wiki/Каперсы_колючие.

ли боярышника, сплошные массы колючих кустарников всех видов. Но в большей части долины, особенно на каменистой почве, ничего не растёт. В этом нет ничего удивительного, ведь количество осадков в Кашгаре редко превышает пяти сантиметров в год. Влага идет из Атлантики, но высоты Памиро-Алая действуют как гигантский барьер, своего рода конденсатор, вызывающий дождь, так что Кашгарской равнине влаги достаётся крайне мало.

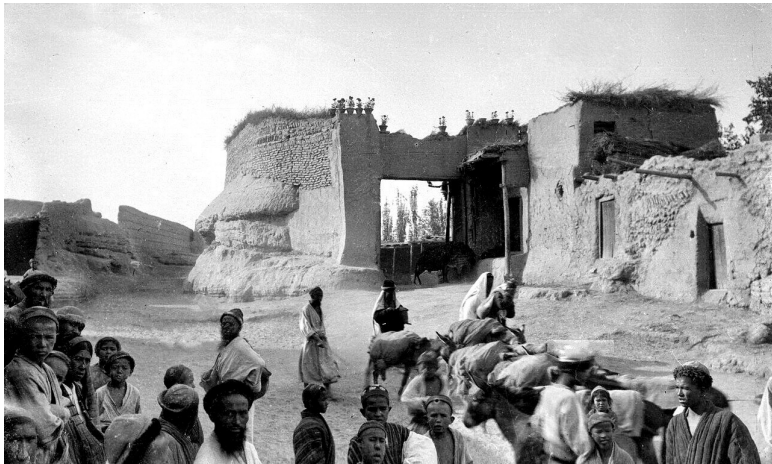
В геологическом отношении равнина Кашгара является продолжением Ферганской впадины, просто отделена от неё высоким перешейком, соединяющим хребты Тянь-Шаня и Алая. Но перешеек этот достигает высоты четырёх тысяч метров – вот почему судьба Восточного Туркестана совсем иная, нежели Западного. Мне вся эта местность сразу же напомнила Фергану, богатую провинцию русского Туркестана. Природа, животные, растения, люди, здания – всё здесь примерно как там. В средние века страна была известна как Уйгурия, в то время как русские называли её Малая Бухара¹⁷.

Город Кашгар, как и другие города Восточного Туркестана, отличается от городов Русского Туркестана, прежде всего, высокими массивными стенами с башнями и тяжёлыми воротами, что придаёт ему вид средневековый. Улицы, конечно, узкие, дома унылые, в два-три этажа, из необожжен-

¹⁷ «Бухара малая – так называлась до начала нынешнего столетия страна, лежащая в бассейне реки Тарим, ныне известная под именем Восточного или Китайского Туркестана, а также Кашгара – см. Восточный Туркестан». (Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона).

ного кирпича или из плетня, обмазанного глиной. Крыши плоские, из камыша, также кроются глиной. Иногда стены домов настолько слабы, что, когда человек с тяжелым грузом поднимается по лестнице, все строение трясется до основания. Во время сильного дождя, к счастью редко здесь случающегося, целые здания могут рухнуть и похоронить под собой несчастных своих обитателей. Как показали раскопки Ауреля Стейна¹⁸, такая форма архитектуры явно восходит к самым древним временам. Этим объясняется исчезновение с лица земли целых городов Азии, почти не оставивших следа. Только там, где здания оказались погребенными под сухим зыбучим песком пустыни, были сохранены кое-какие произведения искусства, фрески, ткани и т.д. Таким чудесным образом сохранились многие остатки древних цивилизаций: храмы и обширные здания были раскопаны в толстых лёссовых отложениях на сухих берегах рек и на склонах гор.

¹⁸ Сэр Марк Аурель Стейн (венг. Stein Márk Aurél; 1862–1943) – венгерский путешественник и этнограф, который наряду со Свенном Гедином и П.К. Козловым в XX веке внёс наибольший вклад в исследование Восточного Туркестана. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Стейн, Марк Аурель](http://ru.wikipedia.org/wiki/Стейн,_Марк_Аурель).

Ворота, украшенные цветочными горшками, в пригороде Кашгара. (*К.Г.Э.Маннергейм*, 1907)[7]

Европейский квартал разместился вне городских стен. Старые русские конторы, здания банков, британское и российское консульства, а также шведское представительство расположены в поясе садов и возделываемых земель, значительной площадью окружающих город.

Генеральное Консульство Британии, Кашгар. (*К.Г.Э.Маннергейм*, 1907)[7]

В летнюю пору жара в городе становится невыносимой, и огромные массы жителей его покидают и живут в своих садах и полях, даже самые бедные, чьё поместье не превышает акра. Выложить хижину из глины или поставить хрупкий каркас из ивовых веток почти ничего не стоит. Можно посадить вокруг них тыквы. Они вырастают быстро и покрывают стены хижины тенью своих зеленых листьев и плетями с приятными белыми цветами; осенью большие плоды (после использования мякоти и высушивания оболочки) могут служить емкостями для воды, молока, масла и других жидкостей.

Местный народ очень любит цветы и выращивает их всюду, где только возможно, иногда возле дверных проёмов своих магазинчиков, выходящих прямо на дорогу. Достаточно часто можно увидеть нищего с розой, воткнутой в шапку. Их фаворит – это олеандр, выращиваемый в горшках. Китайские чиновники выращивают лотос в специально подготовленных небольших водоёмах. Здесь очень часто встречается *Cosmia*, высокое красивое растение с большими цветами разной окраски. В Европе оно встречается редко, но в садах европейцев в Центральной Африке превратилось в сорняк¹⁹.

Внешний вид у жителей Кашгара много ярче и разнообразнее, чем у коренных жителей русского Туркестана. В Хиве, к примеру, все мужчины, от хана до простолюдина, одеты одинаково в длинный плащ или *халат* одного покроя и одинакового тёмно-красного цвета, все носят высокие шапки из овчины. И только в помещении разрешается носить более яркие и дорогие халаты. Так же одеты и туркмены.

В Бухаре и Самарканде костюмы народной толпы являют собой картину пёструю и яркую: там носят разноцветные халаты разных покровов, с изумительными узорами, особенно богатый люд и чиновники, на коих одежды всегда из дорогих шерстяных и шелковых тканей. Но, коль скоро Шариат за-

¹⁹ Имеет ли в виду автор Космею (касмею), или Космос (лат. *Cósmos*) – род однолетних и многолетних травянистых растений семейства Астровые? Эти изящные растения с белыми, розовыми, красными, пурпурными цветами, их несколько видов, распространены по всему миру, но род происходит из тропиков и субтропиков Америки. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Космея>.

прещает верующим не отказывать себе в роскоши, дорогой халат всегда отделяется дешёвым ситцем, дабы у Пророка не было оснований упрекать правоверных в ношении одежд, по-настоящему роскошных.

Головной убор мужчин Бухары и Самарканда, *саллия*, представляет собой белый тюрбан из тонкого индийского муслина, символ учёного или духовного достоинства. В других частях Туркестана лишь муллы носят тюрбан или, по крайней мере, надевают его в торжественных случаях, точно так же, как европеец поступает со своей шёлковой шляпой. В Ташкенте и Фергане одежда населения неброская и скромная, а халаты всегда темного цвета.

В Кашгаре носят халаты более ярких цветов, а на голове – либо маленькую ярко раскрашенную ермолку, называемую *тиобетей*, либо коническую фетровую шляпу киргизского покроя.

Здесь представительницы прекрасного пола издавна славились своим кокетством и склонностью к легкомысленным поступкам. Редко встретите женщин, одетых в однотонную тёмно-зеленовато-серую *паранджу*, этакую длинную мантию, покрывающую всю фигуру с головы до пят, обязательную для ношения всеми женщинами и девушками в Русском Туркестане. Редко увидите на них и чёрную вуаль из конского волоса, *чимбет*, полностью закрывающую лицо. Кашгарские дамы носят короткие яркие халаты разных цветов, пошитые из материй всех видов, включая шёлк и бар-

хат. На головах – пёстрые тубитеи, зачастую изрядно украшенные золотой нитью, или конические бархатные шапки, обшитые мехом. Их лица покрыты лёгкими разноцветными вуалями. Путешественника сразу же приводит в изумление степень раскрепощённости здешних женщин по сравнению с таковыми в русском Туркестане. Отнюдь не редкость увидеть женщину, торгующую на базаре, что совершенно невозможно в пуританском Самарканде или Бухаре, самом центре мусульманского просвещения и религиозности. Считается, что за последние несколько десятилетий мораль, в общем и целом, ужесточилась под влиянием мулл из русского Туркестана. Раньше кашгарские дамы даже не закрывали лицо вуалью, их нравственные нормы были более свободными и легкими, нежели сегодня.

Для сохранения нравственных норм и святости семейного очага, во время правления Якуб-бека (1865-1876) был издан закон, по которому каждому гостю, приехавшему в страну без жены, давалось три дня на то, чтобы подыскать её себе среди местных или ему надлежало покинуть страну. Ради удобства достижения таковой цели каждое утро на базаре красовались невесты, продававшие молоко. В выборе не было недостатка. И по сей день в городе Янги-Гиссар, что в семидесяти километрах к югу от Кашгара, невестам отведена часть базара. Никогда не сложно найти муллу в ближайшей мечети для проведения церемонии. Если брак заключается на определённый короткий срок, то после обязатель-

ного употребления плова на свадебном пиру, мулла заодно читает и церемонию развода, чтобы в целом упростить дело. Неопределённость в том, является ли брак обязательным также и для европейцев, вызвала значительное волнение в Индии среди участников экспедиции Форсайта.

В нашем саду, в тени высоких тополей, постоянно слышались крики хищных птиц²⁰, мелодичную трель издавали китайские гуси, глухо ворковали кашгарские голуби. Пели скворцы – известные мастера подражания, гораздые к собственному своему голосу добавить голоса чужие, что слышат они на болотистых водопоях: крик ржанки, свист куликов и мелодичный писк иволги.

Сарты Кашгара, в отличие от своих собратьев из Русского Туркестана, музыкальны и легко подбирают европейские мелодии. Их простые народные песни можно услышать на улицах, и не раз улавливал я там мотив Марсельезы. У них есть приятные песенки, которые исполняются каждая по особому случаю, скажем, когда молотят кукурузу, погоняют волов, ослов или лошадей. Иногда можно услышать звук, похожий на издаваемый охотничьим рогом, таковым владелец одной из примитивных мельниц сообщает общественности, что его предприятие свободно, и можно приносить зерно на помол.

Утром и вечером в воздухе раздаётся зов муэдзина, призывающего правоверных в мечеть: «*Аллах бисмилла! Иль-*

²⁰ В подлиннике – kites – коршун, сокол, ястреб (птицы семейства *Accipitridae*).

*рахим, иль-рахман»*²¹. Сей призыв к молитве звучит здесь по-особенному: будто невыразимая грусть, печаль и горе звенят в высоком вибрирующем его звуке!

Группа сартских музыкантов. (К.Г.Э.Маннергейм, 1907)

[7]

Таковы звуки музыки, что слышны вне городских стен. В самом же городе – только шум базара, ржание лошадей да вездесущие вопли ослов. А летом, когда созреют абрикосы и

²¹ Фраза «бисмилляхи рахмани рахим» переводится так: «с именем Аллаха Милостивого и Милосердного». Аят Корана, который открывает его в суре аль-Фатиха и отделяет одну суру от другой. Подчеркивает необходимость начинать все наши дела с именем Аллаха. <http://naistine.ru/bismillyahi-rahmani-rahim/>

наступает перерыв в работе на полях, жители окрестных деревень приезжают в город навестить могилу святого Аппак Ходжи²². Почти все они едут на ослах. И тогда на несколько ночей прочь отлетают сон и покой, и все звуки глушатся всеобщим стенанием. Ибо осел здесь – создание, для всякой работы пригодное: для выпаса скота, боронования, переноски зерна, воды, кирпичей, камней, дров, древесины и чего угодно. Часто можно встретить на дороге движущуюся огромную груду соломы или хвороста: это крошечный осел, полностью скрытый своею ношей.

²² Аппак Ходжа, Афак Ходжа или Абах Ходжа, полное имя Хидаятулла Афак Ходжа ибн Ходжа Мухаммад Юсуф (1626–1693/94) – религиозный и политический деятель Восточного Туркестана XVII века. http://ru.wikipedia.org/wiki/Аппак_Ходжа.

Мавзолей Хазрат-Афака. Кашгар. (*D.T. Hanbury*, 1894)

А вот ещё один загадочный звук, который долгое время приводил меня в недоумение. То был приятный, мелодичный, мягкий звук, что-то вроде звука эоловой арфы, только громче. Он нисходил с ясного голубого неба чаще всего по утрам, когда воздух неподвижен. Казалось, звук льётся откуда-то сверху и постепенно гаснет, как будто от некой небесной свирели. И только прожив много месяцев в Кашгаре, я проследил эти загадочные звуки до самого их источника. Оказалось, что кашгарцы – большие любители голубей –

забавляются тем, что привязывают маленькие тростниковые трубочки-свистки к хвостам наиболее сильных птиц, и когда те взлетают высоко в небо и быстро падают вниз или кувыркаются в воздухе, с неба доносятся мелодичные звуки.

Незаметно приближается осень – в Кашгаре самое прекрасное время года. Температура воздуха постепенно понижается; ночи становятся прохладными и свежими. Базар изобилует виноградом и сочными дынями; по вечерам над водоёмами выются стаи диких уток. Небо чистое и синее, воздух сух и прозрачен. Далеко на западе видны громады Конгура (7680 м)²³ и зубчатого гребня Чакрагила (6720 м)²⁴, а по утрам на юге проступают туманные очертания Кунь-Луня, Небесных Гор.

Когда на озёрах появлялись первые стаи диких уток, преимущественно местных видов, я со своими русскими друзьями отправлялся на охоту. На зиму утки прибывают сюда с озера Марал Баши²⁵, что на востоке, где в летнее время для

²³ Конгур («коричневая гора») – горный массив в хребте Конгурмузтаг в китайской части Памира, расположен на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района. Вершины Конгур (7649 м), Конгуртюбе (7530 м) и Музтаг-Ата (7546) – самые высокие пики хребта Конгурмузтаг. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Конгур>.

²⁴ Чакрагил (или Чаграгил, Чакар Агил, Кингата Таг) – гора в Синьцзяне, расположенная примерно в 100 км к ЮЗ от Кашгара, примерно в 60 км к северу от Музтаг-Ата и в 37 км к СЗ от Конгура. Высота её считается равной 6760 м. <http://livepcwiki.ru/wiki/Chakragil>.

²⁵ Маралбаши или Маралбеши – уезд округа Кашгар Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Находится в СВ части округа Кашгар, к югу от горной

них лучшая кормёжка, но зимой вода замерзает, поэтому утки летят в Кашгар, где встречаются своих друзей с далекого севера. Охота сама по себе не бывала особенно интересной, но я был рад возможности лучше узнать Кашгарскую равнину.

Природа здесь бедна и печальна, как бледное отражение изобильного Западного Туркестана с его разнообразием представителей птичьего царства. Пустыня со всех сторон с почвой, пропитанной солью! Здесь лишь ценою бесконечного усердия, при помощи искусственного орошения, можно отвоевать для обработки немногие клочки земли. Но невозможно не задаться вопросом, в какое время и по какой причине человек вдруг отважился появиться в этой непривлекательной долине с её неплодородной почвой? Что привело его сюда и заставило построить огромную систему каналов для орошения сухой и соленой земли, тогда как на севере, не слишком далеко, за Тянь-Шанем, находятся пышные травянистые степи с плодородной почвой, где нет надобности в искусственном орошении, а земля всё ещё свободна и мало заселена?

Вся равнина Кашгара страдает от нехватки воды, и китайские власти ищут свежие источники, чтобы оросить пустыню, а заодно и немало обогатиться.

Как-то раз один китайский чиновник зашел ко мне и загадочным тоном произнес небольшую речь на довольно хорошем русском языке, и между нами состоялся разговор сле-

дующего содержания:

– Вы ведь инженер. Можете ли вы пробить туннель в горе?

– Это зависит от горы и размера туннеля.

– Гора не большая, но всё же не очень маленькая, – уточнил он.

– А зачем вы хотите прокладывать туннель?

– Ну, понимаете, – голос его понизился до шепота, – есть одно место в горах, где большое озеро, а недалеко от горы река, в которой очень мало воды. Если мы проложим туннель через гору, то сможем пустить воды озера в реку, а затем орошать огромную территорию, которая сейчас просто бесполезна.

– Но с чего вы взяли, что вода из озера будет течь в реку? Нужно сначала разобраться в этом вопросе, – объяснил я ему, – надо произвести съёмку местности, измерить уровни и определить запасы воды в озере.

– Вы смогли бы это сделать?

– Конечно, я могу, но мне понадобятся инструменты для измерения расхода воды, нивелир, теодолит и так далее. Есть у вас таковые?

– Нет, у нас нет таких инструментов, – ответил он, – но у нас есть очень хорошие *усты*, то есть мастера, которые могут сделать любые инструменты, какие захотите, даже замок, или могут починить швейную машину.

– Боюсь, что ваши усти вряд ли смогут сделать необходимые геодезические инструменты, – я не смог сдержать улыбки. – Вам придется заказать их в Англии.

– Сколько они будут стоить?

– О, порядка тысячи сар²⁶, осмелюсь сказать, не меньше.

– Боже мой! – воскликнул мой предприниматель в изумлении. – Мы не думали, что весь туннель может стоить так дорого!

На этом и завершился наш ирригационный проект.

Вообще китайские власти чрезвычайно скупы в расходах на общественные нужды и стараются заставить население делать работу бесплатно. Первейшая забота любого китайца – оценить свою собственную выгоду. Работу инженера или другого специалиста власти ставят в один ряд с работой своих драгоценных усти – ремесленников, плотников, столяров и так далее.

²⁶ Местная монета, которая в то время стоила около двух шиллингов и трёх пенсов. (Прим. П.С. Назарова).

Примерно в восьмидесяти километрах к западу от Кашгара есть рудник, где добывается отличная легкоплавкая руда, из которой китайцы получали медь для чеканки монет. В Кашгаре есть и монетный двор, где раньше чеканили серебряную валюту из металла, поставляемого Русско-Азиатским банком, но теперь китайцы ограничиваются медной валютой, однако не очень преуспевают в её изготовлении: медь получается хрупкой, и монеты часто дают трещины. Местные усти уже долго ломают головы над проблемой, и многие «знатоки» чеканного дела были пороты за неудачи, но толку от того мало, и медные монеты продолжают трескаться поныне.

Управляющий монетным двором, милейший и образованный китаец по имени г-н Лу, ни на одном иностранном языке не знал ни слова и говорил только на китайском и тюркском. Зато дал русское образование своим детям. У него были мальчик двенадцати лет и девочка пятнадцати лет, оба ребёнка прекрасно говорили по-русски. Девочка с лёгкостью читала русские книги и газеты, была знакома с ведущими произведениями наших великих писателей. Я полагаю, что она была единственной китайкой во всей обширной провинции Синьцзян, получившей европейское образование.

Однажды утром меня посетили три китайских чиновника и с ними, в качестве переводчика, был сынишка г-на Лу. После обычных приветствий и комплиментов мальчик принял подобающую позу и начал свою речь так:

– Мистер Назаров, Вы умный и образованный человек, и мы пришли просить вашего бесценного совета.

Таковое формальное вступление сильно озадачило меня, и я поначалу даже не представлял, каким советом мог бы оказать услугу представительной делегации. Однако ничего особенного не потребовалось: они принесли образцы меди и несколько монет с трещинами и захотели узнать причину дефекта. Я осмотрел их и сразу увидел, что проблема связана с включением в металл большой доли окисла. Очевидно, китайские усти не знали, как рафинировать медь, и их печи были несовершенны.

– Медь у вас отличная, – сказал я им, – но недостаточно чистая. Мне нужно посмотреть на ваши печи, и тогда я смогу сказать, как устранить проблему.

Удивительно, что мой ответ привел делегатов в состояние крайнего смущения. Что-то бормоча между собой, они дали какие-то инструкции мальчику, и тот снова, приняв позу, заговорил:

– Наш монетный двор построен очень плохо, он грязный и полон мусора. Мы просто не могли бы показать его в нынешнем состоянии такому важному господину, как вы.

Я засмеялся и объяснил, что всё это не имеет никакого значения и ни в коем случае не помешает осмотру монетного двора; но они упрямылись, и я понял, что была другая, скрытая причина, по которой они не хотели показывать мне своё производство. Но я и не настаивал.

С многочисленными ужимками, извинениями, комплиментами и добрыми пожеланиями они удалились.

Три месяца спустя, то есть по прошествии времени, достаточного для того, чтобы получить ответ от генерал-губернатора провинции Синьцзян с разрешением показать монетный двор иностранцу, мне вручили от г-на Лу приглашение на обед.

После превосходного ужина, составленного из чисто Китайских блюд, которые, как я узнал впоследствии, были специально приготовлены самой г-жой Лу, г-н Лу пригласил меня проследовать с другими гостями для осмотра монетного двора. Было совершенно ясно, что в течение последних трёх месяцев они подготовились к приему «важной персоны» и хорошо прибрались в помещениях.

Их метод очистки меди оказался именно таким, как я ожидал. Сам металл был хорошим и чистым, но в процессе литья поглощал некоторое количество кислорода из воздуха, а китайские мастера не могли выполнить совершенно простую операцию по предотвращению окисления металла. Я объяснил господину Лу, в чём дело, как исправить ситуацию и изъявил готовность помочь его людям освоить технологию очистки меди. Он засыпал меня благодарностями и сказал, что основательно обдумает предложение.

Однако впредь я ничего по данному поводу так и не услышал. Очевидно, г-н Лу решил, что не стоит тратить сил и денег, и что добродушно-беззаботное население Кашгара,

несмотря на постоянную потребность в деньгах, как-нибудь да смирится с хождением плохо производимой монеты.

Дети г-на Лу иногда навещали русские семьи, в частности на Рождество и Пасху, им по душе пришлись русские яства, особенно наш пасхальный кулич.

Без сомнения, мальчика ожидала блестящая карьера, но положение мисс Лу было поистине трагичным. Благодаря образованию ей мог бы открыться весь мир европейской жизни и культуры. Однако таковой был совершенно чужд её семье, равно и другим женщинам окружения, невежественным и неграмотным, окостеневшим в суевериях, предрассудках и фантастических представлениях о внешнем мире. В этом отдаленном уголке земного шара китайские женщины ведут жизнь в изоляции, согласно традициям древности. А по ним выходило, что юная душа заражена, так сказать, сладким ядом «европеизма». Понятно, что её, девушку умную и образованную, отнюдь не прельщала перспектива выйти замуж за какого-нибудь грубого, невежественного китайца и сгинуть в заточении гарема. К счастью, г-н Лу понимал чаяния дочери и делал всё от него зависящее, дабы вместе с семьёй быть переведенным в Пекин, но я не знаю, насколько он в этом деле преуспел.

Китайки в Кашгаре. (H. Lansdell, 1893)[8]

Теоретически китайские *дамы*, то есть женщины из зажиточных сословий и семей чиновников, полностью изолированы от мужского общества, и этикет строго запрещает им выходить замуж за иностранцев. По этой причине, когда китайки посещают европейские дома, принимаются особые меры предосторожности, а это означает, что все они должны держаться от мужчин подальше. И всё же, когда мне случайно довелось побывать на чаепитии в компании китайских дам, никто из них не выказал ничего против моего присутствия, хотя таковое было серьезным нарушением их этикета, напротив, они вели себя совершенно естественно, непринужденно смеялись и болтали, даже немного кокетничали.

Конечно, моё присутствие давало повод к беседам, так как некоторые китайки довольно хорошо говорили по-тюркски, а русские дамы не знали на нём ни слова и, в лучшем случае, едва-едва могли что-то выговорить, поэтому на меня выпадала роль переводчика. Но, как правило, разговор поддерживался с помощью мисс Лу.

Китайские дамы не носят чадру, как это делают женщины-магометанки, и их сильно раскрашенные лица в обрамлении чёрных волос, украшенные искусственными цветами, необычайно похожие на фарфоровые фигурки, часто можно видеть выглядывающими из *мана* – повозок, едущих по городу.

Женский выходной костюм, обычно сшитый из чёрного

шелка, состоит из пиджака и брюк. Когда гости входят в комнату и задерживаются там немного, этикет требует, чтобы хозяйка предлагала им снять брюки, что они и делают достаточно охотно. В итоге дамы остаются в длинных юбках, как мы привыкли видеть на фотографиях из жизни Китая. Их костюм выглядит настолько по-мужски, что девушку часто трудно отличить от мальчика, а старые китайцы со своими безбородыми лицами выглядят совсем как старушки.

Как-то раз вскоре после моего приезда в Кашгар иду я по улице и вижу: кто-то едет навстречу мне верхом. Шея лошади увешана бубенцами; на седле, на куче пледов, сидит девушка с длинными чёрными волосами, свисающими по спине, щеки её залиты румянцем. Поравнявшись, она слегка кланяется и приветствует меня очаровательной и дружелюбной улыбкой. «Ого! – подумал я про себя. – Как легко и свободно ведут себя китайские дамы, как они дружелюбны!» На лацканах её черного шелкового пиджака желтым шёлком вышито несколько китайских иероглифов. Я спросил в соседнем магазине, кто она, эта юная амазонка? «Это офицер, – был ответ. – Молодой маньчжурский офицер; они до сих пор носят косички».

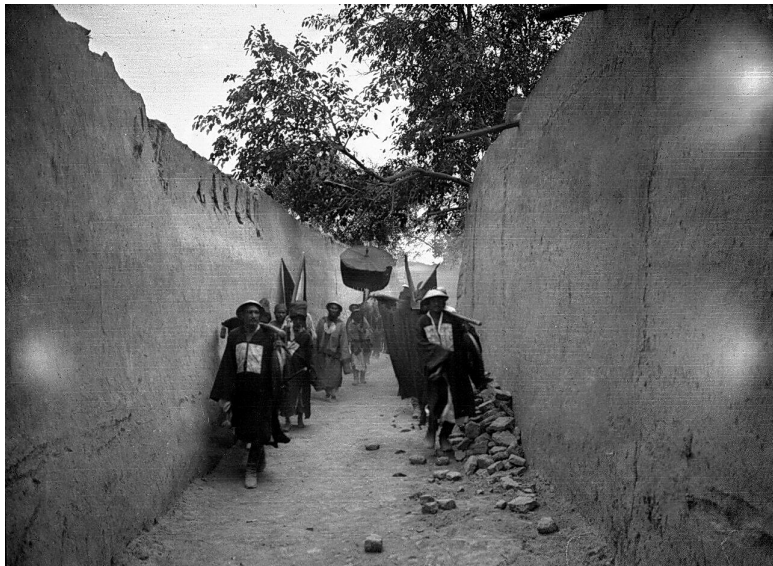
Иногда дороги за городскими стенами оживляются процессиями. Если *даоинь*²⁷, то есть губернатор, или титай, главнокомандующий, отправляется куда-нибудь с официальным визитом, выстрел из пушки извещает население о начале

²⁷ Начальник города или области.

процессии, а потом ещё один залп предупреждает о приближении высокопоставленного лица. Таковое событие обставляется здесь очень строго. Экипаж сановника, с отрядом войск впереди, сопровождает оркестр, а в тылу следуют пехота и кавалерия, несущие множество флагов; барабаны гремят; пронзительно свистят трубы; звенят фанфары. Лейтмотив китайской музыки легко воспроизвести: всё, что вам потребуется сделать, это взять большой медный поднос с трещиной и со всей силою колотить по нему палкой. Таковой сокрушительный шум и есть основа китайской музыки. Во время театральных представлений именно он акцентирует каждую фразу, произносимую героем.

Я видел великолепную процессию, сопровождавшую старшую жену титая и мать коменданта крепости Кашгар. В ней приняли участие не менее двухсот человек, пеших или конных, вооруженных и невооруженных, знаменосцев и музыкантов. Китаец в европейском костюме с плюмажем вел красивую лошадь без седла. Великая дама ехала из Кашгара в Янги-Гиссар²⁸, расстояние пять с половиной миль.

²⁸ Уезд Енгисар (также известный как Янги Хиссар) – округ на юго-западе Синьцзян-Уйгурского автономного района. Находится в ведении префектуры Кашгар. http://livepcwiki.ru/wiki/Yengisar_County.

Шествие даотая. (К.Г.Э.Маннергейм, 1907)[7]

Великолепную процессию я наблюдал в связи с церемонией *моления о дожде*: таковая двигалась вокруг города по кольцу. На этот раз, наряду с оркестром, кавалерией, пехотой и флагами, под особым балдахином проносилось ярко сияющее бронзовое изваяние; шествовали кадилыщики и жрецы, и с особой целью вёдом был прекрасный чёрный конь, любимый скакун даоиня. Сам же губернатор личного участия в церемонии не принимал. Роль коня в религиозной процессии сводилась к тому, чтобы представлять личность даоиня, который, конечно, никогда не слышал, что и Калигула неко-

гда посылал своего любимого скакуна председательствовать в Сенате. Идея, должно быть, пришла ему в голову самопроизвольно.

Молитвы о дожде довольно часто совершаются зимой, когда в горах мало снега и, как следствие, летом не хватает воды в реках

Как правило, молитвы о дожде совершают муллы в мечетях, так как вся Кашгария – страна магометан. Когда наблюдается нехватка снега в горах, люди отправляют депутацию к даоиню, который и приказывает муллам молиться о дожде и снеге. Церемония сопровождается особым ритуалом, в ходе которого представляется *Камень Небес* – небольшой метеорит, упавший в окрестности много лет назад. Я был раздосадован тем, что муллы отказались показать мне этот камень. В особо важных случаях к молению привлекаются и китайские жрецы.

Однажды ранней весной, после засушливой зимы, когда в горах выпало очень мало снега, муллам было дано указание совершить особые молитвы. Но в своём чрезмерном рвении муллы явно перестарались, ибо чёрные тучи, нависшие над горами, обрушились на город ливнями; из-за них рушились стены и дома, и многие люди были раздавлены насмерть. Напуганное население, опасаясь новых бедствий, бросилось в даоиню с жалобами на мулл за их неумеренность. Губернатор, всегда радеющий о нуждах своего любимого народа, созвал виновных мулл и пригрозил им поркой, если дождь

тотчас же не прекратится. Таковая мудрость энергичного губернатора увенчалась блестящими результатами. Молитвы мулл немедленно остановили чрезмерное выпадение атмосферной влаги и предотвратили дальнейшее развитие катастрофы.

Таковой ритуал *вызывания дождя*, несомненно, был одним из тех чудес, свидетелем которых стал Марко Поло. Но имеется ещё одно наследие тех времен, когда Кашгар был страной некромантов и колдунов.

Я, например, своими глазами видел пифию²⁹, которая помогала жителям Кашгара разоблачать преступников, находить украденное или потерянное имущество, т.е. выступала в роли некоего Дельфийского оракула. Она была пожилой и с виду заурядной женщиной. Делая прогноз, садилась на низкий табурет над жаровней с раскалённым углем и высыпала в неё семена растения *Peganum harmala*³⁰, которое в

²⁹ Пифия (жрица-прорицательница в храме Аполлона в Дельфах, в Древней Греции); вещунья.

³⁰ Гармала обыкновенная, или могильник обыкновенный (иногда в литературе просто могильник) (лат. *Peganum harmala*) – многолетнее травянистое растение; вид рода Гармала (*Peganum*) семейства Парнолистниковые (*Zygophyllaceae*). Произрастает в полусасушливых степях Восточной Европы и Центральной Азии. Ядовитое (из-за наличия алаклоидов) растение, обладающее лекарственными свойствами. В Иране, Афганистане, Туркменистане, Киргизии, Таджикистане, Узбекистане, Азербайджане и Казахстане высушенная трава гармалы «исырык» используется для окуривания помещений, как благовоние, а также в шаманских ритуалах для изгнания злых духов. http://ru.wikipedia.org/wiki/Гармала_обыкновенная.

Центральной Азии является очень важным ингредиентом во всех церемониях очищения, защиты от сглаза и т. д. Дым горящих семян действовал опьяняюще, и пророчица впадала в транс, бормоча слова и фразы. Туземцы Кашгара твердо верят в способности ведьм, чьи услуги имеют большое преимущество хотя бы в том, что дешёвы: сеанс стоит всего две танги³¹, то есть около четырех пенсов. Однако, если уж быть до конца справедливым, то надо упомянуть следующее событие. Однажды из Русско-Азиатского банка при очень загадочных обстоятельствах исчезла коробка с серебром стоимостью около шестидесяти фунтов. Когда всяческие усилия разыскать пропажу были исчерпаны, кто-то в шутку предложил обратиться к услугам старой «оракулши». Так и сделали и, действуя по её указанию, начали копать во дворе банка, там и было найдено серебро.

Иногда громкая трескучая, но в то же время меланхолическая и мрачная музыка сообщает миру, что имеют место быть похороны богатого китайца. Таковые процессии сопровождаются целой массой бумажных моделей, изображающих собственность умершего, его дом, мебель и т.д. Всё это сжигается на похоронах и, таким образом, как бы в духовной форме, сопровождает душу усопшего в мир иной. Ясно, что это пережиток тех времен, когда вместе с покойником хоро-

³¹ Танга, тенга – название монеты (обычно серебряной) в странах на территории Турана. Название происходит от слова «тамга» (родовой фамильный знак у тюркских и монгольских народов) и родственно названиям монет: тенге, тенга, танга, деньга.

нили и его имущество, включая жён, слуг и животных. Так, согласно недавним раскопкам, делали древние скифы и жители Ура в Месопотамии³²; также, по мнению арабского географа Ибн Батуты³³, поступали древние русские.

Похороны также сопровождаются салютом, хлопучками, сжиганием трав и свечей. Всё это делается для изгнания злых духов, вера в которые не покидает китайца на протяжении всей его жизни. Вот почему он строит свой дом, особенно свои спальные помещения, с различными перегородками и извилистыми переходами; мысль о сне на открытом воздухе внушает ему неподдельный ужас.

Перед воротами китайских дворов всегда имеется стена, идущая параллельно воротам на небольшом расстоянии от них. Злой дух всегда может влететь в открытую дверь и причинить вред людям во дворе, но, к счастью, как прекрасно

³² Ур (шум. Urim, аккад. Uru) – один из древнейших шумерских городов-государств древнего южного Междуречья (Месопотамии), существовал с 6-го тысячелетия до н.э. до IV века до н.э. Был расположен в южной Вавилонии, близ современной Насирии в низовьях на западном берегу реки Евфрат. Упомянут в Ветхом Завете как «Ур Халдейский», родина Авраама. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ур>.

³³ Абу Абдуллах Мухаммад ибн Абдуллах ат-Танджи, более известен как Ибн Баттута (1304–1377) – берберский путешественник и странствующий купец, объехавший все страны исламского и неисламского мира – от Булгара до Момбасы, от Томбукту до Китая. Автор книги «Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий». Скачать можно здесь: http://royallib.com/book/ibn_battuta/podarok_nablyudayushchim_dikovinki_gorodov_i_chudesa_puteshstviy.html. http://ru.wikipedia.org/wiki/Ибн_Батута.

понимают китайцы, нечисть может летать только по прямой и не может делать никаких поворотов. Следовательно, когда дух врывается в защитную перегородку, он отбрасывается назад или же поднимается высоко в воздух и пролетает над зданием, не нанося ущерба. Защитные стены считаются особенно эффективными, если на них есть изображения драконов, тигров и т.п.

四壁蒼山柱甫詩

Копия с оригинала № 11413
200

Ф. 810. 4.

Китайский чиновник в Кашгаре. (*Ф. Орден*, 1890)[9]

Китайские гробы изготавливаются своеобразно, в стиле рококо. Китайский торговец, когда вы покупаете что-нибудь в его магазине, иногда с гордостью показывает вам массивный и богато украшенный гроб, подвешенный к потолку или где-нибудь в задней комнате своего дома. Многие рассчитывают лишь временно отдохнуть в «Общем саду всех провинций», как гласит надпись на воротах китайского кладбища, и уверены, что потом будут отправлены в собственно Китай, дабы упокоиться там, в земле своих предков. Пребывание в далекой магометанской земле Кашгарии для большинства китайцев – нечто вроде короткой ссылки.

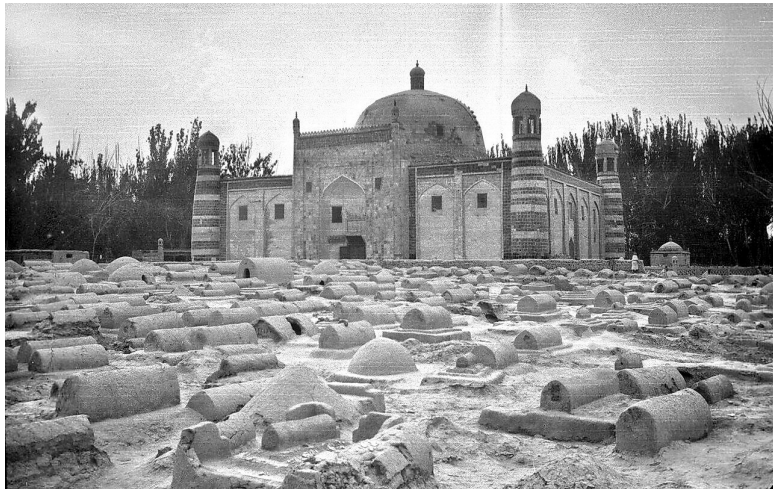
Довольно неприятная особенность Кашгара в том, что он окружен кладбищами, современными, старыми и древними. От последних на поверхности не осталось ни следа, их земля обработана истинными верующими или разбросана по полям в качестве компоста. Наличие полусгнивших, разложившихся костей совершенно не беспокоит сартов. Какое значение могут иметь кости древних грешников, вероятно, большинство из которых кафиры³⁴ или неверные? На дальнем берегу реки, на месте старого города, ныне размытого эрозией, находится мавзолей над могилой буддийского святого в виде пирамиды из необожженных кирпичей. Это наследие дому-

³⁴ Неверный, немусульманин; (кафир – представитель немусульманского населения Нуристана); негр, черномазый (употребляется в Южной Африке).

сульманских времён.

Когда я выходил из дома, где жил, чтобы попасть в российское консульство, мне приходилось пересекать территорию двух магометанских и одного китайского кладбища. Иногда я возвращался домой довольно поздно, но никогда не испытывал ни малейшей тревоги, беспокойства. Тем не менее, я признаю, что мне не хотелось бы гулять ночью по христианскому кладбищу – настолько сильны чувства, заложенные в нас с детства. Но если разобраться, какая нам разница в том, какие тела погребены в земле?

Однажды очень поздно, тёмной ночью я возвращался домой и, чтобы сократить свой путь, пошел по территории мусульманского кладбища.

Мечеть и могилы возле Кашгара. (К.Г.Э.Маннергейм, 1907)[7]

И вдруг увидел в дальнем углу странный слабый свет, который, казалось, исходил из-под земли. Подойдя ближе, я услышал тихое сдержанное бормотание, а очутившись рядом, увидел в крошечной палатке за могилой муллу, сидевшего на корточках при тусклом свете свечи и читающего Коран над свежей могилой. То была могила конюха – работника британского консульства, который умер утром и, по обычаю, был сразу же похоронен.

Эти грустные кладбища, унылые окрестности, безжизненная река, текущая меж пустынных песчаных берегов, скуд-

ная дикая природа – слабая тень богатства Ферганы, часто вызывали у меня чувство тоски и печали. И тогда мои мысли обращались к северу, где за снежными гребнями Тянь-Шаня осталось всё, что было мне дорого, что составляло всю мою жизнь и смысл моего существования. Всё осталось в прошлом, ушло навсегда, чтобы никогда уже не вернуться. Моё нынешнее положение было печальным, а мое будущее туманным и неясным, без всякой надежды на счастье и благополучие!

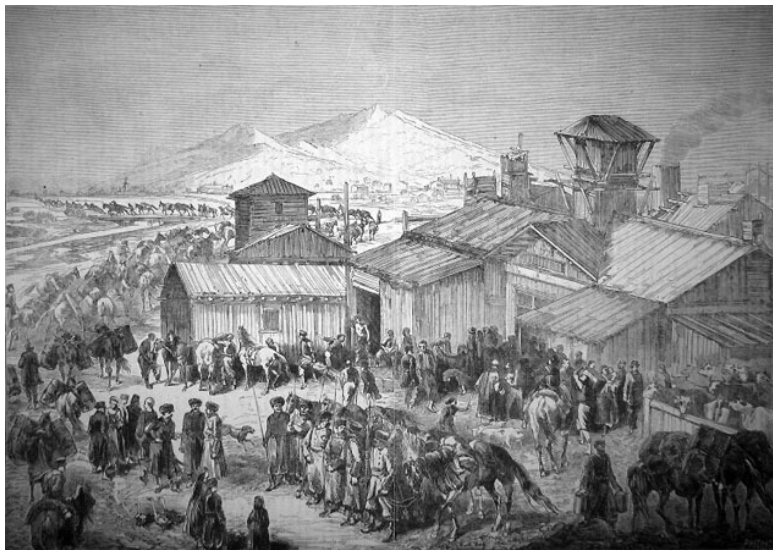
Глава II

Народ Кашгарии. – Сарты. – Китайцы. – Жизнь в городе. – Жестокость китайцев. – Старые традиции. – Почему исчезла древняя цивилизация? – Ранняя история. – Современная история. – Якуб-бек. – Брат идет на брата.

До большевистской революции и отказа Советов от всех внешне-территориальных привилегий, которыми ранее пользовались русские подданные в Китае, Кашгар с экономической точки зрения был не чем иным, как частью российского Туркестана. Влияние России здесь было необычайно велико, и самым влиятельным лицом был фактически не китайский губернатор, а российский императорский консул.

Отделенная обширными пустынями от остального Китая и почти непроходимыми горами от Индии, Кашгария естественным образом тяготела к Туркестану, куда путь не был особенно сложным, а железнодорожное сообщение открывало лёгкий путь на запад, в результате чего путь в Пекин мог быть преодолен за пару недель. Кроме того, население двух провинций было почти одинаковым по расовому составу, религии и языку. Кашгар наводняли недорогие русские продукты, особенно ценились дешёвые хлопчатобумажные изделия. В обращении находились преимущественно российские бумажные рубли, которые иногда продавались с наценкой. Любопытно, что в течение первых нескольких месяцев

после вступления России в Великую (Первую мировую – перев.) войну курс рубля не упал и даже вырос, и только в конце 1914 г. начал снижаться³⁵.

³⁵ «Синьцзянская провинция (или Западный Китай) в торговых отношениях была связана преимущественно с Россией. Все товары Западного Китая, главное сырье и полуфабрикаты – хлопок, кожа, шерсть и др. – вывозились на русские рынки. В свою очередь из России шли мануфактура, железо, сталь, керосин, сахар, спички, китайский транзитный чай и пр. Китайские и другие восточные товары не могли конкурировать с русскими ни по качеству, ни по близости и скорости доставки». – И. Бороздин. Предисловие к книге А. Скрин «Китайский Туркестан». М.: «Молодая гвардия». 1930. 170 с. с илл. Скачать книгу можно по ссылке: http://archive.nyu.edu/bitstream/2451/39852/1/isawdca_000072.pdf.

Русская торговая фактория в Кашгаре. (*Рис. неизв. автора*, 1861)

Согласно договору русские товары ввозились в Кашгарию беспошлинно, русские подданные освобождались от налогов и не попадали под местное законодательство. Поэтому наибольшей заботой местных жителей было получение российского гражданства, как честным путем, так и незаконным. Торговля с Россией приносила купцам немалую прибыль, в то время как более бедная часть населения, мигрировавшая летом в Фергану десятками тысяч, возвращалась домой с хорошим заработком.

Одна только возможность появления в Кашгаре в течение четырех-пяти дней полка казаков с горной артиллерией, не говоря уже о постоянном присутствии кавалерийской консульской охраны численностью в сотню человек с пулемётами, оказывала достаточное влияние на покладистость китайских властей и вынуждала их безропотно принимать «советы» российского консула.

Во время китайской революции, когда в Кашгарии вспыхнули беспорядки и начали совершаться убийства, русский консул вызвал из Ташкента батальон пехоты и полк казаков для защиты русских подданных. Китайские революционные власти в Кашгаре обратились в российское консульство с протестом против ввода войск на дружественную территорию Китая. Консул молча выслушал их долгий дискурс, затем встал, стукнул кулаком по столу и просто послал их

ко всем чертям. Члены делегации поспешно удалились. Позже они собрали огромную толпу с солдатами и оркестрами, вышли за город встречать прибывшие русские войска, а потом устроили торжественный банкет для офицеров с подношением многочисленных подарков нижним чинам. Быстрая смена позиции и настроения при малейшем проявлении решимости извне весьма характерна для китайского народа и китайской дипломатии.

В те дни, когда у Китая был могущественный северный сосед, никому и в голову не приходило требовать, чтобы европейцы подчинялись их правосудию, или выполняли требования так называемого «возврата концессий», которые китайцам никогда не принадлежали. Крах имперской России и появление Советского правительства имели тяжелые последствия для жителей Кашгара. Торговля прекратилась, прибыль исчезла, заработков не стало, граница закрылась... Кашгарцы, обосновавшиеся на территории России, потеряли своё имущество, а сотни из них – и голову, как «эксплуататоры и враги народа». Достаточно часто я слышал молитву: «Верни, о Аллах, белого царя в Россию, и всё будет хорошо». И ту же песню распевали китайские республиканцы.

Тумули – кладбище китайцев, убитых во время восстания 1861 года. (К.Г.Э.Маннергейм, 1907)[7]

Лично ко мне кашгарцы были очень добры. Когда я что-то покупал в магазине, они зачастую делали скидки, а иногда даже вообще отказывались принимать оплату. Когда я прибыл в Кашгар и местный цирюльник подстриг мне волосы и сбрил длинную бороду, придававшие мне вид дикий и неотесанный, потребовалось довольно много усилий, чтобы убедить его принять за работу деньги.

Советские власти Автономной Социалистической Республики Туркестан³⁶, за три года разорившие свою богатую

³⁶ Туркестанская АССР (ТАССР), также Туркестанская Федеративная Советская Республика – автономная республика в составе РСФСР с 30 апреля 1918. Столица – Ташкент. Упразднена в 1924 году в процессе национально-государ-

и процветающую страну, конечно же, сразу обратили завистливые взоры на Кашгар, где по-прежнему было в достатке зерна, крупного рогатого скота и овец, где можно было купить обувь, хорошие самодельные ткани и даже индийские и британские товары.

Конечно, советские власти не слишком беспокоились о голодающем оборванном населении, но недовольство солдат Красной Армии и рабочих масс, у которых не было даже самого необходимого, заставило их сделать всё возможное для налаживания торговых отношений с Кашгаром, границы которого были закрыты по приказу даоиня, губернатора. Хитрый китаец, конечно, хорошо понимал, какой опасности подвергнется страна, если открыть границу для агентов мировой революции.

Генерал-губернатор провинции Синьцзян³⁷ – *дуду*, однако, придерживался иных взглядов. Он проживал в Урумчи, далеко от Кашгара. Какая-то тайная сделка с большевиками

ственного размежевания советских республик Средней Азии, вошедших в состав Союза ССР. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Туркестанская Автономная Социалистическая Советская Республика](http://ru.wikipedia.org/wiki/Туркестанская_Автономная_Социалистическая_Советская_Республика).

³⁷ «Во главе всей провинции с 1912 года находился ду-бань (генерал-губернатор) Ян Цзэн-синь, формально подчиненный пекинскому правительству, фактически же почти совершенно от него независимый. В 1928 году Ян Цзэн-синь в результате заговора, организованного комиссаром по иностранным делам Синьцзянской провинции Фань Яо-нанем, был убит и в Синьцзяне, как и в других провинциях, признавших власть нанкинского (национального) правительства, было образовано местное национальное правительство, председателем которого (чжуси) состоит Цзинь Шу-жень». – Б. Владимиров. Введение к книге А. Скрин «Китайский Туркестан». *Loc. cit.*

побудила его благосклонно взглянуть на открытие границы и возобновление торговли с советскими властями. По приказу дуду, даоинь проследовал в пограничный Иркештам³⁸, чтобы обсудить детали договора с Советами. Предусмотрительный даоинь взял с собой целую группу уважаемых граждан Кашгара, в основном торговцев, чье имущество было «национализировано» Советами, или чьи родственники были убиты большевиками в российском Туркестане.

Члены советской делегации, на три четверти состоящей из евреев, уже рисовали в своем воображении розовые картины прибыльного бизнеса и того, как возвратятся домой с огромным караваном товаров. Им не терпелось знать, как скоро и на каких условиях возобновится торговля.

«Прежде чем мы поговорим об этом, – официально ответил даоинь, – я должен объяснить вам, что форма правления здесь, в Китае, республиканская, и, следовательно, все важные вопросы решаются выборными представителями народа. Я сам не имею никаких полномочий, и, согласно нашей конституции, лишь председательствую на этом совещании, а все вопросы решаются нашей стороной большинством голосов. Направляйте ваши вопросы этим господам», – продолжил он, указывая на своих сопровождающих, которые, заранее хорошо подготовленные и одетые в самые элегантные ха-

³⁸ Эркеч-Там (Эркештам, Иркештам, кирг. Эркеч-Там) – высокогорное село на востоке Алайской долины в Ошской области Киргизии, на одноимённом перевале, на государственной границе с Китаем. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Эркеш-Там>.

латы, почтительно стояли сбоку и ждали указаний. Они же единогласно заявили, что готовы немедленно возобновить торговые отношения с Советской Республикой, но, прежде всего, необходимо погасить неоплаченные счета и полностью удовлетворить все претензии за ущерб, причиненный гражданам Кашгара, за потери имущества и товаров вместе с полной компенсацией семьям китайских граждан, убитых большевиками. Только после совершения таких платежей в полном объеме золотом или китайской серебряной валютой они будут обсуждать возобновление торговых отношений.

Большевики были удручены. Все их светлые надежды забрать домой большие запасы товаров, которые так нетерпеливо ждали там, рухнули. «Слушайте их, – убеждал даоинь, – внимайте голосам представителей народа, ибо вы знаете, что наша страна демократическая, и я ничего не могу делать против воли народной».

Представители «самой свободной страны в мире» не могли оспорить столь убедительные аргументы, ибо таковые основывались на здравых марксистских принципах. После внутреннего совещания советские делегаты обратились к даоиню с просьбой хотя бы обеспечить их самих и голодающий гарнизон Иркештама едой и фуражом.

«С удовольствием, конечно, я буду счастлив это сделать, – обнадеживающе ответил даоинь. – Пожалуйста, дайте мне перечень ваших требований». Обрадованные большевики быстро составили длинный список провизии и фуража, не

забыв включить сапоги и тёплую одежду для оборванного гарнизона. «И когда мы можем рассчитывать на получение этих вещей?» – спросили они, изнывая от нетерпения подкормиться и заполучить тёплую одежду для себя и своих товарищей.

«Не могу сказать вам точно, – невозмутимо ответил китаец, – но никаких задержек не будет после того, как получу разрешение центрального правительства. Я завтра же отправлю прошение специальным курьером в Пекин». Сие значило, что делегаты и красный гарнизон могли рассчитывать на получение столь необходимых им продуктов и одежды через семь или восемь месяцев, и то при условии согласия пекинского правительства!

Пришлось большевикам как можно быстрее возвращаться домой и эвакуировать форт Иркештама, оставив там лишь охрану.

Позже даоинь не без ехидства рассказывал мне, сколь разочарованы были делегаты результатами переговоров. Он, между прочим, спрашивал у них, знают ли они некоего инженера Назарова, который прибыл в Кашгар, и по какой причине таковой убыл из Ташкента. «Нет, не знаем, – в замешательстве отвечали делегаты. – Мы пытались убедить его..., он не послушал..., ушел, но мы не создавали ему препятствий... и т.п.».

Этой зимой в Семиречье произошло антибольшевистское восстание, которое было безжалостно подавлено, повстан-

цы рассеяны или перебиты³⁹. Группа беженцев из семидесяти восьми хорошо вооруженных мужчин, с женщинами и детьми, пересекла китайскую границу и обратилась к даоиню с просьбой впустить их в Кашгар. Если бы они знали китайский характер немного лучше, конечно, они бы просто сделали это без всякого разрешения. Но, к своему несчастью, сохранив кое-какую веру в международное право, понадеялись на цивилизованность китайских властей, и когда китайская пограничная охрана, состоящая из десяти киргизов, призвала их сложить оружие и ждать разрешения, они беспрекословно подчинились. Однако в разрешении на въезд в Кашгар им было отказано – на том основании, что Китай является нейтральной страной и, следовательно, не может оказывать поддержку ни одной из сторон, претендующих на власть в России. Всё же даоинь прислал им немного еды и корма для лошадей. Затем партию отправили в район Аксу, якобы с целью расселения. Но по приказу тамошнего губернатора, беженцы были препровождены обманным путём обратно на территорию России, где отряд большевиков немедленно уничтожил всех: безоружных мужчин, женщин и детей.

Даоинь Кашгара, человек одаренный и высокообразованный, откровенно полагал, что большевики человекоподобны только внешне, но внутри у них сердца диких тварей.

³⁹ Полная трагических событий история повстанческого антибольшевистского движения в Туркестане в 1917-1922 гг. тесно связана с семиреchenским казачеством. С хронологией событий и литературой по данному вопросу можно ознакомиться на сайте <http://buzina.org/golos-naroda/1813-semirechenskie-kazaki.html>.

Европейцу трудно, если вообще возможно, постичь сердце и разум китайца. Часто можно слышать выражение, что у китайцев нет нервов, и кажется, что так оно и есть. Они способны на крайние жестокости и горазды изобретать самые изощренные пытки, на которые смотрят весьма равнодушно. Один известный китайский чиновник, мой знакомый, получивший прекрасное образование в России, однажды хладнокровно наказал своего повара, сарта, за какой-то мелкий проступок, сыпав ему полторы тысячи палок. Со смехом он поведал мне, что после порки кулинарные навыки повара существенно улучшились. В то же время, сам он был не злым человеком, скорее, я бы сказал – «славным малым».

Китайцы любят животных, диких и домашних, хорошо с ними обращаются, ухаживают и не жалеют денег на кормление. В этом отношении они разительно отличаются от сартов, которые считают, что деньги на прокорм животных тратятся впустую. Лошади и мулы, принадлежащие китайцам, всегда имеют вид упитанный, а у бедных животных, принадлежащих сартам, всегда запавшие бока и торчащие ребра.

Экипаж амбана. (*D.T. Hanbury, 1894*)

Китайцы приучают своих упряжных лошадей управляться не поводьями, а словесными командами. Приказы – вправо, влево, стой, пошел и т.п. – подаются странными односложными звуками особого китайского «языка для лошадей». Их телеги и повозки – *мана* часто запрягают цугом, а жока держат только одним поводом, для управления совершенно бесполезным; тем не менее, китайские возничие умудряются при помощи команд объезжать все повороты и углы, совершать сложные маневры рысью по узким город-

ским улочкам, переполненным людьми. У извозчика только пара хлыстов, длинный и короткий. Тунгане, то бишь китайские мусульмане, живущие в Семиречье, умудряются управлять таким способом даже тройками, к немалому удивлению русских крестьян. Китайские торговцы известны своей честностью в сделках. Однако с населением сартов дело обстоит как раз наоборот. Воровство для них – самое привычное дело. Они бесстыдно воруют друг у друга, проникая по ночам сквозь тонкие стенки своих кое-как построенных лавочек и домишек. Жена одного татарина, переехавшего сюда из Ташкента, горько жаловалась мне на своих знакомых, даже на тех, кто принадлежал к зажиточному сословию. Когда таковые приходили к ней в гости, то имели привычку уносить с собой, пряча под одеждой, всякую домашнюю утварь, ложки и т.д., и в особенности – не мытые после еды тарелки и посуду. Перед визитом гостей ценные вещи и украшения, конечно же, тщательно прятались и надежно запирались. Обычно, если хозяйка вовремя замечала кражу, всех гостей бесцеремонно обыскивали, и если пропавший предмет обнаруживался, виновная сторона в своё оправдание ограничивалась смехом, а инцидент рассматривался как изрядная шутка.

Воровство в Китае карается очень жестоко. Вора секут, и, по крайней мере, в той части Китая, где я находился, вынуждают носить *канг* – широкую и тяжелую доску с отверстием для головы – т.е. колоду, которая изолирует голову от тела, так что несчастный не может дотянуться руками до рта. Ден-

но и ночью провинившийся сидит с колодой на шее, не способный ни есть, ни пить без посторонней помощи, ни отгонять мух, которые тучей роятся вокруг и мучают его. Титай, или верховный главнокомандующий, расправлялся с ворами еще жёстче. Он разрубал их на куски и вешал на городских воротах с надписями на китайском и сартском языках, предупреждавшими о том, какая судьба уготована ворам. Однако даже такие жесточайшие меры практически не привели к пресечению воровства, и таковое наблюдалось даже в собственном доме титая.

Наказанные кангой. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

В Кашгаре имелась единственная прачечная, которая обслуживала всю здешнюю европейскую колонию, владел ею сарт по имени Абду Кадыр. Некогда в ней произошло три кражи со взломом подряд. В первый раз хозяин выстрелил в вора из спортивного ружья, за что получил от местного комиссара полиции денежное вознаграждение в размере двадцати сар, то есть около трёх фунтов стерлингов. Во второй раз вор был только ранен, но когда русский врач его раны подлечил, то преступника подвергли наказанию пятьюстами ударами и приковали к столбу. В третий раз тот же воришка пробрался через окно рано утром и на глазах Абду Кадыра и его жены унес всё белье, готовое к доставке, и ещё кое-какие вещи. На следующий день вор был пойман, подвергнут пыткам, получил две тысячи ударов и был заключен в тюрьму. На его теле ещё видны были раны от предыдущей порки. Таких закоренелых воров обычно вербуют из *кумар-бази*⁴⁰ – подонков населения, бродяг, обнищавших сартов и китайских наёмников.

Пренеприятнейшая черта сартов – нечистоплотность. Вопреки предписаниям шариата относительно омовений или выполняя их чисто формально, посредством песка и пыли, уроженцы Кашгара моются редко. Среди народов, мне известных, единственный, который в этом отношении ещё ху-

⁴⁰ Kumarbaz – (турецк.) – игрок, шулер, гэмблер.

же, – это тибетцы. Некий образованный мусульманин, совершивший паломничество в Мекку, поведал мне, что самые грязные из всех паломников были выходцами Кашгара, а самые чистые – уроженцами Явы.

Сарты-паломники. (М.А. Stein. 1907)[10]

Однажды я был свидетелем того, как русский врач удалял личинок из уха довольно симпатичной молодой женщины. Она была сравнительно образованной, из хорошей семьи: приходилась сестрой упомянутого выше хозяина прачечной, а другой её брат был слугой в русском доме, поэто-

му всей семье не были чужды европейские понятия о чистоте. Врач говорил, что летом такой своеобразный вид ушной болезни – явление обычное. Неудивительно, что уроженцы Кашгара повально страдают кожными заболеваниями и заражены паразитами.

В плане общего образования и культуры уроженцы Кашгара сильно уступают своим собратьям из Ферганы, андижанцам, как их здесь называют. Странная речь, расстановка ударений, проглатывание окончаний слов, произношение, употребление архаичных форм джагатайского языка – всё это сразу выдает кашгарцев в массе наиболее образованных сартов Русского Туркестана. Наивность, невежество и хамские манеры делают их объектом всяческих насмешек на базарах Ферганы и Ташкента. Но мнение о самих себе у них – самое высокое. Даже последние нищие, совершенно невежественные и безграмотные, простые *мардикеры*⁴¹ и разнорабочие настаивают на том, чтобы после своих имен им приставляли почетный титул *ахун*⁴², то есть *чтец Корана*, так что повсюду встречаются Омар-ахун, Ибрагим-ахун и т.п.

Один весьма образованный сарт из Кашгара, кем разработан был простой метод перегонки отменного спирта из киш-

⁴¹ Мардикер (базар) – так называется у узбеков биржа труда для поденщиков, куда приходят, как правило, от безысходности, чтобы наняться на самую черную работу. Слово «мардикер» персидского происхождения, и обычно употребляется по отношению к людям, выполняющим поденную работу.

⁴² Ахун – мусульманский богослов, ученый, более чтимый мулла; род мусульм. благочинного, кому подведомо несколько приходо (Даль).

миша, всерьёз уверял меня, что порох был изобретен философом Афлатуном (подразумевается Платон). Такого с большим уважением считают здесь истинным мусульманином. «Вы знаете, его книги изучают в медресе Бухары!» – прибавил он в качестве решающего довода.

Как ни странно, уроженцы Кашгара не склонны обращать свои мысленные взоры на священную Бухару, их духовные симпатии более тяготеют к Турции. Таковую считают здесь идеалом мусульманского благочестия и военной мощи, пребывая в блаженном неведении о реформах Гази⁴³ или отказываясь верить в то, что слышали о них.

⁴³ Мустафа Кемаль Ататюрк (ранее Гази Мустафа Кемаль-паша) (1881–1938) – османский и турецкий государственный, политический и военный деятель. Основатель и первый лидер Республиканской народной партии Турции; первый президент Турецкой Республики, основатель современного турецкого государства. Провёл ряд серьёзных политических, социальных и культурных реформ. http://ru.wikipedia.org/wiki/Ататюрк,_Мустафа_Кемаль.

Игроки в Яркенде. (*Ph.C. Visser, 1930*)[11]

Тип внешности оседлого городского населения в этой части Туркестана близок скорее к арийскому, нежели к урало-алтайскому. Встречаются шатены и тёмные блондины с большими круглыми глазами и носами правильной формы.

Хотя китайцы управляли страной с небольшими перерывами почти с первых веков христианской эры, их влияние едва ли сказалось на внешнем облике населения. В средние века весь этот край был известен как Уйгурия, и уйгурский тип был тогда, как и сейчас, несомненно, смесью арийского с урало-алтайским или с тюрко-татарским. На протяжении всей бурной истории уйгурского народа его кровь смешивалась с тюркской и монгольской, ядро же населения осталось

арийского происхождения, из Персии.

Таджики, населяющие долины Памира, Сарыкола и Бадахшана, являются связующим звеном между древними уйгурами и персами. Среди таджиков на Памире встречаются исмаилиты⁴⁴, приверженцы «Старейшины гор»⁴⁵, «ассасины»⁴⁶ крестоносцев, когда-то наводившие ужас в Персии, Сирии и даже в Египте, и где они давным-давно полностью исчезли. Памирские таджики сегодня – тихий, миролюбивый народ, признающий, как ни странно, своим главой Ага-хана, этого азартного игрока, государственного деятеля и богатея, прямого потомка вождя тех исмаилитов, что переселились из Персии в Индию.

На заре персидской истории мы находим признаки распространения персов и персидского влияния на области Капсгар, Хотана и бассейна озера Лобнор. Ясно, что таковое

⁴⁴ Исмаилизм – совокупность религиозных движений в шиитской ветви ислама, восходящих к концу VIII века. Каждое движение имеет свою иерархию имамов. Титул имама низаритов, самой крупной и известной общины исмаилитов – Ага-хан – передаётся по наследству. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Исмаилизм>.

⁴⁵ Рашид ад-Дин Синан, или Рашид ад-Дин ас-Синан также известный как *старейшина гор* (1132 или 1135–1192) – был лидером религиозной секты низаритов (ответвление *исмаилитов*) в Сирии и являлся исторической фигурой Крестовых походов. Латинские источники из Государства крестоносцев называют его *Vetulus de Montanis*, что происходит от арабского титула Шейх аль-Джабаль, означающее «мудрец или старейшина гор». http://ru.wikipedia.org/wiki/Рашид_ад-Дин_Синан.

⁴⁶ Ассасины (англ. *Assassins*) – члены религиозно-военизированного формирования государства исмаилитов-низаритов, активного в XI–XIII веках. Базировались в горах современных Ирана и Сирии. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ассасины>.

движение происходило в основном через Памир, тем же путём, которым следовал Марко Поло в XIII веке. Северный же путь через Семиречье был явно опасен в те времена из-за присутствия тюркских кочевников, то есть скифов, саков⁴⁷ или киргизов. В Кашгаре и поныне можно видеть признаки крови персов в красивой внешности женщин, их маленьких пышных фигурках и больших круглых тёмно-карих глазах.

Туранские⁴⁸ племена были известны китайцам как *хун-юй* ещё во времена мифического императора Хо, за двадцать три века до нашей эры. Позже название было изменено на *хан-юнг* и, наконец, во времена династии Цинь их стали называть *хунну*, т.е. *гунны*. Именно они сыграли огромную роль в истории. В свое время гунны завоевали Китай, Восточный и Западный Туркестан, Бухару и Туркмению⁴⁹. В кон-

⁴⁷ Саки – собирательное название группы ираноязычных кочевых и полукочевых племён I тыс. до н. э. – первых веков н. э. в античных источниках. Название восходит к скифскому слову *сак* – олень. И древними авторами, и современными исследователями саки, наряду с массагетами, считаются восточными ветвями скифских народов. [http://ru.wikipedia.org/Саки \(племена\)](http://ru.wikipedia.org/Саки_(племена)).

⁴⁸ Туранцы – в зороастризме название кочевых восточно-иранских народов. Противопоставляются оседлым земледельцам-иранцам. Борьба Ирана и Турана занимает центральное место в Авесте (собрание священных текстов зороастрийцев). В более поздние времена туранцами называли саков, массагетов, кушан, парнов-протопарфян, южных эфталитов и других северо-восточноиранских народов. Термин обозначал практически всю Среднюю Азию, где обитали эти народы. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Туранцы>.

⁴⁹ Здесь автор «садится на своего любимого конька»; см. статью Nazaroff P.S. The Sons of Gog // The English Review, March 1930, Vol. 50, pp. 345-353 в моём (В.Ц.) переводе с английского: <http://tsibanoff.narod.ru/nazaroff/>

це первого века нашей эры они двинулись на запад и легко заняли обширную территорию вокруг Каспийского моря. Это был критический момент в истории Азии и Европы, начало наступления варварских орд на средневековую Европу. И по сей день в Европе живут ещё потомки гуннов, калмыки или джунгары⁵⁰, монгольские тюрки, любимое лакомство которых – кусок нежного мяса, приготовленный под седлом на спине лошади, где оно пропитывается животным потом и «в меру поджаривается». Европейские историки описывают, какое отвращение испытывали западные европейцы к их способу приготовления бифштекса, но таковой был обычным в армиях Аттилы. Пробраз блюда под названием *Bifteck a la Tartare* ещё бытует в меню лондонских ресторанов.

Однако не следует думать, что пыльная равнина Кашгарии всегда была лишь ареной дикости, жестокости и кровопролития. Её далекое прошлое исполнено поэзии, искусства и высокой культуры. Сие есть место встречи цивилизаций

[nazaroff_sonsofgog_rus.pdf](#).

⁵⁰ Джунгары (зюнгары, зюнгарцы, зенгоры, цзюнгары, чжунгары – термин-политоним, под которым подразумевается ойратское население Джунгарского ханства (ойрат-монгольское государство, существовавшее в XVII—XVIII веках на территории, которая в настоящее время относится к Казахстану, Киргизии, Китаю, части Хакасии и Тувы, Монголии и занимавшее земли от Тибета и Китая на юге до юга Сибири на севере, от юга Урала и Хивинского, а также Бухарского ханств на западе до Халха-Монголии на востоке, включая в себя озеро Балхаш, Семиречье, озеро Кукунор, горы Тянь-Шань, Алтай, долину реки Или, верховья Оби, Иртыша и Енисея). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Джунгары>.

Индии, Китая, Персии и Греции, где сегодняшние пустыни когда-то были полны жизни, а цветущие города утопали в зелени садов. К сожалению, всё это великолепие прошлого скрылось за таинственной Пеленою времени. И, увы, нет ни письменных летописей, ни исторических данных для достоверной оценки древней истории столь замечательной земли!

Подобно тому, как геолог формирует картину прошлой истории земли по останкам давно исчезнувших организмов и по отложениям, где их находит, так и здесь историк должен восстановить прошлое по ископаемым останкам древней цивилизации, погребенным в пустынях, по фрагментам древних рукописей на забытых языках, старинным традициями и народным преданиям.

В пятнадцати верстах от Кашгара, в пустынной долине Артуш, у источника под названием Уч Мирван (Три окна), нашли мы следы незнаемого прошлого, столь отличного от жизни теперешней. Здесь, прямо посреди крутого лёссового обрыва, на правом берегу реки, зияют три прямоугольных проёма, окна или двери, ведущие вглубь холма. Но нет, к сожалению, доступа ни снизу, ни сверху к этим загадочным отверстиям, видны лишь остатки крутой лестницы, которая к ним некогда вела. Время ли, а, может быть, люди разрушили доступ к проходу внутрь горы, и тщетным будет вопрошать о том местных жителей. Большинство ответят, что они не знают, но один или двое скажут, что это обитель джин-

нов, а другие – что это Бутхона⁵¹, Храм идиолов, наиболее же сведущие сошлются на невероятное предание. И лишь когда солнце приблизится к горизонту и его лучи падут прямо в окна, как мимолётное видение покажется кое-что внутри. И можно будет видеть, что стены чертога украшены фресками, подобием византийских икон. Не так ли было и задумано неизвестным архитектором?

Прошли века с тех пор, как здесь молились древние уйгуры, одинаково терпимые ко всем верованиям древнего мира. Их современные потомки в Кашгарии не помнят своего прошлого, нет у них истории! Ислам парализовал их рассудок, вогнал в летаргию и погрузил в жалкий мир суетной мелочности. Но давайте не будем осуждать его, нынешнего уйгурского сарта, ибо он, по крайней мере, не трогал и не разрушал памятников древности, для коих невежественное любопытство порой опаснее вялого безразличия.

В городе Куча среди развалин, где были найдены древние санскритские рукописи, обнаружилось прекрасно сохранившиеся фрески, однако позже многие из них были нарочно испорчены местными жителями: они почернели от дыма разводимого возле них огня. Причина же была в следующем. Под влиянием европейских учёных, искателей древних ценностей, китайские чиновники тоже стали проявлять к ним интерес и повадились посещать здешние руины. А в соот-

⁵¹ В подлиннике: But Khané – вероятно, Бутхона (тадж.) – капище, языческий храм; церковь.

ветствии с китайскими понятиями об этикете, важные туристы из чиновных лиц непременно должны передвигаться в окружении свиты из слуг, солдат, конюхов, лошадей, мулов и т.д. Содержание всей этой оравы, опять же, по китайскому обычаю, вменялось в обязанность местного населения. Кроме того, *беки* из состава местных властей, всегда не прочь сдирать подати с населения по любому поводу, в данном случае – для развлечения важных гостей. Доведенные до отчаяния разорительными «экскурсиями», туземцы принялись уничтожать драгоценные останки прошлого, от коих доводились им одни лишь неприятности.

В районе Марал Баши, в песчаной пустыне Такла-Макан, неподалеку от города Турфан сохранились останки древних городов, где найдено множество уйгурских рукописей, датируемых седьмым-тринадцатым веками нашей эры, а в окрестностях озера Лобнор обнаружено много рукописей китайских. Но самые интересные из всех – это развалины возле Хотана, где найдены целые библиотеки на разных языках, таких как кхароштли⁵², брахми⁵³, тибетский, китайский,

⁵² Кхароштли – письменность, по-видимому, произошедшая от арамейского алфавита. Была распространена в Северной Индии и на юге Средней Азии (Бактрия, Согдиана) в III в. до н. э. – IV в. н. э. По характеру – полуалфавитное, полуслоговое письмо. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кхароштли>.

⁵³ Брахми – одна из древнейших разновидностей индийского слогового письма; пишется слева направо. Является предком практически всех аборигенных письменностей Южной и Юго-Восточной Азии (кроме основанных на китайских иероглифах или латинице). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Брахми>.

иврит, причем последний исходит от евреев Персии. И что интересно: некоторые из старых рукописей, обнаруженных сэром Аурелем Стейном, датируемые вторым веком христианской эры, были написаны *на бумаге*. Вот свидетельство древности изобретения материала, столь нужного нашей современной цивилизации! Хотан и по сей день славится прочной, первоклассной бумагой, изготавливаемой местными жителями из коры тутового дерева.

На месте старого города Хотана, где ныне селение Тоткан, находят дерево *сандаловое*, погребенное под толстым слоем песка, до сих пор его используют для окраски кож. Но что ещё примечательнее, в песке находят коробки с чаем, настолько хорошо сохранившимся, что его можно заваривать и пить! Сухой горячий песок – отличное консервирующее средство. Однако от домов и других построек древнего города здесь мало что осталось.

Бумажная фабрика в Каргалыке. (*F. De Filippi*. 1924)[1]

Зато при рытье канала, на глубине около шести метров недавно было найдено месторождение золота весьма странного свойства: частицы золота намывалось в виде тончайших пластинок. Загадка столь необычного золотоносного месторождения раскрыта в книге китайского путешественника по имени Фасянь⁵⁴, который пересекал данную местность в чет-

⁵⁴ Фасянь (337–ок. 422) – китайский буддистский монах и путешественник, объехавший в 399-412 годах Непал, Индию, Шри-Ланку и установивший постоянную связь между Китаем и Индией. Своё путешествие описал в книге «Фо го цзи» (Записки о Буддийском царстве). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Фасянь>.

вертом столетия после Рождества Христова по пути из Китая в Индию. Он повествует о населенном, богатом и цветущем городе, что стоял на этом месте, о многих суших в нём буддийских храмах, сверкавших своими позолоченными куполами на фоне безоблачного неба. Город исчез, храмы разрушены, их щедро золоченые крыши скрылись в песках. Медь окислилась, смылась водой или развеялась ветром, но тонкие чешуйки золота остались. И вот теперь, полтора тысячелетия спустя, обедневшие и невежественные потомки культурного и высоко цивилизованного народа тщатся собрать частицы славы некогда процветавшей страны.

Читатель, желающий составить лучшее представление об историческом прошлом Китайского Туркестана, непременно должен обратиться к работам сэра Ауреля Стейна, воскресившего для Европы великую, но забытую цивилизацию. Его капитальный труд «Сериндия»⁵⁵ содержит великолепные иллюстрации фресок, одежды, посуды, драгоценностей и т.д. А более поздняя работа, «По древним путям Центральной Азии»⁵⁶, описывает проделанную им великую работу в более популярной форме, обрисовывает тонкости официальной и

⁵⁵ «Сериндия» (тт. 1-5, 1921) – один из основных трудов Марка Ауреля Стейна. Тома (на англ.) доступны для просмотра и скачивания на портале <http://archive.org/>.

⁵⁶ Изд-во Macmillan, 1933. (Прим. П.С. Назарова). Книгу «On Ancient Central Asian Tracks». Macmillan and Co., London. 1933. 343 p. можно скачать по ссылке: <http://pahar.in/pahar/1933-on-ancient-central-asian-tracks-by-aurel-stein-s-pdf> (167 МБ).

военной жизни на заре существования Китайской империи, оценивает влияние западного классицизма на искусство Востока.

Богатая коллекция образцов была вывезена из северной Кашгарии немецким археологом др. фон Лекоком⁵⁷. Множество культурных сокровищ страны, столь далекой от нас в пространстве и во времени, сохранились для человечества в музеях Лондона и Берлина. Но ещё больше осталось их в таинственных пустынях азиатских, где творения разума и рук человеческих покоятся в «библиотеках древности», скрытых под песками.

Недавно генерал-губернатор (дуду) провинции Синьцзян запретил сэру Аурелю Стейну продолжать археологические исследования в подконтрольной местности, и неутомимый работник, открывший миру столь неожиданные сокровища, был вынужден оставить землю Альтишахра. Приказ был обоснован тем, что Китай, дескать, сам должен исследовать свои древности. Политика властей в последние годы не раз подтверждала заблуждение китайцев в том, что они являются одной из передовых наций в мире.

Всего несколько лет назад, когда великий северный медведь готов был в любой момент «накрутить хвост» Восточному дракону, русские путешественники мало обращали внимания на запреты китайских властей. Генерал Пржеваль-

⁵⁷ «Buried Treasures of Chinese Turkestan», by Dr. Albert von Le Coq. Translated by Anna Barwell, London, 1927. (Прим. П.С. Назарова).

ский, к примеру, прямо посылал китайских чиновников ко всем чертям, и делал всё, что ему заблагорассудится. Но времена изменились, смелость и наглость китайцев возросли, хотя реальная мощь Китая уменьшилась.

Образованный мир и цивилизованная часть человечества, вероятно, понесут тяжелые утраты. Кто знает, какие сокровища и памятники древней литературы ещё можно обнаружить в песках? В чьи руки попадут бесценные памятники старины? Быть может, кочевник пустыни разожжет ими свой костер, чтобы вскипятить себе чаю, иль китайский чиновник скрутит страницу, вырванную из книги первого века христианства, чтобы зажечь трубку опиума?

Христианство проникло в отдалённые уголки Азии рано, где сформировало свою восточную ветвь – несторианскую церковь; таковая процветала здесь более тысячи лет наряду с манихейством, маздаизмом и буддизмом. Кашгар на протяжении многих веков был резиденцией христианского епископа. Не исключено, что в древних библиотеках могут быть найдены некоторые из тех древних христианских рукописей, утрата которых составляет пробел в нашем Священном Писании. Например, из двенадцати книг Деяний Апостолов только одна, девятая, дошла до нас полностью, да ещё часть первой. Сегодня древние библиотеки исчезнувших городов Азии – единственное место, где ещё осталась надежда найти самые ценные для христианского мира рукописи и утерянные сочинения классиков.

Многие задавались вопросом, что могло послужить причиной разорения древних городов, исчезновения некогда процветавшей цивилизации, превращения изобильной страны в безводье песчаных пустынь?

Разрушение городов Средней Азии принято связывать с постепенным высыханием огромной депрессии (впадины), которая, согласно традиции, сравнительно недавно была дном великого внутриазиатского моря, китайского Хань-хай⁵⁸.

Обилие соли в почве, песчаных отложений, барханов или подвижных песчаных дюн, наличие в центре материка заболоченной котловины, таинственного озера Лобнор, питаемого рекой Тарим, которая, в свою очередь, собирает воды целого ряда притоков: Кашгар-дарьи⁵⁹, Яркенда и Хотан-да-

⁵⁸ Термин «Хань-хай» был применен российским геологом Обручевым к другим отложениям, не относящимся к Таримскому бассейну. (Прим. П.С. Назарова). Наименование, приурочиваемое на новейших китайских картах к местности, лежащей на В. от Хами; в древности оно имело, однако, более широкое значение и применялось к Гобийской пустыне на Ю. от р. Кэрулэна, на С. от земель, занятых в настоящее время монголами чахарами, и к В. от Ала-шаньских гор; но так как эта часть Гобийской пустыни не имеет строго очерченных границ, то то же наименование присваивалось иногда и странам, лежавшим еще далее к З. и С. от застенного Китая, напр. к степям севернее р. Кэрулэна, к верховьям р. Селенги, к Кобдосскому округу и т. д. (Брокгауз и Ефрон). <http://niv.ru/doc/dictionary/brockhaus-efron/articles/213/han-xaj.htm>.

⁵⁹ Кашгар-дарья, приток Яркенд-дарьи в китайской провинции Синьцзян. Берет начало двумя истоками. В верховьях – горная река, далее течет более спокойно в крутых лёссовых берегах. Используется в Кашгарском оазисе для орошения, почему К.-д. в некоторые годы пересыхает, не доходя до Яркенд-дарьи. Длина

рьи⁶⁰, Аксу и т.д., – всё это как будто подтверждает китайское предание о прежнем существовании здесь огромного внутреннего моря. А один немецкий ученый зашел даже так далеко, что объяснил Потоп выбросом моря Хань-хай на равнины Туркестана, Персии и Месопотамии через горы Тянь-Шаня, которые перекрывали его как плотина.

К сожалению, геологические данные полностью опровергают такие фантазии. Рассматриваемая местность была пустыней ещё в середине третичной эпохи. С тех пор нет здесь морских отложений, а есть только озёрные и эоловые⁶¹, характерные для пустынь.

до 830 км. Яркенд-дарья (Yarkand-darya) – тюркское название величайшей реки Вост. Туркестана Тарим. Обычно Я.-д. называют верхнюю часть Тарима до слияния с Кашгар-дарьёй. (БСЭ).

⁶⁰ Хотан-дарья – река системы Тарима, состоящая из двух рек – Юрункаша и Кара-каша; первая из этих рек стекает с СВ склонов высокого Карангу-тага, вторая имеет два истока, берущие начало: З. – в горах Каракорум (с перев. Сумнал), В. – с ЮЗ склонов Карангу-тага. Обе эти реки соединяются севернее Хотанского оазиса, в урочище Кош-лаш, куда достигают настолько обедненные водой, что образуемая ими текущая прямо на С. Х.-дарья, не имея силы бороться с сухостью воздуха в пустыне Такла-Макан и пористостью своего ложа, только в редких случаях доносит свои струи до Тарима, обыкновенно же пропадает в песках, едва обогнув небольшой излучиной пустынный хребет Мазар-таг. Воды Кара-каша и Юрункаша обеспечивают существование Хотанского оазиса. (Г.Е. Грум-Гржимайло).

⁶¹ Эоловые отложения – тип континентальных геологических отложений, представлен материалом, принесённым ветром. Формируются за счёт песчаных и пылевых частиц морских, дельтовых, аллювиальных, пролювиальных, озёрных и флювиогляциальных отложений. http://ru.wikipedia.org/wiki/Эоловые_отложения.

Климат страны стал засушливым ещё в давнюю геологическую эпоху, количество атмосферных осадков менялось лишь периодически в зависимости от разных причин. Вся область Внутренней Азии ни в коем случае не является той великой депрессией, т.е. *низменностью*, какой она выглядит на карте. Средняя высота бассейна Тарима составляет около 900 м над уровнем моря, долина Кашгара находится на высоте 1400 м, то есть примерно на высоте Риги Кульма в Швейцарии; это альпийская зона. Самая низкая часть местности, озеро Лобнор, находится на высоте 600 м над уровнем моря.

Предполагаемое высыхание Туркестана в исторические времена с последующим разрушением городов и исчезновением древней цивилизации было объектом исследования американской экспедиции Пумпелли⁶² в начале века. Она дала ценные физико-географические и геологические результаты, но, конечно, не обнаружила никакого высыхания Туркестана в нашу эпоху. Напротив, всё указывало на то, что Центральная Азия сегодня получает даже больше атмосферной влаги, нежели две или три тысячи лет назад.

⁶² Рафаэль Пумпелли, вариант Пампели (англ. Raphael Pumpelly; 1837–1923) – американский геолог, исследователь, путешественник. Один из самых выдающихся геологов и минералогов своего времени. http://ru.wikipedia.org/wiki/Пумпелли,_Рафаэль. «Travels and adventures of Raphael Pumpelly : mining engineer, geologist, archaeologist and explorer by Pumpelly, Raphael, 1837-1923». <http://archive.org/details/travelsadventure00pumprich>. См. также статью о Рафаэле Пумпелли. «В поисках древних цивилизаций». – http://rustamirzaev.com/book2/2_15.pdf.

Ныне покойный профессор Дж. У. Грегори⁶³ в своей научной статье, опубликованной в «Географическом журнале»⁶⁴ под названием «Высыхает ли Земля?» обсудил данный вопрос с присущей ему чёткостью. И пришел к выводу: «археологические и исторические свидетельства показывают, что в давние времена, о которых сохранились письменные свидетельства, климат Центральной Азии был очень засушливым».

Нет, не природные силы разрушили здешние земли, а деяния рук человеческих. То были войны: междоусобные схватки, вторжения диких полчищ, грабежи – вот причины, из-за которых приходили в негодность арыки, рушились прекрасные города, разорялось местное население.

Ибо тесная связь и полная зависимость человеческой жизни и культуры от водоснабжения, пожалуй, нигде в мире не проявляется столь ярко и очевидно, как во внутренних районах Азии. Нет воды для орошения – и видны лишь безжизненные пространства, гибельные для человека и животных; а доставьте воду из рек, горных ручьев или добудьте её в колодцах – запустение сразу превратится в цветущий сад. Деревья, поля и здания задерживают перемещение дюн. Но пе-

⁶³ Джон Уолтер Грегори (англ. *John Walter Gregory*; 1864–1932) – английский геолог, исследователь Восточной Африки, Австралии, Центральной Азии и Южной Америки. В 1923 г. предпринял экспедицию в Тибет. http://ru.wikipedia.org/wiki/Грегори,_Джон_Уолтер.

⁶⁴ Is the Earth drying up? Part I. The Geographical Journal, 43(2), 148–172. (Прим. П. С. Назарова).

рекройте каналы – растительность погибнет, и волны песчаного океана захлестнут процветавший оазис, утопят все признаки человеческой жизни.

Живы в памяти человеческой многие случаи в Туркестане, когда цветущая местность превращалась в пустыню или, напротив, пустыня – в страну изобилия вследствие разрушения или строительства животворных арыков и оросительных каналов.

Не так давно появилась работа доктора Эмиля Тринклера⁶⁵ «Бурей снесенная крыша Азии», в которой автор заявляет: «я уверен в том, что возраст пустыни Такла-Макан меньше, чем обычно считается, и что три тысячи лет назад страна представлялась, вероятно, в совсем ином виде – поросшая лесом и влажная».

Я считаю совершенно невозможным согласиться с предположением учёного автора. Три тысячи лет – промежуток времени, в геологическом отношении ничтожный, а для Центральной Азии – исторически обозримый. Нет, однако, никаких исторических свидетельств или сказаний о превращения столь огромной территории из влажного леса в оке-

⁶⁵ Эмиль Тринклер (1896-1931) – немецкий географ и исследователь Тибета и Афганистана. Его книга: Emil Trinkler. The stormswept roof of Asia: by yak, camel & sheep caravan in Tibet, Chinese Turkistan & over the Kara-Koram. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1931 (перевод с нем. на англ. В.К. Featherstone). Скачать можно по ссылке: <http://ia801702.us.archive.org/30/items/dli.pahar.2479/1931%20Stormswept%20Roof%20of%20Asia%20by%20Trinkler%20s.pdf>.

ан зыбучих песков. Были найдены остатки растений, выращенных с помощью искусственного орошения, им две тысячи лет, но куда же исчезли следы некогда обширного леса?⁶⁶

⁶⁶ Важные наблюдения, касающиеся усыхания водоёмов, убыли рыб и птиц, исчезновения лесов в бассейне р. Тарим и в оазисах вокруг пустыни Такла-Макан, были сделаны русским исследователем М.В. Певцовым. См. его книгу «Путешествие в Кашгарию и Куньлунь», в частности гл 7: От Лобнора до Курли.

Гребень бархана в пустыне Такла-Макан. (S.A. Gedin,

1899)[12]

С середины третичной эпохи Центральная Азия была страной засушливой и пустынной, её реки не имели стока в море. С трёх сторон теснят её высочайшие горные кряжи, поднятие которых длится до сих пор, они полностью изолируют местность от океанической влаги. Невозможно представить себе, что всего за три тысячи лет орографические, геологические и климатические условия Центральной Азии изменились настолько, что некогда покрытые лесами пространства превратились в огромную пустыню Такла-Макан. Такая гипотеза должна предполагать исчезновение западных и южных барьеров – т.е. высочайших в мире горных систем.

Если посмотрим на карту данной части Азии, сразу увидим, что только малая доля её занята оазисами, коих орошение зависит от вод, стекающих с гор. В долинах рек встречаются песчаные участки с кустарником. Тут и там, где подземные воды находятся не глубоко от поверхности земли, есть растительность. Но в Такла-Макане подземные воды залегают очень глубоко или отсутствуют вовсе. Какое же огромное количество воды потребовалось бы для естественного орошения бескрайнего моря зыбучих песков, и откуда она могла взяться три тысячи лет назад?

Главной тактической целью захватчиков в Азии всегда было лишить противника водоснабжения, разрушить каналы, тогда города и сёла становились лёгкой добычей. А с гибелью населения местность навсегда превращалась в пусты-

ню.

Но тут возникает другой вопрос. Кто первым проник в пустыни азиатские, кто смог вдохнуть в них жизнь, кто сделал возможным тут оседлое, цивилизованное существование? История не дает нам ответа. Известно только, что еще в XII веке до нашей эры в Хорезме, нынешней Хиве, главные каналы Ташкентского оазиса носят имена персидских сатрапов: Гистасп⁶⁷, Салар⁶⁸, Босс⁶⁹, Кайкаус⁷⁰, Зал и т.д. Неизбежно напрашивается вывод, что именно из древне-персидской монархии, из Ассирии и Вавилона, известных своими разработками ирригационной техники, и произошло искусство доставки свободно текущих вод в безводье пустынь.

На самом деле всё обстоит как раз наоборот. Шумеры, заложившие основы цивилизации Вавилона и Ассирии и принадлежащие к тюркской расе, иммигрировали в Месопота-

⁶⁷ Гистасп (греческий вариант древнеперсидского имени Виштаспа; упоминается в 550 до н. э.) – персидский сатрап Бактрии и Персиды из рода Ахеменидов; отец царя Дария I и Артабана, доверенного советника своего брата. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гистасп>.

⁶⁸ По местным ташкентским преданиям древним царем Ташкента был Зол или Зал, который провел арык Зах. Сыном Зола в соответствии с этими преданиями был иранский богатырь Рустам (герой многочисленных иранских легенд и преданий), состоявший при отце военачальником (Сипах-Салар), и он, будто бы, провел арык Салар. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Салар> (канал).

⁶⁹ Бозсу (узб. Бўзсув, Боз-су и т.п.) – магистральный ирригационный канал (арык) в Ташкентской области и г. Ташкенте. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бозсу>.

⁷⁰ У этого имени множество вариантов написания (в оригинале – Kaikaus) и значений. Например, Кай Кавус (фарси) – в иранской мифологии и легендарной истории – второй царь из династии Кейянидов.

мию из Средней Азии. В Закаспийской области, недалеко от города Ашхабад, в кургане Анау, экспедиция Пумпелли обнаружила на большой глубине, под несколькими «культурными слоями», остатки керамики, сосудов и утвари, точно таких же, как в Шумере. Под ними были остатки каменного века. Шумерская цивилизация⁷¹, как известно, считается древнейшей культурой человечества.

Ранняя история Центральной Азии полна загадок. Предания смутного прошлого, древняя поэзия и мифы доносят до нас кое-какие сведения о прошлом Кашгара и Хотана. Задолго до христианской эры области входили в состав обширной империи Туран, управляемой чередой скифских императоров, потомков великой семьи Афрасиаба. Были ей присущи богатство, военная мощь и закон. Народы, её населявшие, по-разному именовались на тюркском, китайском, индийском и греческом языках: скифы, юэчжи⁷², саки, сакья,

⁷¹ Шумеры (самоназвание: шум. sag-gig-ga – «черноголовые») – древнее население Южной Месопотамии (современный Ирак), говорившее на шумерском языке. С шумерами традиционно связывается возникновение цивилизации, появление письменности, первых городов и государств Древней Месопотамии. Происхождение шумеров и родственные связи их языка не установлены. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Шумеры>. П.С. Назаров проводит мысль, что искусство ирригации зародилось в Средней Азии.

⁷² Юэчжи (юечжи) – могущественный племенной союз центрально-азиатских кочевников – известны под этим именем только из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи, по периметру северокитайских государств, в III–II вв. до н.э. См. Юэчжи и гунны: <http://history.wikireading.ru/226785>.

готы (не путать с европейскими), массагеты и прочие. Они сыграли огромную роль в истории. Их столицей был Самарканд. Неподдалёку от города и по сей день есть место, носящее имя древнего императора, Афрасиаб⁷³, и там до сих пор находят старинные предметы.

Персидские поэты и историки в мрачных тонах повествуют о вторжении скифов в их страну, о страшном её разорении. Фактически речь идет об извечной борьбе двух культур, двух народов: оседлых земледельцев Ирана и туранских кочевников. В седьмом веке до нашей эры персам удаётся оттеснить скифов за р. Окс, (Амударья), и та на протяжении столетий становится естественной границей между двумя враждующими народами.

Первые упоминания о районе Кашгара и Хотана мы находим в «Сказании о Сиявуше»⁷⁴, в шестом веке до Рождества Христова. В то время владения Турана включали обширные пространства вплоть до озера Лобнор.

Сиявуш был сыном персидского императора Кей-Кавуса. Поссорившись со своим отцом в 580 году до н.э., он бежал

⁷³ Афрасиаб – в иранской мифологии легендарный царь Турана, правитель туранцев – древних кочевых и полукочевых ираноязычных народов Центральной Азии – саков. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Афрасиаб_\(правитель\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Афрасиаб_(правитель)).

⁷⁴ Сиявуш (от авест. *Syāvaršān* «чёрный конь») – в иранской мифологии сын легендарного царя Ирана Кей-Кавуса и отец Кей-Хосрова. В поэме Фирдоуси выступает как образец чистоты, оклеветанный мачехой и погибший на чужбине. Хаким Абулькасим Фирдоуси Туси (935–1020) – персидский поэт, классик персидской литературы, автор эпической поэмы «Шахнаме» («Книга царей»). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Сиявуш>.

за Амударью и искал убежища у старого врага своей семьи, Афрасиаба, который тогда жил в Рамистане, что между Самаркандом и Бухарой. Имя его, Сиявуш, сохранилось до наших дней в названии деревни, по сей день известной своим великолепным храмом огнепоклонников Аташ Кахад⁷⁵. В Персии и Турании в этот период процветала религия Зороастра, а дальше к востоку преобладал буддизм.

Скифский царь принял Сиявуша с честью и гостеприимством, отдал ему замуж свою дочь, красавицу Фарангис, а в приданое – Хотанскую провинцию. Счастливая пара отправилась в Кашгар и выбрала для своей резиденции место под названием Кунг (вероятно, это *Каток*, руины которого находятся недалеко от Лобнора, примерно в двенадцати или четырнадцати днях пути от города Хотан). Очевидно, в те дни там была населенная и процветающая страна. Сегодня же – бесплодная соляная пустыня, где бушуют песчаные бури, и лишь изредка появляется кочевник на своем «корабле пустыни», верблюде.

Но счастье молодой пары было недолгим. Зависть и хитрость, столь распространённые в Азии, погубили Сиявуша. Гарсиваз⁷⁶, брат царя Афрасиаба, завидуя успеху Сиявуша,

⁷⁵ В оригинале – Atash Kahad. Установить место не удается, возможно, название искажено переводом. Известен, к примеру, *Аташкадех* – храм огня иранских зороастрийцев, находящийся в городе Йезд, столице одноимённой провинции в Иране.

⁷⁶ Гарсиваз (Герсиваз или Карсиваз) – мифический туранский персонаж, упоминаемый в Шахнаме («Книга царей») поэта Фирдоуси. Брат Афрасиаба, царя

его растущей силе, богатству и влиянию, посеял в сознании короля семена подозрений, будто его любимец замыслил стяжать себе независимость и создать свою собственную империю в далеких окраинах Азии. Сиявуш был приглашен ко двору и предательски казнен. Место его убийства долгое время считалось священным среди волхвов (так назывались в Туркестане зороастрийские жрецы). Каждый год сюда являлись паломники и приносили в жертву петухов.

Подлое убийство невинного принца вызвало возмущение в Персии, и император Кей-Кавус, исполненный гнева, послал своего любимого полководца, прославленного Рустама, с огромной армией отомстить за убийство сына. Рустам безрезультатно осаждал Рамистан в течение двух лет, даже построил целый город напротив осажденной крепости, но, в конце концов, изгнал Афрасиаба из страны. Кей-Хосров, сын Сиявуша и вдовы Фарангис, после полной приключений жизни унаследовал трон своего деда Кей-Кавуса и стал императором Персии. Он долго воевал с Афрасиабом, стремясь отомстить за убийство своего отца. После обычных превратностей войны ему удалось сокрушить своего врага, захватить Самарканд и убить Афрасиаба.

Таково предание о Сиявуше, относящееся к ранней истории Кашгара.

В период между падением династии Афрасиабов и вторжением Александра Македонского, созданием греко-бак-

трийской империи, Кашгар был ареной постоянных столкновений между коренным населением и ордами тюркских племён.

Китай в тот же период был разделен на ряд княжеств. Но в 94 году н.э. китайский генерал Бань Чао⁷⁷ вторгся в Восточный Туркестан с большим войском. Присоединив т.о. Кашгарию к Китаю, он двинулся в Западный Туркестан, страну Юэчжи⁷⁸, в названии которой можно угадать современных киргизов (*юэ* или *уй* – юрта или войлочная палатка, *чи* – палаточник, кочевник). Бань Чао распространил свою власть до берегов Каспия. В 102 году сей китайский Наполеон, потакая своим военным амбициям, вознамерился даже послать экспедицию на завоевание Римской империи. С того времени и до арабского завоевания Кашгария принадлежала Китаю и была известна как Кичик Бухара, то есть Бухара Малая, в отличие от Великой, где в то время формировалось могущественное государство. Его столица, т.е. собственно Бухара, была построена на болоте, образованном

⁷⁷ Бань Чао (32–102), взрослое имя Чжуншэн – полководец и дипломат Древнего Китая эпохи Хань. Во главе китайских правительственных войск с 73 г. систематически воевал с гуннскими князьями «Западного края» (Яркенд, Хотан, Кашгар). http://ru.wikipedia.org/wiki/Бань_Чао.

⁷⁸ Юэчжи (*асии* у греков) – иранский народ в Центральной Азии (с 1-го тысячелетия до н. э.), говоривший на восточноиранских диалектах северной подгруппы. Исходно занимали пастбища в бассейне Таримской котловины. Во II веке до н.э. часть их (кушаны, эфталиты и др.) перекочевали в Фараруд и Бактрию, а потом в северную Индию, где основали Кушанскую империю. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Юэчжи>.

разливом р. Масаф (Зеравшан). Там, по словам Арриана⁷⁹, охотился Александр Македонский и собственноручно убил «льва», скорее всего – тигра, ибо таковые обитали в болотах под Бухарой вплоть до недавнего времени. Последний тигр был убит в 1894 году.

Касательно спорта уместно сказать, что знаменитая игра в *поло*⁸⁰ зародилась и развивалась, согласно традиции, именно в этой стране во времена Афрасиаба. Странно, что в настоящее время поло малоизвестно как в Восточном, так и в Западном Туркестане.

Помимо Бухары, в государстве был еще один важный город, Байкенд (Пайкент⁸¹ более позднего времени) – центр, ведущий активную торговлю с Кашгаром и Китаем на востоке, Персией и Римской империей на западе. Торговля обо-

⁷⁹ Флавий Арриан (лат. Flavius Arrianus, (ок. 86–160 г. н.э.) – древнегреческий историк и географ. Написал исторические трактаты, в частности, о жизни и походах Александра Македонского («Анабасис Александра»). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Арриан>.

⁸⁰ Поло (англ. *Polo*) – командный вид спорта с мячом. Зародилась в середине первого тысячелетия н.э. как игра човган (човган-поло). Была очень популярна в течение столетий в Азербайджане, Средней Азии, Иране, Ираке, Таджикистане, Казахстане и в сопредельных тюркских странах.

⁸¹ Бай Кент означает Город торговцев, впоследствии преобразованный в Пайкент; «кент» (иногда произносится *канд*), означает город; ср. Ташкент, Самарканд и др. (Прим. П.С. Назарова). Пайкент (Байкент, Байкенд и т.п.) – древний город, находившийся в 40 километрах к западу от Бухары; крупный город Бухарского Согда, назывался «городом купцов»; обходился без правителя и владельца; буржуазная городская коммуна в европейском смысле слова. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Пайкент>.

гатила города Восточного Туркестана, подготовила их к восприятию греко-римской культуры. Бактрия, или современный Бадахшан⁸², контролировала кратчайший торговый путь в Хотан через Памир. С другой стороны, индийское влияние проникало не только через Бактрию, но и через Гималаи и Каракорум, древний Согдийский перевал (Зоджи-ла у тибетцев⁸³). Китайцы, по обыкновению, не вмешивались во внутренние дела населения, управляли страной через местных беков и довольствовались поборами с населения в виде налогов и пошлин. Делалось всё это с удивительной религиозной терпимостью: здесь процветали не только буддизм, но и зороастризм, манихейство и несторианское христианство.

Время арабского вторжения в Туркестан – наступление Меча Ислама⁸⁴, знаменует эпоху, полную романтики и трагизма. Под командованием великого вождя Кутейбы⁸⁵ ара-

⁸² Бадахшан (тадж. Бадахшон, кит. – «Горы Бадах», др.-перс. «patiōxšāna» – «верховье Вахша») – историческая область Памира, расположенная на территории юго-восточного Таджикистана – Горно-Бадахшанская автономная область, и северо-восточного Афганистана – провинция Бадахшан. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бадахшан>.

⁸³ Зоджи-Ла – перевал в Индии (3528 м) на шоссе Сринагар-Лех в западных Гималаях; играет важную роль в путешествиях из Кашмира в Ладакх. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Зоджи-Ла>.

⁸⁴ Символическое выражение: связано с названием «Зульфикар» – меч пророка Мухаммеда. http://zen.yandex.ru/media/history_world/zulfikar-mech-kak-simvol-islama-5bcd894c0c05e200aab51fcb.

⁸⁵ Кутейба ибн Муслим (668–715) – наместник Хорасана в эпоху правления арабских халифов из династии Омейядов на протяжении 704–715 гг.; главный организатор и исполнитель завоевательных походов арабов в Среднюю Азию.

бы переправились через Джейхун (Амударья) и взяли город Пайкенд, где захватили огромное количество золота, серебра и драгоценных камней. Среди них были два изумруда размером с голубиное яйцо, украшавшие статую идола. Во время разграбления Пайкенда многие жители отсутствовали по торговым делам в Кашгаре. Когда же вернулись и обнаружили, что дома находятся в руках врага, а семьи – в плену, то у них достало богатств, чтобы выкупить их и восстановить свой город. Вот яркое свидетельство интенсивной торговли с Кашгаром.

Когда арабы осадили Бухару, трон занимала вдова бухар-худата – Хатун⁸⁶, прославившаяся на всю Среднюю Азию своею красотой, мудростью, ученостью, богатством и, как гласит история, любовными историями. Этой азиатской Клеопатре удалось подкупить арабов и спасти свой город от захвата, заплатив арабскому генералу миллион дирхемов⁸⁷. Это было в 675 году нашей эры. Арабы удалились за Джейхун.

http://ru.wikipedia.org/wiki/Кутейба_ибн_Муслим.

⁸⁶ Бухархудаты (согд. «господа Бухары») – согдийская династия, правившая в Бухаре с VII века до захвата края арабскими отрядами. Хатун была женою Бидун-худата, одного из государей Бухары; после смерти мужа правила в Бухаре в конце VII – начале VIII в. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бухархудаты>.

⁸⁷ Дирхам или дирхем – первоначально арабская серебряная монета, введённая в обращение в конце VII века. Название представляет собой арабизированное греческое слово «драхма». Средневековый дирхем – серебряная монета Арабского халифата стоимостью 1/10 динара, введена в обращение в конце VII века (ок. 692–696 гг.). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Дирхам>.

Но арабское нашествие продолжалось. Был взят Самарканд, чья культура, богатство и великолепие описаны арабскими историками. Затем пала Фергана. Оттуда Кутейба продвинулся со своим войском через перевал Терек-даван⁸⁸ в Кашгар, где у Турфанских ворот почти не встретил сопротивления. Здесь он получил известие о смерти эмира Валида⁸⁹ и вернулся в Хорасан. Влияние арабов в Кашгаре оказалось менее заметным, нежели в Западном Туркестане.

Самым важным из сановников Туркестана, обратившимся в ислам, был зороастриец Саман⁹⁰. Его внуки стали губернаторами четырех областей – Герат, Самарканд, Фергана и Ташкент – и пользовались особым покровительством самого халифа. Один из них, губернатор Ферганы по имени Назар, во время восстания князей Систана⁹¹ против халифа су-

⁸⁸ Пер. Терек-даван (Терекдаван, 4131 м) расположен в Алайских горах в Ошской области Кыргызстана и простирается от Гульчи до Иркиштама. Перевал открыт круглый год; был частью Великого Шелкового пути.

⁸⁹ Согласно http://ru.wikipedia.org/wiki/Кутейба_ибн_Муслим, известие о смерти ал-Валида (омейядский халиф, правивший в 705–715 годах) достигло Кутейбы в марте 715 г. н. э., когда он только ещё приготовил войско для выступления в Фергану. Сведения о «посольствах в Кашгар и Восточный каганат» считаются легендарными.

⁹⁰ Саман-худат, Саманхудат или Саман Худа (перс. – «владелец Самана») – основатель династии Саманидов. Пользовался покровительством наместника Хорасана Асада Абдаллы ал-Кушейри. Изначально был зороастрийцем. Халиф аль-Мамун (786–833) впоследствии назначил четырех сыновей Асада, внуков Самана-худата, в качестве правителей Самарканда, Ферганы, Шаш и Уструшаны и Герата. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Саман-худат>.

⁹¹ Систан, Сакастан, до II в. до н. э. – Дрангиана – историко-географическая

мел захватить власть в Бухаре и Туркестане, где основал династию Саманидов. Его брат и преемник вознёс могущество Самарканда на вершину славы и после своей смерти в 907 г. оставил своему преемнику царство, простирающееся от Исфахана и Шираза до Турфана и Гоби, от Систана и Персидского залива до степей юга России. После падения саманидов Кашгар стал столицей этой огромной среднеазиатской империи. Однако ненадолго.

Западные территории были отняты у неё султаном Санджаром⁹², а сам Кашгар, вместе с почти всем Китаем, был захвачен каракитаями⁹³, народом, родственным тунгусам. Как ни странно, они дали стране свое имя, по-русски – Китай, Катай, почти так же, как немецкие франки дали свое имя Галлии.

В 1220 году Кашгария была захвачена монгольскими пол-

область на юго-востоке Ирана и юго-западе Афганистана. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Систан>.

⁹² Муизз уд-Дин Абуль-Харис Ахмад Санджар ибн Малик-шах I (1084/1086–1157) – последний султан Сельджукской империи с 1118 по 1153 год из династии Сельджукидов, происходившей из огузо-туркменского племени кынык. Первоначально – султан Хорасанского султаната, затем унаследовал территории Сельджукской империи. Считается одним из самых выдающихся султанов Сельджуков и самым продолжительным правящим мусульманским правителем до прибытия монголов. http://ru.wikipedia.org/wiki/Ахмад_Санджар.

⁹³ Каракитаи или кара-кидани («чёрные кидани») – ветвь родственного монголам кочевого народа киданей, которая после разгрома государства Ляо чжурчженями в 1125 году откочевала в Среднюю Азию, где заселила Таласскую и Чуйскую долины. Впоследствии каракитаи смешались в местной среде. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Каракитаи>.

чищами Чингиз-хана, но ущерб, причинённый стране, вероятно, был относительно небольшим. Именно тогда началось её процветание. Города на пути из Китая в Европу приобрели вес и богатство, развилась торговля. Вновь расцвело христианство, поскольку среди монголов было много христиан. Религия Креста Господня не только соседствовала с исламом и буддизмом, но и преобладала. Марко Поло, например, в тринадцатом веке встретил в Яркенде христианского епископа.

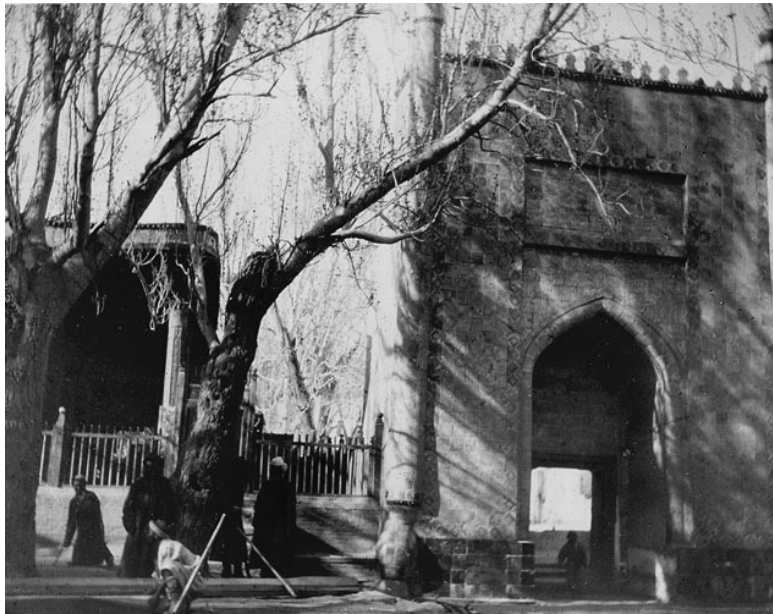
В 1389 году Кашгар был взят Тамерланом, который назначил наместником страны сына местного князя, Тоглука⁹⁴.

⁹⁴ В этом периоде, по-видимому, имеются хронологические неточности. Г.У. Беллью в своей книге «Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873-74 г», С.-Петербург, 1877, с. 26, пишет: «По смерти Чингиза, его громадное государство было разделено между его сыновьями, и Кашгарская территория образовала часть государства, назначенного Чагатаю. Но по смерти его, случившейся немного лет спустя, государство распалось на части, и Кашгар сделался яблоком раздора между соперничавшими князьями Чагатайской линии, и линии его брата, Октая, китайского *Какана*, и переходил частями и весь попеременно то к одному, то к другому до тех пор, пока наконец, в середине четырнадцатого столетия, он целиком, как независимое государство, не достался весь Тоглуку Тимуру, потомку Чагатая, который перенес столицу свою из Аксу в Кашгар... Тоглук Тимур восстановил мир и порядок в стране... и возродил ислам... В конце своего царствования, пользуясь беспорядками, расстроившими страну, он напал на Бухару и оставил сына Илиаса Кхоя правителем Самарканда. Но несколько лет позднее, по смерти Тоглука Тимура, в 1363 г. после Р.Х., он был изгнан из страны Амирзом Хусейном и Тимуром (впоследствии Тамерланом), и, достигнув Моголистана, был убит Камаруддином Дохлатом, губернатором провинции его отца, который тогда захватил весь Кашгар и убил всех детей Тоглука Тимура, за исключением маленького сына».

Впоследствии бразды правления переходили от одного хана к другому, в череде бесчисленных ссор, кровопролитий, грабежей и набегов кочевых племен. Земля не знала покоя, пока не была захвачена китайцами.

В начале семнадцатого века, на фоне восстания против китайцев и междоусобных распрей туземцев, власть захватил уроженец Кашгара Хидаятулла Ходжа. Сей, так сказать, национальный правитель впоследствии был удостоен свято-сти, получил имя Аппак Ходжа⁹⁵ и стал «национальным святым» Кашгарии.

⁹⁵ Аппак Ходжа, Афак Ходжа или Абах Ходжа, полное имя Хидаятулла Афак Ходжа ибн Ходжа Мухаммад Юсуф (1626–1693/94) – религиозный и политический деятель Восточного Туркестана XVII в.; пришёл к власти в Кашгаре в 1660-х годах, но в результате поражения в борьбе с кланом черногорцев (каратаглык) вынужден был покинуть Восточный Туркестан; вернулся к власти в Кашгарии в 1678 году, что имело тяжёлые последствия для уйгурского народа. В современной уйгурской историографии Аппак Ходжа – отрицательная личность. http://ru.wikipedia.org/wiki/Аппак_Ходжа.

У мавзолея Хазрат Аппака. (*D.T. Hanbury*. 1894)

Посвященная ему мечеть, где он похоронен, представляет собой довольно красивое здание, что расположено посреди обширного кладбища и служит центром ежегодного паломничества тысяч его поклонников. К сожалению, ни государственная мудрость, ни личная жизнь хазрата⁹⁶ Аппака не оправдывают уважения к его памяти. Вскоре он пере-

⁹⁶ Хазрат – почётный титул религиозного деятеля в исламе, приблизительно соответствует обращению «святейшество» в христианстве.

дал власть над страной губернатору провинции Или (Кулджи) иностранцу, и, по словам современников, развлекался со всяким сбродом и обирал людей, дабы одевать в шелка своих наложниц и танцующих мальчиков.

После смерти Аппака страна погрузилась в анархию на целое столетие, пока мир не был восстановлен в результате нового завоевания китайцами, которые вели себя с присущей им хитростью. Они сеяли раздор между соперниками в борьбе за власть, религиозными партиями и правителями разных провинций. Преднамеренно назначали губернаторов из числа своих же врагов, дабы разжечь ненависть к ним у народа, а затем, когда противник был достаточно ослаблен распрями и не мог сопротивляться, прибегали к оружию.

С другой стороны, народы Кашгара и Восточного Туркестана в целом, древней Уйгурии, никогда не отличались патриотизмом, единством и гражданским мужеством, равно стремлением блюсти общие интересы страны. Обман, предательство, зависть, соперничество, своекорыстие и подлость народа служили роковыми препятствиями на пути Кашгарии к существованию в качестве независимого государства, к его свободе, хотя географические условия для достижения такой цели были достаточно благоприятными.

И несмотря на это, на протяжении девятнадцатого века произошло по меньшей мере четыре восстания против китайцев под предводительством различных *ходжей*, которые всегда могли рассчитывать на убежище в Андижане. Ход-

жи подстрекали повстанцев, нападали на Кашгар, Яркенд, Хотан, убивали или изгоняли китайских чиновников, захватывали высшие должности в стране⁹⁷. Народ принимал их с радостью, как единоверцев, избавителей от китайского ига. Но требовалось всего несколько недель, чтобы «освобожденные» начинали с тоской вспоминать о прежней власти, при которой наслаждались миром, тишиной и торговлей, задуманными в цепких руках «освободителей». Захватив власть, ходжи принимались систематически грабить население, вести себя как завоеватели в чужой стране. Казни, пытки и всякого рода жестокости по отношению ко всем непокорным были ещё страшнее, нежели при китайцах. Последнее восстание при ходже Вали-хане в 1856 году отличалось крайней жестокостью. Незабвенной памяти путешественник Адольф Шлагинтвейт имел несчастье прибыть в Кашгар в ту пору⁹⁸, как я уже упоминал, и был обезглавлен.

В начале шестидесятых годов прошлого века среди дун-

⁹⁷ См. Почекаев Роман Юлианович. «Узурпаторы и самозванцы “степных империй”. История тюркомонгольских государств в переворотах, мятежах и иностранных завоеваниях». Евразия: СПб, 2016. Гл. «Кашгарские ходжи: вожди национально-освободительной борьбы». <http://history.wikireading.ru/hyfq9LcFe2>. Книга полностью доступна по ссылке: <http://coollib.net/b/437881>.

⁹⁸ Это случилось в августе 1857 года. Подробности о гибели Шлагинвейта и вообще о жестоких проделках Вали-хана приведены в книге Чингиза Валиханова: *Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата, Гл. ред. Казахской СЭ, 1985, 2-е изд., с. 40-43.* http://shoqan.kz/completed/works_adolf_shl/. См. также «Исчезновение Адольфа Шлагинвейта»: <http://history.wikireading.ru/165732>.

ган (китайских мусульман) Центрального Китая вспыхнуло восстание, которое быстро распространилось по Вост. Туркестану⁹⁹.

В то же время в Зап. Туркестане действовал небольшой отряд русских численностью всего полторы тысячи человек под командованием генерала Черняева¹⁰⁰. Ташкент, входивший в состав Кокандского ханства, защищал (от русских – перев.) генерал худояр-хана, Алимкул¹⁰¹. Тот отправил своего друга, ходжу Бузург-хана, в Кашгар на помощь единоверцам. А ходжа, в то время занимавший пост *куш-беги*¹⁰², то есть комиссара полиции, в Пскенте, что в сорока километрах от Ташкента, взял с собой видного солдата Якуб-бека, который в юности был *батча* или танцующим мальчиком (что-

⁹⁹ Восстание дунган в 1862–69 годах. Его поражение привело к переселению группы китайских дунган на территорию Российской империи и в юго-западную Монголию. Один из самых кровопролитных военных конфликтов в истории. http://ru.wikipedia.org/wiki/Дунганское_восстание.

¹⁰⁰ Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) – русский генерал-лейтенант, туркестанский генерал-губернатор, политический деятель. Начал и завершил период завоевания и освоения Туркестана. Среди военных успехов Ч. – взятие Ташкента. http://ru.wikipedia.org/wiki/Черняев,_Михаил_Григорьевич.

¹⁰¹ Мулла Алимкул Хасанбий угли (Алимкуль, Алымкул; 1831/1832–1865) – фактический правитель (аталык) Кокандского ханства (1863–1865) и полководец, главнокомандующий кокандскими войсками. Скончался от раны, полученной при штурме Ташкента отрядом ген. Черняева. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Алимкул>.

¹⁰² Кушбеги Бухары (Бухарский кушбеги) – титул, соответствующий визирю и высшему сановнику в Бухарском эмирате в 1756–1920 годах; дословно – «начальник ставки, становища».

то вроде гейши) в чайхане.

Весь таковой отряд, вторгшийся в Кашгарию, состоял всего из 66 человек, но к ним быстро присоединились беженцы из Ферганы и недовольные уроженцы Кашгара. Город сдался без сопротивления. Это было в 1865 году, через год после взятия Ташкента генералом Черняевым. Затем был осажден Янги-Шар, резиденция *амбаня* (китайского губернатора), но взятие такового оказалось не простым делом. Крепость была захвачена только благодаря предательству Хо Далая, командовавшего гарнизоном. Тот вступил в тайные переговоры с Якуб-беком и согласился сдать крепость и принять ислам при условии, что предоставят охранную грамоту ему, семье и слугам, гарантируют сохранность их имущества. Непосредственно заключив сделку с Якуб-беком, Хо Далай известил о таковой амбаня. Потрясенный изменой своего подчиненного, губернатор взорвал крепость и погиб в руинах вместе с семьей.

Сторонники Хо Далая со своими семьями, вместе с тремя сотнями китайских и дунганских солдат, составивших личную свиту Якуб-бека, пользовались свободой и защитой, но остальная часть города была на семь дней отдана солдатам на разграбление.

На месте старой крепости амбаня Якуб-бек построил себе *урду* (крепость) и женился на дочери Хо Далая. Главнo-командующий экспедицией ходжа Бузург-хан, окрылённый быстрыми и блестящими успехами, заперся в своем гареме и

предался распутству. Конечно, он был легко свергнут Якуб-беком, который бросил его в тюрьму, но затем отпустил, что, по азиатским меркам, является редким проявлением милосердия.

MR. KAPOOR, B.C.

Мухаммед Якуб-бек, английский рисунок 1870-х гг.

Якуб-бек быстро стал бесспорным хозяином всего Вост. Туркестана от Гоби до Тянь-Шаня. Он принял титул Эмира Мухаммеда Якуб-хана, Эмирул-мусульманина, вождя истинно верующих. Ещё его звали Аталуик, то есть Защитник веры. Своим духовным покровителем он считал турецкого султана и от его имени издавал указы и чеканил деньги¹⁰³.

Появление нового мусульманского государства в Средней Азии сразу же привлекло внимание Лондона и Санкт-Петербурга, и посольства были отправлены туда с обеих сторон.

Англичане явно завышали значение Якуб-бека, они относились к нему как к могущественному правителю обширной страны, своего рода потенциальному Тамерлану. Но в глазах русских он был всего лишь сартским авантюристом. В то время столь же пренебрежительно русские относились к ханам Коканда и Хивы, равно и к бухарскому эмиру.

Россиянину забавно читать, с каким глубоким уважением сотрудники посольства Форсайта готовились к аудиенции у

¹⁰³ «Он лучше всех сознавал, что никаких заслуг за ним нет, что все дело заключалось в счастье, которое вознесло его на такую высоту, до которой не подымались и люди, ему прежде покровительствовавшие, и усвоил себе титул Бадаулета – «счастливец». Возвышение лиц подобного рода показывает, до какой степени упала Средняя Азия и до какого ничтожества дошло ее население». – *Веселовский Н.* Бадаulet Якуб-бек аталык Кашгарский. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1898. (Отдельный оттиск из «Записок Восточн. Отдел. Имп. Русск. Археолог. Общ.», Том XI). Книга доступна по ссылке: http://militera.lib.ru/bio/0/one/veselovsky_n_yakubbek.rar.

«Его Высочества» Кули-бека, сына и преемника Якуб-бека, сколь церемонно они подходили к этому юному, но жестокому деспоту. Своею безжалостностью, бесчеловечными злодеяниями сей детёныш сарта, сын выскочки-бродяги и бывший «танцующий мальчик» из чайханы сумел превзойти отца своего! В ту пору ему было двадцать шесть и считался он солдатом. Провинции Урумчи и Манас, которые его отец доверил ему, превратил он в пустыню. Его младшего брата звали Хан Кули-беком; мать была киргизкой из рода кипчаков.

Разорительное правление Якуб-хана постепенно подвигло население Кашгара против него же, своего «освободителя», и китайцы ловко использовали растущую непопулярность бека. А тем временем армии их неотвратимо двигались на Кашгар со стороны Гоби. Вновь захватывая города и провинции, они восстанавливали порядок, отменяли гнетущие порядки и налоги, введенные чиновниками Якуб-хана, прилично обращались с людьми, освобождали военнопленных. Результатом столь хитрой политики стало то, что население со всех сторон принимало китайцев с распростертыми объятиями, и войска Якуб-хана рады были сдаваться в плен без боя.

Военное счастье отвернулось от Якуба. Придя в отчаяние из-за бессилия оказать сопротивление китайской армии, он покончил с собой, приняв яд. Это было в 1876 году. Легенда гласит, что он доверил судьбу свою воле рока: приказал принести одинаковые чашки кофе и в одну из них поместил

смертельный яд, затем перетасовал чашки, ушел в другую комнату, а когда вернулся, взял ближайшую чашку и выпил.

После его смерти два его сына принялись отчаянно бороться за власть, и с обеих сторон немало было явлено кровопролития и предательства. Наконец, осознавая неизбежность грядущей опасности с китайской стороны для обоих, Кули-бек предложил брату примирение. Братья встретились и в назначенном месте в назначенный час, каждый со своей вооруженной свитой. Спешились, подошли друг к другу, дабы пожать руки в знак забвения былой вражды. Обнялись..., и в этот самый момент Кули-бек выхватил револьвер и застрелил собственного брата. Так история Каина и Авеля повторилась в долине Кашгара.

В молодости часто видел я на хлопчатобумажной фабрике моего отца в Ташкенте одного сарта. На вид он не был стариком, однако носил, явно окрашенную в чёрный цвет, длинную бороду. То был *дехканин*¹⁰⁴ или *чистач*, то есть помещик и торговец хлопком из Пскента. Он привозил свой хлопок на нашу фабрику для обработки, и иногда я подписывал распоряжение, по которому он получал в банке ссуду под залог своего хлопка. В этом скромном и молчаливом сарте, которого звали Кули-бек, никто бы не узнал Его Высочество наследника трона Кашгара, который в свое время не гнушался

¹⁰⁴ Первоначально дехканами назывались зажиточные крестьяне, выселившиеся из общины и ведущие самостоятельное хозяйство, частью превратившиеся затем в феодалов, иногда – сельские старшины. Позже в Средней Азии так стали называть крестьян-земледельцев.

никакой жестокости, грабежа целой провинции, и был способен совершить вероломное убийство родного брата.

Когда в девяностые годы среди мусульман Кашгара снова явились признаки волнений, я лукаво, полушутя спросил у Кули-бека:

– Ты слышал, что происходит в Кашгаре. Почему бы тебе вновь не попытаться там счастья?

– *Тахир*¹⁰⁵, – ответил бывший правитель Кашгара, скромно потупя взор, – Моё время прошло...

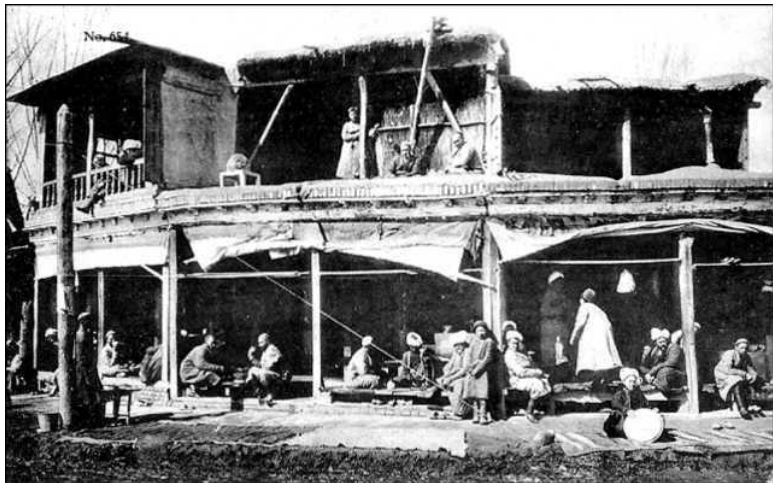
Вот уж воистину: *Sic transit gloria mundi!*

¹⁰⁵ Тахир – арабское имя, указывающее на чистоту; вежливое обращение.

Глава III

Жизнь базара. – Китайское правосудие. – Неосмотрительность и ужасный конец генерала Ма. – Жестокость дуду. – Казни в обед. – Отменные законы и жестокие наказания. – Британское Генеральное консульство и общественная жизнь.

Как и во всех городах Азии, базар – не только рынок фруктов, овощей и прочего товара, но и средоточие общественной жизни. В его бесчисленных и просторных *чайханах*, т.е. чайных, с их огромными самоварами, ковриками на полу и топчанами с пёстрыми коврами, вечером перед омовением и молитвой собирается самое разношерстное общество. Центральная Азия – страна демократичная, без классовых различий и каст.

Чайхана, т.е. чайная. (*W. Hartevelde*, 1913. Общественное достояние).

Богатые и бедные, солидные беки и простые дехкане, сидят в чайхане бок о бок, пьют одинаковый чай из одинаковых пиал. Все едят одинаковые лепёшки, вдыхают дым табака из одного *чилима*, наргиле¹⁰⁶. Когда подносят к губам мундштук после сотни других курильщиков, никогда не испытывают чувство брезгливости, и не придет им в голову мысль о салфетке. Здесь свободно обсуждаются все новости дня, дела правительства и беков, полицейских и судей, слухи торговые и политические.

¹⁰⁶ То же, что *кальян*; распространённое на Ближнем Востоке устройство для курения, пропускающее дым через воду.

Базар и мечеть в Кашгаре. (С.Г.Е. Mannerheim. 1907)[7]

Здесь нет словесной цензуры, и общественное мнение выражается открыто; даже высокопоставленным и влиятельным людям приходится считаться с базарными сплетнями, коими не так-то легко пренебречь. Здесь приветствуются свои народные средства «вещания», ибо публика здешняя любит искусство рассказчика, какого-нибудь странствующего дервиша или слабоумного *дувана*¹⁰⁷ с его байками и при-

¹⁰⁷ Дуван – у татар *рассыльный*; здесь приблиз. – сплетник, болтун. Ср. с про-

баутками.

На Кашгарском базаре каким-то быстрым и таинственным образом, будто молнии, вспыхивают вдруг новости с базаров иных городов Кашгарии – Яркенда, Хотана и даже таких далёких городов как Пекин и Кабул. Волны базарных слухов не менее загадочны, чем волны электромагнетизма.

В густой и разнообразной толпе чайханы тщетно было бы искать китайских чиновников или солдат. Считая себя народом более цивилизованным и культурным, они чуждаются народа местного, но держат ухо востро и внимательно прислушиваются к мнению базара.

На рыночной площади Кашгара находится самая большая городская мечеть, поэтому можно сказать, что базар есть средоточие не только мирской, но и духовной жизни города. Здесь может быть обсуждаемо всё: от нарушений шариата до таких комичных событий, как утрата калошей каким-нибудь мусульманином, чересчур углубившимся в молитву. Впрочем, в Кашгарии, стране воров, подобные кражи – явление обычное, так что прихожане практичные и осторожные кладут калоши перед собой, и, падая ниц, не сводят с них глаз.

Иногда днём можно увидеть, как свой обход по базару осуществляет «инспекция мер и весов». Вот впереди шествует достопочтенный *кази*, то бишь судья, за которым едет всадник с *кумчей*, длинной толстой плеткой – это должностное лицо, немедленно приводящее в исполнение приговор

кази. За ним снова едут *бек, паршабы* (полицейские) и толпа зевак. В качестве эталонов веса используют они булыжники, что добываются прямо со дна реки, а мерой длины служит *аршин* или *гез*¹⁰⁸, равный двум и одной трети фута. Любопытно, что за единицу веса многих товаров, таких как дрова, клевер, сено, ячмень, пшеница, дыни, виноград и т.п. принимается средний вес ноши осла. Часто можно слышать выражение: «Я купил сегодня пару ослов дынь». Обычно такая ноша весит около ста пятидесяти фунтов (70 кг).

¹⁰⁸ Аршин старорусский = 1/3 сажени = 4 четверти = 16 вершков = 28 дюймов = 0,7112 м. Гез (газ, араш, зира или арабский локоть) – мера длины в мусульманских странах, примерно соответствующая размеру локтя. Известна со Средних веков Мера длины, не имеющая определённого значения; в разное время и в разных странах варьировалась примерно от 54 до 107 см.

Уличная сцена в Кашгаре. (Н.Н.Р. Deasy, 1901)[15]

Торговцы, уличенные в продаже товаров заниженного веса или плохого качества, получают приговор от кази, и его тут же на месте приводит в исполнение палач с кнутом. В случае с богатым торговцем кази всегда рад заменить своё наказание штрафом, ибо вырученные средства идут прямо в карман сего блюстителя шариата.

Однажды я увидел, как эта процессия встретила сарта, ведшего пару ослов с чёрным виноградом.

– Куда везешь ты виноград? – спросил кази.

– К русскому, – ответил сарт.

– Зачем ему так много? Он им торгует?

– Нет, он делает вино, – ответил наивный крестьянин.

– Как! – в ужасе воскликнул кази. – Ты хочешь сказать мне, дурак, будто не ведомо тебе, что вино строго запрещает шариат? Как смеешь ты нарушать заповедь Пророка, да будет благословенно имя его, и участвовать в деле, столь неугодном Аллаху?

Преступник был должным образом наказан, а его виноград конфискован защитником грубо нарушенного шариата.

На следующий день паршаб появился в доме русского и поймал там ещё одного нарушителя сухого закона, также с ослом, груженым виноградом, явно предназначенным для нарушения Корана, но этот сарт был более опытным. Он дал полицейским восемь тенге, около одного шиллинга и четы-

рѣх пенсов, и сделка состоялась.

Однако не следует полагать, что Кашгар в общем отличается трезвостью. Китайские власти не запрещают продажу или употребление спиртных напитков, однако сарты пьют мало, и пьяный сарт – редкость. Заменой алкоголя здесь служат наркотики, опиум и гашиш.

На главных воротах города, северных и южных, где начинаются базарные улицы, власти обычно развешивают публичные объявления на двух языках: местном тюркском диалекте и на китайском, который понимают очень немногие. В 1921 году, когда большевики издали свой знаменитый указ об «амнистии», призывающий всех русских подданных за границей, незамедлительно зарегистрироваться в ближайшем советском консульстве, под страхом наказания лишением всех гражданских прав и провозглашением их вне закона, генерал-губернатор провинции Синьцзян поручил даоиню уведомить российских граждан в Кашгаре о требовании Советов. Префект, не желая ни тревожить многочисленную часть магометан, которая ранее была русскими подданными, ни беспокоить русскую колонию, приказал вывешивать уведомление только на официальном языке, то есть на китайском, так что указ остался «мертвой буквой». Я сам узнал о таком только шесть месяцев спустя.

Но не одни лишь наивные извещения можно видеть на массивных, окованных железом воротах города. Часто их украшают орнаменты ужасающие. В течение четырех лет,

прожитых в Кашгаре, видел я множество ампутированных рук или ног человеческих, прибитых к воротам и снабженных надписями о том, чьи это были члены и по какой причине отсечены. Бывало, что рядом заодно приковывали и законного владельца конечностей. По большей части то были «жертвы правосудия» кровожадного тирана, много лет правившего в Кашгаре титая, генерала Ма¹⁰⁹. Номинально он был главнокомандующим армией, но на самом деле – никому не подотчётным деспотом с полномочиями, ограниченными лишь его собственным капризом.

К.П. Скрин в своей интереснейшей книге «Китайская Центральная Азия»¹¹⁰ всесторонне описал страну, её природу, таинственные горные ущелья, очаровательные долины и жизнь простого народа. Там же ярко представил он жизнь и деятельность генерала Ма, сего зловещего монстра в лице уродливого старого китайца, его невероятную жестокость и насильственную смерть. Мне остается лишь добавить описание нескольких эпизодов карьеры титая, свидетелем коих я оказался.

¹⁰⁹ Ма Фусин (Ма Фу-син; 1864-1924). Во время правления Ян Цзэнсиня в Синьцзяне Ма был назначен военным комендантом, а затем титаем Кашгара. http://en.wikipedia.org/wiki/Ma_Fuxing.

¹¹⁰ «Chinese Central Asia» by C.P. Scrine. Mahuen & Co Ltd. London. First published in 1926. 306 pp. Скрин (Скрайн) Клермон Персифаль – см. сноску 1. Книга переведена на русский язык, причем имеются две редакции: 1) А.(?) Скрин. Китайский Туркестан. М.-Л.: Молодая гвардия, 1930 и 2) Скрайн. Китайская Центральная Азия. Молодая гвардия, 1935. Все издания доступны в Интернете.

Как-то раз, вскоре после моего приезда в Кашгар, покупал я фрукты на базаре и вдруг услышал чей-то пронзительный крик и дикий вопль. Я оглянулся и увидел тощую, изодранную старуху, взгляд её широко раскрытых глаз был исполнен безумия.

– Где сын мой? Где мой мальчик? Верни мне его! – стенала несчастная в отчаянии.

– Что с ней, что случилось? – спросил я стоящего рядом сарта. Он взглянул на меня и, не ответив, ушел. Я спросил другого:

– Почему бедная женщина плачет?

Он отвернулся, что-то бормоча. Я уловил лишь невнятное: «титай».

Позже один мой местный знакомый рассказал её ужасную историю. Был у бедной женщины единственный сын, мальчик лет тринадцати, коего любила беззаветно. Но был тот ужасно избалован и как-то повелся с компанией *кумарбази*, то бишь профессиональных уличных игроков. Однажды она отправила сына купить еды на свои последние гроши, но молодой шельмец деньги проиграл. Огорченная мать пожаловалась соседям и спросила совета, что делать ей с непутёвым сыном. И кто-то вселил ей в голову роковую мысль: воззвать к титаю.

Старик внимательно выслушал жалобу и сказал: «Приведи ко мне сегодня вечером сына, и я научу его. Обещаю, он никогда больше не будет играть в азартные игры. Вернешь-

ся за ним утром». На следующий день мать пришла, и титай отвел её во внутренний двор. Явилось жуткое зрелище: посреди двора, привязанное к столбу, висело тело мальчика с зияющей раной в горле. «Вот он! Можешь его забирать. Я ведь обещал тебе, что он больше не будет играть с кумарбази», – произнес изверг. Сраженная мать лишилась рассудка и с той поры, живя на подаяния, стала бродить по городу в поисках сына.

Вот ещё истории о титае.

Некий почтовый чиновник, китаец, не имея своих детей, усыновил ребёнка бедного сарта, одел, дал хорошее образование; ребёнок вырос порядочным и воспитанным, приёмные родители к нему привязались. Когда однажды явился настоящий отец, отъявленный хулиган, и стал требовать сына обратно, китаец откупился. Сарт же вошел во вкус и повадился приходить за деньгами всё чаще и чаще. Китайцу вымогательство надоело, и он, в конце концов, шантажиста прогнал. Тогда сарт пожаловался титаю. Тот послал за чиновником и, будучи в стельку пьяным, приказал солдатам китайца застрелить, что тотчас же было исполнено.

Некая хорошенькая девушка имела несчастье привлечь к себе внимание старого негодяя, и он, возжелав пополнить ею свой гарем, стал требовать дочь у родителей. Когда несчастная пара, обожавшая свою дочь, осмелилась отказать, сей дьявол распял обоих на стенах крепости.

Одна из жён рассердила его – он отрезал ей язык. Другая

имела неосторожность взглянуть из окна на солдат во дворе – он связал ей руки за спиной, пропустил меж них шест, за него подвесил и забил до смерти.

Любимым способом наказания за мелкие правонарушения было у титая постепенное отсечение пальцев наказуемых посредством особого станка, вроде сечкарни (соломорезки).

Его интересы выходили далеко за пределы военных функций. Особый интерес проявлял к добыче полезных ископаемых, к разработке месторождений меди, нефти, нефрита, угля, к перегонке керосина и выжигу кокса. Расширял свои владения за счёт земель чужих путём насильственного их захвата. При том не платил наличными, но давал расписки с обязательством заплатить позже, после сбора урожая риса, что по сути означало «в греческие календы»¹¹¹. Один наивный сарт, у которого таким образом была куплена земля, имел дерзость явиться к нему осенью, именно после сбора урожая риса, и просить денег. Титай ответил, что проситель прав на землю не имеет, ибо таковая принадлежит государству, и приказал сломать несчастному руки и ноги и бросить в реку.

Целый том могло бы составить описание зверств, совер-

¹¹¹ «Ad Calendas Graecas» – «В греческие календы», «До греческих календ» – латинская поговорка, означающая срок, который наступит неизвестно когда или вообще не наступит. Соответствует русским «после дождичка в четверг» и «когда рак на горе свистнет». Ср.: «на китайскую пасху». Календами древние римляне называли первый день каждого месяца. В этот день заёмщики оплачивали проценты согласно записям в долговой книге. У греков «календ» не было.

шенных этим чудищем.

Помимо прочих патологий, была у него мания строительства. На болоте, известном как Бакалык (лягушачье), выстроил «дворец» в виде нескольких дворов, невысоких зданий и дома в три этажа – его каркасные стены, из тонких досок и жердей, были заполнены саманом; верхний этаж назначен «залом для аудиенций». Когда я поднимался туда по шаткой лестнице, всё здание дрожало. Тростниковую кровлю дома уж никак нельзя назвать водонепроницаемой. Но титай гордился своим детищем безмерно и считал его лучшим в мире. Однажды спросил он шведского инженера, строившего для него нефтеперегонную установку:

– У вашего короля такой же дворец, как у меня?

– Нет, – не кривя душой ответил швед, – у нашего короля нет такого дворца, как Ваш!

– Ха-ха! – усмехнулся старый китаец. – Почему бы ему не выстроить себе дворец по плану моего? Я дам ему копию.

– Наш король беден, – слукавил швед, – и не может позволить себе такую роскошь.

Титай пришел в восторг от сей лестной для него новости, ибо возносила она его выше уровня шведского короля.

– А что делает ваш король, когда идет дождь, и вода течет сквозь крышу?

– То же, что и Вы, – невозмутимо ответил инженер, – он подставляет таз под место, где льет, а затем тряпкой вытирает пол.

Как и все китайцы, титай упивался лестью, даже более нелепой, чем в сцене, описанной выше. Вот ещё один пример.

Как-то раз два члена русской колонии обратились к нему с просьбой продать им несколько фунтов пороха для охотничьих ружей. Он принял посетителей любезно, но в продаже пороха решительно отказал:

– Как я могу продавать государственные запасы частным лицам, тем более – иностранным подданным? Порох является собственностью правительства Китая, и я должен учитывать каждый его фунт. Кто может гарантировать, что вы собираетесь использовать его исключительно для охоты?

Генерал Ма – недавний титай Кашгара. (*Неизв. автор, 1916-1924. Wikipedia. Общественное достояние*)

Пока они пили неизбежный в таких случаях чай, он принялся расспрашивать посетителей о положении дел в Советской России.

– Положение там скверное. Большевики захватили власть, грабят, разрушают и убивают.

– Так почему бы одному из ваших старых генералов не захватить власть и не выгнать их?

– К сожалению, нет у нас сейчас хороших генералов.

– Вот если бы я был там, я бы живо расправился с большевиками! За очень короткое время в живых не осталось бы ни одного! – воскликнул титай.

– Конечно, Вы бы точно преуспели, – согласились гости.

– Вы действительно так думаете? – пришел в восторг старик.

– Мы более чем уверены в этом, – подтвердили они, забавляясь невероятной глупостью старого бандита. – Одного имени Вашего было бы довольно, чтобы вселить ужас в их сердца. Вас повсеместно считают величайшим воином нашего времени, все газеты мира исполнены похвал в Ваш адрес. Комиссары затрепещут от страха, как только узнают, что сам знаменитый генерал Ма идет на них.

– Неужто газеты пишут обо мне?

– Конечно, пишут везде: в Индии, Японии, Англии, Фран-

ции, Америке... везде, где только слышали о Вас.

Старый злодей пришел в неописуемый восторг и от души тряс гостям руки.

– Какое удовольствие, – распинался он, прощаясь, – встретить высокообразованных людей, как приятно беседовать с ними! Я был бы рад показать, как ценю вашу компанию. Вы ведь упомянули, что хотите немного пороха. Сколько вам нужно?

– О, генерал, несколько фунтов, скажем, три или четыре, если возможно.

– Всего-то? Этого вам хватит ненадолго. Лучше возьмите больше, скажем, десять или пятнадцать фунтов. Я немедленно прикажу отгрузить.

В тот же день они даром получили весь порох, что хотели.

Но было бы ошибочным считать, будто генерал Ма был совсем уж глуп, хотя и не был грамотным. «Что проку мне от чтения и письма? – обычно говорил он. – Я солдат; у меня есть клерк, который пишет и читает».

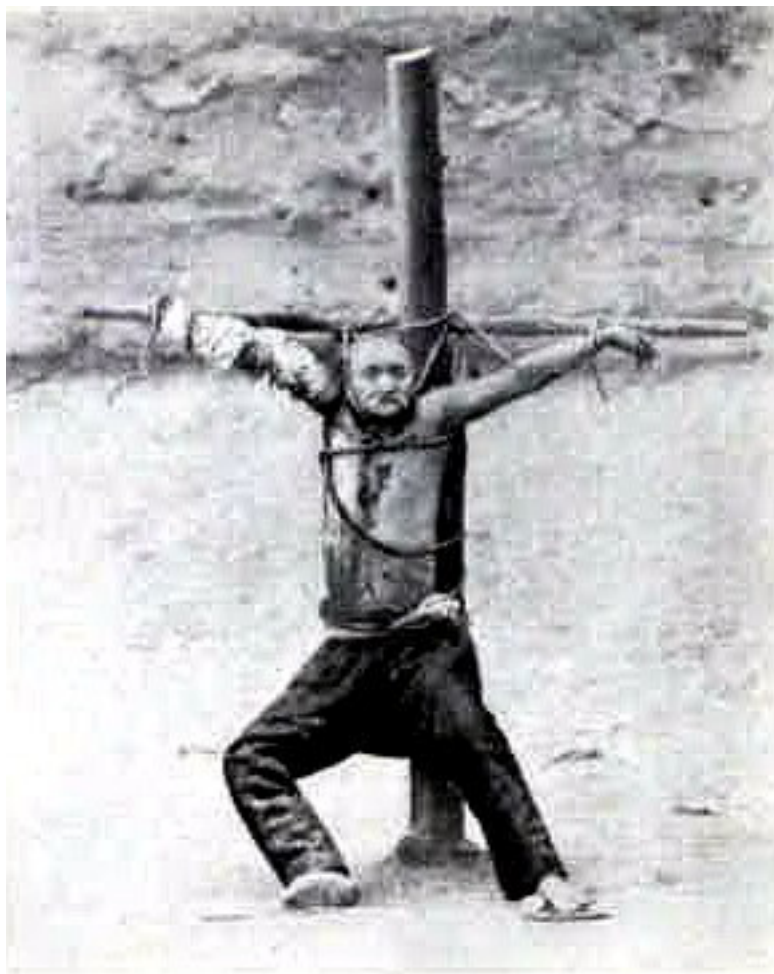
Когда в Кашгаре был установлена станция беспроволочного телеграфа, титай отнесся к новшеству скептически: «Это ж сущий обман, инженеры обманули дураков в Пекине. Они верят, что можно говорить с Кашгаром с помощью железных башен? Я ещё могу понять, как телеграммы идут по проводам, но как говорить на тысячи *ли* посредством таких штуквин?» И он не только отказался удостоить своим присутствием официальное открытие станции, но ещё и упрекал

других китайских высокопоставленных лиц: «Вам не стыдно участвовать в подобной чепухе? Вы же умные и образованные люди и должны понимать, что без проводов невозможно отправить телеграмму за тысячи миль. Это же противоречит здравому смыслу!» В рамках своих представлений генерал Ма был по-своему логичен. В истории науки известно немало случаев, когда люди отказывались принимать очевидные факты лишь потому, что не могли их объяснить. И поныне суть множество так называемых людей от науки, которые не далеко ушли от мировоззрения китайского генерала.

Его сын, *сетай* – комендант крепости Кашгар, был не столь жесток, возможно, из-за молодости или, скорее, из-за пристрастия к опиумной трубке, но и он не долго раздумывал, когда наказывал своего слугу тремя тысячами палок за потерю хозяйственных денег. «Курение опиума – вещь отличная, – говорил он, – никогда не заболите, если курите его». А вот вдыхать аромат цветов или духов он считал вредным. «Нос быстро разъедается от постоянного нюхания сильно пахнущих цветов, – говорил он. – Посмотрите, как много мужчин и женщин здесь, в Кашгаре, с выеденными носами, и всё из-за слишком частого нюхания». Как истинно послушный сын, он беспрекословно подчинялся отцу. Старик, услышав однажды, что сыну удалось заполучить в «жёны» необычайно красивую девушку, приказал передать её себе, что сын и сделал без колебаний: сыновняя почтительность рассматривается китайцами как одна из главных се-

мейных добродетелей.

Судьба генерала Ма и его сына подробно описана в книге г-на Скрина. Чаша беззаконий была переполнена, и даже у китайских властей терпение лопнуло. Генерал-губернатор провинции Синьцзян направил из Урумчи специальный отряд, который однажды рано утром ловким маневром захватил крепость Янги Шар, что расположена примерно в пяти милях от Кашгара, и куда генерал перебрался, когда был сожжен его знаменитый дворец. Командир отряда получил приказ схватить генерала Ма и доставить его живым в Урумчи, конечно же, с целью получения достаточно большого выкупа. Но старый злодей проявил смелость, оказав стойкое сопротивление; был ранен, приведен к городским стенам и расстрелян; его тело было выставлено на всеобщее обозрение, дабы люди знали, что его жестокостям настал конец.

Генерал Ма – возмездие Немесиды. (Неизв. автор,

1916-1924. Wikipedia. Общественное достояние)

Когда его сына призвали сдаться, тот ответил огнём, но был убит. Произошло это в июле 1924 года, перед моим отъездом из Кашгара.

Генерал-губернатор Синьцзяна, дуду, убитый спустя два года, не сильно отставал от генерала в жестокости, в целом присущей китайцам, о которых справедливо говорят: они не наделены нервами. Но в отличие от генерала Ма, дуду был человеком высокообразованным – конечно, в рамках китайской школы. Имел репутацию глубокого знатока китайской философии и даже был автором нескольких работ по предмету. Его философские достижения, впрочем, никоим образом не мешали ему грабить народ. Подобно большевикам, присвоил он себе монополию на хлеб. Когда русские белогвардейцы и беженцы зашли на территорию Китая и сложили оружие, он продал врагам за наличные и самих несчастных, и сданное ими оружие. Фактически он заключил в тюрьму и заковал в цепи лидеров Белого движения, наивно веривших в силу международного права и милость китайских властей. Возникла настоящая работорговля солдатами Белой армии, чаявшими убежища на территории Китая.

Однажды во время официального обеда в присутствии многочисленных гостей были расстреляны два китайских чиновника один за другим; их преступление состояло в том, что ненароком вызвали недовольство тирана; третий, опасаясь той же участи, попытался спрятаться, но солдаты тут же

проткнули его штыками. Ужин продолжался, как ни в чём не бывало. Поскольку китайские банкеты состоят из многих десятков блюд и длятся несколько часов, времени для экзекуций на них бывает достаточно.

Вообще китайцы считают обед наиболее удобным временем для арестов. Вот типичный пример. Атаман Анненков¹¹² до последней возможности вёл решительную борьбу против большевиков в Сибири. В конце концов, с горсткой соратников был вынужден искать убежища на территории Китая. Как выдающегося офицера, дуду пригласил его на банкет, а после арестовал, бросил в тюрьму и приковал цепью к стене камеры.

Трапезы всякого рода особенно хороши для отправки в мир иной неудобных лиц посредством яда. По этой причине гость, у которого есть основания ожидать, что хозяин приготовит блюдо специально для него, всегда примет елико возможные меры предосторожности, заменив то, что подано ему, на поданное хозяину либо одному из соседей по столу. Кашгарский даоинь, к примеру, и титай ненавидели друг

¹¹² Борис Владимирович Анненков (1889–1927) – войсковой старшина Русской императорской армии, в годы Гражданской войны – генерал-лейтенант в составе Сибирской армии Колчака, командующий Семиреченским соединением. В апреле 1920 ушёл с остатками отряда в Синьцзян. В марте 1921 арестован китайскими властями и посажен в тюрьму г. Урумчи. В апреле 1926 обманным путём передан чекистам, действовавшим на территории Китая, и через Монголию вывезен в СССР. 25 августа 1927 по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян в Семипалатинске. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Анненков, Борис Владимирович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Анненков,_Борис_Владимирович).

друга смертельно и принимали данную меру предосторожности всякий раз, когда приходилось им встречаться на каком-либо официальном обеде.

Перекресток у Северных ворот служил местом почти регулярных казней в базарные дни. Здесь публично отрубали руки, ноги или головы правонарушителям. Для экзекуций использовался особый короткий меч с широким лезвием. Палач протирает меч куском хлеба, который съедает, «дабы не питать жалости к людям». Затем и палачу доставалось несколько хороших ударов кнутом, «чтобы не чувствовал угрызений совести». В каждом таком случае амбань, местный судья, за сам факт преступления в его районе штрафовался на двести сар – за проявленную халатность.

Одним из следствий учреждения российского консульства в Кашгаре стало временное запрещение публичных казней и увечий, равно уменьшение жестокости властей в целом, но теперь, с развитием «национального самосознания», китайцы всё меньше и меньше обращают внимание на мнение Европы по данному вопросу.

В мою бытность в Кашгаре, туземцам отрезали руки за отказ менять старые бумажные деньги на новые – вот уж поистине жёсткая финансовая мера! Однако на практике предельно жестокие меры наказаний и пыток едва ли достигают своей цели: кашгарские воры не побоялись даже ограбить дворец самого грозного титая. Убийства с целью наживы довольно распространены, но нет банд настоящих «разбойни-

ков с большой дороги».

Образованный китаец в Европе, если его упрекнут в жестокостях и пытках, что практикуются в его стране, с негодованием будет их отрицать и решительно заявит, что китайские суды ни в чем не уступят европейским. В оправдание укажет на недавний закон об уголовном наказании, подготовленный выдающимися европейскими юристами. Таковой, безусловно, не хуже, если не лучше любого уголовного кодекса в Европе. Европейские и американские делегаты на Вашингтонской конференции¹¹³ были настолько очарованы этим чудо-кодексом и безупречностью фрака доктора Веллингтона Ку¹¹⁴, что почти готовы были отдать своих граждан под сень китайской юрисдикции. Но китайцы, весьма напуганные собственным успехом, просили отложить обсуждение данного вопроса на три года. По сути, китайские суды так же далеки от закона, как их так называемая республика – от своей Конституции. Я очень сомневаюсь, что копия китайского Кодекса может быть найдена хотя бы в одном суде Синьцзяна. Свод законов здесь в любом случае считается

¹¹³ Вашингтонская конференция (12.11.1921–6.2.1922). Инициатива проведения конф. по ограничению морских вооружений проявлена в июле 1921 президентом США У. Гардингом. Основной целью, как и Версальской конф. 1919 г., стало закрепление раздела мира между великими державами после 1-й мировой войны. <http://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=8537>.

¹¹⁴ Гу Вэйцзюнь, также известный как Веллингтон Ку (англ. V.K. Wellington Koo, 1888–1985) – китайский дипломат и политический деятель. Доктор философии, министр, врем. президент КНР, китайский представитель в Лиге Наций и т.п. Участник Вашингтонской конференции.

совершенно излишним.

Забавной иллюстрацией к сказанному может послужить случай, когда представитель компании Маркони, желая купить участок для радиостанции, попытался кое-что выяснить в местном законе о земле и попросил показать копию Кодекса. Китайские власти просто не могли понять, чего хочет этот англичанин, просит какую-то книгу, и недоумевали, чем бы она могла быть ему полезна. «Мы дадим вам любой участок земли – пообещали ему. – Вам остается лишь выбрать и показать нам. Мы можем сделать всё, что нужно. Зачем вам книга законов? У нас её в помине нет, и не надо».

Боюсь, что утомил читателя рассказом о тёмных сторонах китайского характера, но, увы, он был необходим для завершения картины жизни в Кашгаре. Условия здешние таковы, что они ближе, скорее, к средневековью, нежели к сегодняшнему миру западному, и представления о них отличны от того, что могут представить себе европейцы и американцы, знакомые с жизнью в республиках Дальнего Востока.

Моя жизнь в этом уединенном уголке мира была бы очень одинокой и скучной, если бы не присутствие нескольких россиян и наличие британского консульства. Без таковых я оказался бы в роли перенесенного машиной времени в эпоху Марко Поло. Британское консульство послужило мне связующим звеном с XX веком и Европой. Полковник Этертон¹¹⁵

¹¹⁵ Перси Т. Этертон (P. Etherton) сменил сэра Джорджа Макартни на посту британского консула в Кашгаре (август 1918?). Н. Фицморис (N. Fitzmaurice) –

и мистер Н. Фицморис были необычайно добры ко мне. Я, который так долго был отрезан от книг и внешнего мира, упивался великолепной библиотекой, газетами, обзорами и телеграммами агентства Рейтер. То воистину было «окном в Европу» из затерянного мира.

Русская колония и англичане постоянно обменивались гостеприимством: обедами, чаепитиями и пикниками. В Кашгаре все эти развлечения называют словом *тамаша*¹¹⁶. Любой приём, пикник, прогулка за город, спектакль, представления, концерты и любые другие развлечения называются тамаша. Это очень полезное и исчерпывающее слово. Многие вещи, которые простой уроженец Кашгара не в состоянии понять, становятся ясны, если называть их тамашой. Когда я проводил геологические изыскания в окрестностях города, бродя по лабиринту вертикальных стен, каналов и каньонов в лёссовых отложениях пустыни, всякий сарт, который случайно встречал меня, обязательно спрашивал, что такое я тут делаю. Объяснить ему было бы совершенно невозможно, но его всегда вполне устраивали волшебные слова «*Тамаша-га келган*» («Я пришел за тамашой»). Вы даже можете пойти в чужой сад и сослаться на тот же повод – он безоговорочно будет принят как оправдание посягательства. Как, например, можно вбить в непрошибаемую голову сред-

представитель британского консула с мая 1922 г.

¹¹⁶ Тамаша – (татарск.) сущ. – зрелище, представление; забава, развлечение; нар. перен. – удивительно (много, хорошо).

невекового азиата, что мы подразумеваем под прогулкой за город? Скажите, что это тамаша, и он поймет.

Однажды я получил приглашение на тамашу. «А что это?» – спросил я. «Кебаб», – было ответом, или то, что мы в России назвали бы шашлыком¹¹⁷, с народными песнями.

Местные обеды в Кашгаре – полная противоположность китайским. Обычно состоят из одного блюда, иногда из двух, редко из трёх. Одно из них – неизбежный среднеазиатский плов, или шашлык, или *кавардак*, разновидность тушеной баранины с овощами. Для обеда обязателен *дастархан* (слово, собственно говоря, означающее скатерть). Его раскладывают на столе, если присутствуют европейцы, или на полу, если это чисто местная вечеринка, сервируют всевозможными сладостями, сушеными и свежими фруктами, вареньем, арбузами и т.д. Трапеза включает чаепитие и сопровождается дружеской беседой и даже танцами. Когда настает время настоящего обеда, приносят порцию *piece de resistance* (главное блюдо) в виде плова или кебаба, к которому гости приступают со всей серьёзностью, дабы наесться. На этом этапе было бы плохим тоном начать интересный разговор.

Всеобщее внимание сосредоточено на серьезном деле. Даже во время последующего чаепития соблюдается молчание, чтоб не мешать пищеварению. Поскольку скудный аппетит

¹¹⁷ Небольшие кусочки баранины, вырезанные из нежного мяса, чередующиеся с кусочками жира, нанизанные на вертел и запекаемые на дровах или углях – кушанье, достойное королей. (Прим. П.С. Назарова).

является оскорблением для хозяина, гости вдоволь вкушают обильной и сытной пищи. Алкогольные напитки запрещены, всех клонит ко сну, но сонливость гостей не считается предосудительной.

Как-то раз я был приглашен на дастархан. На ковре среди подушек восседала дама в платье из красного шелка, в чёрной бархатной безрукавке, расшитой золотом, с блестящими чёрными волосами, украшенными золотой короной в виде гирлянды. Аккомпанируя себе на *дутаре*, местном инструменте наподобие гитары, она спела современную балладу неизвестного автора о подвигах туркестанского героя Хал-Ходжи¹¹⁸, погибшего на Тянь-Шане в 1922 г.

¹¹⁸ Хал-Ходжа, курбаши киргизских басмачей (1921-22 гг.).

Дастархан. (Б.Л. Громбчевский, 1891)[13]

Много лет назад Хал Ходжа, как и многие герои Средней Азии, разбойничал в Фергане. Захваченный царским правительством, был сослан на каторгу в Сибирь. Вернувшись на родину незадолго до большевистской революции, Хал-Ходжа объявил себя ярким противником Советов. Он собрал отряд смельчаков и принялся нападать на эшелоны и отряды Красной Армии, а однажды даже захватил город Андижан, так что быстро стал национальным героем Туркестана. Начатое им движение против большевиков распространилось по всему Туркестану, и коренные жители стали возлагать на него большие надежды. В марте 1922 года, отступая через

горы на территорию Китая, Хал-Ходжа попал в лавину в глубокой, узкой долине, и вся его группа из трёхсот человек погибла. В очередной раз судьба сыграла на руку большевикам, избавив их от опаснейшего врага и развеяв последние надежды несчастного населения Ферганы. Родственники в Кашгаре приняли близко к сердцу беду своих сородичей и страстно желали восстановления прежней власти в Туркестане. Их чувства нашли выражение в стихах и музыке на тему смерти Хал-Ходжи в балладе, которую ещё пели в Кашгаре в 1922 году. Она заканчивается призывом:

Пробудись от сна под снегом!

Встань защитой угнетенных!

Та зима была суровой. Обильные снегопады в горах прервали сообщение с Русским Туркестаном или сделали его крайне трудным. С той стороны к нам доходили страшные слухи; на базаре говорили, будто в России страшный голод, а в Оренбурге люди убивают друг друга и пожирают трупы. В марте консульство получило экземпляр французской газеты L'Illustration с ужасными фотографиями из Оренбургской губернии: на одной – груды незахороненных тел умерших от голода мужчин и женщин, на кладбищах их просто некому было хоронить; на другой – заснеженная степь, усеянная телами замерзших киргизов. В стране, некогда изобильной, первым плодом трудов ленинских стало людоедство.

Летом 1922 года генеральный консул Великобритании полковник Этертон и вице-консул г-н Фицморис покинули

Кашгар, и их место заняли гг. К.П. Скрин и Хардинг¹¹⁹. Русская колония тепло проводила уходящих друзей, которым была обязана за гостеприимство и доброту.

В русской колонии поднялся ажиотаж, особенно среди женщин, когда стало известно, что г-жа Скрин¹²⁰ тоже придет, ибо это означало, что в роскошном здании британского консульства появится хозяйка. Так что не без некоторого внутреннего трепета наши дамы приняли приглашение на чаепитие в саду консульства. Конечно, были и языковые трудности, и понятная скованность дам, на долгие годы преданных забвенью в здешней «социальной пустыне», при знакомстве с леди одной из великих столиц Европы. Но все были покорены искреннею простотой и тактом хозяйки, которую сразу же полюбили.

Чай был подан в тени высоких деревьев меж розовых кустов, возле пруда с лилиями. Безупречное обслуживание и сервировка стола, вид огромного самовара, столь милого сердцу любого русского, сразу же создали лёгкую атмосферу непринуждённого общения. Несмотря на неудобство говорить через переводчика, беседа стала оживленной, и все получили от неё огромное удовольствие. То был знаменательный день для нашего маленького кашгарского сообщества,

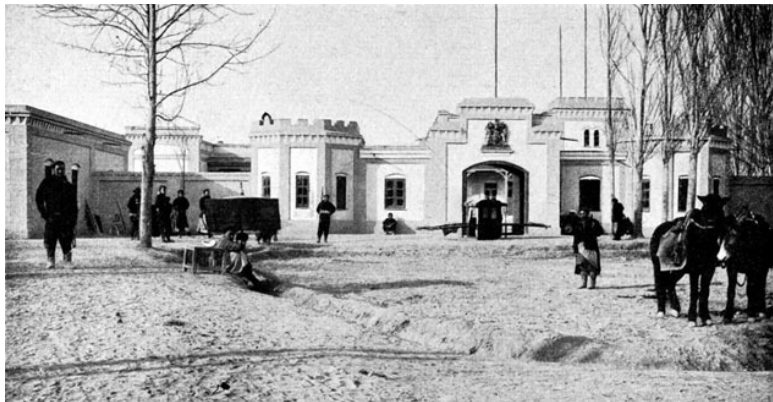
¹¹⁹ Harold Ivan Harding (1883–1943) – служил в китайской консульской службе (1902-37); вице-консул в Кашгаре (1922-23). Автор «Дневника путешествия из Сринагара в Кашгар через Гилгит» (1922). Был женат на Флоренс (Флорри) Ричард, дочери Тимоти Ричарда. <http://www.hpcbristol.net/visual/eh-s62>.

¹²⁰ Mrs. Doris Forbes née Whitelaw (1897–1971).

поскольку открыл новые возможности общественного досуга внутри колонии, страдавшей от гнетуще-однообразного существования.

Мистер и миссис Скрин никого не разочаровали на протяжении всего периода своего пребывания в Кашгаре. Своей общительностью, многочисленными «тамаша» они привносили оживление, много света и счастья в семьи, забывшие *joie de vivre* (радость жизни). Очаровательная юная хозяйка британского консульства стала для нас своего рода общественным покровителем и завоевала нашу искреннюю благодарность.

Особенно довольствовался детский состав нашей маленькой колонии. Бедные маленькие души, не было у них ни игрушек, ни книг, их жизнь доселе не была очень счастливой. Но теперь в консульстве последовала череда развлечений, увенчанная прибытием не кого-нибудь, а самого Деда Мороза с огромным мешком, полным всяческих чудес из Европы, с игрушками, о коих даже не мечтали. Неудивительно, что они твердо уверовали в волшебный мир, что представила им в Кашгаре добрая фея в садах британского консульства.

Генеральное Консульство Британии в Кашгаре. (Н.Н.Р. Sykes, 1920)[14]

Глава IV

Птицы, звери и растения. – Новый взгляд на проблему опиума. – Поездка в Марал Баши. – Охота и естественная история. – Я чуть не утонул.

Зимой в Кашгарию из-за тьянь-шаньских гор являются гости с севера: гуси, утки, бекасы и прочие. Их не столь много, как на главном пути миграции птиц из Сибири, что дальше к востоку, но всё же в окрестностях Кашгара у незамерзающих ручьев и тёплых источников птиц изрядное количество. Кроны высоких деревьев в садах зимними вечерами облепляют стаи чёрных ворон (*Corvus intermedins*) и грачей (*C. Frugilegus*), которые орут как оглашенные. Перед заходом солнца, вниз по реке летят вереницы красных уток-огарей

(*Casarca ferruginea*, Pall.), их звонкие голоса звучат в воздухе как нечто среднее между звуком рожка и лаем собаки, за что киргизы дали этой красивой утке характерное название *Ит-ала-каз*, «пёстрый собачий гусь».

С началом зимних холодов превосходный родник возле садов британского консульства, с незамерзающей чистой водой, превращается в настоящий зоопарк. Большие стаи скворцов облепляют деревья и наполняют воздух своим приятным щебетом и свистом, совсем как их сородичи в Лондоне на карнизах Британского музея. Наши кашгарские скворцы, *Sturnus nitens* и *St. Purpurascens*, мигрируют в Индию зимой, им на смену прилетает обычный европейский скворец, *St. vulgaris*. Здесь каждый год зимуют особи большой белой цапли (*Egretta alba*, L.), а иногда – и обычной серой, *Ardea cinerea*, L.

Огромные стаи воробьев, *Passer indicus*, селятся в местах, нагретых солнцем, а на болоте можно встретить малого погоныша (*Porzana bailloni*, Vieill.)¹²¹, которого нетрудно приручить. Он позволяет взять себя в руки, не оказывая никакого сопротивления, а если отпустить, не делает попытки убежать и продолжает спокойно прогуливаться, поклевывая семена.

¹²¹ Малый погоныш, погоныш-крошка или малая курочка; отряд пастушковые, род погоныш. Распространён от Восточной Европы до Западной Сибири; обитает в болотистой местности, в камышовых, рогозовых и тростниковых зарослях. В сев. частях ареала – перелетная птица. Зимует в Египте, в Пакистане и частью в Северной Индии.

Его старший собрат водяной пастушок, *Rallus aquaticus*, L.¹²², похож на него тем, что тоже не боится людей. Можно увидеть, как сквозь кусты пробираются крапивники (*Troglodytes pallidus*)¹²³, встретить нескольких бекасов (*Scolopax stenura*, Kuhl.)¹²⁴ – азиатских сородичей распространенного европейского вида. Ближе к сумеркам обязательно прилетают две или три кряквы.

Я не имел обыкновения охотиться здесь, и предпочитал отправляться дальше, на милю-две на восток, в рисовые поля, что раскинулись в болотистой местности за городской окраиной. Там было много бекасов, и я мог быть уверен, что непременно встречу *большого* бекаса, *Capella media*¹²⁵: он вдвое крупнее обыкновенного и скорее похож на вальдшнепа, только оперение у него более глубокого серого от-

¹²² Водяной пастушок (лат. *Rallus aquaticus*) – небольшая водная птица семейства пастушковых; гнездится на болотах и в тростниковых зарослях в Европе и Азии. Скрытная птица, ведущая преимущественно ночной образ жизни. http://ru.wikipedia.org/wiki/Водяной_пастушок.

¹²³ Настоящие крапивники, или просто крапивники (лат. *Troglodytes*) – род певчих птиц семейства крапивниковых. Мелкие птицы с очень тонким клювом. http://ru.wikipedia.org/wiki/Настоящие_крапивники.

¹²⁴ «...нередко встречались по болотам азиатские дупеля (*Scolopax stenura*...), которые, как и у нас в это время года, были очень жирны и по временам доставляли нам превосходное жаркое». (Н.М.Пржевальский. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки. М., ОГИЗ, 1948).

¹²⁵ Большой бекас – коренастый кулик из рода *Gallinago*. Место гнездования – болота и влажные луга. Перелетная птица. Европейская гнездовая популяция находится в состоянии резкого сокращения. http://en.wikipedia.org/wiki/Great_snipe.

тенка. Одно из его названий – одиночный бекас, потому что избегает компании не только других птиц, но и птиц своего вида. *Scolopax solitaria* – так назвал его Ходжсон¹²⁶.

Несмотря на холод, в нашем зоопарке в светлые дни можно было слышать приятное пение трясогузки (*Motacilla dukhunensis*), неизменной обитательницы всех дворов, улиц и садов нашего Туркестана. Впрочем, у нас встречаются ещё два её вида: *M. personata*, и *M. luzoniensis*.

На глиняных стенах Британского консульства часто можно было видеть красные всполохи крыльев стенолаза, *Tichodroma phoenicoptera*¹²⁷, красивой птицы, трудолюбиво собирающей пауков и насекомых, забившихся на зиму в щели. Этих жителей гор согнали с высот на равнину сильные морозы и глубокие снега. Теперь они красуются здесь, словно красные маки на стенах. Ещё одна симпатичная птица – наш зимородок, *Alcedo bengalensis*, подобно живому изумруду, дрожит над водой. Я получал огромное удовольствие часами напролёт наблюдать за птицами, в единении с природой

¹²⁶ Брайан Хьютон Ходжсон (1800–1894) – английский этнолог, востоковед и натуралист, работавший в британской Индии и Непале, где он был английским государственным служащим. Описал много видов животных, особенно птиц и млекопитающих Гималаев. Специализировался на изучении тибетского буддизма, лингвистики и религии. http://en.wikipedia.org/wiki/Brian_Houghton_Hodgson.

¹²⁷ Стенолаз или краснокрылый стенолаз (лат. *Tichodroma muraria*) – вид воробьиных птиц, единственный в одноимённом роде (*Tichodroma*) и в семействе *Tichodromidae*. Обитает на скалах в горах. Гнездится обыкновенно в ущельях над горными ручьями. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Стенолаз>.

в моём маленьком зоопарке.

Предвестники весны – это удо́ды, извечные старожилы сёл Туркестана. А появление в голубом небе Кашгарии «воздушных змеев», коршунов *Milvus govinda*, их пронзительный, зловещий крик – верный признак грядущей жары. К этому времени поля покрываются зеленью, деревья распускают листву, северные гости улетают домой, местные обитатели расселяются по гнездовьям, вороны устремляются на поля, и наш зоопарк опустевает.

Зелёная листва скрывает птиц, и их трудно различить. Нужно долго и терпеливо вглядываться в густую листву высоких тополей, чтобы найти их гнёзда. Невесть откуда выпархивают так называемые испанские воробьи (*Passer hispanicus*), или похожие на них, но как будто перепачканные в крови, великолепные дубоносы (*Carpodacus rubicilla*)¹²⁸. Свист местной золотистой иволги (*Oriolus kundoo*, Sykes)¹²⁹ слышится часто, но птицу видно только во время её полета.

Кашгарские сарты и китайцы любят птиц; их дети не беспокоят гнезд, поэтому в сельских садах всегда есть своя пернатая фауна. Сарты часто держат в клетках, исключительно

¹²⁸ *Carpodacus rubicilla* – большая чечевица – вид птиц из семейства вьюрковых (*Fringillidae*). Отличается от других чечевиц крупным размером. http://ru.wikipedia.org/wiki/Большая_чечевица.

¹²⁹ Индийская золотистая иволга (*Oriolus kundoo*) – вид иволги, обитающий на Индийском субконтиненте и в Центральной Азии. Ранее этот вид считался подвидом евразийской золотистой иволги, но теперь считается самостоятельным видом. http://en.wikipedia.org/wiki/Indian_golden_oriole.

для боёв, петушков перепела и чукара, среднеазиатской куро-патки. Самцы этих птиц очень драчливы; устраивать и наблюдать их бои – любимая забава местных жителей. Сильные бойцы ценятся дорого, а ставки на победителей бывают высоки. Характерные звуки перепелов и «чуканье»¹³⁰ куро-паток обычно можно слышать на базарах городов и деревень. Кашгарский перепел, по-видимому, является видом отдельным. Куропатки (иначе – кеклики) также варьируют по ареалам, например, обитающие в Яркенде и Ладакхе признаны как разные подвиды. Любопытно, что на дальнем конце Старого Света, в Испании, местная куро-патка, двоюродная сестра нашего восточного чукара, также используется в качестве бойцовой птицы и ловится тем же способом, что и у нас. Возможно, таковой обычай унаследован от арабов, чье влияние было сильным как в Испании, так и в Кашгаре.

Кеклики доверчивы и легко одомашниваются. Но поскольку мясо у них очень вкусное, человек склонен этим доверием злоупотреблять. Если же птиц оставить в покое, как, например, это водится в Малом Тибете¹³¹, то они близ человеческого жилья начинают чувствовать себя как дома и становятся частью садовой фауны, как воробьи и голуби. В горном ущелье, возле одной из ранее принадлежавших мне

¹³⁰ Раскатистый клич, который начинается с негромкого «чак», усиливается до более громкого «чукар» и заканчивается более медленным трехсложным «чак-а-ра». http://en.wikipedia.org/wiki/Chukar_partridge.

¹³¹ «Малым Тибетом» иногда называют Ладакх из-за схожести с культурой и природой Тибета. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ладакх>.

шахт, я старался кекликов оберегать, и они бегали стаями прямо по выработкам, как домашние птицы, даже не боясь ружейных выстрелов.

Если кеклик сбегает из клетки, то в горы или поля не летит, а селится где-нибудь рядом в саду. Почему-то в качестве хозяйки-защитницы птицы выбирают женщину. Когда я жил в Ташкенте, одна из них так привязалась к знакомой мне девушке, что стала совсем ручной: кормилась под боком, сидела на плече и ходила по пятам. Однажды, когда моя жена варила варенье в саду, как это принято в нашей стране, подлетела пара доверчивых птиц, одна села на дерево неподалеку, а другая жене на плечо. В Индии кеклик (*Caccabis chukar*)¹³² – известная промысловая дичь.

Моими любимцами в Кашгаре были голуби. В округе представлены два их вида. Один из них, *Streptopelia stoliczkae*¹³³, размером с обычного голубя, нежного серо-сиреневого цвета, местами с розовым отливом, с бархатистым черным ошейником. Обитает только в деревнях и садах, и в Кашгарии никогда не встречается вдали от человеческого жилья. Другой вид, *Peristera cambayensis*¹³⁴, который мно-

¹³² Серая куропатка; встречается по всей территории Гималаев от Сиккима до Кашмира и Хазара, а также по всей гряде холмов, разделяющих Индию с Афганистаном и Белуджистаном. <http://avis.indianbiodiversity.org/books/alectoris-chukar/31306>.

¹³³ Кольчатая горлица (*Streptopelia decaocto stoliczkae*, Hume, 1874). <http://birds.kz/v2taxon.php?s=288&l=ru>.

¹³⁴ *Streptopelia senegalensis* (Linnaeus, 1766) – малая горлица. Тж.

го меньших размеров и имеет однородный розовато-коричневый цвет, часто содержат голубятники Европы; он известен как горлица египетская. Птицы обоих видов являются неотъемлемой чертой каждого дома, сада или сельского двора, особенно горлица, которая привязывается к человеку и часто посещает сараи, склады, веранды и даже комнаты, если двери или окна открыты.

«Голубиное святилище» недалеко от Хотана. (P.M. Sykes, 1920)[14]

Peristera cambayensis centralasiae, Zarudny, 1917. <http://www.sevin.ru/vertebrates/index.html?Birds/369.html>.

Каждый год парочка этих милейших птиц устраивала гнездо на печи в моей комнате и выводила там птенцов. Петушок приносил материал, а курочка строила гнездо, приветствуя каждый вклад супруга благодарным воркованием. Птенцы покидали гнездо, как только чуть-чуть могли летать, и проводили всё время во дворе, где их продолжали кормить родители. В течение нескольких дней они уже делались самостоятельными, а взрослые птицы, латая гнездо, готовились ко второму выводку.

Молодых голубей я не приручал, зато научил старших птиц клевать хлебные катышки, которые они очень любили, сначала на окне, потом с блюда, затем с блюда в руке, и, наконец, прямо с руки. Они садились мне на руки и плечи, а когда я лежал утром в постели, прилетали и садились на подушку или на голову. Но только мелкие виды я мог приручить таким образом, а более крупные, хоть и подлетали к окну, никогда не кормились с руки. Последние суть коренные жители района, тогда как более мелкий вид завезен из Ферганы в конце девятнадцатого века. Каждая пара выбирает своё определённое место, где гнездится каждый год, отгоняя незваных гостей. Мои голуби узнавали меня на улице и спускались поприветствовать меня, но никогда при этом не просили еды. Они боялись других людей, даже когда те находились в моей комнате. Интересно, что ни один из данного вида голубей не живет нигде в Центральной Азии в по-настоящему диком состоянии, например в лесах, а селится только

близ человеческого жилья. С другой стороны, в Центральной Африке два близкородственных, если не идентичных вида живут только в лесах. Меньший вид, *Peristera*, правда, иногда встречается в городах, но другой вовсе избегает соседства с людьми. Может ли это означать, что тяготеющие к человеку виды были завезены в Центральную Азию из Африки, и в своём новом доме не захотели расставаться со своим «покровителем», который их сюда завез? Любопытно, что кашгарский голубь, *Streptopelia*, неизвестен в Западном Туркестане. Как же он попал сюда из Африки?

В Кашгарии обитает несколько видов млекопитающих, которые пока должным образом не описаны. Дикий кот, например, родственный камышовому коту (*Felis chaus*)¹³⁵, особый род куницы, и, по крайней мере, один новый вид летучих мышей.

Есть в Центральной Азии одно существо, которое, хотя дикое и пугливое, и ведет преимущественно ночной образ жизни, проявляет странную привязанность к человеку – это ёж. У нас обитают три его вида: *Erinaceus auritus* в Киргизской степи, *E. russowi* в Западном Туркестане, и *E. albiventris* – в Восточном. Они меньших размеров, нежели виды европейские, более желтоватого оттенка и с более широкими ушами. Все три похожи друг на друга и одинаково привяза-

¹³⁵ Камышовый кот, хаус, камышовая кошка или болотная рысь (лат. *Felis chaus*) – хищное млекопитающее из семейства кошачьих. Занесён в Красную книгу России как редкий и охраняемый вид. http://ru.wikipedia.org/wiki/Камышовый_кот.

ны к человеку. Всем известен сердитый характер обычного европейского ежа, все видели, как он сворачивается в клубок при виде человека, как трудно его развернуть, как злобно он фыркает на своего предполагаемого врага, и пытается уколоть своими иглами всякого, кто пытается к нему прикоснуться. Наш маленький азиатский ёжик ведет себя таким вот образом только по отношению к животным, но при виде человека он не сворачивается в клубок, не делает попыток убежать и, возможно, позволит взять себя на руки, как котенка. Если на него нападают собаки, которые поднимают истошный лай, он сворачивается калачиком в целях самообороны, но при появлении человека бежит к нему, будто к своему естественному защитнику. Если взять его к себе на колени, он будет лежать там, как котенок, и будет рад, когда ему пощекочут шею, а если погладить его маленький бархатистый животик, он сложит свои иголки, чтобы его погладили по спине. Но и это ещё не все. Если вы положите его на стол, он будет охотно брать корм из ваших рук, пить молоко, съедать кусочки мяса. Воистину невероятно, что совершенно дикое маленькое создание, которое, вероятно, никогда раньше и не видело человека, а тем более не было им приручено, ведет себя как котенок, который был, так сказать, «окультурен» с незапамятных времен. Я встречал этих маленьких ёжиков в киргизских степях, в садах Ташкента, в горах Тянь-Шаня, в пустынях и садах Кашгара, и всюду они легко приручались, позволяли мне подойти к ним, покормить и приласкать.

Кашгарцы любят содержать диких животных в неволе. Нас часто удостаивал своим визитом великолепный *киик* или горный козёл, *Capra sibirica*¹³⁶. Словно огромная кошка, он приходил к нам по крышам домов и по верхам каменных стен, принимая их, без сомнения, за свои родные скалы и утесы. Он любил хлеб и особенно табак, который жевал столь же охотно, как любой сарт или янки. Газель (джейран) тоже не прочь отведать табака, как туркестанский вид, *Gazella subgutterosa*¹³⁷, так и её более крупная восточная сестра, *G. yarkandensis*. Они легко приручаются и могут зайти в комнату, чтобы попросить сигарету. Эту их склонность легко проверить в зоопарке. Когда нам хотелось выманить газель из глубины сада, достаточно было показать ей портсигар и постучать по нему, и она тут же прибежала за своим любимым лакомством.

К сожалению, практически невозможно содержать этих животных в Кашгаре или его окрестностях, так как рано или поздно они становятся жертвами уличных собак, чьи полчища терроризируют улицы Кашгара, как это было в Констан-

¹³⁶ Сибирский горный козёл или центрально-азиатский каменный козёл – вид парнокопытных из рода Горные козлы семейства Полорогие, обитающий в горных районах Азии. http://ru.wikipedia.org/wiki/Сибирский_горный_козёл.

¹³⁷ Джейран (лат. *Gazella subgutturosa*) – парнокопытное млекопитающее из рода газелей семейства полорогих. *G. subgutturosa yarkandensis* – подвид, монгольский или яркендский джейран, обитатель степей, полупустынь, пустынь и альпийских лугов Монголии, северного и северо-западного Китая. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Джейран>.

тинополе в старые добрые времена. Большинство из собак больны паршой или страшной тропической болезнью, вызванной паразитом *Leishmania infantum*¹³⁸, что обитает в крови и может передаваться детям. Вид бедных страдающих существ ужасен. Днём они тихи и незлобивы, большую часть времени спят на улицах или в норах под стенами и заборами. Но по ночам отправляются в свои мародерские рейды, и тогда никакие заборы и стены не могут противостоять их поистине дьявольской хитрости. Овцы, козы, телята, домашняя птица – все становятся жертвами алчных челюстей. Но местные жители не предпринимают никаких шагов против коварных бандитов, и тем более – не пытаются их истребить. Водобоязнь (бешенство) среди собак также отнюдь не редкость, но, согласно наблюдениям русских и шведских врачей, случаев этой страшной болезни среди людей, как ни странно, не наблюдалось в Кашгаре на протяжении тридцати лет.

Меня очень забавляла дружба с молодым снежным барсом, *Panthera uncia*¹³⁹, которого держал в неволе один мой знакомый сарт. В отличие от своего более известного родственника, обыкновенного леопарда Африки и Индии, ко-

¹³⁸ *Leishmania infantum* (также *L. donovani infantum*) – вид жгутиконосных паразитических протистов рода *Leishmania*, возбудитель зоонозного висцерального лейшманиоза (детский лейшманиоз). Естественным резервуаром являются представители семейства псовых, переносчиком – москиты.

¹³⁹ Ирбис, или снежный барс, или снежный леопард (лат. *Panthera*) – крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, обитающее в горах Центральной Азии. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ирбис>.

торого мы, русские, можем встретить на Кавказе, снежный барс Центральной Азии легко приручается, становится мирным и дружелюбным по отношению к человеку. Я знаю несколько случаев, когда барсов ловили молодыми и держали в доме вместо собак. Некоторым неудобством для хозяев была лишь их докучливая игривость, постоянная подначка порезвиться с ними. Тот, о котором я говорю, был весьма умён: когда его выпускали из клетки, он сразу же начинал играть, но если его игра становилась слишком шустрой, стоило резко призвать его к порядку, и он тут же прекращал игру. Я с лёгкостью научил его понимать несколько команд, которым он всегда подчинялся. Однажды у него на спине появилась неприятная болячка, и его доставили на перевязочный пункт к русскому врачу. Зверь безропотно позволил выбрить себе спину, почистить и перевязать рану, причём стоял неподвижно и нежно лизал руку врача, очевидно, понимая, что тот делает ему добро. Немногие дети могли бы так спокойно вести себя у врача, без волнения и слез.

Расскажу теперь о флоре, которая здесь тоже интересна. Вот, к примеру, необычный кустарник, ранней весной дающий неплохие на вкус красные ягоды, похожие на вишню. Местные, по каким-то причинам, известным только им самим, связали его с английской историей, назвав *генистой*, то есть, *планта генестой*¹⁴⁰, которая дала своё название дина-

¹⁴⁰ «Дрок, ранее называвшийся *Planta genista*, был тотемным знаком у кельтов. Служил эмблемой давнего рода английских королей, Плантагенетов. Джеффри,

стии Плантагенетов. Можем заметить, что в Европе целый ряд растений получили такое же название, но само слово *genesta*, конечно, азиатского происхождения. И это не единственный случай, когда азиатское слово попадает в европейские языки. Даже самое что ни на есть английское «*hurrah!*» или русское «*ура!*», есть не что иное, как боевой клич тюрков, киргизов и, несомненно, их предков – скифов, принесенный в Европу гуннами и оставленный там в наследство. Буквально означает «урр! убей!» на языке тюркском. Другой вариант – турецкое и русское *ураган*, из которого французы сделали *ouragan*, а англичане – *hurricane*.

Ещё одно среднеазиатское растение может сыграть большую роль в текстильной промышленности. Это низкорослый кустарник с гроздьями розовых цветов, известный под местными названиями кендырь или турка́. Существует два вида, *Aposynum venetum*¹⁴¹ в Западном Туркестане и *A. hendersonii*

граф Анжуйский... обычно носил дрок в своей шляпе... Его сын, Генрих, имел прозвище Королевская Веточка Генисты; дрок носили все его потомки, вплоть до последнего из Плантагенетов, Ричарда III». – Энн Пратт, Цветущие растения Великобритании. I, с. 158. Ботанически *Genista*, *Dyer's green-weed*, отличается от дрока, *Cytisus scoparius*. (Прим. Мальколма Бёрра). В оригинале: англ. *Wroom* – веник, метла, лошадиный хвост; растение – дрок, ветка раkitника и т.п.

¹⁴¹ Тж. Кутра, или Пуховник (лат. *Арбосунум*) – род растений семейства Кутровые, включающий в себя около 7 видов. В СССР в 1930-е годы кендырь, дикорастущий в пойме рек Сыр-Дарья, Чу, Или в Казахстане, стал культивироваться для получения дефицитных строительных канатов, верёвок и т.п. Площадь посевов составляла десятки тысяч гектаров. Но кендырь хорошо рос только в тугаях под тенью деревьев и кустарников и «кендырная эпопея» завершилась. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кутра>.

– в Восточном. Оба вида дают первоклассное длинное волокно, похожее на лён. Молодые растения, срезанные весной, имеют волокно тонкое, белое, блестящее, похожее на шёлковую нить, и сотканые из него ткани, действительно, выглядят как шёлковые. А если убирать растение осенью, когда стебель вызревает, волокно грубее по структуре, коричневого цвета, как джут, но мягче и тоньше. Оно не только прочное, но и обладает важным свойством, что не гниет в воде и не портится от сырости. Трудно придумать более подходящий материал для рыболовных сетей, морских канатов и тому подобных снастей. В Хиве и на Аральском море, к примеру, рыболовные сети, лески, веревки и т.д. делают из кендыря, и рыбаки считают их наилучшими. Целенаправленно кендырь не выращивают, он сам растёт в изобилии на песчаных берегах Амударьи. Женщины каракалпаков, т.е. черношапочников, коих я отождествляю с меланхленами¹⁴² Геродота, широко используют кендырь в домашнем хозяйстве. Будучи растением многолетним, он выдерживает сильные морозы, до -25° и даже -30° C, и требует определенной влажности почвы. Думаю, его можно будет успешно выращивать на многих землях в промышленном масштабе.

Интересным растением Кашгарии является *туграк*, то-

¹⁴² Меланхлены – народ, живший в северной части Сарматии. Практиковали каннибализм. По Геродоту, они жили к северу от царских скифов по верхнему течению реки Дон и граничили на севере с обширными болотами, название своё получили от тёмного цвета одежд. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Меланхлены>.

поль разнолистный (*Populus diversifolia*)¹⁴³. Дерево иногда довольно высокое, как тополь европейский, только листья у него толстые и жёсткие. Примечательно, что наряду с такими имеются ещё листья длинные, тонкие и нежные, совсем как у ивы, и размещаются они на ветвях, растущих непосредственно от ствола. Необычным свойством дерева является его способность переносить сильное засоление почвы, и потому часто образует лесные заросли на глинистых почвах, где зимой и летом земля выглядит так, словно покрыта снежной пеленой.

Говоря о флоре Китайского Туркестана, невозможно пройти мимо растительного продукта, который довлеет в жизни китайцев, а также в определенной степени и в жизни местных сартов. Речь пойдет об опиуме.

Я не думаю, что найдется иной предмет, в котором невежество европейцев о внутренней жизни и психологии китайцев проявилось столь же ярко, как в неуклюжем и необдуманном вмешательстве народов Запада в борьбу с традицией курения опиума, глубоко укоренившейся в народе Китая с незапамятных времен. Никогда ещё лицемерие Европы и Америки не было столь ярким, как в ту пору, когда они видели соринку в глазу своего китайского соседа, но не заме-

¹⁴³ Сем. Ивовые. Дерево средней величины с раскидистой кроной; растет по берегам рек и среди песков, одиночно или рощицами. – Ср. Азия: Арал.-Касп., Прибалх., Кыз.-Кум., Кара-Кум. <http://www.plantarium.ru/page/view/item/29692.html>.

чали бревна в своем собственном¹⁴⁴.

Торговец табаком. (Э. Чапман. 1873)[4]

Прежде всего, я, человек некурящий, должен сказать, что умеренное курение опиума наносит человеку физический и моральный ущерб не больший, чем курение табака, то есть практически ничтожный, лишь курение чрезмерное оказывает вред настоящий, но и таковой носит индивидуальный

¹⁴⁴ «Или, как можешь сказать брату твоему: “брат! дай, я выну сучок из глаза твоего”, когда сам не видишь бревна в твоём глазе? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего». Евангелие от Луки 6:42. Синодальный перевод. <http://bible.by/verse/42/6/42/>.

характер. К тому же опиумокурение – вещь дорогостоящая, и потому доступно только людям богатым. Те же курильщики, кто проявляют умеренность, никакого вреда не имеют и часто доживают до глубокой старости. Действия опиума на сознание человека проявляется в повышенном чувстве уверенности в себе и превосходства над другими, может вызвать некоторую хвастливость, уменьшить осторожность и страх, но никогда не побуждает к бунтарству, насилию, драке или убийству; равно не притупляет чувства ответственности, как это делают крепкие алкогольные напитки – сущий порок Запада. Курильщик опиума, засыпая, покидает суровую реальность, мирно спит и просыпается лишь затем, чтобы сделать затыжку и вновь отправиться в мир своих грёз; потому самый падший курильщик опиума не причиняет вреда никому, но только себе. Разумеется, я не рекомендую заменять спиртные напитки опиумом. То и другое – зло, наркотики, но крепкий алкоголь неизмеримо хуже, ибо чрезмерное увлечение им наносит серьёзный вред организму, подрывая его здоровье и подвергая следующее поколение катастрофическим последствиям.

Курильщики опиума. Яркенд. (Э. Чанман. 1873)[4]

Разве не правы китайцы, когда отвечают народам Запада, приложившим столько усердия, дабы излечить их от дурной привычки курить опиум: «Врач, исцели себя сам!»? Лига Наций тратит время и средства на безнадежную задачу отучить миллионы людей от привычки, укоренившейся в их расе на протяжении тысячелетий. Ей-богу, было бы лучше потратить эти деньги и усилия где-нибудь поближе к дому, на борьбу с алкоголизмом, бичом нашей западной цивилизации, и предоставить миллионам китайцев Самоопределение, самую же Лигой провозглашаемое.

Быть может, не стоило бы и говорить о борьбе с опиумом, если бы не тот факт, что невинное красноречие и громкие резолюции Опиумного комитета возымели катастрофическое

действие на несчастный народ Китая. Республиканские власти, желая «шагать в ногу со временем» и показать миру, что Китай – такое же передовое государство, как Европа, издали во всех провинциях строжайшие указы о запрете опиума и о наказаниях за нарушение таковых, вплоть до высшей меры. Внедрение сердобольной Европы в сферы, где ничего не смыслит, на деле обернулось рядом смертных казней за выращивание мака.

Клетка для «медленного повешения». Яркенд. (*H. Lansdell*, 1983)[8]

В одних провинциях власти указы игнорировали, т.к. сами были пристрастны к опиуму либо вовлечены в торговлю наркотиком, в других они указами воспользовались, провозгласив монополию на продажу опиума к вящей своей выгоде. В иных случаях, при малейшем подозрении в причастности, валились на землю головы курильщиков, производителей и торговцев. Если случалось, что несколько маковых зёрен случайно попадали на землю какого-нибудь бедолаги, давали всходы, и мак зацвел, то хозяин мог поплатиться за это головой.

Конечно, вся эта кутерьма сопровождалась вымогательствами и жестокостями, Китаю свойственными. Если подозреваемый был не в состоянии откупиться, то в назидание другим, его помещали в клетку, стоящую на кладке из тонких кирпичей, с головой, просунутой в отверстие между досок – знаменитая пытка *kang* (печь-лежанка). Каждый день убиралось по кирпичу, так что тело страдальца постепенно растягивалось, повисало на шее, и шея ломалась. Затем голова вывешивалась на городской стене. Будет знать, как курить опиум!

Могут ли простак, что сидят и работают в комфортабельных офисах на берегу озера Леман¹⁴⁵, иметь хотя бы отдаленное представление о страданиях, о душевных и физических

¹⁴⁵ Женевское оз. в Швейцарии.

муках, в которые их вмешательство ввергло несчастное население Китая, столь сочувственно освобождаемое от ужасной привычки курить опиум?

В Кашгаре торговля опиумом официально не существует, его ввоз запрещен, но в действительности и то и другое процветает. Советская власть поначалу запретила выращивание опийного мака в Семиречье, но вскоре поняла, какую важную статью доходов может составить торговля опиумом с Китаем, стала поощрять выращивание мака, и, оставив за собой монополию на сбор, переработку сырья и продажу опия, наладило особую систему бартерного обмена с Индией и Кашгарией. Вот его схема:

В Кашгарии налажено масштабное производство гашиша, для чего специально выращивается индийская конопля, *Cannabis indica*. Наркаторговцы контрабандой переправляют гашиш в Индию и там его продают. Затем отправляются в Афганистан, где покупают опиум «персидский» – лучший в мире. Его контрабандой доставляют в Кашгарию. Так осуществляется международный оборот наркотиков.

Опиумные контрабандисты почти не рискуют, поскольку товар их размерами мал, да дорог, а китайских пограничников несложно обмануть, ибо кто из них устоит перед соблазном наркотика, что приносит душе забвенье и уносит в мир сладких грез и фантазий?

В тех редких случаях, когда китайские власти «официально» изымают крупную партию опиума, которую невозможно

скрыть, устраивается публичное «аутодафе». Стоит ли говорить, что бóльшая часть конфискованного опиума попадает в карманы самих властей, и лишь небольшая часть сжигается публично. Таковое развлечение собирает большое количество зевак. Вдыхая сладкий дым любимой травы, власти, равно как и народ простой, удивляются глупости Европы, требующей бессмысленного сжигания столь ценной субстанции. В сердцах они, безусловно, проклинаят иностранных недоумков, лезущих «со своим уставом в чужой монастырь».

Мистер Скрин пригласил меня присоединиться к нему в двух путешествиях по Кашгарии, за что я ему в высшей степени признателен. Мне представилась возможность многое увидеть и гораздо больше узнать о стране, чем это было бы возможно осуществить как-то иначе¹⁴⁶. Один маршрут шел на запад, к подножию горного массива, образующего северную группу, Конгур и Чакраш (Чакрагил), другой – на восток, к Марал-Баши, Яркенд-дарье и окраине великой пустыни Такла-Макан. Путешествие в долины Караташа и Каинга, Берёзовую Долину, и к ледникам Конгура было подробно описано г-ном Скрином в его книге.

«Счастливая долина», как мы называли долину Каинг, образована в известняках и сланцах карбона, складчатых и

¹⁴⁶ «Наша партия для поездки в горы была усилена включением <в её состав> одного из наших русских друзей, господина Павла Назарова, геолога из Ташкента, который был единственным русским, знающим английский язык в Кашгаре». («Chinese Central Asia» by C.P. Scrine).

сильно смятых, так что пласты кое-где залегают почти отвесно. Огромные складки образуют массивные горы. В нижней части долины известняки богаты окаменелостями моллюсков и растений; в одном месте я видел остатки ствола огромного лепидодендрона¹⁴⁷. В верхней части пласты пересекаются порфириновыми дайками¹⁴⁸. В одном месте в долине Караташа местные жители добывают уголь.

Дорога от Кашгара до Марал-Баши, Оленьей головы, пролегает по местам с весьма разнообразным ландшафтом. За Кашгарским оазисом и Файзабадом начинается безводная равнина. Над её безжизненной поверхностью, на далёком горизонте появляется гора в виде высокого конуса одиноко стоящего вулкана. Она так и маячит всю дорогу вплоть до города Марал-Баши, всё увеличиваясь в размерах по мере приближения. Наконец становится огромным горным массивом, который поражает взор своим диким, таинственным видом, безжизненностью угрюмых скал и теснин. Это Мазар-Тау – Гора-гробница. С севера и востока, и частично с юга Мазар-Тау окружена полумесяцем низких холмов, кото-

¹⁴⁷ Лепидодендрон (лат. *Lepidodendron*) – род вымерших древоподобных плауновидных растений, существовавший в каменноугольном периоде и составлявший часть флоры угольных лесов. Высота растения, по данным палеобиологии, составляла от 10 до 40 и даже 50 м, диаметр ствола до 1 м. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лепидодендрон>.

¹⁴⁸ Дайка (геол.) – трещина, которая была заполнена магматическим расплавом. Порфирит – магматическая горная порода с порфириновой структурой, не содержащая калиевого полевого шпата среди породообразующих минералов.

рые удалены от её подножия на расстояние нескольких километров. Холмы имеют своеобразную форму: сторона, обращенная к горе, почти отвесна, в то время как противоположная плавно понижается, пока не сливается с равниной. Глаз опытного геолога сразу же видит объяснение этой необычной структуры. Вулканический конус Мазар-Тау являет собой огромную массу базальта, которая во время третичной эпохи поднимала горизонтальные пласты эоценовой¹⁴⁹ равнины Марал-Баши до тех пор, пока они не лопнули, как волдырь. Эрозия снесла мягкие осадочные отложения, оставив ряд небольших холмов, обнажила вулканическую основу, и теперь её, в свою очередь, разъедает бороздами оврагов и водотоков.

Если обернуться на запад, можно увидеть, как вдали возвышается громада Конгура – лишь отсюда, издали, можно понять, насколько этот массив выше окружающих гор.

Весьма интересен так называемый «пустынный лес», его можно встретить по дороге, идущей вдоль реки Тюмен. Здесь растут: тополь разнолистный, упомянутый мною выше, и два других его вида – *Populus euphratica* и *P. pruinosa*, которые местные жители называют *турак* или *туграк*; тама-

¹⁴⁹ Эоцен – вторая геологическая эпоха палеогенового периода. Начался 56,0 и закончился 33,9 млн лет назад. Продолжался, т.о., 22,1 млн лет. Наступил за палеоэоцем и сменился олигоэоцем. В эоцене происходило интенсивное горообразование в рамках альпийской складчатости; именно тогда начался рост Гималаев. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Эоцен>.

рикс¹⁵⁰, *Tamarix gallica* и *Myricaria germanica*; ива и особого вида колючий кустарник, *Ammodendron karelini*¹⁵¹, семена которого – любимая пища фазанов.

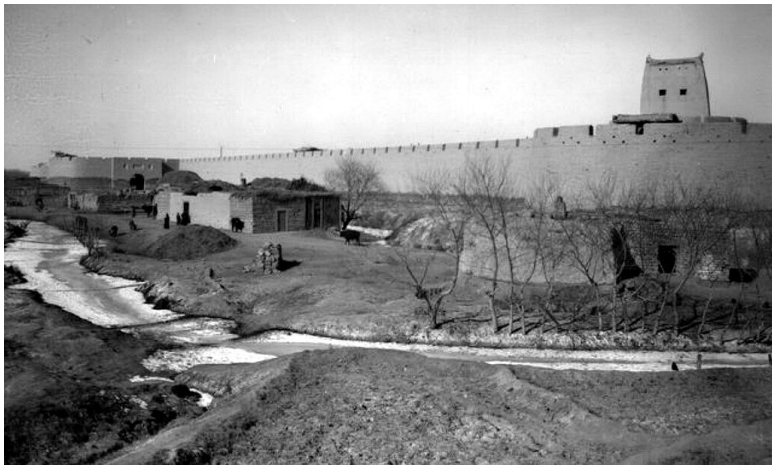
Эти пустынные леса, что растут по берегам рек и редких озер, имеют вид своеобразный и напоминают приречные заросли в Западном Туркестане. Почва на некотором удалении от воды представляет собой песчаную глину или мелкий песок, будто снежной пылью покрытые солью; на ней вместо травы растут разноцветные солянки, *Salsola*¹⁵²: зелёные, жёлтые, красные; они придают пейзажу причудливый вид. Грунтовая вода залегает неглубоко, в нескольких футах от поверхности, но она, как и речная, солоноватая. Коегде источники и реки соединены между собой каналами для орошения полей немногочисленных и разрозненных селений. Здесь на солёной почве, в сухом воздухе, под жарким солнцем, созревают самые замечательные, ароматные дыни, с гораздо лучшим вкусом, нежели кашгарские, но арбузы не столь хороши, т.к. из-за воды приобретают солоноватый

¹⁵⁰ Гребенщик, или тамарикс, или тамариск (лат. *Támarix*) – род растений семейства Тамарисковые (*Tamaricaceae*), небольшие деревья и кустарники. Типовой род этого семейства. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Гребенщик>.

¹⁵¹ *Ammodendron* – род цветковых растений, называемых песчаной акацией, из семейства бобовых, *Fabaceae*. Относится к подсемейству *Faboideae*.

¹⁵² Солянка (лат. *Sálsola*) – род растений семейства Амарантовые (*Amaranthaceae*). Среди представителей рода встречаются травы, полукустарники, кустарники и деревья, распространённые в Европе, Азии и Африке. Солянки растут в основном на равнинах, на сухих солоноватых почвах. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Солянка_\(растение\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Солянка_(растение)).

ВКУС.

Маралбаши. Цитадель. (*C.G.E. Mannerheim*, 1908)[7]

Другой характерной чертой местного ландшафта является своеобразный вид песчаных дюн. На равнинах Центральной Азии часто случается, что солёная, глинистая, засушливая почва покрывается невысокими песчаными холмиками, и на вершине каждого обязательно будет торчать пучок какой-нибудь травы или кустик. А в районе, который я здесь описываю, в «пустынном лесу» есть участки, покрытые песчаными холмами более высокими, до 3 и даже 5 м, и на каждом тоже что-нибудь растёт, кустарник или группа деревьев, но последние довольно плотны и высоки. Поднятия располо-

жены столь близко друг к другу, что между ними трудно проехать, и вы чувствуете себя как в каком-то странном лабиринте, где корни деревьев оказываются над головой. Причину столь необычной формы рельефа следует искать в борьбе растений с ползучими песками: кусты и деревья тянутся вверх по мере того, как ветер наносит песок на их корни и нижние ветви – так садовод зачастую окучивает своих питомцев. Подобные конические бугры весьма схожи с пирамидальными гнездами термитов в Центральной Африке: на их вершинах тоже часто растут кусты или деревья.

Наличие солей и некоторого количества глины в почве благоприятствует образованию странных форм рельефа; в районах с ползучими песками и ветровыми дюнами подобных не наблюдается. Ветер не только вздымает песок к корням, но и выдувает его в промежутках, где их нет. Вот странное следствие: многие старые дороги в Туркестане находятся на более низком уровне, нежели окружающая их местность, как будто утоплены в искусственных траншеях. В течение долгого сухого и жаркого сезона грунт дорожный, особенно там, где путь проходит по залежи мягкого лёсса, перемалывается копытами животных в мелкую пыль, которая уносится ветром и оседает поодаль.

Одним из самых важных растений, способствующих формированию здешнего рельефа, является кустарник под названием селитрянки, *Nitraria stroberi*¹⁵³; у растения малень-

¹⁵³ Селитрянки Шобера (лат. *Nitraria schoberi*) – типовой вид цветковых расте-

кие, серовато-зелёные кожистые листья и съедобные чёрные ягоды, на вкус довольно солёные, но нельзя сказать, что неприятные. Область распространения селитрянки чрезвычайно обширна: она растёт в пустынных местах Персии и Туркестана, в Киргизских степях, на юго-востоке России, в Семиречье, Кашгарии, Монголии и пустынях Австралии; я также встречал её в Южной Африке. Вряд ли найдется другой вид растений, который получил столь широкое распространение чисто естественным путем, без вмешательства человека.

Район, который я описываю, богат фауной. Здесь можно встретить кабана, газель, волка, рысь и довольно мелкий вид зайца, который, по-моему, отличается от вида *Lepus lehmani*, *Eversman*¹⁵⁴. В селении Урдаклык, «Утиное место», я встретил партию из семи туземцев на лошадях, и на запястье каждого из них сидел орёл, обученный охоте; они приехали поохотиться на лис. Птичий мир здешний тоже разнообразен: в изобилии фазаны, много видов диких уток и гусей. Среди зарослей кустарника я часто встречал пустынную сойку, *Podoces hendersoni*¹⁵⁵, которую редко увидишь в музеях;

ний рода Селитрянка (*Nitraria*) семейства Селитрянковые (*Nitrariaceae*). Плод – шаровидно-яйцевидная односемянная костянка. Сначала плод красный, при созревании приобретает почти чёрный цвет. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Селитрянка Шюбера](http://ru.wikipedia.org/wiki/Селитрянка_Шюбера).

¹⁵⁴ *L. t. lehmani* – заяц песчаник, один из восьми подвидов зайца-толая (лат. *Lepus tolai*). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Заяц-толай>.

¹⁵⁵ Монгольская саксаульная сойка или монгольская сойка, монгольская пу-

она издавала свист, а иногда – резкий звук, похожий на крик ослёнка.

Кашгар и Марал-Баши находятся в двухстах с лишним километрах друг от друга, и окрестности их сильно различаются. Первый, как я уже говорил, расположен в безводной пустыне, и без искусственного орошения там не было бы ни растительности, ни жизни; даже берега рек – и те голы и бесплодны. Вокруг Марал Баши, напротив, много растительности с отличными пастбищами, изобилие озёр, по берегам рек густые заросли камыша, кустарников и деревьев, даже те места, которые не орошаются, полны жизни и зелени. Почва плодородная, и человек может содержать себя и свой скот без искусственного орошения. Кашгар-дарья образует обширные разливы у Марал-Баши, которые достигают Яркенд-дарьи¹⁵⁶, что течет с юга. Здесь прибежище уток и гусей. Берега покрыты *тугаем*, то есть травой и зарослями деревьев. Раньше здесь было много оленей, и даже тигров. Я видел местных оленей, самца, самку и олененка в саду амбана, мирового судьи из Марал-Баши. Скорее всего, это были *Cervus yarkandensis*, вид, отличный от *C. xanthopygus*,

стынная сойка (лат. *Podoces hendersoni*) – птица семейства врановых. Распространена в пустынях Монголии и Китая. http://ru.wikipedia.org/wiki/Монгольская_саксаульная_сойка.

¹⁵⁶ Яркенд (Раскемдарья в верхнем течении) – река в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая. Приток реки Тарим. Исток имеет в ледниках Каракорума из ледника Северный Римо. Часто меняет русло и пересыхает. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Яркенд_\(река\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Яркенд_(река)).

и описанный Мильном Эдвардсом¹⁵⁷ в 1867 году как разновидность сибирского марала или вапити, *C. canadensis, var. sibiricus*. У них имеется красновато-коричневое пятно на крестце, а по строению тела и форме рогов они ближе к европейскому благородному оленю, чем к настоящему маралу или вапити Сибири, который встречается в Семиречье и Кульдже. Китайцы ценят рога, когда они «в бархате» столь же высоко, как и рога настоящего марала.

Мы провели несколько восхитительных дней на Яркенд-дарье, охотясь на кабанов, фазанов, уток и зайцев. Удовольствие от охоты в её зарослях было для меня особенно велико от осознания, что достиг я одного из тех полумифических, вожделённых мест, о коих мечтал и размышлял в студенческие годы, когда перечитывал путешествия Н.М. Пржевальского на Яркенд-дарью, Тарим и страшный Такла-Макан. И вот я оказался здесь, в этих местах. Мы находились на северной окраине таинственной пустыни, что скрывает под своими песками останки древней цивилизации.

На протяжении всей нашей поездки в Марал-Баши, благодаря первоклассной верховой лошади, предоставленной мистером Скрином, на мою долю не выпало несчастных случаев, если не считать одного, когда в окрестностях города мне не повезло. Я едва избежал роковой опасности из-за чрезмерного доверия к незнакомой мне кашгарской лошади. Хо-

¹⁵⁷ Анри Мильн-Эдвардс (фр. Henri Milne-Edwards; 1800–1885) – известный французский зоолог и естествоиспытатель.

роших лошадей завозят сюда из Афганистана или Западного Туркестана, а местные не очень хороши.

Одним воскресным утром в начале декабря я отправился в поездку по пустыне в сторону гор, в сопровождении мистера Хардинга и нескольких работников консульства. Было довольно холодно, и я оделся в зимний комплект, с высокими теплыми сапогами и меховой курткой. На этот раз я взял лошадь у местного торговца, который, как и все представители его породы на свете, не переставал петь дифирамбы своему животному, хотя прекрасно знал, что у меня нет ни малейших намерений приобретать его «конину».

Миновав возделанный пояс, мы подъехали к большому оросительному каналу, идущему вдоль края пустыни. Построенный с незапамятных времён, он обладал всеми признаками естественной реки: глубиной, крутыми берегами и быстрым течением. Его пересекал узкий мост без перил, обычной местной конструкции, то есть построенный из длинных толстых жердей, покрытых хворостом и землёй. Под пешеходом, не говоря уже о всаднике верхом на лошади, такой мост качается и дрожит. Мистер Хардинг и два конюха, ехавшие впереди меня, спешили и провели своих лошадей за узду. Привыкнув к нашим туркестанским лошадям, которые спокойно переходят по мостам похуже, мне и в голову не пришло сойти, и я поехал верхом. Течение было стремительным, несло огромные глыбы льда, покрытые пеной. На полпути моё животное забеспокоилось, остановилось и,

поднявшись на дыбы, рухнуло в воду. Дабы не быть раздавленным лошадьё, я вынул ноги из стремян, выбросился из седла и попытался нырнуть как можно глубже. К счастью, в этом месте было достаточно глубоко, но я не смог быстро опуститься на дно, и почувствовал над собой круп лошади. Я оттолкнулся от него и сделал ещё одну попытку нырнуть, когда меня подхватило подводным течением и потащило вниз. Мои ноги не достали дна, хотя из-за тяжелой одежды я тонул всё глубже. Казалось, прошла вечность, пока мои ноги коснулись дна в том месте, где я мог бы стоять по грудь в воде, но был слишком обессилен, чтобы противостоять течению, которое сносило на глубокое место. Я задыхался и чувствовал, что силы покидают меня, когда услышал, как кто-то позвал: «К берегу!» К сожалению, это было невозможно, так как передо мной была глубокая вода, а я не мог плыть в своей промокшей тяжелой одежде. И тут один из конюхов быстро отвязал свой *чумбур*, веревку для привязи, спустился в воду и бросил мне конец. С помощью чумбура и своих спутников я смог выбраться на мост.

В случае вынужденного купания зимой очень важно не переохладиться, поэтому я сразу же отправился пешком до ближайшего селения, которое было отсюда в двух вёрстах. Тяжело было идти в сапогах, полных воды, и в промокшей насквозь толстой одежде, но ходьба меня согрела. В деревне я снял мокрые вещи и надел сухой туземный костюм, который хозяин любезно мне одолжил. Выпив горячего чая, я от-

правился домой. Моя непроизвольная ледяная ванна не повлекла за собой никаких дурных последствий, хотя я не принимал никаких средств. В значительной степени сказалась чистота воздуха пустыни, а вот в густонаселенной местности подобное приключение могло бы завершиться иначе.

Часть II. Гонимый в даль

Глава V. Поездка в Яркенд

К весне 1924 года стало совершенно ясно, что Пекинское правительство идет рука об руку с Советами. Как только китайцы признали советскую власть, стало неизбежным появление в Кашгаре большевистского консульства, с его обычной толпой приспешников, агентов ОГПУ, агитаторов и шпионов. В том не было ни малейших сомнений. Моя передышка закончилась. Меня гнали дальше!

Да, было бы чересчур опасным безрассудством долее оставаться на китайской территории, ибо меня могли убить, или, по меньшей мере, бросить в китайскую тюрьму и препроводить в социалистический рай. В соседней китайской провинции Кульджа (Или), где под видом торговой миссии объявилась банда большевиков, уже было несколько подобных случаев. Мои друзья убеждали меня отправиться в Индию, причём выбрать путь через Каракорум – «Апогей Земли», как назвал в своё время Элизе Реклю перекрёсток заоблачных кражей Кунь-Луня и Гималаев.

С детства путешествие в Индию по суше было для меня неодолимо привлекательно, особенно путь через таинствен-

ные области Центральной Азии. Исторический маршрут завоевателей через Персию или Афганистан стал уже банальным, его можно одолеть и на автомобиле, но лежащий к востоку от Гиндукуша и Памира всё ещё малоизвестен, ибо жизнь в тех местах не менялась на протяжении столетий.

В древнерусском народном эпосе, в наших былинах и сказаниях суть множество упоминаний о странствиях героев и богатырей, Ивана Царевича и других легендарных личностей, что ходят «за тридевять земель в тридесятое царство» в поисках таинственной Жар-птицы, знакомой английскому зрителю по одноимённому русскому балету.

Задолго до 860 года н.э., года основания Русского государства¹⁵⁸, народы России поддерживали связь с жителями стран Центральной Азии и через них – с далекой Индией. Время от времени русские обретались в столь далёких местах либо в роли авантюристов, алчущих славы и добычи, либо в качестве рабов и военнопленных. Переходя к более поздним временам, можно отметить, что царь Пётр Великий был хорошо осведомлен о золотых месторождениях Кашгарии и даже подумывал о завоевании «Большой и Малой Бухары до реки Эркети», то есть до Яркенд-дарьи. В 1713 го-

¹⁵⁸ Считается, что в 860 г. государство Русь «оповестило о своем государственном рождении остальной мир»: событие связывают с походом на Царьград войск россов (Аскольда и Дира?), разграблением предместий Константинополя и последующим заключением мирного договора между Русью и Византией и «первым крещением Руси». Хронология и детали данных событий являются предметом дискуссий. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Поход_руси_на_Царьград_\(860\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Поход_руси_на_Царьград_(860)).

ду тобольский дворянин Ф. Трушников¹⁵⁹ достиг озера Куку-Нор и привез наместнику Сибири описание золотых месторождений Алтын-Тага, Золотой горы, и образцы золотосодержащего песка. В 1790-91 годах два армянина, братья Анатасовы¹⁶⁰, достигли Восточного Туркестана через Индию и Тибет, и рассказали, что в районе Керии у подножия гор находят самородки золота, а также драгоценный камень *юй*, то есть нефрит. В восемнадцатом веке, Филипп Ефремов пробрался в Индию через Кашгар и Каракорум, сбежав из плена в Бухаре¹⁶¹.

Я достаточно хорошо знал Среднюю Азию, занимаясь охотой и геологическими изысканиями, объехал верхом весь

¹⁵⁹ См. «Сказку дворянина Ф. Трушникова в Селенгинской комендантской канцелярии о поездке в Джунгарию и Цинскую империю»: http://vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVIII/1700-1720/Russ_kit_otn_18_v_I/101-120/116.htm. Там же приводятся сведения об указе Петра I о разведке месторождений яркендского золота и организации для этого специальной экспедиции.

¹⁶⁰ Так в подлиннике: brothers Anatasoff – возможно, ошибка или опечатка: есть упоминание о том, что «в 1791–1792 г.г. братья *Атанасовы* с торговыми целями проехали из Индии в Кашгарию и путешествовали там в районе Яркенда и Аксу, доставив впоследствии некоторые географические сведения об этом крае. <http://www.silkadv.com/ru/node/9099>.

¹⁶¹ Филипп Сергеевич Ефремов много лет проживал пленником в Бухаре и бежал оттуда через Фергану в Кашгарию и Тибет. Его путешествие (1771–1780 гг.) описано им в книге «Девятилетнее странствование российского унтер-офицера Ефремова в Киргизской степи, Бухарин, Хиве, Персии, Тибете, Индии и возвращение его оттуда через Англию в Россию». Впервые изданная в 1786 г., эта книга многократно переиздавалась. Последнее издание относится к 1952 году. Издание 1811 г. читать по ссылке: <http://www.prilib.ru/item/714805>. Скачать fb2 здесь: http://az.lib.ru/e/efremow_f_s/text_1784_stranstvovanie_philippa_efremova.shtml.

Южный Урал и киргизскую степь. Именно верхом на лошади я впервые приехал молодым человеком в Ташкент, где был мой дом на протяжении стольких счастливых лет; проехал верхом весь Туркестан, Памир, Верхнюю Бухару, то есть Каратегин и Дарваз, а также Семиречье. И до Кашгара я добрался на лошадях. Вот и ныне то же древнее средство передвижения, спина животного, должно доставить меня по самой высокой и трудной дороге в мире – в Хиндустан.

В наши дни пара и машин путешественник видит мимо­лётно лишь малую часть страны, через которую проезжает. Иное дело – путешествие верхом на лошади с караваном, как в стародавние времена, и как до сих пор ещё, слава Богу, передвигаются по необъятным пространствам Восточного Туркестана. Нет лучшего способа узнать страну!

По сему легко понять мой восторг при мысли о предстоящем путешествии в Индию верхом на лошади и о возможности вновь оказаться в цивилизованном мире после четырехлетнего пребывания в средневековье, пусть интересного, но полного унылой тоски и одиночества.

Ныне подавляющее большинство жителей цивилизованных стран не имеют понятия о том, что на самом деле являет собой путешествие верхом в составе каравана выючных лошадей или верблюдов. Многие, вероятно, полагают, что это некий вид развлекательной прогулки с возможностью совершить парочку хороших заездов галопом. Немногие осознают всю сложность и ответственность организации караван-

ного перехода через пустыню. Путешественники иногда не могут сдержать улыбки, услышав наивные вопросы невежественных туземцев о землях цивилизованных, но и вопросы, что задают образованные европейцы отсталым туземцам об их примитивных землях, подчас выглядят куда более смешными, ибо задаются людьми, коим надлежит знать большее. Один мой друг, профессор, не мог толком понять, что подразумевается под понятием «пустыня»:

– Но почему, однако, они не могут питаться травой? – недоумевал он, когда я объяснял необходимость иметь в караване большое количество еды для животных.

Другой знакомый, который никогда не был за пределами Европы, выслушав долгое моё повествование о трудностях пути из Восточного Туркестана в Индию, о страшных высотах Каракорума, о ледниках Сассер-ла и Кардонга, о вершинах и пропастях в верховьях Инда, казалось, постиг картину и возымел отличное представление об услышанном. Но вдруг ошарашил меня репликой:

– Я полагаю, что в тех местах поезда ходят очень медленно, не так ли?

Возможность путешествовать как-то иначе, без механических средств, уже не укладывается в голове среднестатистического европейца двадцатого века.

– Почему вы не ехали на машине? – спросила меня однажды девушка. – Вы же наверняка умеете водить.

В деле организации моего каравана мне посчастливилось

иметь помощь мистера Скрин. Без его знаний и опыта мне было бы трудно должным образом подготовиться к путешествию.

Ярким солнечным утром 24 августа 1924 года я покинул Кашгар, где, как и в старые добрые времена в России, встречать приезжего и провожать отбывающего – дело обязательное и серьёзное. Среди китайцев такое ещё и строго обусловлено жёстким этикетом, зависящим от социального или служебного положения личности. В нескольких милях от города, на обочине дороги, мистер и миссис Скрин устроили для меня дастархан, здесь я с ними и расстался. Несколько днями позже им тоже предстояло отправиться в Индию, но их путь проляжет через Памир и Гилгит.

Я вычеркнул себя из здешней жизни, двинувшись в путь через Янги-Шар, место летнего отдыха и охоты жителей русской колонии. Там ждали меня на прощальный обед мои друзья, там я навсегда прощался с ними в беседке под сенью виноградных лоз. Я покидал своих соотечественников, эти добрые души, живые остатки былого, обреченные на безысходное пребывание в отдаленном забытом краю. Им судьбою назначена была иная и единственная дорога, как мрачно выразился кто-то: дорога на кладбище. И сейчас, когда я пишу эти строки, многие по ней уже прошли.

Напутствуемый самыми сердечными пожеланиями друзей, я спустился с холма, где были разбиты их палатки, и долго ехал по болотистой долине по направлению к главной до-

роге. То и дело я оборачивался назад и каждый раз мог различить небольшую группу людей, стоящих на вершине холма и пристально глядящих мне вслед. В воздухе носились в неисчислимом количестве чибисы, и мне казалось, что своими тревожными криками они сочувствуют моему настроению. Огромные стаи скворцов стремительно и шумно пролетали мимо и садились в камышах сплошной массой птиц. Несколько коршунов парили в вышине. Пристальный взгляд мой витал окрест, дабы навсегда запечатлеть в памяти облик страны, которую я покидал.

Я поспешил догнать повозку, что двигалась впереди по главной дороге в Яркенд с багажом и прислугой. Подо мною был тот самый чёрный жеребец, которого мистер Скрин описывает в своей книге; молодой конь превосходно перенес весь долгий и трудный путь до Сринагара, был вынослив, силен и крепок в ногах; на протяжении всего пути, каменистого и неровного, он споткнулся лишь однажды. Была у него одна важная черта: он не был нервен и пуглив, не вздрагивал и не шарахался, как некоторые лошади, при всякой неожиданности и стороннем резком движении. На узких горных тропах и карнизах, нависающих над пропастью, лошадь, которая пятится при внезапном взлёте птицы, или прыжке зайца, представляет большую опасность для всадника. При всём при том, нервозность – распространённый порок среди местных лошадей Центральной Азии. В Кашгарии по-настоящему хороших лошадей мало, за исключением пород, за-

везенных из Ферганы и Афганистана, например, карабаир, славный своими лучшими качествами: красотой, скоростью и выносливостью. Или киргизская лошадь из Семиречья, часто на вид некрасивая, зато спокойная, уравновешенная, с хорошим поведением и неиссякаемой энергией, способная идти весь день напролет – качества, равно полезные в горах и на равнине. Среди лошадей местной породы в Кашгарии широко распространена лошадь *карашар*¹⁶², выведенная в местности близ одноимённого города в восточной части страны. Вид её своеобразен: голова прямостоячая и широкая, шея короткая и неповоротливая, грива жёсткая, щетинистая, а бочкообразное тело непропорционально большое; в целом внешне напоминает шахматного коня или лошадь с древнегреческого барельефа. Сарты любят её за простоту в обиходе и в управлении. Есть, однако, у карашара серьёзный недостаток: короткие и слабые ноги, отчего часто подводит своего наездника и в этом отношении опасен. Именно одному из них я обязан случаем, произошедшим вскоре после моего прибытия в Кашгар, таковой чуть не сделал меня калекой. Я знаю примеры и других серьёзных происшествий с ними, что неудивительно при их непропорциональном телосложении.

¹⁶² Не о ней ли писал Рерих: «В Карашаре и в Токсуне мы наблюдали прекрасные типы лошадей карашарской породы. Тот, кто помнит старинные китайские терракоты коней эпохи Танг, не должен думать, что эта порода исчезла. Именно карашарские кони живо напоминают её. Особенно интересны кони с какими-то зеброобразными полосами. Не было ли в этой породе скрещеня с дикими куланами?» (Рерих Н.К. Сердце Азии. Southbury (st. Connecticut): Alatas, 1929).

Примечательным и интересным моментом в связи с карашарской лошастью является её схожесть со знаменитой дикой лошастью Пржевальского. Помимо окраса, который очень разнообразен, и размеров, сходство очень близкое, особенно в форме головы и шеи. Более того, эти дикие лошади живут в тех же районах Джунгарии, где разводят карашарскую лошадь. Если последняя и не происходит напрямую от дикого вида, то, несомненно, имеет примесь его крови.

По ту сторону реки Гёз¹⁶³, которую я пересек по узкому мосту, пейзаж меняет свой вид: повсюду барханы, или дюны, наметаемые подвижными песками. Река здесь довольно широка и глубока, её воды очень холодны и прозрачны – они вытекают из озера Малый Кара-Куль (Чёрное озеро) на Памире, где отстаиваются от ледниковой взвеси. Другие реки, несущие воды тающих ледников, всегда мутны.

Вскоре после захода солнца я достиг деревни Япчен, где остановился на ночлег в довольно чистом караван-сараяе. На следующее утро встал рано и уже в шесть был в пути. Движения по дороге не было, лишь сартские женщины деловито подметали улицы мётлами, так же, как подметают полы в домах Европы. Кучки мусора собирались в мешки и уносились на плечах. Сия старательная уборка была вдохновлена

¹⁶³ Гёз, река в Вост. Туркестане; сливается из двух рек, берущих начало на Памире: реки Каракуль, протекающей через оз. Мал. Каракуль (12.790 ф.) и питаемой водами вершины Мустаг-ата, и реки Контимес (или Туманчи), начинающейся на хр. Сары-кол. Оканчивается к югу от Кашгара, не доходя до р. Кызыл-су. По р. Гёз идет дорога из Рошана в Кашгар. (Л. Берг).

отнюдь не тягую к чистоте, чуждой характеру сарта. Мотив иной: почва здесь песчаная и бедная, а уличные смёты, богатые животной органикой, являются отличным удобрением для полей. По этой же причине у них здесь даже имеются общественные туалеты – роскошь, в русском Туркестане неизвестная.

Река Гез в Синьцзян-Уйгурском АО. Современный вид.
2015 [16]

Сразу за древней дорога некоторое время шла по возделанной земле, вдоль обочин тополей и вавилонских ив,

*Eleagnus hortensis*¹⁶⁴, зарослей колючих кустарников, увитых клематисами *Clematis orientalis*¹⁶⁵ и ещё какими-то вьющимися растениями с белыми цветками. Справа и слева простирались поля и луга, большие пространства, поросшие тростником, с тёмно-зелёными островками тамариска, розовых цветов и высокого *чия*, *Lasiagrostis splendens*¹⁶⁶, среднеазиатской «проволочной травы» с её пушистыми метёлками.

Пока я ждал свой экипаж, развлекался тем, что наблюдал за несколькими сартскими женщинами, толкавшимися у

¹⁶⁴ Лох восточный (*Elaeagnus orientalis*, син. *Elaeagnus hortensis*) – вид древесных растений рода Лох (*Elaeagnus*) семейства Лоховые (*Elaeagnaceae*); южно-европейско-центральноазиатский вид. Весьма засухоустойчив, почти не страдает от жарких суховеев в юго-восточных степных районах. К почвам неприхотлив; переносит значительную засоленность почвы. http://ru.wikipedia.org/wiki/Лох_узколистый.

¹⁶⁵ Ломонос восточный, или клематис восточный (*Clematis orientalis*) – вид цветковых растений рода Ломонос (*Clematis*) семейства Лютиковые (*Ranunculaceae*). Ареал вида охватывает Европейскую часть России и практически всю территорию Азии. Произрастает по берегам рек, среди прибрежных лесов, в кустарниках, вдоль оврагов, по склонам и в котловинах среди песков полупустынной и пустынной областей. http://ru.wikipedia.org/wiki/Ломонос_восточный.

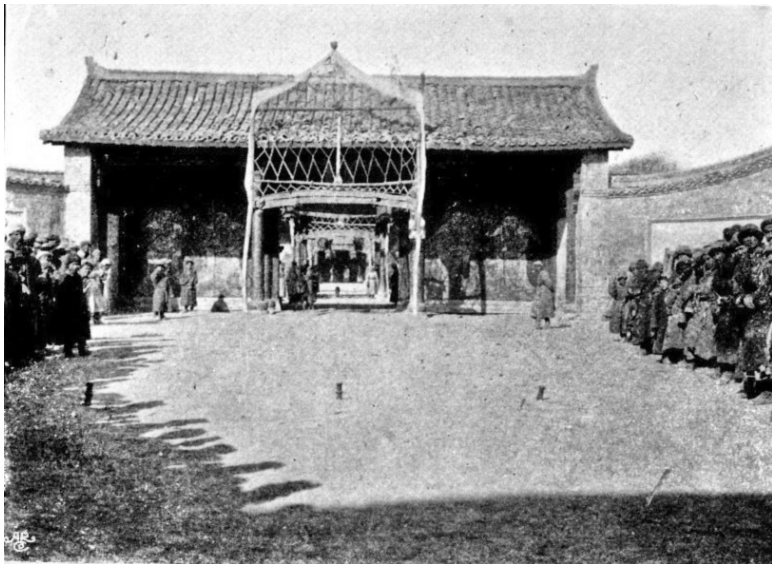
¹⁶⁶ Чий блестящий (*Lasiagrostis splendens*) – многолетний злак 0.5–2.5 м высотой, образующий крупные и густые дерновины без корневищ. Листовые пластинки узколинейные, жесткие. Метёлки 15–50 см дл., довольно густые, обычно более или менее серебристые. Растет в сухих, часто немного засоленных степях и полупустынях от Нижней Волги до Прибайкалья и Тибета, обычно на песчаных или каменистых почвах, поднимаясь в горы до 3600 м н.у.м. Часто образует заросли, называемые чиевниками. <http://flower.onego.ru/zlak/achnathe.html>.

дверей *ямэня*¹⁶⁷, местной конторы. Все были одеты по китайской моде – так у местных чиновников принято: обряжать своих сартских подруг в китайские национальные костюмы. Две из них, уже немолодые, о чём-то яростно спорили. Любопытно, что в Янги-Гиссаре женщины не прячут свои лица за чадрой.

До прибытия своей повозки я успел выпить чаю и съесть дыню, затем отправился в караван-сарай. Таковые здесь по дороге неплохо содержатся и довольно чисты, всегда можно снять отдельную комнату и устроиться с удобством, однако отдохнуть невозможно по причине изрядного количества мух. Из-за жары я потерял всякий аппетит и ел только фрукты. Вечером пошел дождь и продолжался всю ночь, значительно охладив воздух.

Утро после дождя выдалось сырым и туманным. Выехав из города, миновали старое кладбище с большими белыми мазарами, сартскими гробницами, поднялись на песчаный холм и спустились на противоположную его сторону к весьма приятному месту у реки. Справа тянулся ряд холмов, а слева протекал арык, оросительный канал.

¹⁶⁷ Ямэнь или ямынь – присутственное место в дореволюционном Китае, средина магистрату; резиденция чиновника и его помощников. Тж. место для приёма посетителей, судейский зал, тюрьма, казначейство и оружейный склад.

Ямэнь в Яркенде. (Н.Н.Р. Deasy, 1901)[15]

Здесь повстречался мне всадник, едущий по дороге навстречу. Его лошадь, прекрасное животное, являла вид безукоризненный: отличная сбруя, ковровая попона. Наездник, одетый в расшитый камзол, увенчан белым тюрбаном с кокардой и плюмажем. Его изящная фигура и одеяние тотчас же вызвали в моей памяти образ индийского гостя из оперы «Садко». Поравнявшись со мной, он поднял руку к челе в знак приветствия и произнес: «Салам!» Сей «индийский гость» разительно отличался от грязных, скверно одетых индусов, которые кишат на базарах Восточного и Запад-

ного Туркестана. Откуда прибыл он, этот первый представитель Индии, живописной и далекой, как мы привыкли её себе представлять?

Нам часто попадались встречные караваны ухоженных ослов, груженных шерстью в больших белых мешках. Поднялись на небольшую возвышенность, где на дальней окраине в небольшом оазисе с родником холодной воды в окружении нескольких ив приютилась *курганча*, т.е. ферма. Затем потянулась долина, где почва, изрядно пропитанная солью, поросла тростником, камышом и осокой. Миновали деревню Килпин и остановились в маленьком местечке под названием Топа (Пыльное), чтобы немного отдохнуть. Это примерно в двадцати верстах от Янги-Гиссара. Небо прояснилось, и солнце стало палить.

Пока съедал я свою очередную дыню, явились с визитом сарт с женой и принялись просить лекарств от самых разных болезней. Сарты, и особенно киргизы – большие любители медицины, и по своей простоте видят в каждом европейце врача, который в любое время, в любом месте и при любых обстоятельствах, даже когда стреляет бекасов на болотах, носит при себе полный набор аптекарских средств.

Отсюда до деревни Кызыл Гумбез (Красная гробница), на протяжении около восемнадцати вёрст дорога идет по местности, которая весьма характерна для Центральной Азии и может быть названа «эоловым ландшафтом». Бесплодная, песчаная долина под влиянием постоянных ветров превра-

щается в бесчисленные ряды холмов, так что местами кажется, что дорога проходит ниже уровня долины, словно в траншее, а высоко расположенные корни некоторых деревьев обнажаются, так что взгляду дерево представляется как бы в вертикальном разрезе.

При въезде в село Кызыл Гумбез находится обширное кладбище и большой квадратный *хауз* (пруд), питаемый четырьмя обильными источниками, воды которых используются для орошения. С одной стороны расположилась гробница какого-то святого, с другой – большое *supé*¹⁶⁸ меж четырёх огромных тополей. Здесь провел я ночь и рано утром отправился в следующую большую деревню, Кёк Яр (Зелёная Лощина). Путь длиною сорок пять вёрст лежал по песчаной пустынной долине, изрезанной галечными руслами пересохших рек. Вдоль дороги нередко встречались *рабаты*, приюты для путников, построенные из обожженного кирпича, быть может, лет сто назад; ныне заброшенные, они постепенно превращаются в руины. Иногда в них поселяется какая-нибудь нищая семья сартов. В одном из таких рабатов, расположенном примерно на полпути и находящемся в несколько лучшем состоянии, нежели иные, остановились на отдых. Место было чистым, рядом имелся хороший колодец, и росли две молодые ивы, за которыми, видимо, кто-то ухаживал в этой жаркой и засушливой пустыне.

¹⁶⁸ *supé* – так в оригинале – фр. пригл. «очень хорошее или возвышенное место».

После короткого отдыха и освежения сочным арбузом тронулись дальше. Солнце уже припекало, но дул приятный ветерок; не было мух, ранее мучивших нас, и путь был приятен, несмотря на однообразие пейзажа. Животный мир в этой пустыне скуден. Встретились только одинокая ящерица да на стенах полуразрушенного рабата – красивая пустынная сойка, *Podoces biddulphi*¹⁶⁹. Езда по этой однообразной, сухой и пыльной пустыне в жаркий день должна быть очень утомительна.

Во второй половине дня достигли селения Кёк Яр – начала зелёного оазиса Яркенда. На обочине появились большие кусты тамариска, ряды стройных деревьев; великолепная аллея тополей вывела на обширный базар, миновав который, я остановился у большого ухоженного караван-сарая; здесь было место встречи многочисленных китайских купцов, следовавших в Кашгар.

В ожидании своей повозки я имел удовольствие наблюдать за прибытием китайца с молодой женой. По всей видимости, они приехали откуда-то из внутренних районов Китая и уже долгое время находились в пути; их повозка была превращена в удобный домик на колесах. Тотчас же по прибытии китайская госпожа принялась за работу, постирала белье и развесила его сушиться. Затем она помылась где-

¹⁶⁹ Саксаульные сойки (лат. *Podoces*) – род птиц семейства врановых. Род включает 4 вида, один из них *Podoces biddulphi* – белохвостая саксаульная сойка. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Саксаульные сойки](http://ru.wikipedia.org/wiki/Саксаульные_сойки).

то, вернулась в свой фургон и вскоре вышла оттуда совершенно преображенная: на ней была чёрная шёлковая кофта, иссиня-чёрные волосы её, блестящие как вороново крыло, были кокетливо расчесаны и украшены искусственными цветами, маленькое личико было густо накрашено по канонам китайской моды. Нарядившись в свой «*sunday best*» (выходной костюм по случаю), сия китайская леди проводила мужа в снятую ими комнату, для чаепития. Было ясно, что ни долгие месяцы изнурительного путешествия, ни жара, ни песчаные бури пустынь, ни удручающее однообразие походной жизни не смогли подавить в женщине естественного стремления быть привлекательной.

Караван-сарай в Яркенде. (*C.G.E. Mannerheim*, 1908)[7]

А тем временем поднявшийся ветер, постепенно усиливаясь, превратился в настоящую бурю, в покрасневшее небо взвились огромные столбы песка и пыли. Остаться на дворе было немислимо, и мне пришлось укрыться в своей комнате; стало совсем темно, хотя было три часа пополудни. Это налетел «хотанский ветер», приносящий песчаную пыль из Такла-Макана. Горе каравану или путнику, застигнутому бурей в пустыне! Вскоре раздался раскат грома, и начался дождь, который к вечеру превратился в ливень.

Надо отметить, что в погодном отношении, небеса явля-

ли ко мне благосклонность: во время жары дожди освежали воздух, увлажняли дороги и делали моё путешествие лёгким и приятным, спасая от палящего зноя, пыли и несносных мух, которые, особенно в деревнях, способны убить всякий интерес к путешествию. Вот и тогда, после грозы воздух стал заметно прохладнее, и утро дышало свежестью, когда тронулся я в дальнейший путь. Солнце ещё скрывала тонкая дымка облаков, и зелень деревьев в садах выглядела ярче, чем когда-либо.

За деревней дорога пошла по длинной аллее в окаймлении огромных ив. Вокруг раскинулись поля джугары или сорго (*Sorghum*¹⁷⁰), турецкого гороха (*Cicer arietinum*¹⁷¹), кукурузы, а также льна, который повсеместно выращивается в Туркестане ради пищевого масла – сейчас он был в полном цветении, и его ярко-синие цветы украшали поля по обе стороны дороги.

Почва оазиса Яркенд весьма плодородна, хорошо орошается и щедро снабжает своими дарами местных обитателей. Жизнь их легка, они простодушны и не предприимчи-

¹⁷⁰ Сорго (лат. *Sorghum*) – род однолетних и многолетних травянистых растений семейства Злаки, или Мятликовые (*Poaceae*). Включает около 30 видов, которые произрастают в Азии, Африке, Южной и Северной Америке, Европе и Австралии. Ряд видов сорго выращивается как культурное растение – хлебное, техническое и кормовое.

¹⁷¹ Нут бараний, или турецкий горох, он же нут культурный и бараний горох (лат. *Cicer arietinum*) – травянистое растение семейства Бобовые (*Fabaceae*). Семена нута – пищевой продукт, особенно популярный на Ближнем Востоке; основа для приготовления традиционных блюд ближневосточных кухонь.

вы. Иное дело в Кашгаре: бедность почвы заставила тамошних жителей развивать местную промышленность, такую как производство шкур и маты, грубой ткани из хлопка. Кашгарцы – предприимчивые дельцы, каждый год они десятками тысяч отправлялись на заработки в русский Туркестан. Подобные же обстоятельства превратили жителей Хотана в искусных ремесленников, кожевников, изготовителей войлока и т.п., подвигли на производство шёлка и превосходной бумаги, способствовали разведению и улучшению местных пород коз и овец. А вот люди оазиса Яркенд, с его щедрыми запасами воды, плодородной почвой и обильными урожаями, могут позволить себе не заботиться ни о чём, кроме своих садов и полей.

На обочинах дорог часто встречаются песчаные участки, куда вторгаются барханы, но их наступление сдерживает частичный травяной покров. Вообще, здешний сельский пейзаж довольно зелен, и на протяжении примерно пятнадцати вёрст дорога идет по долине, покрытой дикой растительностью. Здесь преобладают: верблюжья колючка *Alhagi camelorum*; *Sophora alopecuroides* – разновидность гороха¹⁷²; лакрица¹⁷³ *Glycyrrhiza glandulifera*. На песчаных холмах рас-

¹⁷² Софора лисохвостная или обыкновенная, брунец – многолетнее травянистое растение; вид рода Софора семейства Бобовые (*Fabaceae*). Растёт на приречных лугах, в тугаях, реже в степях и пустынях; относится к ядовитым растениям. http://ru.wikipedia.org/wiki/Софора_лисохвостная.

¹⁷³ Солодка железистая (лат. *Glycyrrhiza glandulifera* и др.) семейство *Fabaceae*. Многолетнее травянистое растение, распространенное по всей южной Евро-

тет *Peganum harmala*¹⁷⁴, тёмно-зелёное растение с тонкими маленькими листьями и жёлтыми цветками, которое ценится местными жителями как опьяняющее средство и служит амулетом против злых духов и заклинаний. Кусты тамариска растут между дюнами и по берегам небольших живописных водоёмов; радуют взор изумрудные пятна рисовых полей.

На обочине дороги, в тени небольшого дерева на окраине песчаной дюны, сидел человек, продававший дыни. Я сошел с коня, привязал его к дереву, купил одну дыню и прилег на слегка влажном песке, радуясь возможности немного отдохнуть и освежиться. Приятно было сесть на податливый песок и вытянуть ноги после трёхчасовой езды верхом и насладиться отменной дыней, сладкой, сочной и ароматной.

Прошел караван мулов, потом несколько молодых женщин, вероятно, с соседней фермы, их лица были открыты, их волосы украшали красные и синие цветы. Скворцы стрекотали на деревьях, и мельком проносились золотистые иволги, *Oriolus kundoo*. Вся обстановка, сама природа дышали спокойствием и миром. Не было ни спешки, ни суеты. Восток не выносит спешки, он ценит покой, степенность и достоин-

пе, в Малой Азии, северной Персии, Афганистане, Китае, в южных губерниях европейской России, в Закавказье, южной Сибири и Туркестане. <http://zapisitetereva.blogspot.com/2013/11/glycyrrhiza-glabra-l-30.html>.

¹⁷⁴ Гармала обыкновенная, или могильник, рута (лат. *Péganum hármala*) – многолетнее травянистое растение; вид рода Гармала (*Peganum*) семейства Парнолистниковые (*Zygophyllaceae*). Произрастает в полузасушливых степях Восточной Европы и Центральной Азии. Ядовитое растение, обладающее лекарственными свойствами. http://ru.wikipedia.org/wiki/Гармала_обыкновенная.

ство.

Я тронулся дальше и вскоре достиг небольшой деревушки из нескольких строений, приютившихся в тени высоких ив и тополей. Из одного вышел пожилой сарт, подал знак, чтобы я остановился приветствовал меня: «Салям алейкум!» – «Алейкум салям! – ответил я. – Что могу сделать для тебя?» – «Тахир, моя жена три дня мучается родами. Прошу тебя, приди, облегчи её страдания, дай ей лекарство». – «Но я не врач, и у меня нет лекарств». – «Нет, я вижу, что ты врач и у тебя есть лекарства. Я знаю, что ты из Шведской миссии и поможешь несчастной женщине».

Всуге заверял я его, что ничего не могу сделать, и что у меня нет с собой лекарств – он упорно настаивал и, в конце концов, рассердился и начал кричать на меня. Бедняга, я прекрасно его понимал: ведь он видел во мне европейца, одного из тех миссионеров, что одаривают своей помощью местное население. Я ничем не мог ему помочь, и, не желая ссориться, пришпорил коня. К моему изумлению, старик, в порыве гнева, схватился за уздечку. Мне было жаль беднягу, но раздражала его дерзость. Пришлось замахнуться хлыстом, и тогда он отстал.

Немного дальше дорога спустилась к руслу глубокой и полноводной реки, текущей меж крутых берегов, покрытых густой растительностью, и пошла по тенистой аллее вдоль берега. Слева открылось большое озеро с множеством диких уток. Затем дорога круто повернула направо, пересекла

реку по нескольким мостам в месте, где русло разбилось на островки и рукава, и дальше пошла вдоль густых зарослей. Слева виделись высокие песчаные дюны, красноватые после недавнего дождя, но с отчётливым зеленоватым оттенком. Вся местность здешняя, по-видимому, ранее была пустыней, до того, как орошение превратило её в цветущий сад. Но нет даже смутных преданий о том, когда именно это произошло.

Собственно говоря, упомянутая река – это вовсе не река, хотя и похожа на неё. На самом деле это арык, оросительный канал, прорытый неведомо кем в давно забытую эпоху: протекая «сквозь тысячелетия», он так углубил и расширил своё русло, что внешне стал похож на реку. Только в самом своём начале, «исток», выше Яркенда, где канал перехватывает воды реки Тизнаф, раскрывается рукотворное происхождение влаги, дарующей жизнь безводной пустыне. Стоит разрушить «исток» этого и других каналов оазиса Яркенд, и вся страна быстро иссохнет, растительность исчезнет, и песок, ныне связанный корнями, освободится, придет в движение по капризу ветров, захлестнет остатки культуры, и всё здешнее цветущее богатство с его избытком плодов земных станет неразличимой частью великой безжизненной пустыни Такла-Макан.

Нигде в Центральной Азии так ясно не видна полная зависимость человека от им же созданных оросительных каналов, как здесь, в этом богатом и процветающем оазисе Яркенд. Подобно тому, как на западе Европы предприимчи-

вые и трудолюбивые голландцы отвоевывали землю дюйм за дюймом у моря, так и здесь, в глубинах огромного континента Азии древние уйгуры, или, возможно, таинственный народ *Homo alpinus*¹⁷⁵, отвоевывал клочки земли у всепоглощающего океана песка под названием Такла-Макан.

В нескольких верстах далее тропа выводит к поросшим высокими деревьями и кустарниками берегам другой реки, очень широкой, напоминающей реки центральной России. По сути, и она тоже является не рекой, а очень древним рукотворным каналом. В верстах двух выше, там, где берега близко подходят друг к другу, сооружен мост. Вдоль зелёных полей, садов, огородов и плантаций дорога незаметно приближается к высоким городским стенам Яркенда, почти скрытым большими тенистыми деревьями: белыми и пирамидальными тополями; восточным платаном, деревом «пагодой» – *Sophora japonica*¹⁷⁶; *Zizyphus vulgaris*¹⁷⁷ и другими.

¹⁷⁵ Альпийская раса – малая раса (антропологический тип) в составе европеоидной расы. Выделена в конце XIX в. французским антропологом и социологом Жоржем Лапужем (как *Homo alpinus*). http://ru.wikipedia.org/wiki/Альпийский_тип.

¹⁷⁶ Софора японская, или Стифнолобий японский (лат. *Styphnolóbium japonicum*) – вид рода Стифнолобий (*Styphnolobium*) семейства Бобовые (*Fabaceae*). Дерево до 25 м высоты с широкой шаровидной кроной. Лекарственное и медонос. http://ru.wikipedia.org/wiki/Софора_японская.

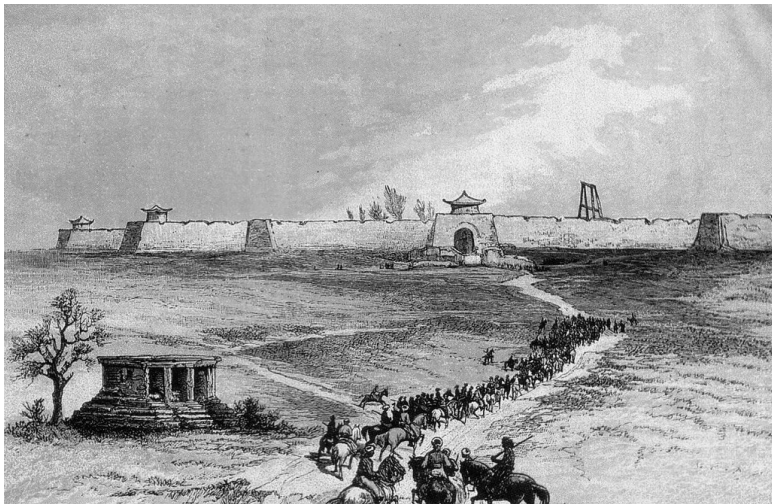
¹⁷⁷ Зизифус настоящий (лат. *Zízíphus jujúba*), или Унаби обыкновенная, или Ююба китайская, или Китайский финик – вид рода Зизифус семейства Крушиновые (*Rhamnaceae*). Колючий листопадный кустарник или небольшое дерево 5–10 м высотой. Плоды – сочные костянки с очень сладкой, вкусной и питательной

Яркенд, или Город на утёсе, китайцам известен как Шачэ¹⁷⁸.

Весьма характерно, что китайские названия населённых пунктов, обычно, не имеют ничего общего с названиями местными, которые, как правило, являются очень древними. К тому же китайские власти их часто меняют без всяких видимых причин. Например, Кашгар китайцы называют Фушу; Урумчи, столицу провинции Синьцзян, они именуют Дихуа, хотя до 1921 года город носил название Тивфу, в то же время в почтовых и телеграфных отправлениях он официально значится как Дидха. Потому так плохо обстоит дело с пониманием китайских исторических трудов, и так трудно доверять описаниям китайских географов и путешественников, что в них часто бывает невозможно определить место, город или народ, о коих идет речь.

мякотью. http://ru.wikipedia.org/wiki/Зизифус_настоящий.

¹⁷⁸ Яркенд или уезд Шачэ – оазис, уезд и город в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, к Ю.В. от Кашгара и к С.З. от Хотана, на высоте 1189 м н.у.м. Берёт название от реки Яркенд. Старый город (современный посёлок Шачэ) состоит из нескольких обнесённых стенами кварталов. Возник в незапамятные времена как место привала караванов, следовавших по Великому шёлковому пути. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Яркенд>.

На подходе к Яркенду. (*R.B. Shaw*, рисунок. 1868)[17]

Яркенд состоит из двух частей: Новый город окружен высокой глинобитной стеной, населен в основном китайскими чиновниками, купцами и тому подобной публикой; Старый город, расположен на небольшом расстоянии от первого, его стены, также глиняные, пребывают в плачевном состоянии.

Оба города соединены широкой улицей с лавками и складами. На возвышенном участке её расположилась Шведская миссия. Руководители посольства, доктор Нистрём¹⁷⁹ и мис-

¹⁷⁹ Рикард Нистрём (Rikard Nyström, 1884–1943) был послом Швеции в Китайском Туркестане. <http://jarringcollection.se/Library/Kashgar/Books/Mission%20and%20change.pdf>.

сис Нистрём, любезно пригласили меня остановиться у них и оказали мне самый радушный прием. Я пробыл с ними неделю, ожидая вьючных лошадей и проводников для моего каравана, готовил палатки и занимался тому подобными приготовлениями. У меня остались живые воспоминания о том времени, преисполненном доброты, мира и покоя.

Ворота и городская стена Яркенда. (*F. De Folippi, 1924*)[1]

Территория посольства хорошо спланирована и включает в себя ряд основательных зданий, таких как церковь, больница, ферма, хозяйственные постройки, мастерские и т.д.

Во время моего пребывания как раз строился гостевой дом для путников из дальних городов; исполнялся он в местном стиле и обещал быть очень комфортабельным. Также обустроивался большой приют для детей-сирот местных жителей. Во всём являлось рвение бескорыстных людей, посвятивших все свои силы и средства на благо окружающих людей, в общем-то, совершенно чуждых им по языку, вере и образу мыслей. Окно моей большой светлой комнаты выходило в прекрасный тенистый сад, где хорошо было провести за чтением свободные минуты. Здесь было множество цветов и редких интересных деревьев: гледичия, *G. Tracanthoides*¹⁸⁰, с огромными иглами; белые акации; несколько огромных очень красивых ив (вероятно, *Salix microstachys*¹⁸¹) с длинными, тонкими ветвями, длинными узкими листьями и стволами, покрытыми зелёной корой. Великолепные виноградные лозы свисали со шпалер, а персиковые деревья были украшены спелыми ярко-красными плодами. Женщины-сартки в своих праздничных нарядах часто заходили сюда и насла-

¹⁸⁰ Гледичия трёхколючковая, или Гледичия обыкновенная (лат. *Gleditsia triacanthos*) – вид деревьев из рода Гледичия (*Gleditsia*) семейства Бобовые (*Fabaceae*). Мощное дерево высотой до 20–40 м, с красивой кроной; быстрорастущее и засухоустойчивое. http://ru.wikipedia.org/wiki/Гледичия_трёхколючковая.

¹⁸¹ Ива мелкосерёжчатая (лат. *Salix microstachya*) – вид цветковых растений из рода Ива (*Salix*) семейства Ивовые (*Salicaceae*). Кустарник высотой 3–4 м или деревцо высотой до 6 м. Ветви полуповислые, редкие, раскидистые, очень тонкие, длинные и гибкие. В природе ареал вида охватывает Восточную Сибирь, Монголию и Китай. http://ru.wikipedia.org/wiki/Ива_мелкосерёжчатая.

ждались великолепием сада.

Шведская миссия в Яркенде. (С.G.E. Mannerheim, 1908)

[7]

Здесь, вскоре после моего приезда, мы провели настоящее собрание «военного совета», с доктором Нистрёмом в качестве председателя. Присутствовали: почти все члены посольства; Гулям Хан¹⁸², британский *аксакал* (неформальное обозначение лидера общин британских подданных); семь мест-

¹⁸² Видимо, один из сотрудников Британского консульства, настоящее имя которого автор не называет.

ных сартов, *караванбаши*, т.е. предводителей караванов, и так далее, все опытнейшие люди. Один из них, большой, высокий, крепко сложенный парень со всклокоченной бородой, живо напомнил мне изображение с древне-ассирийского барельефа. Обсудили: состояние дороги, предложения караванбаши, выбор маршрута и т.п. вопросы, которые необходимо решить, прежде чем отправиться в долгое и трудное путешествие. Существуют три пути на высокогорье Каракоума: через Санджу, Килиан и Кёк Яр (или Кугияр). Последний – самый лучший, но не всегда доступен; к счастью, согласно сведениям, уже был открыт. Отъезд назначили на следующую пятницу, так что у меня оставалась неделя для изучения города и окрестностей Яркенда.

В воскресенье в церкви состоялось богослужение, на котором присутствовали и местные жители, преимущественно женщины, празднично одетые, с цветами в волосах. Помимо новообращенных христиан, в здешний храм иногда заходят мусульмане, дабы послушать пение и, с ещё большим интересом, – послушать проповедь, читаемую на их родном языке.

После службы мы посетили детский приют, где за сорока четырем детьми разного возраста присматривала женщина, член миссии. Полные жизни мальчишки и девочки выглядели ухоженными, их румяные щечки светились здоровьем. Все они были выходцами из самых бедных сословий – бывшие уличные оборванцы, нищие, беспризорники и подкиды-

ши. Каким бы успехом ни венчалось распространение Евангелия среди взрослых туземцев, не может быть никаких сомнений в том, что чудесное избавление от голода, болезней и смерти этих брошенных созданий, воистину, есть дело богоугодное, делающее честь Шведской миссии. Однако именно такое возбуждает особую ненависть фанатичных мулл и проповедников ислама. Не раз они обращались с жалобами к даоиню: «Шведы забирают наших детей и, вопреки шариату, обращают их в христианство!» – «Тогда почему же вы сами не устраиваете приютов для своих брошенных детей и не воспитываете их в соответствии с шариатом?» – резонно ответил китаец. Но мусульманская благотворительность в Кашгарии обычно не идет дальше пожертвования гроша или корки хлеба.

Дети, ученики школы в Яркенде. (С.Г.Е. Mannerheim, 1908)[7]

Сартские дети по своей природе кротки и послушны, подчиняются дисциплине и, как правило, хорошо себя ведут. В свою бытность в Пишпеке мне доводилось посещать два сиротских приюта, один для магометанских детей, другой для русских, причем в обоих случаях хозяйками были русские женщины. Дети первого могли служить образцом послушания, их воспитательницы не находили слов, воздавая хвалу своим подопечным; я часто имел удовольствие наблюдать за их играми. Но дети русского приюта были сущим бедствием; воровские набеги на соседские дома были наименьшим злом, причиняемым этими подающими надежды будущими строителями социализма. Несчастливая хозяйка и воспитатели русского приюта пребывали в самом угнетенном состоянии духа.

Если бы не терпимость китайских властей Кашгарии, здешняя благотворительная деятельность миссионеров вряд ли была бы возможной из-за фанатизма населения и откровенной враждебности мулл. Причины неудач христианского проповедничества в мусульманских странах и широкого распространения ислама среди примитивных народов кроются в сложности духовных истин христианского вероучения. Они непонятны, в частности, для сарта, чьё мировоззрение зиждется на понятиях сугубо материальных: выгода,

житейское благо и т.п., а духовные идеи ему чужды, он не имеет о них даже малейших, самых отдаленных представлений. Ислам же, напротив, прямолинеен, удобопонятен и материалистичен, в жизни земной он требует от истинно верующих выполнения чётких и прямых обязанностей. Учение о столь желанном Воздаянии, обещаемом верующему в жизни будущей, им не только понятно, но в определенной степени знакомо. Одним из препятствий на пути распространения христианства служит мало осознаваемый в Европе факт, что мусульмане признают и Ветхий Завет, и учение Христа, хотя последний для них, конечно, является всего лишь пророком. Авраам, Исаак, Иаков, пророк Енох, Иисус Христос, Богородица – все они суть святые в глазах магометанина. Действительно, Магомет карал смертью за богохульство против Иисуса Христа и Богородицы. Вследствие таковых посылок, мусульмане, имея лишь поверхностное представление о христианском учении, смотрят на христиан как на людей, погрязших в старых убеждениях, и считают веру свою более совершенной, а себя – более просвещенными.

И последнее, но не менее важное обстоятельство: самым большим препятствием для обращения восточных людей в христианство является их приверженность к многоженству. Магометанские женщины смеются над европейцами, а мужчины считают нас лицемерами: «Вы делаете то же, что и мы, – говорят они, – только тайно, а мы открыто, как разрешает Закон».

Восток остается Востоком, несмотря на реформаторское рвение современных правителей. Даже многочисленные евреи Персии и Бухары, которые, вероятно, представляют собой чисто иудейский род сефардов¹⁸³ и ничем не отличаются в вероисповедании от своих западных сородичей, и те ревностно блюдут обычай многоженства.

С самого начала завоевания Западного Туркестана российское правительство уважительно относилось к фанатизму туземного населения и запрещало любую миссионерскую деятельность. Генерал-губернатор Кауфман¹⁸⁴ в организации управления подведомственной территории исходил из основополагающего принципа: «Никаких миссионеров и никаких жандармов», подразумевая под последними имперскую систему политического сыска. Сия мудрая политика во многом способствовала росту доверия местного населения к русским. Видя, что их религия, образ жизни и обычаи остаются нетронутыми, и понимая, что никакая опасность им в данном отношении не угрожает, туркестанское население быстро подчинилось российским властям и успокоилось. Г.У.

¹⁸³ Сефарды (сефардские евреи) (ивр. сфарадим, от топонима Сфарад, отождествляемого с Испанией) – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском полуострове из потоков миграции иудеев внутри Римской империи, а затем внутри Халифата.

¹⁸⁴ Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882) – русский военный деятель, инженер-генерал (1874), генерал-адъютант (1864), руководивший завоеванием и колонизацией районов Средней Азии. С 1867 – генерал-губернатор Туркестана, командующий войсками Туркестанского военного округа. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Кауфман, Константин Петрович фон](http://ru.wikipedia.org/wiki/Кауфман,_Константин_Петрович_фон).

Беллью¹⁸⁵, один из членов экспедиции Форсайта в Китайский Туркестан, с величайшим уважением отзывался о политике России в Средней Азии и о положительных воздействиях её завоеваний на судьбы народов, ранее страдавших от произвола азиатских деспотий.

В Яркенде можно видеть своеобразное свидетельство религиозного рвения здешних мусульман. На улицах и базарах стоят многочисленные деревянные ящики, похожие на почтовые. Таковые суть не что иное, как приёмники макулатуры, ведь бумагу, как средство начертания Слова Божьего, не надлежит выбрасывать бездумно и применять для нечистых целей. Немецкий археолог, доктор фон Лекок, рассказывает, как некие индусы в Яркенде, прознав, что в его ящиках находятся старинные рукописи, попросили разрешения сотворить над ними молитвенный ритуал. Они окропили ящики водой, возложили на них цветы и принялись ходить вокруг них, торжественно распевая свои священные гимны.

¹⁸⁵ Генри Уолтер Беллью (Henry Walter Bellew) (1834–1892) – британский медицинский офицер индийского происхождения, работавший в Афганистане. Написал несколько книг, основанных на его исследованиях в этой стране во время армейской службы. В 1873-1874 годах участвовал во Второй Яркендской миссии под руководством Томаса Дугласа Форсайта. Главной целью экспедиции была встреча с Якуб-беком, правителем Китайского Туркестана. В экспедиции его сопровождали Джон Биддольф, Фердинанд Столичка (погиб во время экспедиции), Томас Эдвард Гордон, Генри Троттер и Р.А. Чампман. http://en.wikipedia.org/wiki/Henry_Walter_Bellew.

Базар в Яркенде. (С.G.E. Mannerheim, 1908)[7]

А вот отношение китайцев к печатному слову, конечно же, совсем иное. В 212 году до Р.Х. император *Шихуан*¹⁸⁶, первый из династии Цинь, издал самый неукоснительный приказ о том, что все книги, кроме календарей и тех, что связаны с магией, должны быть сожжены, а за неповиновение полагалась смертная казнь. Историческая запись повествует, что четыреста шестьдесят учёных мужей были заживо погребены за отказ подчиниться высочайшему приказу. Даже труды Конфуция, и те погибли; к счастью, после смерти фи-

¹⁸⁶ Цинь Шихуанди (буквально: «великий император Основатель Цинь»), настоящее имя Ин Чжэн (259 до н. э. – 210 до н. э.) – правитель царства Цинь 245 года до н. э. http://ru.wikipedia.org/wiki/Цинь_Шихуанди.

лософа удалось разыскать несколько втайне сохранившихся копий его сочинений. Император Сюань из княжества Вэй, умерший в 295 году до Р.Х., приказал похоронить вместе с собой всю свою библиотеку. Его гробница была случайно обнаружена через пятьсот семьдесят четыре года, что во многом содействовало восстановлению китайской литературы и философии. В наше время, в 1900 году боксеры¹⁸⁷ приказали сжечь все библиотеки вообще.

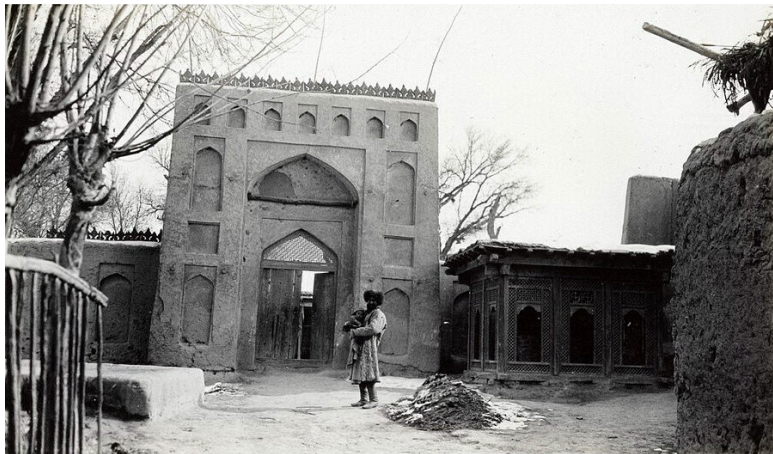
Китайская часть базара в Яркенде отличается от сартской своею чистотой, большим разнообразием лавок и магазинов, чьи фасады украшены фантастическими рисунками. Удивительно, до чего же много женщин занято торговлей на местном базаре. Они редко закрывают свои лица и пользуются большей свободой, нежели в Кашгаре, где, как говорят, их затворническое существование было введено только в последней четверти девятнадцатого века под влиянием ревнителей веры из Ферганы.

В Яркенде можно встретить немало мужчин и женщин, страдающих гипертрофией зоба, часто достигающего огромных размеров. Ныне общеизвестно, что таковая (базедова – перев.) болезнь обусловлена неправильной функцией щитовидной железы из-за недостатка йода, и в этой связи приме-

¹⁸⁷ Ихэтуаньское (Боксёрское) восстание – восстание ихэтуаней (буквально – «отряды гармонии и справедливости») против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю политику и религиозную жизнь Китая в 1898–1901 годах. После его подавления Китай попал в ещё большую зависимость от иностранных государств. http://ru.wikipedia.org/wiki/Ихэтуаньское_восстание.

чательно, что китайцы, чисто опытным путём открыли профилактическое средство борьбы с нею: это вид морской водоросли с высоким содержанием йода¹⁸⁸, которая является очень важной овощной пищей у китайцев. Несмотря на огромное расстояние, они умудряются доставлять её в сушёном виде в Кашгар. Возможно, существует связь между распространённостью гипертрофии зоба и чрезмерным развитием бюста у женщин Яркенда, который зачастую бывает совершенно непропорционален их росту и телосложению. Увеличение зоба здесь редко сопровождается кретинизмом, в отличие от того, как это имеет место быть в Швейцарии. Туземцы связывают болезнь с употреблением некипяченой воды.

¹⁸⁸ Очевидно, морская капуста (лат. *Laminaria*).

Вход на кладбище в Яркенде. (*Ph.C. Visser, 1930*)[11]

Один мой знакомый, инженер, много лет проработавший в Восточной Бухаре, рассказывал мне о некоей деревне в долине Каратегин¹⁸⁹, жители которой пользуются источником воды, известной своею способностью к развитию женского бюста. Понятно, что сей чудодейственный источник пользовался изрядной популярностью среди представительниц прекрасного пола Бухары, его посещали многие женщины, которые преодолевали огромные расстояния единственно ради улучшения своих форм. Мой друг проникся, было, энтузиазмом к идее превратить столь достопримечательное

¹⁸⁹ Каратегин (тадж. Каротегин – «чёрные горы») – историческая область в Таджикистане, расположенная в горах по среднему течению реки Вахш (Сурхоб), правого притока Амударьи.

место в курорт для европейцев. И кто знает, если бы не Великая война и русская революция, он, возможно, смог бы воплотить свою идею в жизнь. Но даже при том, современная мода погубила бы её, разве что женщины вернулись бы к старым и лучшим идеям. *Donna e mobile!*¹⁹⁰

5 сентября я выехал из Яркенда в свой долгий путь, напутствуемый молитвами и наилучшими пожеланиями друзей. Мой караван состоял из девяти вьючных лошадей, одного мула, пяти *керекешии* (погонщиков), и караванбаши (главы каравана). Мой слуга, Саламат-хан, был выходцем из Кашмира, поселился в Яркенде и женился на дочери старого учёного муллы, дававшего уроки тюркского языка в посольстве. Жена накануне вечером наградила его сыном, и он был счастлив, восприняв это как знак особой благосклонности со стороны Аллаха и как хорошее предзнаменование.

В деревне Кёк Яр к нам должны были присоединиться пять верблюдов для транспортировки корма для лошадей.

– Верблюды вряд ли смогут пройти дальше Ак-Тага, – предрек караванбаши, – хотя, если будет хорошая погода, возможно, они дойдут до перевала Сассер-ла, но вот пройти через него они всё равно не смогут.

Я спросил его: «А как же пройдем мы?»

– *Худай халаса*. Если Господь пожелает, то *бхоти*¹⁹¹ при-

¹⁹⁰ Дословно с итальянского языка «Женщина непостоянна».

¹⁹¹ Бхотия (бхот, бхутия, бхоте, букв. – тибетцы) – название различных этнических групп тибетского происхождения или культуры в Южной Азии (южные

дут к нам на помощь со своими *кутами*, яками, и мы пройдем на них по льду Муз-тау (Ледяная гора).

– То худшая часть всей дороги, – продолжал он, – от Ак-Тага до Сассер-ла. Там место, где и люди и звери имеют *тутек*, где они задыхаются, лошади заболевают и мрут на обочине, а люди с трудом ставят одну ногу перед другой; у многих идет кровь из носа и горла; люди не могут разгрызть свою пищу и умирают от голода.

Я взволновался: «Так как же нам предотвратить этот самый жуткий *тутек*?»

– Очень полезно есть абрикосовые косточки. Мы получим их запас в Каргалыке. Трудный участок дороги, где есть тутек, займет шесть-семь дней, а после будет легче, – успокоил он.

Но я не унимался: «Хорошо, но что вы делаете, когда у лошадей тоже тутек?»

Он пожал плечами.

– *Ихтиар худай*, тахир! – отвечивал он. – Такова воля Всевышнего. Делать нечего. Единственное – идти как можно медленнее, и не давать им ячмень.

Таковы были радужные перспективы пути чрез высоты Каракорума к истокам Инда и хребтам Гималаев.

Покидая древний город Яркенд, мы двинулись по доро-

склоны Гималаев), реже в самом Тибете. В научной литературе бхотия могут называть все народы, говорящие на языках тибетской группы тибето-бирманских языков. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/386319>.

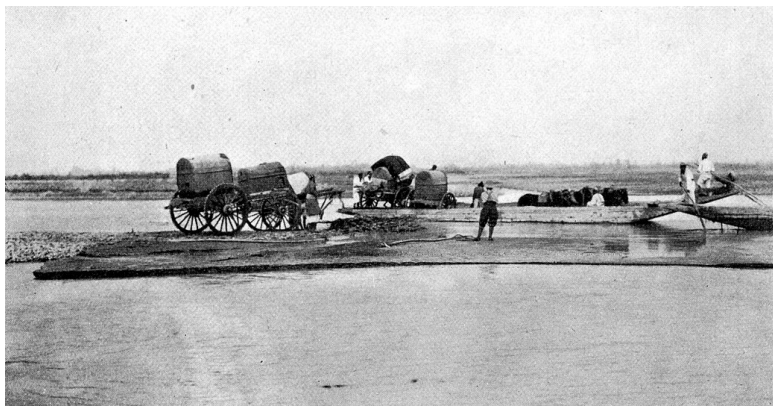
ге меж рисовых плантаций в окаймлении стройных тополей. Над посевами, залитыми водой, порхали сотни перелётных куликов и белых чаек. Примерно в семи верстах мы встретили наших добрых шведских друзей, которые ждали, дабы по кашгарскому обычаю устроить для нас дастархан, благословить мой путь чаем, превосходным русским супом, великолепным пловом и замечательным кофе.

Доктор Нистрём произнес прощальную проповедь на тюркском, призывая благословение Всевышнего нашему предприятию. Чутко внимали его словам керекеша, караванбаши и все прочие участники похода.

Глава VI. В Кунь-Лунь

Дорога шла по возделанной земле в тени деревьев, через поля риса, сорго и хлопка, по мостам через раздвоившееся лоно реки Яркенд и, примерно через шесть вёрст вывела на широкую гравийную пойму, где река разбилась на множество рукавов с островками, поросшими кустарником. Река приняла характерный вид горного потока, что несет вниз массу песка и гравия и, разливаясь широкими потоками на относительно ровной местности, постоянно меняет очертания своего русла. В Туркестане реки относятся к тому же типу, что и По в Италии. Некоторые рукава легко преодолевались нашим караваном вброд, но другие приходилось пересекать на плотках, похожих на плоскодонные баржи с приподнятыми бортами; на них лошади, привыкшие к переправам такого рода, запрыгивали довольно лихо. Людям, занятым на

переправе, так или иначе удавалось затащить на борт тяжело груженую телегу с огромными двухметровыми колесами.

Переправа через Яркенд-дарью. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Яркенд-дарья в своем верхнем течении называется Раскемдарья; последнее есть искаженное название места Рис-Кан, дословно – «много руды», старого медного рудника на берегах реки. Иногда туземцы называют её Тизнаф (искаженное от Тызнап), на самом деле такое имя носит один из её притоков, который берет начало с перевала Янги-Даван, и более известен как Холостан-дарья¹⁹².

¹⁹² «Река Тызнап, через которую мы перешли совершенно свободно вброд, получает начало под названием Холостан-дарья в высоких горах Кун-луня, близ перевала Янги-Даван и течет в северо-восточном направлении». – М. В. Певцов. Путешествие в Кашгарию и Кун-лунь. Гл. 2. От Яркенда до Хотана.

В нескольких верстах от реки мы остановились в деревне Посгам, и переночевали в местном караван-сараяе. Его содержали несколько женщин-мусульманок – дело, совершенно немыслимое в Русском Туркестане. Но истина состоит в том, что чем дальше вы находитесь от Ферганы, очага магометанского счастья, тем большей свободой пользуются представительницы прекрасного пола. Здесь, например, они занимаются торговлей на равных правах с мужчинами. Лица большинства здешних женщин скорее относятся к так называемому арийскому или иранскому типу. Их телосложение также характеризуется классическими формами.

В половине восьмого утра следующего дня мы вновь были в пути, пролежавшем вдоль плодородных полей, фруктовых садов и тенистых аллей. Верстах в двенадцати я остановился немного отдохнуть в маленькой деревне с важной на вид «базарной улицей» с необычным названием Якшамбе, что соответствует нашему понятию о воскресном дне – таковой являлся здесь, видимо, днём базарным. Проехав ещё немного, я с недоумением увидел широкую полосу красной материи, натянутой поперёк дороги меж тополями, а чуть дальше на обочине дороги – пёстрый и элегантный навес. Под ним стояли два китайца, из коих один ряженный по-европейски; поблизости обретались солдаты с оружием, в компании лошадей и местных жителей. Как выяснилось, встречали и провожали нового амбана, высокопоставленного чина, следовавшего в Хотан. Немного дальше нагнал я кавалькаду са-

мого небесного сановника и всей его багажной утвари с домашним персоналом: огромные повозки, забитые скарбом, двигались вереницею; на одной из них, на вершине огромной кучи мебели гордо восседала собачонка-мопс; в других я мельком видел лица детей и женщин, молодых и старых. Некоторые повозки были запряжены мулами, на их шеях висели большие медные колокольчики, звеневшие при движении. Медленно проезжая мимо вереницы повозок, с любопытством взирал я на столь дивную процессию. Вдруг раздался звук горна, и мгновенно вся процессия встала, сарты спешились, и явились пятеро мужчин-всадников. Двое были знаменосцами, один – горнистом, а позади них на маленькой чёрной лошадке сидел на корточках на огромной белой подушке хриплый, согбенный, одурманенный опиумом старый китаец – он-то и был новый амбань провинции Хотан. Подъехав ближе к своей повозке, он спешился, взобрался на неё и растянулся на постели.

Тем временем дорога вывела к болотистой долине и по длинному мосту перешла на другой берег реки Тизнаф. Здесь я нагнал передовую конную охрану амбаня.

Амбань в Яркенде. Рядом с ним слева направо: Ph.C. Виссер, амбань, Дженни Виссер-Хоофт, Дж. Силлем. (*Ph.C. Visser*, 1930)[11]

– Куда это вы, товарищ? – окликнул меня один из них на своём пиджин-русском¹⁹³. Он провел некоторое время в стране Советов и немного поднабрался нашего языка, включая коммунистическую формулу приветствия.

На противоположном берегу реки характер местности стал меняться. Снова видны были высокие деревья и зелене-

¹⁹³ В оригинале «pidgin-Russian»; пиджин – гибридный язык, возникший в условиях межъязыковых контактов; использует лексику одного языка и грамматику другого.

ющие поля с различными культурами, но почва стала беднее, и сувои ползучего песка то и дело пересекали дорогу. Когда до села Каргалык¹⁹⁴ оставалось с дюжину вёрст, я остановился в деревушке отдохнуть и выпить чаю. Дорога вела дальше по тенистым аллеям, среди полей и садов, и примерно на полпути я вновь увидел натянутую поперёк дороги широкую полосу красной материи с надписью на китайском языке. Вокруг стояли пёстрые шатры, солдаты, музыканты, префект Каргалыкского уезда со штатом и горожане, местная «знать», дабы почтить явление нового амбана.

Название Каргалык происходит от слова карга – грач, ворона, но по сути – от названия дерева *карагач* (вяз гладкий – перев.). Вокруг города нет стен, зато есть ворота, где амбана ждала ещё одна торжественная встреча. Здесь дорога раздваивается, южная ветвь уходит в Тибет и Индию, а восточная – в Хотан и далее в собственно Китай, вплоть до Пекина.

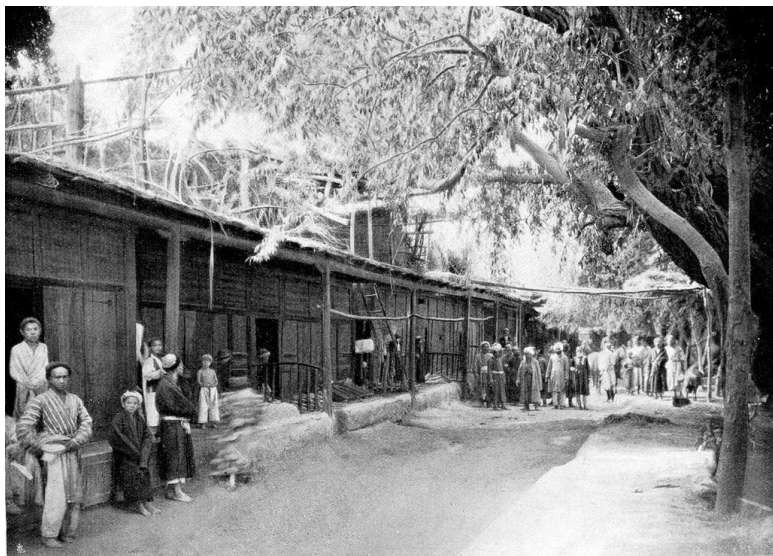
У ворот, в ожидании высокой процессии, выстроилась конная стража. Завидев меня, горнист исполнил в мою честь музыкальное приветствие, то ли распознав во мне европейца, то ли приняв за кого-то из свиты амбана.

Проехали по бесконечным узким улочкам, миновали убогий базар и выбрались на южную окраину города, где свернули в просторный и очень удобный караван-сарай. Таковой

¹⁹⁴ Каргалык или Ечэн – посёлок в округе Кашгар нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР, административный центр уезда Каргалык. Расположен на правом берегу реки Яркенд, в 249 км к Ю.В. от Кашгара и в 68 километрах к югу от Яркенда. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Каргалык_\(город\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Каргалык_(город)).

оказался на удивление чистым. Животные размещались на отдельном дворе, а жильё для путешественников находилось на другом, где имелись также помещения для поклажи и товаров. Здесь, как и в предыдущем караван-сарае, распоряжались женщины, свободные и независимые.

В караван-сарае можно было видеть местных христиан, одетых так же, как и их сородичи-мусульмане; были среди них и женщины, закрывавшие свои лица – хороший обычай, но вере христианской не свойственный.

Базар в Каргалыке. (F. De Filippi, 1924)[1]

Я пробыл там недолго, ибо явился *Аксакал* и пригласил меня остановиться у него. Я оставил выючных животных и людей, взял лишь своего слугу и конюха и снова пересек город, где на северной его окраине в замечательном саду расположился дом местного старейшины. Сад небольшой, но полон фруктов и виноградных лоз. И вот что меня удивило и порадовало: виноградные гроздья были помещены в бумажные мешочки с целью уберечь ягоды от нападения ос, коих здесь великое множество. Приятно было видеть свой небольшой вклад в дело развития края: ведь именно я в 1921 году с большим успехом применил в садах британского консульства в Кашгаре таковой способ, а теперь он уже распространился вплоть до Каргалька.

И вот ещё одно моё нововведение в области садоводства, которое как бы опередило моё появление в Кашгарии. В своём саду в Ташкенте я уделял большое внимание выращиванию фруктов, сливы в том числе. В русском Туркестане очень хорошо удавалось разведение практически всех сортов сливы, но из-за нападения моли *Cydia funebrana*¹⁹⁵, пришло в упадок и было заброшено. После многочисленных и терпеливых экспериментов мне удалось найти устойчивый к моли японский сорт сливы, *Primus simoni*¹⁹⁶. Она не осо-

¹⁹⁵ Сливовая плодоярка (лат. *Grapholita funebrana*) – бабочка семейства листовёрток, повреждает сливу, абрикос, алычу, персик, терн, редко вишню, черешню. Обитает в Европе, Малой Азии, Северо-Западной Африке, Китае, Японии, Корее, Украине, Молдавии, Закавказье, Казахстане, Средней Азии, России.

¹⁹⁶ Китайская абрикосовая слива Симона.

бенно хороша в садах европейских, но на нашей земле, под солнцем Туркестана, приносит плоды отменные, большие, сочные с лёгким ароматом ананаса, и, что очень важно, лёжкие, годные для транспортировки. Мой опыт был настолько успешным, что его живо подхватили соседи. Сарты также приняли сорт, называя его *ali pomidur*, от *ali*, что на тюркском языке означает слива, и *potme d'amour*, из-за сходства с помидором. Однажды на пикнике в саду Мир Ахмата, кашгарского аксакала, имел я удовольствие видеть знакомые красновато-золотистые плоды моей старой знакомой японской сливы. «Где раздобыл ты эти деревья?» – не удержался я полюбопытствовать у хозяина. «Из Андижана, тахир, – ответил он. – Мой друг дал мне их, они росли в его саду, – в голосе его звучали ноты гордости. – Очень редкий сорт, *джи-да якши*, очень хороший». Так вот вышло, что плод трудов моих в садоводстве явился как бы предтечею моей в стране далёкой и отсталой.

Каргалык своё название оправдывает сполна: высокие деревья окрест по вечерам облеплены грачами, воздух наполнен их истошным карканьем. Слышно, впрочем, и нежное воркование голубей в саду; их тут имеется два вида, наш туркестанский и кашгарский. Почва плодородна, стебли кукурузы вытягиваются до головы всадника, а бринджол, по-нашему баклажан, достигает метровой высоты; дыни вырастают размерами до 80 см длиной, хотя они не такие сладкие, как в Кашгаре; ветви персиковых деревьев буквально ломаются под

тяжестью плодов.

Когда я прогуливался по саду, ко мне подошли два маленьких ослика, очень красивые и ухоженные, с явным желанием, чтобы с ними повозились, погладили по голове, они тыкались своими тёплыми мордочками мне в руки, надеясь на угощение, и следовали за мной до порога. С детства любил я этих умных и ласковых животных, очень привязчивых к человеку, верных и трудолюбивых, и мне непонятно, с какой стати неблагодарное человечество создало им репутацию животных глупых и упрямых, ведь то, что принимают за ослиное упрямство, часто является не чем иным, как лучшим пониманием текущих обстоятельств, которые хозяин осла понять не способен. Осёл умом не уступит лошади, но превосходит в преданности и трудолюбии, его главные недостатки – отчасти комичная внешность, длинные уши да несносный голос. Возможно, именно за это властелин земли отказывает ослу в дружбе и награждает палкой за трудолюбие.

В Кашгарии осел – главная тягловая сила, без коей страна пала бы жертвой разорения и голода. Но бывало ли, чтоб человек являл признательность своему благодетелю? Поэты и баснописцы воспевают муравья как образец трудолюбия, хотя на самом деле таковой является хищным грабителем. Термит, к примеру, служит символом разрушения и уничтожения, хотя справедливости ради придется добавить, что в тропиках термит является терпеливым строителем целых зам-

ков в виде гнёзд-термитников, даёт полезный строительный и связующий материал, откладывает запасы железной руды и сообщает почве плодородие¹⁹⁷. Но такова уж природа человеческая, что шута, толпу веселящего, усыпят золотом, а благодетельного труженика оставят умирать в нищете и забвении.

Вечером второго дня зашел ко мне интересный афганец по имени Абду Гани Ходжа. Он родился в Яркенде, его мать была сарткой. Будучи ещё ребёнком, он приглянулся одному русскому врачу, тот взял его к себе на службу и увез в Москву. Мальчик вырос и в совершенстве овладел русским языком. Позже оказался в Афганистане, служил афганским консулом в Яркенде, в ту пору официально китайским правительством не признанным¹⁹⁸. Теперь возвращается из Хотана, где выполнял какое-то ответственное задание. Абду Гани поведал много интересного о своих путешествиях и об условиях жизни в Афганистане. В 1919 году в составе кабинета афганского министра Вали Хана¹⁹⁹ он по пути в Ташкент ока-

¹⁹⁷ Cf. Geological Magazine, LXVIII, October 1931. – Прим. П. Назарова. См. Nazaroff P.S. Note on the Spongy Ironstone of Angola // Geological Magazine. 1931. Vol. 68. Issue 10. Pp. 443–446. Перевод данной статьи доступен по ссылке: http://tsibanoff.narod.ru/nazaroff/nazaroff_spongyironstone_full.pdf.

¹⁹⁸ «Афганское правительство держит в Яркенде консула, который, хотя официально и не признается китайцами, наблюдает за жизнью афганской колонии и блюдет её интересы в оазисе». (Рерих Ю.Н. По тропам Срединной Азии. – Самара: Агни, 1994. Гл. IV. Хотан – Кашгар).

¹⁹⁹ Мухаммад Вали Хан Дарвази, (1888–1933), афганский генерал, политик и дипломат, представитель таджикской знати. Министр иностранных дел

зался в Бухаре. Политическая обстановка в Туркестанской автономной республике была в тот момент сложной – всяческие «фронты» повсюду – и он дал совет бухарскому эмиру отправить свои ценности и сокровища через Афганистан в европейские банки с целью закупки оружия и боеприпасов. Но бухарцы считали себя в полной безопасности, полагая, что такое священное место, как Бухара-и-Шериф – Благородная обитель мусульманской святости, уж никак не может стать объектом посягательств со стороны каких-то псов неверных. Разве не под покровом она святынь ислама, и не святой ли Бахауддин²⁰⁰, чья могила на окраине города, её защитник? Ведь истинно, в прошлом году, когда большевики обстреливали снарядами город со стороны железной дороги, св. Бахауддин уничтожил все летевшие снаряды, и они не причинили городу никакого вреда! Но, увы: партия младобухарцев при помощи большевиков свергла эмира, власть перешла к бухарским евреям и русским. Эмир бежал в Афганистан, а все его сокровища в золоте и драгоценных камнях, ценой в десятки миллионов фунтов стерлингов, попали в руки большевиков.

Вали Хан был первым афганским послом, совершившим

Королевства Афганистан (1922–1924, 1927–1929). http://afg-hist.ucoz.ru/photo/mokhammad_vali_khan/42-0-1564.

²⁰⁰ Бахауддин Мухаммад ибн Бурхануддин Мухаммад аль-Бухари; или Бахауддини Балогардон, (1318–1389, Хиндуван близ Бухары) – религиозный деятель, известен также как суфийский учитель, считается основателем значительного суфийского ордена Накшбанди. http://ru.wikipedia.org/wiki/Бахауддин_Накшбанд.

официальное турне по Европе и Америке. Из Ташкента его посольство отправилось на железнодорожную станцию Аральское море, надеясь пересечь плато Устюрт и добратся на автотранспорте до Каспия, а затем через Астрахань в Москву. В сопровождении конвоя из десяти красноармейцев группа достигла Устюрта, но была остановлена известием о пребывании на акватории Каспия «британского флота». Пришлось вернуться на станцию Аральское море и просить разрешения у генерала Дутова, командовавшего антибольшевистским отрядом казаков, о безопасном проезде посольства до ст. Актюбинск Оренбургской железнодорожной линии. Посольство достигло Москвы, затем через Латвию отправилось в Берлин, посетило Швейцарию, Рим, Париж, Брюссель; переправилось в Америку и через Шанхай, Калькутту и Карачи достигло Персии, совершив т.о. настоящее кругосветное турне. Теперь Абду Гани возвращался в Кабул, где его ждала невеста. К большевиками он относился с презрением.

«У нас в Афганистане сейчас одноженство, так же как у вас в Европе», – объяснял он с нескрываемой гордостью. – «Почему вы, афганцы, отказались от многоженства, – спросил я его, – неужто из чисто этических побуждений?». – «Так и есть, – ответил он. – Но, кроме того, в нашей стране не хватает женщин: на тысячу мужчин их приходится всего восемьсот, и поскольку богатые мужчины брали по несколько жён, бедным часто не доставалось ни одной». – «Но ведь Ко-

ран и шариат разрешают многоженство для истинно верующих, кто же может изменить закон, установленный самим Пророком?» – любопытствовал я. Собеседник отвечал охотно: «Да, Закон Магомета, да святится Имя Его, разрешает нам иметь четырех жен одновременно. Эмир не отменял закона, но требует ныне, чтоб муж имел средства содержать всех жён своих достойно и любил их всех в равной мере. На сей счёт имеется у нас специальная женская комиссия, что инспектирует домашние хозяйства и опрашивает жен: в случае неудовлетворенности любой из них комиссия немедленно выносит решение о разводе, – пояснил Абду Гани. – Мы также упразднили старый обычай раннего обручения девушек шести или восьми лет со взрослыми мужчинами, ведь после уплаты *кальма*, девушка не могла выйти замуж за кого-либо ещё, и часто, когда вырастала, становилась невестой старика. Сейчас им дан свободный выбор, и брачный возраст для девочек установлен равным 14 лет». – «Прекрасно!», – воскликнул я, придя в восторг от новых афганских законах о браке.

В Кашгаре девушка, которая в четырнадцать лет всё ещё не замужем, считается старой девой. Иногда в этом возрасте они выходят замуж и разводятся раза по три, ведь здесь принято жениться на десятилетках и даже более юных. Впрочем, кашгарские девочки вырастают внезапно, без видимого переходного подросткового этапа.

Не мог я не полюбопытствовать о минеральных богат-

ствах его страны: «У вас ведь единственное в мире месторождение ляпис-лазури²⁰¹, и говорят, есть золото и нефть в Кандагаре?»

«Да, – согласился он, – полезных ископаемых у нас много, но правительство решительно настроено не отдавать их иностранцам для разработки. Будем ждать, когда наша молодёжь вернется из Европы, куда отправилась на учёбу; будем разрабатывать и эксплуатировать наши полезные ископаемые с помощью наших собственных инженеров». – «Боюсь, Абду, вам понадобится нечто большее – заметил я, – организация горнодобывающей промышленности требует много чего ещё, помимо молодых инженеров, только что окончивших горное училище».

В одиннадцать часов утра 10 сентября я покинул Каргалык – «Воронью обитель». Абду Гани пришел проводить меня и пожелать доброго пути. Проехав несколько вёрст по возделанным полям, мы попали в каменистую долину, лишенную растительности, почти горизонтально-плоскую, постепенно переходящую в отлогий подъём. Вот и настала пора проститься с широким и плодородным оазисом Яркенда: здесь было начало горной пустыни, где редко можно видеть зелёные пятна растительности, здесь же был и конец рав-

²⁰¹ Лазурит – также: лазуревый камень, ляпис-лазурь – сульфатсодержащий непрозрачный минерал от синего до голубовато-серого или зеленовато-серого цвета, подкласса каркасных силикатов. Афганский лазурит добывают на месторождении Сар-э-Сангв в уезде Джарм, провинции Бадахшан в северо-восточном Афганистане, признан красивейшим в мире. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Лазурит>.

нины Кашгара. По обе стороны дороги сквозь пыльное марево явились контуры двух горных кряжей: то было подножие массивной цепи Кунь-Лунь, первые валы великой горной стены, что отделяет равнины Центральной Азии от ущелий и долин Пенджаба.

Всюду поверхность земли здесь покрыта гравием, крупным и мелким. Таковые покрытия характерны для предгорий Центральной Азии, и с ними связаны два интересных явления.

Первое касается цвета галечника: снизу он естественный, как у породы, из которой возник, но сверху чёрный, часто с металлическим блеском. Это явление получило название «пустынного загара»: камни покрываются тёмной плёнкой из окислов железа и марганца. Профессор Московского университета П.К. Алекса²⁰² в ряде случаев обнаружил в плёнке кремнезём²⁰³. Поскольку материал покрытия не зависит от

²⁰² Алекса, Павел Карлович (1868–1913) – минералог, хранитель Минералогического кабинета и старший ассистент кафедры минералогии Московского университета (1897–1913). Один из первых учеников В.И. Вернадского. Интересовался химией минералов, спектроскопией, примесями редких элементов в минералах. Полевые работы проводил в основном в Фергане. <http://studfile.net/preview/460835/page:8/>

²⁰³ Пустынный загар (или «загар пустыни», «защитная корка», «лак пустынный», «ржавчина скал») – блестящая чёрно-бурая или тёмно-коричневая тонкая минеральная корка, которая образуется на поверхности обнажённых скал, валунов, щебня и обломков твёрдых горных пород в сухих и жарких пустынных районах планеты. Тонкий слой оксидов железа (до 36 %), марганца (до 30 %) с примесью глинозёма (до 9 %) и кремнезёма (до 8,5 %) толщиной около 0,5–5 мм. Продукт физического и химического выветривания. <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

химического состава камня, то полагают, что явление связано с отложением малых количеств железа и марганца, которые всегда имеются в почве, воде, растениях, воздухе и пыли. Процесс этот медленный и может тянуться на протяжении столетий. В нём важную роль, очевидно, играет химическое воздействие солнечных лучей, но не столь важна пустыня как таковая: я наблюдал «пустынный загар» на камнях южного Урала на широте 51° северной широты, в местности, которую никак нельзя назвать пустынной, и на Тянь-Шане. В то же время, в настоящих пустынных районах южной и центральной Африки он встречается редко.

А вот другое любопытное явление: многие валуны и камни расколоты надвое, как будто разрезаны острым ножом. Поверхность среза гладкая, так что явление не может быть объяснено действием заморозков. Но разгадку удастся отыскать здесь же, неподалёку: вот ряд других камней, которые выглядят так, будто склеены из двух половинок слоем белой массы – прожилкой кальцита. Когда скальные породы затвердевали в недрах Земли на протяжении долгих геологических эпох, бесчисленные трещины в них заполнились массами кальцита, действовавшими как связующий материал. *Tout passe, tout casse* – ничто не вечно в этом мире, и с течением времени скальные породы обнажались и разрушались; валуны и галька трескались по плоскости цемента, так что лишь самые небольшие из них сохранили фрагмент кальци-

товой жилы. Путешественник, увидев гладкие и ровные грани расколотой гальки, не может не задаться вопросом, что за гигантская сила расколола твёрдые камни на две части. Если спросить туземца, он непременно ответит: «Абдан, шайтан, тахир! – Прodelки дьявола, не иначе!»

Там, где ряды песчаных дюн громоздятся друг на друга, дорога пересекает барханы с одинокими серовато-зелёными побегами селитрянки и тёмными кустиками тамариска и входит в небольшой оазис Биш-Терек, Пять тополей. Здесь из небольшого родника вытекает ручей, который, пробежав по поверхности две-три вёрсты, вновь исчезает в песках. Но и этого скромного источника влаги достаточно, чтобы вдохнуть жизнь в затерянный клочок пустыни, где группы высоких деревьев отмечают ряд усадеб, *курганчи*, с крошечными садами, яркими от цветущих астр и индийской розы. А где есть вода и зелень, там кипит и птичья жизнь. Пустынные сойки проносятся вдоль дороги, чеканы разных видов порхают над кустарниками, коршуны парят над головой, а в вышине тянется клин журавлей, приветствующих наш караван трубными криками. Они – наши добрые попутчики, ведь теперь, в сентябрьскую пору, птицы тянутся к тёплому югу, как и мы, в Индию. Странное чувство, радостное и грустное одновременно, объяло меня: шесть лет назад, сидя в одиночной камере советской тюрьмы в ожидании расстрела, я мог слышать эти же трубные крики журавлиных стай, прокладывавших свой далёкий путь на юг. Тогда, повинувшись вообра-

жению, я мысленно уносился с ними в далекий Хиндустан. И вот теперь я на его пороге, у подножия Кунь-Луня. Сбылись мои самые дерзкие мечты. Но какую ценой!..

Поздним вечером прибыли в Лянгар и остановились на местном постоялом дворе, на окраине оазиса. Здесь впервые пришлось поставить палатку – атрибут настоящей лагерной жизни.

«Как насчет того, чтоб чего-нибудь поесть?» – спросил я слугу. «Сарт в этой чайхане хорошо готовит и как раз печет для нас хорошие пироги», – отвечивал парень, явно преисполненный лени готовить ужин из моих запасов. Я был чертовски голоден, так как весь день ничего не ел, и пошел взглянуть на вожделенные пироги: в дурно пахнущем деревянном блюде, чёрном от старости и грязи, лежала куча рубленого лука и мяса, причем лука изрядно больше, нежели мяса. Немытый сарт, раскатывая несколько комьев теста на доске, брал горсть рубленого мяса, погружал свои грязные пальцы в это месиво, старательно раскатывал его в лепешку, которую прилеплял к стенке *тандыра*, печи. Пирог, по готовности, сам отделялся и падал на дно. Картина была столь отвратительна, что я раз и навсегда запретил своему слуге когда-либо ещё предлагать мне подобные продукты местной кухни и велел приготовить какой-нибудь ужин из консервов, которыми мы запаслись в Кашгаре. К сожалению, его кулинарные способности были ничтожны; он даже не знал, как правильно варить рис, и считал, что немислимое количество

лука является главным достоинством любого кушанья. В течение первых дней я был нещадно травим его пищей, и трепетал от перспектив путешествия, которое, и без сей напасти, обещало быть трудным. Однако обошлось: он оказался толковым и способным учиться, так что вскоре мог приготовить приличный карри, хороший плов и жаркое из баранины.

На следующий день, миновав песчаные и каменистые пустоши, мы прибыли ранним полднем в урочище Кёк Яр (Зелёный холм). Это был последний населённый пункт на нашем пути из Кашгарии, иных не ожидалось вплоть до самой долины Нубра в Малом Тибете. Но от неё нас отделяли пять высоких горных перевалов, пустынное плато Каракорум, почти непроходимые ледяные высоты Сассер-ла и мрачная Ледниковая долина.

В Кёк Яре провели три дня, разбив лагерь в маленьком саду при доме и подворье друга нашего караванбаши. В его саду было много цветов, но все посаженные как-то бестолково. Росло несколько высоких тополей с огромными листьями, *Populus platanoides*, на которых по вечерам собирались птицы и усаживались в своих гнёздах с суетой и гвалтом. Красивая рыжеватая тибетская собака с длинной мягкой шерстью подошла ко мне приласкаться и стала охранять мою палатку по ночам.

Ручей, орошающий сады и поля усадьбы, – слабенький, с водой солоноватой и на вкус неприятной. Но лишь он в этой узкой долинке дает жизнь хоть какой-то растительно-

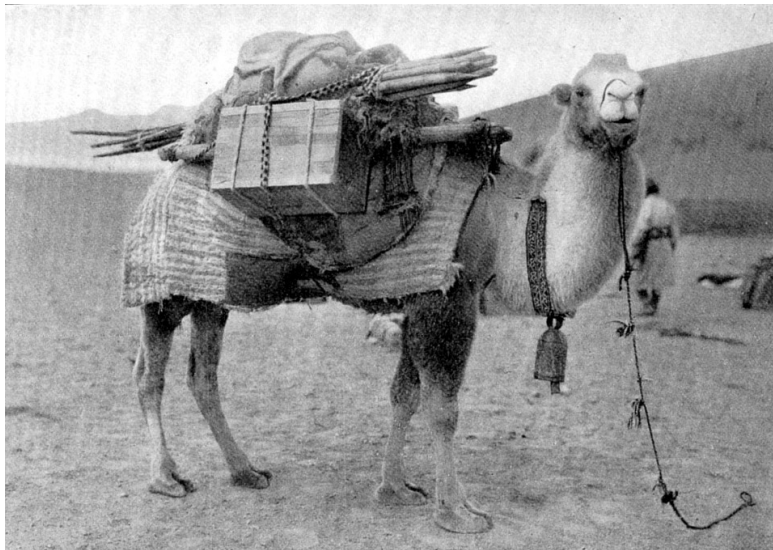
сти. Крохотный оазис, зажатый с обеих сторон высокими стенами из мёртвого песчаника и конгломерата, прячется среди горных пустынь, распростертых окрест. Поля засеяны коноплей, *Cannabis indica*, с целью приготовления анаши, или банги, как называют её сарты, строго запрещенной, но важной статьи экспорта в Индию.

Погода, пасмурная в последние два дня, теперь стала прохладной: мы медленно, но верно набирали высоту. На второй день после нашего прибытия в Кёк Яр все вокруг покрылось пеленой, состоящей из чрезвычайно мелкой известково-глинистой пыли, столь характерной для азиатских пустынь. В течение тысяч лет она формировала массивные залежи богатой плодородной почвы, известной как *лэсс*.

Между тем жизнь на маленьком дворике нашего хозяина бурлила как на сцене. Мы закупали клевер, муку и ячмень для людей, лошадей, верблюдов и овец. А народ сновал туда-сюда в сопровождении груженных ослов и верблюдов, особо движимый любопытством видеть, как снаряжают караван в путь дальний и нелёгкий. Явился незванным гостем некий музыкант со своей *домрой*, своего рода примитивной гитарой, на коей не переставал усердно брэнчать. Караванбаши занял место на ковре, расстеленном на видном месте, и неторопливо отдавал свои указания. Местные мужчины являли собой любопытную картину: каждый был с веретеном в руках и запасом шерсти на груди халата: наблюдая всеобщее треволение, они беспрерывно пряли, дабы не терять да-

ром своего драгоценного времени. Сей обычай мужчин никогда не расставаться с веретенами и постоянно что-нибудь прясть, пришел сюда из Тибета.

Организация каравана требует самого пристального внимания к множеству деталей, и полагаться в этом деле на опыт и предусмотрительность местных жителей не следует. К примеру, после того, как я собрал все возможные сведения о необходимом количестве корма для лошадей, я усомнился в обоснованности цифры, которую они мне выдали: её, видимо, нужно было удвоить. Это вызвало бурю протеста со стороны *керекеши*, который считал, что для транспорта такого количества нужно больше верблюдов. Позже я обнаружил, что также совершил ошибку: цифру следовало утроить.

Караванный верблюд. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Китайцы очень заботливо относятся к своим домашним животным, хорошо их кормят и ухаживают за ними, но сарты в данном отношении невероятно скупы. Лишний фунт кукурузы для лошадей считают они затраченным впустую, и твёрдо убеждены в том, что на горной тропе лошадей нужно кормить как можно меньше. Ибо, считают они, при тяжелом подъёме на высокий перевал в разреженном воздухе нельзя перегружать желудок лошади кукурузой или клевером. К тому же для перевозки корма для лошадей требуются вьючные верблюды, которых тоже нужно кормить, и так далее по за-

мкнутому кругу.

Мы намеревались брать верблюдов только до ледников Сассер-ла. Корм для их обратного пути должны были доставить другие верблюды, которых следовало разгружать в определенных местах вдоль дороги и сразу же возвращать обратно. Вот такая слаженная работа нужна, чтобы обеспечить движение каравана в бесплодной горной местности.

Верблюд – животное необычное. Его выносливость и способность переносить голод в течение долгого времени поразительны. Когда корм в пути заканчивается, погонщики готовят тесто из небольшого количества муки и насильно запихивают верблюду в рот эту непривычную для него пищу. Говорят, что при таком насильственном кормлении верблюд может долгое время сохранять работоспособность.

Чтобы обеспечить себя в пути мясом мы взяли овец, причём в большем количестве, нежели нам требовалось; кашгарская овца крупнее тибетской, и караванбаши рассчитывал выгодно продать излишки в Тибете. Для нашей маленькой отары, которая должна была уменьшаться с каждым днем, был нанят пастух. Он трогался со стадом в путь на рассвете, двигался независимо от каравана, избегая бродов, преимущественно вдоль склонов гор, где овцы могли найти скудную траву, и останавливался на ночлег в заранее оговоренном месте. Там, где не было вообще никакой растительности, овцам давали немного ячменя, на котором они могут долгое время обходиться без зелени. Разреженный воздух овцы переносят

лучше, нежели другие животные равнин.

Лучшее животное для перевозки грузов на больших высотах, среди ледников и горных круч, где не пройдет лошадь, да и человек пробьется с трудом, это, несомненно, *кутас*, то есть як. Но он не ест злаков и быстро теряет силу при отсутствии зелёной пищи.

Нам также нужны были инструменты, такие как кирки и лопаты, чтобы очищать снег и прорубать ступени во льду, и понадобился целый мешок живописного вида сапог из красной кожи с мягкой подошвой, шнуруемых у лодыжек лентами разных цветов. Туземцы находят такую обувь одинаково удобной на равнине и в горах, поскольку она мягка, не утомляет стопу, но, к сожалению, быстро изнашивается, так что нужно иметь при себе её достаточный запас. Сапоги интересны и в историческом плане, ибо совпадают по фасону с обувью скифов, что изображены древнегреческим художником на древних серебряных вазах из Куль-Оба²⁰⁴ и Никополя; таковые экспонаты хранились в Петроградском Эрмитаже, или, по крайней мере, были там до той поры, пока прежняя столица не стала именоваться Ленинградом.

Пришлось взять с собой несколько комплектов лошадиных подков, и включить в состав отряда кузнеца, ведь лошадь, которая теряет подкову, без перековки быстро выхо-

²⁰⁴ Куль-Оба (в переводе с крымско-татарского – «холм пепла») – скифский царский курган, расположенный рядом с Керчью. В Эрмитаже хранится ваза античной эпохи с изображениями скифов. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Куль-Оба \(курган\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Куль-Оба_(курган)).

дит из строя.

Наконец, когда всё было практически готово, в деревенской мечети была проведена служба, на которой присутствовали все члены каравана, их друзья и родственники, а затем во дворе дома была принесена жертва Аллаху, по-местному – *худай*. По сути, это род развлечения, пирушка с жареной бараниной, бараньим бульоном и неограниченным количеством чая для всех присутствующих, званых и незваных. Для столь важного священнодействия пришлось зарезать самого большого и жирного барана.

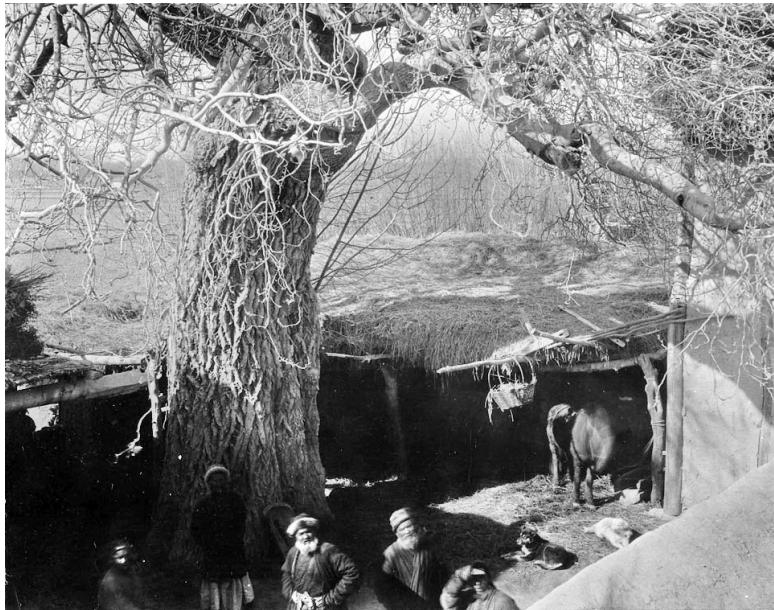
Утром 14 сентября мы приступили к окончательному сбору и упаковке клади. Но, как это часто бывает в начале всякого предприятия, дело, казалось, шло слишком медленно и не так, как надо. Впрочем, я не стал понукать своих спутников, зная по опыту, что поначалу всё идет у них не шатко, не валко, но, так или иначе, со временем утрясается. Восток не приемлет спешки: она лишь для европейца – идол, а для более мудрого сына Востока – спутник Шайтана. Магометанские правила этикета полагают суетливость дурным тоном: «Почто мечешься ты из угла в угол, как Шайтан?» – осадил однажды при мне сарт человека, который в треволении вышагивал по комнате.

В полдень всё было готово. Церемонным шагом верблюды потянулись вереницей, ослы засемили рысцою, а лошади, одна за другой в надлежащем порядке – все дружно тронулись в дальний путь, ставший для них привычным. Всё мест-

ное население собралось, дабы благословить путешественников добрым напутствием: *«Бисмилляхи рахмани рахим – с именем Аллаха Милостивого и Милосердного!»*

На протяжении четырёх-пяти вёрст дорога вела нас через поля в тени деревьев, затем вдоль ручья и крутых обрывов среди песчаников и конгломератов. Небольшие стайки мелких пеночек, наши спутники по пути на юг, сновали туда-сюда среди кустарников, яркие маленькие синицы порхали вокруг, а писк клушицы (альпийской галки) говорил нам, что мы вступили в альпийскую зону. Целые стаи этих красивых птиц летали над бесплодными склонами песчаных холмов, оглашая воздух эхом своего звонкого пения.

В самой узкой части дороги, где отвесные скалы едва дают проход по берегу ручья, поставлены деревянные ворота и хижина. То была китайская таможенная контора, где взимается пошлина с проезжающих караванов. Я показал солдатам-привратникам документ от амбана с какими-то китайскими иероглифами, прочесть который, они были не в состоянии. Ворота открылись, и караван медленно проследовал дальше. Так покинули мы последнюю территорию, управляемую китайскими властями. За её пределами, вплоть до владений махараджи Кашмира, мы более не видели ни солдат, ни чиновников.

Под сенью белого тополя. (*F.N. Meyer*, 1911-1915)[18]

Затем перешли вброд песчаное русло реки, и вышли к высокому хребту, в котором зияла зловещего вида теснина. Над нашими головами постепенно сгущались свинцовые тучи. У подножия холма в роще раскидистых корявых деревьев остановились на ночлег. Мы находились в пути всего пару часов, но есть такой хороший приём в начале долгого и утомительного путешествия: первый переход делать лёгким, чтобы люди и животные освоились и втянулись в работу. Лагерь расположился в живописном месте у ручья под названием Псар.

Верховых лошадей привязали к деревьям. Вьючных лошадей привязали друг к другу длинной веревкой и водили по кругу, в центре которого сидел один из погонщиков и держал повод, привязанный к ведущей лошади. Такой выгул лошадей в течение нескольких часов без еды нужен для поддержания их в должной форме, ибо уставшая лошадь не способна хорошо переваривать корм, и это приводит к ревматическому воспалению копыт. А чтобы вьючных лошадей не простудить, большие седла с попонами с них не снимают на протяжении всего пути.

Пока устанавливались палатки, я сидел на коврике и с наслаждением пил чай. Вода в ручье, чиста и прозрачна, служила к облегчению после соленых вод оазисов последних дней. На севере небо было ясным, а на юге, над мрачной тесниною, где пролегать долженствовал наш путь, над вершинами гор сгушалась угрожающе тёмная облачность. Стая коршунов долго кружила в воздухе, а затем с криками расселась на высоких деревьях, птицы тоже стремились в Индию и, как и мы, выбрали это живописное место для своего ночного отдыха.

Внезапно налетевший бешеный порыв ветра засыпал нас песком и сорванной листвою. Я бросился в палатку, которая как раз вовремя была установлена. Ледяной ветер подул с высот Кунь-Луны, и разразился дождь.

Вскоре, однако, всё стихло. Ближе к вечеру, после ужина, в мою палатку заглянул караванбаши за текущими указани-

ями. Я спросил его, кстати, каких диких животных мы могли бы в принципе встретить по дороге. «Есть в здешних местах дикие яки, – ответил он, – но вряд ли их увидим, ибо сторонятся они караванных путей. За пределами Ак-Тага, вероятно, увидим длиннорогих антилоп, *чиру*, а в верховьях реки Халистан – медведя, *аю*, и снежного барса. Повсюду тьма зайцев». Медведь – это, вероятно, *Ursus pruinosus* или *U. lagomyarius*²⁰⁵. Антилопа чирю – *Pantholops hodgsoni*²⁰⁶.

Ночь была ясной, тихой и тёплой. Долго я не мог заснуть, объятый мыслями о предстоящем переходе через Кунь-Лунь на самое высокое в мире плато Каракорум, через горы, ледники и ущелья великого хребта Азии, водораздела двух миров.

Глава VII. Подъём на Каракорум

На следующее утро в половине седьмого все лошади были запряжены и навьючены; я выпил свой утренний кофе и уже готов был встать в стремя, когда вдруг в лагере возник переполох. Я был осведомлен о дурной привычке сар-

²⁰⁵ Тибетский бурый медведь или медведь-пищухоед, (лат. *Ursus arctos pruinosus*) – подвид бурого медведя, *Ursus arctos*, обитающий на востоке Тибетского плато. Один из самых редких подвидов бурого медведя в мире, очень редко встречается в дикой природе. *Ursus sp. Lagomyarius* – редкий подвид, упоминаемый В. И. Роборовским (Путешествие в восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. Труды экспедиции РГО по Центральной Азии в 1893-1895 гг.).

²⁰⁶ Оронго, или чирю (лат. *Pantholops hodgsonii*) – парнокопытное млекопитающее из семейства полорогих. Одно из самых малоизученных парнокопытных животных. Единственный представитель рода *Pantholops*, близок к сайгаку. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Оронго>.

тов использовать для верховой езды жеребцов, да и сам был вынужден ехать на некастрированном коне, и потому ещё в Каргальке отдал приказ караванбаши, а потом повторил его в Кёк Яре, чтобы в составе каравана не было ни одной кобылы. Я хорошо знал по горькому опыту, какими, мягко говоря, неприятностями чревато присутствие представительниц лошадиного «прекрасного пола» среди местных жеребцов, горячих и драчливых. Ещё ночью слышалось ржание лошадей, и было ясно, что они возбуждены и не в себе. И вот утром мой конь, уже оседланный, внезапно вырвался и дико напал на вьючного жеребца, стоявшего поодаль в полной готовности. Поднялся страшный шум, заржали лошади, замелькали копыта, люди кричали и ругались, и когда моя грубая скотина вцепилась зубами в шею жеребца, взметнулись в воздух клочки лошадиной шерсти. Одним словом, то была сцена, в таких случаях неизбежная, и потребовалось немало усилий, дабы разнять дерущихся и увести подалее виновницу раздора – маленькую серую кобылу.

После сего печального опыта я вызвал караванбаши, чтобы тот созвал всех на разборку, и заявил всем, что больше не потерплю глупостей, и что если ещё раз увижу кобылу вблизи каравана, я пристрелю её на месте без церемоний и предупреждений, и в подтверждение своей решимости взялся за винтовку. В итоге серую кобылу изъяли из каравана и передали пастуху с его стадом.

Я двигался впереди каравана, моим проводником был

вьючный гнедой жеребец с хорошим шагом, он отлично знал свой «путь скорби», ибо не впервые возил груз от Кёк Яра до Леха. Но когда дорога сделала резкий поворот на юг, к пустыне, он решил про себя, что пора бы отдохнуть и немного попасться, и направил копыта напрямую к хижине, стоявшей на обочине. Но бдительные конюхи, подошедшие с остальным караваном, быстро направили моего хитроумного проводника на путь истинный; он же храбро вышел вновь на дорогу, готовый к преодолению ледяных перевалов, голода и неумолимого недуга горных высот – тутека.

За вьючными лошадьми шли ослики, везшие корм до Халистан-дарьи; их вел мальчик лет тринадцати-четырнадцати, в белой рубашке и меховой шапке, в которую он воткнул букет из диких цветов. С большими глазами и тёмно-каштановыми волосами, он внешне являл полную противоположность тюркскому типу и скорее напоминал молодого украинца. Таких не часто встретишь в Кашгарии, но в Кёк Яре я видел нескольких, в том числе и симпатичных женщин.

Ущелье, которым теперь поднимались мы к хребту Кунь-Луня, выглядело мрачным: тесное и бесплодное, со сглаженными, склонами из глинистых конгломератов, оно лишь кое-где оживлялось ярко-зелёными пятнами могильника, гармалы обыкновенной (*Peganum harmala*), которую не ест скотина, да кое-где сероватой зеленью вездесущей селитрянки (*Nitraria schoberi*). Местность незаметно поднималась, и

мы уже были над Кёк Яром, который расположен на высоте около 2000 м. Борта долины, сложенные песчаниками, сблизились, и на дне её появился ручей. Несколько чеканов и краснозобиков, *Pratincola*²⁰⁷, *Saxicola*²⁰⁸ и краснобрюхая горихвостка (*Ruticilla erythrogaster*), весело посвистывая, несколько оживляли унылое однообразие местности. Солнце меркло в пыльной дымке, висевшей над холмами.

Песчаники перемежались серовато-голубыми известняками; тропа пошла круче, и местами лошадям приходилось взбираться по скалам, затем снова начался спуск с переходом на другую сторону ущелья. Ручей исчез, и мы снова потянулись вверх по ущелью, и вышли на травянистый участок, переходящий в широкую долину с ровным дном, словно газон покрытым густой сочной травой. Здесь росли овсяница, *Festuca altaica*, осока, *Stipa orientalis*, мелкий тростник и другие растения, послужившие отменным кормом для животных. Нижний участок долины прорезало широкое высохшее русло, где настигли мы длинную вереницу верблюдов, груженных шерстью и войлоком. Величественные животные плавно и неторопливо двигались вперед, и скалы глухо вто-

²⁰⁷ Предположительно луговая тиркушка (*Glareola pratincola*) – птица семейства тиркушковых (*Glareolidae*). Полётом похожа на ласточку; распространена от Африки до Азии. Обитает на высохших болотах вблизи водоёмов, а также в степях с редкой наземной растительностью.

²⁰⁸ Чеканы (лат. *Saxicola*) – род воробьиных птиц из семейства мухоловковых. Ранее относился к семейству дроздовых; насекомоядные, обитающие в открытых кустарниках и лугах с небольшими кустарниками.

рили звукам их шагов и невнятного перезвона *ботал*²⁰⁹, примитивных колокольчиков из тонкой листовой меди. Широкая жила тёмно-красного порфирита в известняке чётко выделялась на фоне зеленеющих трав.

Долина стала сужаться и круто свернула вправо. Здесь приютилась лачуга с *хаузом*, резервуаром с чистой водой, которую накапливают из ручья, стекающего с Топа-давана («Пыльный перевал») для орошения немногих здешних полей, засеянных просом. Урочище зовется Ак-Меджид («Белая мечеть»), хотя нет здесь и следа чего-либо похожего на мечеть. Тут мы и разбили свой лагерь. Я спешил и распорядился о приготовлении чая и дневного перекуса. Было холодно; ветер дул с севера, и мне пришлось впервые облачиться в шинель.

Чуть позже подъехал ко мне индеец верхом на лошади, дружелюбно приветствовал и спросил, куда держу путь. Мы поболтали немного, и он поведал мне о том, что много лет служил в индийской армии и хорошо знал г-на Скрину и его преемника, полковника Р. Лайалла (Colonel R. Lyall). Затем подошел караван верблюдов, чьим караванбаши был кашгарец, хорошо меня знавший; теперь он следовал в Лхасу. Вечером прибыл ещё один, из девяти лошадей и мула,

²⁰⁹ Ботало – глухая погремушка или колокольчик из железного, медного листа или дерева. Изготавливали их кустарным способом из подручных материалов, и каждое выходило на особицу. Звуки никогда не отличались мелодичностью, их главная функция была указывать местонахождение животного. <http://museumschelykovo.ru/products/item.aspx?pid=69>.

принадлежавших китайскому чиновнику в Кашгаре, Хаджи Тунглингу. Лошади были великолепны, особенно один светло-гнедой жеребец, преисполненный бодрости, сил и нервов; то было прекрасное животное, которому, казалось, никакой груз был нипочём. Когда он увидел наших жеребцов, то громким ржанием и битьём по земле копытами принялся провоцировать их к дракам.

Тут караванбаши Хаджи Тунглинга обратился ко мне с предложением объединить наши караваны:

– Хорошо было бы для нас обоим помогать друг другу в бродах и других опасных местах.

– Идея недурна, – согласился я, – вот только позаботься о том, чтобы держать вашего гнедого скакуна на почтительном расстоянии, да привяжите его хорошенько, чтоб не мог вырваться и наделать бед среди моих жеребят.

– Обязательно! Но ты не волнуйся, этой прыти надолго не хватит. Когда минуем Куфеланг, лошади сникнут. Дай Бог, чтоб они вообще добрались до Леха. Там или в Кашмире я смогу получить за них хорошую цену.

Ак-Меджид, который час назад выглядел пустыней, теперь со всеми нашими караванами преисполнился жизни: палатки тут и там, вереницы лошадей и верблюдов повсюду, ослы на стерне ячменя и проса; запылали весело лагерные костры. Высота над уровнем моря здесь составляла 2700 м. Становилось все холоднее и холоднее, и я рад был облачиться в шерстяное бельё, которое не раз спасало меня от силь-

ных морозов. Сшитое из плотной, но легкой шерстяной ткани, с одной стороны ворсистой, как мех, оно превосходно сохраняет тепло. С туникой или курткой из таковой же, но более лёгкой материи, например, габардина, вы получите тёплый костюм, который идеально подойдет для путешествий в горах или охоты в холодных странах. Он непроницаем для ветра, не тяготит и не заставляет потеть. Если станет слишком жарко, достаточно будет снять верхнюю куртку.

Перед заходом солнца тучи сгустились над долиной, и туман окутал всё вокруг, переходя постепенно в мелкий дождь. Ничего не оставалось делать, кроме как отправиться спать, хотя время было ещё слишком ранним. Я лег в палатке и предался мыслям о предстоящем пути.

Нашей задачей на следующий день было преодоление перевала Топа-даван. На пути в Лех, он является первым, самым низким и простым из шести перевалов. Ни один из остальных не находится ниже его высоты 4880 м, а Каракорум, самый высокий, достигает 5660 м (доктор фон Лекок называет цифру 5880 м)²¹⁰. На протяжении четырнадцати или более переходов подряд наши лошади не встретят подножного корма, проходя по бесплодной горной пустыне, и даже после того вряд ли найдут хоть какое-то пастбище, так как немногая трава, что вырастет, будет съедена проходящими караванами. С тех пор как были закрыты пути в Россию,

²¹⁰ Согласно современным данным, его высота н.у.м. составляет 5540 м. http://buildwiki.ru/wiki/Karakoram_Pass.

движение по этому трудному маршруту в Индию возросло, а вместе с ним возросли и трудности с обеспечением караванов продовольствием: оно стало хуже, чем во времена экспедиции Форсайта. Не раз предстоит нам преодолевать вброд опасные горные потоки. Многие лошади, быть может, погибнут от разреженного воздуха, сгинут в метелях среди ледников и пропастей. Хватит ли наших запасов продовольствия для поддержания их сил дойти до первого места, где найдем корм, до долины Нубра? Наш караван состоит из тринадцати лошадей, как выючных, так и седельных, полдюжины ослов и десяти верблюдов. Ослам вскоре предстоит вернуться назад; верблюды, некоторые из которых везут люцерну, ячмень, муку и дрова, будут постепенно оставлять свой груз у дороги, чтобы использовать его на обратном пути; другим придётся идти до Сасер-ла, где, *Худай Халасса* (если угодно будет Всевышнему), им на помощь придут яки.

От животных мои мысли перешли к людям. Мы можем потерять жизнь и даже не одну в этом трудном путешествии. Я слышал от многих, что среди бесчисленных скелетов лошадей, ослов, верблюдов нередко встречаются и кости человеческие.

По странной прихоти неумолимой фортуны первые три геолога, дерзнувших проникнуть чрез южный барьер в самое сердце азиатской твердыни, поплатились за отвагу своими жизнями: Адольф Шлагинтвейт зверски убит в Кашгаре

в 1857 году; Хэйуорд²¹¹ – в Яссине в 1868-м, а Фердинанд Столичка, австрийский геолог и палеонтолог, умер на Каракоруме в 1874-м.

Безжизненные и труднодоступные кряжи Кунь-Луня хранят огромные богатства, как в недрах своих, так и прямо на земной поверхности. Здесь, к примеру, находится единственное в мире богатое месторождение камня, высоко ценимого китайцами, называемого ими *юй*, – это нефрит, горный минерал, который в других странах встречается лишь изредка, обычно в виде мелкой гальки²¹². Чрезвычайно богатые золотые месторождения, мало известные цивилизованному миру, расположены вдоль северных склонов горной цепи на протяжении 900 км от Карангу-тага (Горы Мрака)

²¹¹ Джордж Хэйуорд (George Jonas Whitaker Hayward, 1839–1870) – английский путешественник, посетивший в 1868 году, вслед за братьями Шлагинтвейт, с научными целями, Восточный Туркестан. Пал жертвой подозрительности туземцев в долине Яссина в 1870 году. Описания гибели Хэйуорда противоречивы и загадочны. http://ru.wikipedia.org/wiki/Хэйуорд,_Джордж. См. Также: Murder in the Hindu Kush: George Hayward and the Great Game Hardcover – April 28, 2011 by Tim Hannigan (Author). <http://www.jmhare.com/CentralAsia/hayward.htm>.

²¹² «В Хотане существует несколько частных мастерских для приготовления разных вещей из нефрита и одна большая казенная мастерская, в которой работают китайцы. Нефрит (по-китайски юй) добывают в коренных месторождениях – в горах Кунь-луня, лежащих к югу от Хотана и носящих название Карангу-таг; а также из рек Юрун-каш и Кара-каш в виде галек, вынесенных из гор. Большая часть нефритовых вещей отправляется в Китай, а по Кашгарии и соседним странам расходуется лишь незначительная часть их». (М.В. Певцов. Путешествие в Кашгарию и Куньлунь. М., Государственное издательство географической литературы, 1949). http://az.lib.ru/p/pewcow_m_w/text_0030.shtml.

на западе до меридиана Лобнора на востоке. Вряд ли будет преувеличением сказать, что своими запасами они превосходят знаменитые месторождения на Клондайке. Золото сосредоточено здесь преимущественно в аллювиальных²¹³ отложениях и элювиальных осыпях, а также в массах рыхлых конгломератов постплиоцена. Собственно источником золота являются кварцевые жилы в стеатитовых аспидных сланцах. Богатейшими являются золотые месторождения близ Ак-Тага в горном хребте *Русском*, названном так нашим знаменитым исследователем Н.М. Пржевальским. Золото крупнозернистое, залегает под вскрышным слоем всего лишь в полутора-двух метрах. Однако высокое расположение места, почти 5000 м н.у.м., позволяет вести добычу лишь в течение двух-трёх месяцев в году. Особых транспортных проблем нет, лишь разреженный воздух да сильный холод затрудняют работу. Но, несмотря на то, что сама природа предусмотрела отличное месторождение угля недалеко от потенциально возможных будущих разработок, остается препятствием на пути их освоения пресловутый «Китайский Дракон», рев-

²¹³ Аллювий (лат. *alluvio* – «нанос», «намыв») – несцементированные отложения постоянных водных потоков (рек, ручьёв), состоящие из обломков различной степени окатанности и размеров (валун, галька, гравий, песок, суглинки, глина). Элювий, также элювиальные образования, элювиальные отложения (от лат. *eluo* – «вымываю») – конечные продукты выветривания, которые остаются на месте их первоначального образования; рыхлые геологические отложения и формируемые на них почвы. Постплиоцен – четвертичная система. Стеатит – тальк. Аспидные сланцы – мягкая горная порода, образующаяся из глин.

носно охраняющий богатства Кунь-Луны²¹⁴. Золотые месторождения простираются и дальше на юг и составляют обильный и тщательно хранимый источник богатств Восточного Тибета. Вот одна из причин ревностного ограждения территории от жадных европейцев и одновременное свидетельство мудрости её духовного правителя Далай-ламы. Но в один прекрасный день приверженцы Мамоны в виде цивилизованных европейцев, не приведя Господь, пробьют себе путь к сокровищам Кунь-Луны, и станет он последним источником драгоценного металла для человечества, ибо нет оснований надеяться на открытие какой-либо ещё крупной золотоносной провинции.

Засыпая под звуки дождя, увидел я сон, в котором будто бы еду на яке через перевал Ак-Таг прямёхонько в Лхасу, обитель Тайн. Но сон не стал для меня пророческим: дождь продолжался и на следующее утро, когда караванбаши пришел сообщить, что из-за дождя перевал Топа-даван непроходим, и нам придется отсиживаться здесь до следующего дня.

Из-за непогоды вид нашего лагеря, равно и всего окружающего ландшафта был удручающим: небольшая равнина, плоская, как стол, с трёх сторон зажата высокими зубчатыми гребнями, сложенными из тёмно-голубых глинистых сланцев. Снег уж лежал на вершинах, и по склонам их медленно ползли тёмно-серые облака, рытвины лагерной поляны за-

²¹⁴ Автор, видимо, намекает на неподатливость китайского правительства в вопросах участия зарубежных компаний в разработке месторождений.

полнились тёмно-коричневой водою. Почти непрерывно лил мелкий дождь, и лишь иногда пробивалось солнце, но северный ветер вновь и вновь поднимал массы туч, обдававших нас холодом и дождём. Лошади, мокрые и понурые, стояли среди ячменного жнивья. А ещё вчера на току молотили ячмень, и мальчишки рогатками отгоняли скалистых голубей, *Columba rupestris*²¹⁵, и альпийских галок, *Pyrrhocorax pyrrhocorax*, которые здесь почти что ручные. Хищная птица, похожая на луня, с жёлтым пятном на макушке, подлетела и села на шест возле моей палатки и долго ещё сидела там, как будто ожидая кого-то. Мои руки и ноги немели от холода. Временами туман спускался с вершин и окутывал весь лагерь своими влажными объятиями.

На следующее утро, как только забрезжил рассвет, мимо моей палатки вереницею прошел большой караван верблюдов, а за ним последовал и наш; маленькая отара овец вместе с кобылой вышла к перевалу ещё раньше, мы же свернули лагерь и отправились вслед за остальными довольно поздно. Дорога вошла в боковое ущелье, борта которого сложены из тёмно-зелёных и лиловых сланцев, сменившихся выше кристаллическими известняками. Пожухлая трава кое-где покрывала склоны. Когда сэръ Форсайт проезжал здесь со своей экспедицией, он видел пасущихся диких яков, но те-

²¹⁵ Скалистый голубь (лат. *Columba rupestris*) – птица из семейства голубиных. Немного мельче сизого голубя, выглядит стройнее и изящнее его; распространён в Средней, Центральной, южной и восточной Азии. http://ru.wikipedia.org/wiki/Скалистый_голубь.

перь эти редкие животные стали держаться подалеже от караванных путей.

Подъем на перевал был крут, но лёгок благодаря тому, что тропа шла серпантинном по довольно мягкому грунту, да и поднимались мы медленно, так что лошади особых трудностей не испытывали. На перемычке, как водится, мы остановились, чтобы дать животным передохнуть, а затем приступили к спуску. На склонах гор виднелись маленькие зелёные кочки, похожие на мох, нарядно блестящие после дождя. Я подъехал ближе, дабы внимательнее изучить этот мох, и к своему удивлению обнаружил в нём маленькие белые цветы с розовыми серединками. Столь причудливое маленькое растение, по какой-то причине изображающее себя мохом, состоит из множества переплетенных стеблей, тонких, как волосы, увенчанных маленькими, но плотными листочками. Его ботаническое название – *Arenaria musciformis*²¹⁶. А на спуске, на южной стороне перевала, скалы были покрыты уже настоящим мхом. Растительная мимикрия – весьма странное явление. К примеру, эуфорбии²¹⁷ в Африке имити-

²¹⁶ Песчанка моховидная – невысокий, 10-15 см, компактный подушковидный многолетник, разрастающийся в диаметре до 30-50 см. Стелющиеся тонкие стебельки с многочисленными маленькими кожистыми листочками ланцетовидной формы в период цветения покрываются массой белоснежных пятилепестковых цветочков с желтовато-зелёной серединкой, которые достигают 1,5-2 см в диаметре.

²¹⁷ Молочай (лат. *Euphórbia*) – самый большой род растений семейства Молочайные (*Euphorbiaceae*); однолетние и многолетние травы, кустарники (зачастую суккулентные или кактусовидные), иногда небольшие деревья. Все формы ха-

руют различные формы кактусов, за которые их иногда ошибочно и принимают. А в Африке в пустыне Карру я встречал *Testudina elephantoides*, стебель которой не растет вверх, а стелется по земле и своими маленькими пластинками напоми-нает панцирь черепахи. Можно упомянуть также *Remaria* и *Pleisophilus*²¹⁸, которые похожи на гальку или щебень.

На южном склоне перевала растительности стало больше: встречалась карагана, или сибирский горох (*Caragana frutes-cens*)²¹⁹, иначе по-русски – чилига, или стручковый кустарник; селитрянки (*Nitraria*); ближе к вершинам гор виднелись кусты низкорослого можжевельника (*Juniperus pseudosabinus*). Осыпи хлоритовых сланцев²²⁰, разбросанные тут и там, гармонично дополняли общий зеленоватый оттенок местности. Маленькая пеночка, или славка порхала среди кустов, а несколько красивых горихвосток составили нам приятную компанию по пути на юг.

Некрутой спуск по мягкой тропе вывел на дно боковой долины к узкой, с виду непроходимой расщелине в скалах из кристаллического известняка. Тропа как таковая исчезла,

рактируются содержанием едкого млечного сока, откуда произошло название рода. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Молочай>.

²¹⁸ Виды растений *Testudina elephantoides*, *Remaria* и *Pleisophilus*, упоминаемые автором, определить не удается.

²¹⁹ Карагана кустарниковая, или акация степная (лат. *Caragana frutex*) – вид растений рода Карагана (*Caragana*) семейства Бобовые (*Fabaceae*).

²²⁰ Хлориты (от греч. «хлорос» – зелёный, за окраску) – большая группа слоуподобных минералов из подкласса листовых силикатов.

вместо неё предстал крутой извилистый каньон, заваленный огромными валунами и глыбами белого мрамора, в беспорядке нагроможденными друг на друга. Пришлось спешиться и в поисках варианта пути спускаться не без помощи рук вниз среди скал и прыгать через провалы между валунами. Провести свою лошадь через этот хаос стоило мне немало-го труда. Было непонятно, как смогут здесь пройти выючные лошади, а уж как это удастся верблюдам, даже и вообразить было невозможно!

Наконец зона известняковых скал осталась позади, долина расширилась, и тропа пошла по сухому руслу реки среди сланцев. С перевала я спускался полтора часа, и настала пора дожидаться основного каравана. Я остановился, присел на большом камне, и, не теряя времени зря, занялся своими путевыми заметками. Прошел дождь, выглянуло солнце, и вот, наконец, выючные лошади одна за другой стали появляться на выходе из страшного ущелья. Они-то были привычны к такой дороге, но вот бедным ослам пришлось несладко: в некоторых местах людям пришлось разгружать их и на себе тащить груз. Каким-то чудом прошли и верблюды, не поломав себе ног.

Немного позже наш караван вошел в долину реки Халистан-дарья²²¹. Не широкая, абсолютно дикая, с мрачными

²²¹ Халистан-дарья (Khalistan Darya) – левый приток р. Тизнаф (Тизинафу, Тизнап дерьяси и др., ранее известна как Тингзабу), реки, расположенной на ЮВ от Кашгара и берущей начало на С. склоне гор Кунь-Лунь. Исторически р. Тизнаф когда-то была притоком реки Яркенд, но постепенно превратилась в самостоя-

расщелина-ми в склонах гор, лишенных растительности, она имела вид устрашающий – то было тёмное царство осыпей из чёрных камней и серо-зелёной речной гальки из гранита и гнейса. Здесь мы сделали привал, чтобы перекусить и дать бедным животным передохнуть после гимнастических упражнений, им по природе не свойственных.

Дальнейший путь лежал вверх по руслу реки, и нам приходилось то забираться вверх, то спускаться донизу, чтобы перейти реку вброд во избежание очередного подъёма на отвесную кручу берега. Долина стала понемногу оживляться растительностью: появились ивы, тополя и тамариски, высокие кусты шиповника с ярко-красными ягодами и запоздалыми розовыми цветами, кусты эфедры с ярко-красными ягодами, напоминающими малину, и неизбежная селитрянка *Nitraria*, покрытая спелыми плодами, похожими на чёрную смородину. Высокие стволы деревьев вплоть до самых крон были увиты клематисом, или ломоносом (*C. orientalis*) и его разновидностью *acutifolia*²²², с пушистой белой массой созревших семян. Этот последний воистину кажется самым широко распространенным и выносливым из всех наших среднеазиатских растений; он встречается повсюду, даже здесь, в засушливых и бесплодных высокогорьях Карако-

тельную реку вследствие отбора воды в равнинную ирригационную зону; общая длина её составляет 335 километров. http://en.wikipedia.org/wiki/Tizinafu_River.

²²² Ломонос, или клематис, или лозинка (лат. *Clématis*) – род растений семейства Лютиковые (*Ranunculaceae*). *C. orientalis*, Linn. – название вида в роде *Clematis*. *C. acutifolia* – разновидность *C. ladakhiana* (Grey-Wilson).

рума.

Перейдя реку вброд раз пять, мы разбили лагерь на небольшом зелёном пятачке, зажатом среди утёсов и отвесных круч. Горный поток деловито бежал вниз, наполняя ущелье своим невнятным ворчанием. Место было одновременно красивым и диким. Здесь вдоль берегов росли гигантские ветлы, тенистые тополя, а рядом с ними странное на вид растение высотой до четырёх с лишним метров с тёмно-красным стволом и длинными тонкими ветвями, очень похожее на тамариск. Когда я подошел ближе, то обнаружил, что нижние ветви его покрыты не чешуйчатой корой, а длинными, узкими листьями. Похоже, что в этой сырой горной долине, где растениям не грозит потеря влаги от испарения, тамариск начал менять форму своих листьев на более простую, но лучше приспособленную к местным условиям. То был *Hololachna shawiana*²²³, интересный кустарник, весьма характерный для здешних горных долин. Скалистые берега реки, сложенные из оливиновых пород, под действием воды приобрели тёмно-фиолетовый цвет с металлическим отблеском. Несколько представителей какого-то вида малого кулика (песочника) разгуливали вдоль берега и весело посвистывали. Наши овцы, предоставленные самим себе, однако никогда не посягавшие уйти слишком далеко от людей, спокой-

²²³ *Hololachna shawiana*, Hook. — кустарник семейства тамарисковых (*Tamaricaceae*), одно из самых распространенных растений засушливых районов на высотах до 3600 м; описал его Hooker, Joseph Dalton (1817–1911).

но паслись и придавали пейзажу идиллический вид французской пасторали 18-го века.

Реки, кстати говоря, наши овцы переходили вброд без всяких проблем, и даже в глубоких местах течением их не сносило. Пастух, коему поручено было следить за стадом, ехал на маленьком лохматом ослике, им обоим тоже приходилось преодолевать реки вплавь там, где вода была особенно глубокой. Дно большинства здешних рек гравийное, без больших камней, так что лошадям никакая опасность на переправах не грозила, если не считать того, что стремительность потока могла вызывать у них головокружение.

К северу от нашего лагеря виднелась высокая вершина. Когда мы становились лагерем, вокруг неё нависало тёмно-свинцовое облако, но ближе к вечеру выглянуло солнце, облако рассеялось, и холодная вершина засверкала в его лучах, как серебро. Здесь же внизу, в нашей зелёной долине было тепло и уютно.

На следующее утро я вылез из палатки в шесть часов. Солнце ещё скрывалось за горами, но уже золотило вершины на западе и скалы вокруг нашего лагеря, делая его ещё более живописным. Караванчики почему-то задержались с погрузкой, и только в восемь часов мы снова тронулись в путь.

Выше по течению растительность стала ещё богаче, деревья и кустарники – выше; появилась облепиха, отягощённая золотисто-жёлтыми плодами; тамариск *Holololachna*

стал огромным, до 5 м в высоту, со стволами в 15 см толщиной; заросли барбариса (*Berberis ulicina*²²⁴) вдоль берегов усеялись гроздьями чёрных и красных ягод. Среди камней сплошняком росли мелкие сиреневые астры – растение, которое можно встретить почти по всей Европе, Азии и Африке, в садах, в полях, на горах и в долинах. Здесь же можно было видеть весьма любопытное и очень странное паразитическое растение. Оно торчит прямо из земли, словно маленькие олени рога, покрытые бархатом и пухом, сверху как бы присыпано мелким песком и покрыто мелкими коричневыми или, реже, зелёными чешуйками. У молодых растений внутренняя ткань представляется мягкой клетчаткой, а у старых она твердеет и образует нитевидные наросты. Необычное это растение встречается и на гниющих стволах деревьев²²⁵.

Здесь, как и вообще в местностях с недостаточным количеством атмосферных осадков, зона растительности ограни-

²²⁴ *Berberis ulicina*, Hook. et Thomson (*Berberidaceae*) – колючий листопадный кустарник высотой до 100 см. Зона обитания: открытые ветренные склоны на высоте от 2500 до 3500 м. в Непале; склоны, поймы, смешанные леса, берега ручьев на высоте от 2 500 до 3 700 метров в З. Китае. Все части растения содержат алкалоид берберин, который наиболее сконцентрирован в корнях, стеблях и внутренней коре, а наименее – в плодах.

²²⁵ Если судить по описанию, то это может быть не растение, а гриб. С другой стороны, соответствует растению-паразиту *Cynomorium songaricum*, Rurp. (семейство *Cynomoriaceae*) – Циноморий джунгарский. <http://www.plantarium.ru/page/image/id/668730.html>. [http://molbiol.ru/wiki/\(жр\)Семейство_циномориевые_\(Cynomoriaceae\)](http://molbiol.ru/wiki/(жр)Семейство_циномориевые_(Cynomoriaceae)).

чена пространством, непосредственно примыкающим к руслу реки, а вышерасположенные склоны, сложенные из оливиновых пород с валунами из серпентина, габбро²²⁶ и гранита, голы и безжизненны.

Миновали широкую травянистую поляну с гуртами овец – одни паслись, а другие скучали в большом каменном загоне возле родника. Пересекли небольшой приток, впадающий в реку, и обнаружили следы бывшего медеплавильного производства – развалины обжиговых печей и россыпи шлака. Видимо, руду из горной залежи, расположенной неподалёку, спускали вниз и плавили с помощью угля, выжигавшегося из росших здесь когда-то деревьев. Выплавленный металл везли в Кашгар, где из него чеканили медную валюту. По всем признакам, производство здешнее явно не было крупномасштабным.

Дальше мы подошли к месту слияния двух потоков, Узун Айляк, что значит Большое летнее стойбище, и Куйди, которые, соединяясь, образуют реку, именуемую Халистан-даря; место венчает высокая, чёрная неприступная скала. Брод здесь оказался очень глубоким; верблюды прошли его уверенно, но лошадей пришлось вести иным путём, по старым гравийным наносам. Тропа шла высоко над рекой среди

²²⁶ Оливин (группа оливина) – порообразующий минерал, магниезильно-железистый силикат, один из самых распространённых на Земле минералов. Серпентин – группа минералов подкласса слоистых силикатов, магниезильно-железистые гидросиликаты. Габбро – магматическая чёрная, тёмно-зелёная, иногда пятнистая горная порода основного состава.

огромных валунов и камней, и мне то и дело приходилось вести лошадь в поводу. В таких местах умное животное само останавливалось, чтобы дать мне спешиться – своё дело оно знало в совершенстве. Мы двинулись вдоль левого притока, тропа круто пошла вверх, и мы очутились среди альпийских лугов с плотным травяным покровом. На этой высоте уже не росли деревья, но кустарники ещё кое-где держались. Я остановился на краткий отдых под огромным шиповником, покрытым великолепной вьющейся спаржей, растением, которое в Кашгаре весьма ценят и с трудом выращивают в горшках. Пока я тут перекусывал, меня развлекала стая из семи кекликов, которые наслаждались купанием в песке под нижней огромной скалы и не обращали на меня ни малейшего внимания. А тем временем наш караван прошел мимо меня длинной чередой лошадей, ослов и верблюдов, так что мне пришлось медленно ехать в его хвосте, ибо не было возможности обогнать животных по узкой тропе, пролегавшей по огромной гранитной осыпи. Образовалась она в результате обрушения части отвесной скалы на противоположном берегу потока, каковой она и перекрыла, так что воде пришлось пробивать себе путь в глубине гранитных масс. Путь по гладким скользким камням осыпей труден для лошадей, но верблюды идут по нему уверенно благодаря широким и мягким основаниям своих копыт.

Караван Хаджи Тунглинга остановился на первой же травянистой поляне, которая могла обеспечить приличным кор-

мом всех его лошадей. «Твой караван ушел вперёд, – сказал он. – Ты догонишь его за поворотом».

Мне пришлось ехать дальше и снова, наверное, в двадцать первый раз за день переходить реку вброд, и как назло, на этот раз не без приключений. Река текла меж высоких крутых берегов, а дно устилала масса больших и малых валунов, которые были трудно различимы из-за быстрого течения; лошадям здесь ничего не стоило споткнуться. Именно это и случилось с жеребцом одного из моих погонщиков: он упал посреди потока, и быстрое течение не давало ему встать на ноги. Другие быстро пришли на помощь и с большим трудом вытащили животное на берег. Незадачливый мой погонщик получил холодную ванну, досталось и моей корзинке с чаем и обедом, что пребывала в его седельных сумках. К счастью, воды в реке было не очень много, иначе последствия могли бы оказаться куда более серьезными.

На переправе.(*H. Lansdell*,1893)[8]

В отличие от Хаджи Тунглинга, мой караванбаши выбрал для бивуака в ту ночь не столь удачное место, а именно – у подножия отвесной гранитной скалы на голом песке, который поднимался в воздух при малейшем дуновении ветра. Я сделал ему замечание за выбор столь пустынного места, где мы вынуждены были кормить овец из своих запасов, он же оправдывался тем, что на том клочке зелени, где встал караван Хаджи Тунглинга, находился крутого нрава некастриро-

ванный конь, который мог перекусать наших жеребцов. Сия причина, конечно, была не главной, а истинная заключалась в том, что здесь было удобное место, чтобы закопать запасы фуража на обратный путь, только хитрый караванбаши предпочел не говорить об этом.

Гранитная стена, что возвышалась над нами, была изрядно выветрена и размыта ниспадавшими сверху потоками, и её очертания стали весьма причудливы. На другом берегу ещё одна скала отсекала последние лучи заходящего солнца, и теснина, где расположился наш лагерь, начала погружаться в прохладные сумерки. Лошади стали в ряд, жуя свой ячмень, верблюды сбились в группы, а погонщики занялись приготовлением ежедневного пайка «пищевого концентрата» для верблюдов: они замешивали тесто из муки, маленькими комочками запихивали верблюдам в рот и бесцеремонно проталкивали руками прямо в горло, заботясь лишь о том, чтобы те не выплюнули его обратно.

Поднялся сильный ветер, и мелкая песчаная пыль сдобрила мой скудный ужин, засыпала мне глаза и закрипела на зубах. Здесь вкусили мы сполна прелести путешествия через горные пустыни.

Утром во время завтрака увидел я большой караван верблюдов из Ак-Тага, вброд идущего через реку. Слышался храп верблюдов и крики погонщиков, их особые возгласы, что побуждают животных входить в воду и подбадривают их на переправе. Две большие чёрные собаки восседали с бес-

страстным достоинством на спинах верблюдов, уклоняясь от неприятного купания в холодной реке.

В тот день нам выпало пересечь реку восемь раз, и не раз наши лошади падали в воду и промачивали вьючные мешки. Особенно трудным и неприятным был третий по счёту брод, в месте, где гранитные берега жались друг к другу, и река мчалась по ущелью среди камней и валунов, разбросанных по руслу. Сначала пришлось пересекать поток напрямую, затем прокладывать путь среди камней вверх по течению, потом снова двигаться поперёк. Таковое маневрирование было тем более неприятным, что вызывало головокружение и создавало впечатление, будто лошадь стоит на месте, а скалистые берега проносятся мимо. Оступиться в таком месте было бы фатальным для коня и всадника, и оба неизбежно были бы увлечены в глубину или разбились бы вдребезги о скалы. Опасность усугублялась из-за наличия больших камней на дне и обломков скал, на которые лошадям приходилось выбираться из воды, а затем спрыгивать вниз по другую сторону, зачастую в ещё более глубокую воду. Погонщики прекрасно сознавали таковые опасности переправ и, пристально следя за обстановкой, вели своих животных с вящей осторожностью. Овцы, как правило, шли в обход опасных бродов по едва различимым козьим тропам на скалистых берегах. Зачастую и наш путь проходил по головокружительным карнизам высоко над рекой, над песчаными отмелями и скальными обрывами.

Наконец мы покинули гранитный пояс и попали в область кристаллических сланцев и филлитов²²⁷; долина расширилась, и появились альпийские луга с низкорослой травой. По бокам долины располагались обширные гравийные пласты, старые террасы, оставленные прежним течением реки, когда она была существенно более полноводной. Двигаясь далее, вышли к зелёным лугам с хорошей, сочной травой, полям ячменя и нескольким хижинам, обитатели которых были одеты как киргизы, но относились к так называемому арийскому типу. То было урочище-оазис Куйди-мазар (Kuidy Mazar), о котором я немало был наслышан от туземцев; они рассказывали, что здесь есть камни с *суратами*, (изображениями), и живут странные люди, не киргизы и не сарты. Г.У. Беллью также упоминает о камнях с рисунками в своем описании экспедиции Форсайта, и поэтому они меня особенно интересовали. Обозначенные палками, таковые располагались возле самой дороги, и проехать мимо них, не заметив, было невозможно. На крутой поверхности гранитного валуна, с чёрной пленкой «пустынного загара» грубо высечены контуры двух горных козлов и пяти человеческих рук с растопыренными пальцами. Истолковать этот петроглиф несложно: «Я убил двадцать пять горных козлов». Надписи такого рода часто встречаются в Алайском хребте, ко-

²²⁷ Филлит (от греч. *phýllon* – лист) – метаморфическая горная порода, по структуре и составу являющаяся переходной между глинистым (аспидным, кровельным) и слюдяным сланцем. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Филлит>.

торый отделяет Фергану от Алайской долины и Памира. Они попадались мне на перевалах Кугарт и Тенгизбай²²⁸, возле могильника Ходжа Такровут²²⁹ (Mazar Hodja-i-Takhraut) в Фергане, и в других районах, где живут кара-киргизы, то есть потомки древних саков или саяков. Правда, там рисунки более разнообразны: на Кугарте, кроме изображений горных козлов, есть фигурки людей с хвостами, а на Тенгизбае – петухов и др. Таковые рисунки весьма древние и, очевидно, относятся ко времени до арабского завоевания²³⁰.

Немногочисленные жители этой долины перебрались сюда, по их же словам, двадцать пять лет назад из Яркенда и переняли обычаи и образ жизни киргизов, стали разводить овец и выращивать ячмень. Примерно в одном дне пути к югу живут около двухсот семей того же рода-племени и занимаются садоводством, земледелием и разведением скота. Они зовутся *Пакно* и относятся к одному из немногих племён таджиков, которые сохранили более или менее чистые признаки альпийской расы *Homo alpinus*, согласно исследованиям сэра Ауреля Стейна. Вообще, окрестные долины Па-

²²⁸ Кёгар (также Кугарт или Кёк-Арт) – перевал и река в Сузакском районе Джалал-Абадской области Киргизии. Тенгизбай (Тенгиз-бай) – перевал в Алайском хр. (3413 м), соединяющий Маргелан с Рахтской долиной и Памиром.

²²⁹ Одна из крупнейших святынь Канибадамского оазиса – мазар «Ходжа Така Бурд», в народе называемый Ходжа Такровут. http://www.tsulbp-journal.narod.ru/jurnal/matn_3/tursunov_b_r.html.

²³⁰ Т.е. в Средней Азии до VII–VIII вв. http://ru.wikipedia.org/wiki/Арабские_завоевания.

мира с их реликтами эпохи великого переселения азиатских народов представляют собой богатое поле деятельности для антропологов, этнографов и археологов. В уединённой долине Каратегина, *Валлис Коммедарум* римлян, я встречал типы, которые могли бы сойти за оригиналы портретов древних греков в Национальной галерее Лондона. В одном только нашем караване можно было видеть смесь лиц всех мастей: брюнетов, сероглазых с каштановыми волосами, густобородых и безволосых; некоторые лица – тюркского типа, иные – чисто монгольские или арийские. В сущности то была смесь, типичная для населения Кашгарии, и было бы странно называть их всех монголами, как это делают некоторые современные авторы, не способные отличить тюркские народы от монгольских.

Вернемся, однако, к путешествию. Животные наши рады были вновь найти свежие пастбища, ибо не имели таковых на протяжении всего пути от Ак-Меджида. Однако и здесь, в Куйди-мазаре, трава росла лишь на самом дне долины, а горные склоны были совершенно голыми, ни куста, ни дерева. На вершинах гор, к югу от долины выпал снег. Стояла типично «апрельская» погода: то тихо и тёпло, даже с ярким солнечным светом, то вдруг налетит ветер, небо станет пасмурным, резко похолодает и зарядит дождь со снегом.

Местные жители торопились с уборкой ячменя. Я заметил, что у них серпы не такие, как в Туркестане, то есть не в виде маленькой косы, а в виде полумесяца. Животный мир

скуден: пролетел какой-то лунь, несколько кекликов да парочка куликов прохаживалась у реки. Порадовала светлопёрая трясогузка, *Motacilla luzoniensis*, она что-то клевала около моей палатки; трясогузки вообще, похоже, есть повсюду, и всегда кажутся неразлучными и веселыми спутниками человека.

Во второй половине дня мимо нашего лагеря прошел караван паломников, возвращавшихся через Индию из Мекки. Их лошади были ужасно худы и явно измождены, однако чувствовали, что приближаются к дому и к хорошему корму, а потому героически шли вперёд. Лица паломников были обветрены и черны от загара. Среди них две женщины, закутанные с головы до ног, и маленький мальчик верхом на красивой кашмирской кобыле, элегантно одетый, в шапочке из лисьего меха – очевидно, сын каких-то богатых родителей. Был и знакомый мне сарт, возвращавшийся из Сринагара; я остановил его, чтобы отправить письмо моим друзьям в Кашгар и спросить о дороге.

«Для животных больше пастбищ не будет, – предупредил он, и тут же успокоил: а на Каракоруме ещё не очень холодно. В течение четырех дней ждет вас тутек, но потом всё будет хорошо».

На следующее утро мы встали рано и не без сожаления расстались с нашим последним лагерем среди зелени и людей. Через пару вёрст миновали гробницу святого, Куйди-мазар, а затем пустующий китайский форпост за высокой

каменной стеной с массивными воротами на замке.

Ещё два дня мы ехали вдоль реки, часто переходя её вброд, и всё время медленно поднимались, иногда по скалам, осыпям и старым моренам, иногда по открытым ровным местам, где росла лишь скудная и редкая полынь. Казалось, что вершины гор вокруг становятся всё ниже, а снегу на них – всё больше. То тут, то там виднелись крошечные зелёные пятнышки альпийского луга и травянистых полянок близ родников.

В одном месте, возле устья бокового ущелья под названием Тургайл, в верховье которого имеется ледник, мы остановились пообедать на зелёном участке, где цвели голубые примулы, эдельвейсы, *Leontopodium alpinum*, и голубые подснежники. Это было единственное приятное место за все последовавшие дни. А повсюду виднелись лишь голые скалы, и лишь кое-где желтели клочки мха да редкой селитрянки *Nitraria*, превратившейся здесь из высокого кустарника в низко стелящееся растение. Даже клематис, не имея высоких деревьев, на которые мог бы забраться и окутать их своими стеблями и пухом вызревших соцветий, превратился здесь в ползучее растение; листья его прижались к земле, а на кончиках маленьких стеблей, словно одуванчики, белели шарики семян. Ещё попадался ревень, чьи розетки листьев выделялись тёмно-зелёными пятнами на осыпях сланца и гранита. На них, не защищенные растительностью и почвой, обломки камней, омываемые дождями, то замерзающие по но-

чам, то разогреваемые днём на солнце, выветриваются и превращаются в рыхлую корку и песок.

Наш последний лагерь перед перевалом находился в окружении расположенных совсем неподалёку заснеженных вершин, на высоте 4000 м, и на этой высоте мы уже чувствовали учащенное сердцебиение и одышку при малейшей нагрузке, особенно при ходьбе в гору. Лагерная поляна была сплошь покрыта камнями, и было непросто отыскать на ней место для палатки. Позади возвышался передовой снежный гребень Кунь-Луня, его вершины были скрыты облаками. Когда мы пробирались вверх по долинам и ущельям, то не заметили его огромной высоты. Завтра нам предстояло перейти Янги-Даван (Новый перевал) в самой низкой части хребта, а потом двигаться по долине реки Раскемдарья до высокогорного плато Каракорум.

В небе кружила стая коршунов; краснобрюхие горихвостки (*Ruticilla erythrogaster*) порхали по скалам – эти сопровождали нас на всём пути в тёплые края, хотя, конечно, были во все не те особи, что встречались нам в предгорьях, уж они-то к тому времени наверняка достигли Кашмира. Затруднюсь я также судить, та же ли это белая трясогузка прогуливалась возле моей палатки, что посетила меня в Куйди, или другая, столь же доверчивая и тяготеющая к человеческому жилищу. Весьма многочисленны были альпийские галки, чьи характерные звуки постоянно слышались в ущельях. Большие стаи скалистых голубей с белыми гузками летали во-

круг; трудно сказать, почему они здесь более многочисленны, нежели в местах не столь бесплодных.

После захода солнца стало холодно, поднялся сильный ветер, и мне пришлось надеть теплые башмаки и рукавицы. Тут я вспомнил о бутылке красного вина, что приготовил ещё три года назад в Кашгаре, и кружка горячего глинтвейна, как нельзя лучше, согрела меня до глубины души. Ночью я почувствовал некоторое затруднение в дыхании, вызванное непривычкой к высоте.

Следующее утро выдалось холодным и туманным; свинцовые тучи нависли над вершинами; земля вымокла, а дорога стала грязной. Вначале долина была узка и забита скальными обломками, которые сорвались откуда-то сверху, и нашему каравану пришлось двигаться по нагромождениям валунов и камней; позже она несколько расширилась, и дно её стало ровнее. Гранит уступил место изверженным породам, среди которых я заметил порфирит, а затем появились пласты сильно смятых песчаников, наклоненные под углом около тридцати градусов.

Пер. Мазар, также называемый пер. Сайляк или Чирак Сальди²³¹, находится между деревнями Куди и Мазар в уезде Каргалык. Современный вид. Фотоснимок иллюстрирует характер местности. (*Nicolai Bangsgaard, 2006*)[19]

Мы всё время поднимались, но подъём был не особенно крут. Долина продолжала расширяться, и справа, с западной стороны, к ней примкнула другая, в верховье которой виднелся снежный гребень. Место называется *Чирак Салди*, что

²³¹ Последнее название использовали британские исследователи в конце 1800-х годов, также как и деревни Мазар, которая в то время была только местом стоянки караванов. Оно означает «лампа гаснет» (из-за ветрености места стоянки). В названии перевалов возле указанных мест имеются разночтения. http://en.wikipedia.org/wiki/Mazar_Pass

значит: «(Они) поставили светильник». У него скверная репутация: здесь лежал путь в Хунзу, или Кунжут, бывшее разбойничье логовище, жители которого промышляли исключительно грабежом караванов и работорговлей. Немало крови и слёз пролито здесь, и многие лишились жизни, или, по крайней мере, своего имущества и свободы, будучи уведёнными в плен по этой дороге в Хунзу и Нагар. Такое положение дел сохранялось вплоть до 1891 года, когда экспедиция полковника Дюрана²³² раз и навсегда покончила с разбоем, чинимым кунжутскими бандитами, и принесла благословенные мир, порядок и безопасность на великом пути Лех-Яркенд, из Индии в Китай. А до того, предвидя надвигающуюся беду и посягательства на их свободу со стороны Индии, атаманы Кунджута отправили посланников в Ташкент к генерал-губернатору Туркестана барону Вревскому²³³

²³² См. С.Р. Skrine, *Chinese Central Asia*, p. 22. (Прим. П.С. Назарова). «Это – одна из самых высокогорных и трудных дорог в мире. До замирения княжеств Хунзы и Нагара в 1891 году она считалась небезопасной, так как туземные обитатели этих княжеств производили частые нападения на караваны. Теперь передвижение по ней вполне безопасно. Британские власти обращают большое внимание на поддержание её в исправном состоянии. Вдоль дороги местами оборудованы казенные склады с продовольствием для людей и вьючных животных, которое отпускается по сходной цене». (Скрин. Китайский Туркестан. М.-Л.: Молодая гвардия. 1930).

²³³ Барон Александр Борисович Вревский (1834–1910) – генерал от инфантерии русской императорской армии, член Военного Совета Российской империи. С 28 октября 1889 по 1898 год являлся Туркестанским генерал-губернатором и командующим войсками Туркестанского военного округа. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Вревский, Александр Борисович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Вревский,_Александр_Борисович).

с прошением о подданстве Великому Белому Царю, в расчёте, разумеется, на то, что русское правительство настолько отдалено, что не сможет воспрепятствовать их традиционному промыслу. Но делегатов ждало разочарование: барон Вревский развернул их назад с наказом безоговорочно подчиниться англо-индийскому радже. Превращение жестоких и кровожадных разбойников в законопослушных и мирных граждан не редкость. В Средней Азии есть пример метаморфозы столь же примечательный. Достаточно вспомнить о диких разбойниках-туркменах Закаспия во времена скитаний знаменитого Вамбери²³⁴. Сфера их «интересов» включала Персию, Каспийское побережье и Оренбургские степи. А после экспедиции генерала Скобелева и покорения Ахал-Теке²³⁵ туркмены стали мирными, верными и почтенными гражданами Российской империи, и русский человек, подчас, чувствовал себя куда спокойнее среди туркмен, нежели

²³⁴ Арминий Вамбери или Герман Бамбергер (венг. Vámbéry Ármin, нем. Hermann Vamberger; 1832–1913) – венгерский востоковед, путешественник, полиглот. Переодевшись в дервиша, под именем Решид Эфенди совершил путешествие в страны Средней Азии (1861–1864). См. его замечательное повествование: Арминий Вамбери. Путешествие по Средней Азии. М. Изд. «Вост. лит-ра», РАН. 2003; книга в формате PDF доступна по ссылке: http://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002380919/.

²³⁵ Ахал-Теке – один из оазисов в Средней Азии, расположен на юге Арало-Каспийской низины в Туркменистане. Ахал-текинская экспедиция – военная операция Русской армии по покорению племён текинцев, живших в Туркмении, проведённая в 1880–1881 гг.; её командующим был генерал-лейтенант Михаил Скобелев. http://ru.wikipedia.org/wiki/Ахал-текинская_экспедиция.

среди «мужиков» в своей стране.

Такие отвлечения и раздумья витали в моей голове, когда наш караван медленно поднимался к перевалу Янги-Даван. Подъём на седловину перевала со дна долины занял около часа. Горы вокруг абсолютно безжизненны, внизу конгломераты, выше известняки; местность усеяна большими известняковыми глыбами весом в несколько тонн каждая. Подъём в конце был очень крут, но тропа шла по мягкому грунту. Высота перевала над уровнем моря немалая, около 4800 м, и лошади, хотя мы часто останавливались, чтобы дать им отдышаться, шли с трудом.

На самом перевале нас встретили порывы сильного ледяного ветра, он пронизывал даже мою сибирскую меховую шапку-ушанку. Немыслимо было останавливаться здесь, чтобы хоть немного отдышаться, надо было как можно быстрее идти вниз. Широкий и пологий склон в скором времени сменился рядом неглубоких ложбин; солнце показало свой лик, и свинцовые тучи, что висели над горами, немного разошлись. Тропа нырнула в узкое ущелье, прорезанное в конгломератах, валуны и обломки камней загромождали путь, и стало невозможно спускаться верхом, без риска сломать лошади ноги, а себе – шею. Поэтому я спешился и повел коня в поводу. В некоторых местах теснина была особенно узка и, словно некая западня для животных, усыпана костями лошадей и верблюдов. Появился ручей, конгломераты сменились глинистыми сланцами – и от того и от другого путь стал ещё

хуже. Конечно, серицитовые и филлитовые сланцы, смятые и спрессованные, делали место очень интересным для геолога, но явились сущим проклятием для путника. Здесь иногда попадались кусочки лазурита, вымытые из какой-то жилы, но сколько я внимательно ни всматривался вокруг, не обнаружил никаких следов месторождения минерала, монополия на который ныне принадлежит Бадахшанской провинции в Афганистане.

В сланцевом поясе тропа запетляла по чрезвычайно узким карнизам, сплошь усеянным камнями, то спускаясь по осыпям, то снова поднимаясь высоко над руслом реки на почти вертикальные обрывы. «Упадешь – костей не соберешь» – гласит старая русская поговорка о таких местах, хотя, вряд ли можно отыскать подобные во всей огромной Российской империи. Узкое ущелье тянулось восемь-девять верст, но казалось бесконечным и выматывало как физически, так и морально. Бесконечная череда *memento mori* (напоминаний о смерти) в виде костей и скелетов, и необходимость внимательно следить за животными, держали нервы в постоянном напряжении.

В конце ущелья толщу сланцев прорезал толстый пласт жёлтого кварца, похожий на железную руду, с большой осыпью у основания; дальше было видно, как он простирается высоко вверх по противоположному склону горы. Затем овраг расширился, дно стало плоским, а берега превратились в вертикальные стены, прорезанные в стометровой тол-

ще плотного гравия. Изнурительный, долгий путь через сей нудный каменный буерак, где не было никаких признаков растительности, вконец измотал меня, колени болели, голова будто налилась свинцом. Поэтому я испытал огромное облегчение, когда в самом конце теснины увидел долину Раскемдарьи, протянувшуюся поперек нашего пути, то есть с востока на запад. Здесь она течет в довольно широкой долине, в окружении невысоких, совершенно безжизненных гор из песчаников и сланцев. Собственно долина представляет собой русло реки, заполненное гравием, а берега её суть склоны гор. Поток разбит на множество рукавов, отделенных друг от друга песчаными отмелями, где местами укоренились кустики тамариска; иной растительности нет в помине, ни единой травинки. В целом картина безрадостная: унылый и безжизненный пейзаж, выполненный в песочно-серых тонах; облака пыли, поднимаемые ветром, да горные вершины окрест, уже покрытые снегом.

Мы разбили лагерь на одной из песчаных отмелей среди нескольких жалких тамарисков, возле источника под названием *Кулан Улди*, что означает «(Здесь) умер дикий осёл». С запада долину закрывает конус вершины, а на другой стороне реки из боковой долины выступает другой – огромный «конус выноса» в виде веерообразной массы гальки, смытой вниз дождями и потоком, – явление, очень характерное для пустынных мест, где эрозия почвы не сдерживается растительностью.

Раскемдарья! Как часто название этой загадочной и труднодоступной реки, почти неведомой европейцам, будоражило моё воображение в дни моей юности, когда читал я рассказы о путешествиях по затаённым землям Центральной Азии, и вот теперь я здесь, в самом сердце континента, отмеченном безжизненностью, оторванностью от внешнего мира и опустошенностью! Природа здесь воистину бедна: обнаженные горы, песок да немного тамариска – вот и всё. И как это удивительно, что три года спустя я встретился с таким же пейзажем в совершенно другой части света, на Сан-Висенти²³⁶, одном из островов Зеленого Мыса! Когда я бродил там с моим добрым другом, доктором Бёрром, я был поражен сходством ландшафтов: всё было так же, как на Раскемдарье, те же голые, безжизненные горы, песок да волнистый тамариск. Одно только было различие: Раскемдарья находится в самой сердцевине континента Азии, так далеко от моря, как только возможно на Земле, а вулканический остров Сан-Висенти – в Атлантическом океане!

²³⁶ Сан-Висенти (порт. São Vicente) – второй по численности населения остров Кабо-Верде. Старое название – Порту-Гранде.

Излучина р. Яркенд (в верховьях – Раскемдаря). (*rheins*, 2015)[16]

Глава VIII. Крыша Мира

Нам предстояло ещё в течение трёх дней идти вверх по Раскем-дарье, до источника Куфеланг, а там покинуть долину этой мрачной реки и начать подъём на перевал Каракорум.

Утром, когда мы сворачивали лагерь и выучили верблюдов, появилось семейство воронов, парочка старых и два молодых. Это был тибетский вид, *Corvus tibetanus*²³⁷, всегдашний спутник караванов на этом пути, надеющийся поживиться хоть чем-нибудь, а иногда и заполучить роскошный пир,

²³⁷ Тибетский ворон (лат. *Corvus corax tibetanus*) – подвид обыкновенного ворона (*Corvus corax*) рода воронов (*Corvus*). Ареал птицы включает всю горную Среднюю Азию (кроме Туркмении), Гималаи и Тибет. Оперение сине-чёрного цвета. Как правило, встречаются в парах, а иногда в небольших стаях. Дикие, осторожные и подозрительные. В воздухе совершают различные акробатические трюки: скольжения, повороты, пики. Явно наслаждаются полётами. http://ru.wikipedia.org/wiki/Тибетский_ворон.

когда умрет лошадь или верблюд. Иных птиц, кроме этих зловещих созданий, почти не было, лишь утром спугнул я какого-то, явно голодного, краснозобика, который прятался в кусте неподалеку, да ещё на реке плавал чирок, видимо, отставший от перелётной стаи. Не могу сказать точно, иным ли путём перелетели наши бывшие пернатые спутники через горы, или же они преодолели горный барьер одним махом.

Как правило, я предпочитал ехать впереди каравана в сопровождении одного из погонщиков, по туркестанскому обычаю, иногда в компании караванбаши. Во главе каравана всегда был чалый жеребец, за ним послушно следовали другие лошади, после них – ослы и, наконец, верблюды. Позади на некотором расстоянии шел караван Хаджи Тунглинга, чей красивый жеребец-вожак уже не проявлял на этих высотах своей былой прыти.

Долина реки очень извилистая; всё время казалось, что она закрыта впереди и сзади скальными барьерами, но по мере движения впереди открывалось её продолжение, и после поворота мы опять оказывались как будто в замкнутой котловине. Горы здесь состоят из сланцев, рассеченных многочисленными кварцевыми жилами. С обеих сторон к долине реки примыкают боковые ущелья, в их верховьях иногда виднеются ледники, их обширные морены спускаются к руслу реки огромными массами скальных обломков. Склоны покрыты осыпями разных цветов и оттенков: белыми, серыми, желтыми, серо-стальными, зеленоватыми, чёрными и

т.д., в зависимости от цвета сланцев, интенсивному выветриванию и эрозии которых здесь не препятствует никакая растительность.

Несмотря на кажущееся однообразие местности, *mise en scène* (мизансцена) постоянно менялась, быстро, но неуловимо. В основном караван шел по руслу реки, пересекал её вброд и спрямлял свой путь по излучинам берегов. Чистота воздуха поразительна, так что мельчайшие детали местности отчётливо видны, и трудно не ошибиться в оценке расстояний. Погода тоже изменчива: то яркое солнце на ясном небе, то налетают облака и бросают тень на горы, которые сразу же меняют свой оттенок, и весь пейзаж преобразуется.

Когда, бывало, внезапно поднимался пронзительно-холодный ветер, и вершины заволакивали свинцовые тучи, небо осыпало нас мелким, сухим снегом, и картина становилась по-зимнему суровой и унылой. Но стоило только облакам рассеяться, и засиять солнцу в тёмной синеве альпийского неба, как вершины начинали сверкать отполированным серебром снежного покрова. Тогда казалось, будто по мановению палочки волшебника переносишься в иной, сказочный мир, или наблюдаешь смену декораций в гигантском театре. Снег на склонах приобретал оттенок осыпи, но которую выпал; мрачная теснина казалась прекрасной горной дорогой, а скорбные мысли рассеивались в окружающем блеске, уступая место жизнерадостной уверенности. И такие перемены погоды, обстановки и чувств бывали по несколько

раз в день. Бывало и так, что всё вокруг окутает мёртвое спокойствие пустыни, и тогда во время отдыха можно слышать тиканье часов в своём кармане. А иногда в тишине откуда-то доносились отдалённые звуки, происхождение которых невозможно было определить. Однажды нас напугал подобный взрыву грохот, раздавшийся позади нас, и было видно, как столб пыли поднялся высоко в воздух – это большая скала откололась от массива и рухнула вниз.

На следующее утро мы проехали место под названием Суд-таш (Молочный камень), где видны были выход большого пласта кварца и старая выработка рядом с ним. Говорили, что раньше здесь добывали золото, что вполне вероятно, хотя в настоящее время коренные жители Туркестана, западного и восточного, утратили искусство добычи жильного золота. В Заалайском хребте, на южной стороне его, есть древний рудник²³⁸, где до сих пор сохранились большие гранитные ступы и жернова валковых мельниц для дробления золотоносного кварца. Согласно описаниям старых арабских географов²³⁹, эти выработки следует отнести к IX-X векам нашей эры, когда в Туркестане процветала горная промышленность.

В одном месте, сразу после глубокого брода, нам встре-

²³⁸ Вероятно, имеется в виду Сауксайское месторождение коренного золота на южном склоне Заалайского хр.

²³⁹ См. мою статью «Кух-и-Сим, сокровище Туркестана», Blackwood's Magazine, 08. 1929. (Прим. П.С. Назарова). Перевод данной статьи на русский язык доступен по ссылке: http://kani-gut.narod.ru/gorning_nazaroff.pdf.

тилась партия погонщиков с верблюдами, направлявшихся в Тибет, чтобы заложить большой склад провизии для обратного пути, каковой предстояло им совершить, возможно, в следующем году. Они очень любезно предложили мне соблазнительную дыню, но я от неё отказался. Как я мог лишиться их такой роскоши, которую они не увидят в течение многих месяцев? Даже деньги были бы слабой компенсацией за их доброту. Ну что они смогли бы купить на них взамен в этой бесплодной пустыне?

Ночью было тепло, но я постоянно просыпался, потому что дыхание моё стало трудным и неровным. А на утро передо мной предстала совсем иная картина лагеря, нежели накануне: он весь был покрыт снегом. Горные пики казались ближе, чем когда-либо, их вершины окутаны плотной массой хмурых облаков. Все поголовно задыхались от разреженного воздуха; лицо моё опухло, а веки стали одутловатыми, но это в течение дня прошло. Высота лагеря над уровнем моря составляла почти 4300 м; было облачно и очень холодно.

У источника Кук-ат-аузы (Пасть серой лошади), мы миновали мрачное место, где сходятся два ущелья, и в месте их слияния сохранились руины каменной постройки, то ли дома, то ли крепости. Правое ущелье ведет вверх по долине Раскемдарьи, а левое – мрачного вида теснина между огромными скалами – это ответвление, что ведет к китайскому пограничному посту Шахидулла, маршрут, по которому обычно следуют караваны во время разлива рек. Индокитайская

граница, строго говоря, расположена у форта Шахидулла, но фактически проходит возле Каракорума. В этот день нам посчастливилось найти два участка альпийской травы, возможно, вида *Carex* (осока – перев.), где мы с удовольствием остановились, чтобы задать нашим лошадям свежего корма. Остальная часть пути в тот день не явила ничего, кроме тёмных мрачных скал и осыпей.

Мы расположились на ночлег у источника под названием Игар-салди, что значит «(Они) оседлали коней». На безоблачном и прозрачном небе мерцали звезды; созвездье Большой Медведицы висело низко над горизонтом, яркой жемчужиной сиял Юпитер, и Марс отливал своим красноватым оттенком. Но ближе к утру вновь пошел снег, он покрыл горы и усыпал наш лагерь. Стало очень холодно, мои руки и ноги коченели, несмотря на тёплую одежду, и мороз щипал лицо. В полдень снег прекратился, выглянуло солнце, но ледяной ветер не стихал. Туши и скелеты погибших вьючных животных попадались всё чаще, и вскоре вообще перестали попадаться участки тропы, где бы их не было.

Появились немногие птицы: несколько хохлатых жаворонков (*Galerida*)²⁴⁰ и белых трясогузок, которые, видимо, направлялись в Кашмир тем же путем, что и мы. А вот альпийских галок в долине Раскемдарьи мы так и не увидели.

²⁴⁰ Хохлатый жаворонек, или обыкновенный хохлатый жаворонек (лат. *Galerida cristata*) – вид воробьиных птиц из семейства жаворонковых (*Alaudidae*).

Урочище Шахидулла-Ходжа. (*Б.Л. Громбчевский*, 1891)

[13]

Однажды по дороге мне пришлось преподать нашему караванбаши серьёзный урок. В течение последних дней я стал замечать, что дисциплина в караване падает: погрузка по утрам шла вяло и небрежно; места для бивуаков выбирались неудачно, караванбаши не давал ясно понять, где мы должны будем разбить следующий лагерь, и сколько нам предстоит пройти за день. Он то и дело покидал партию и ехал впереди, фактически пренебрегая своими обязанностями. Нам

предстояли трудные переходы, и подобная ситуация не сулила ничего хорошего. Я же объяснял таковую влиянием горной болезни, ведь мы каждый день постоянно поднимались всё выше и выше.

В то утро караванбаши поссорился со своими товарищами, обругал их и, не дожидаясь окончания погрузки, уехал вперед; вплоть до конца дня я больше его не видел. В одном месте я остановился, чтобы перекусить и осмотреть ряд горных обнажений. Вскоре выючные лошади прошли мимо, а один из конных проводников остался со мной, верблюды же были где-то далеко позади. Переход к источнику Куффеланг казался в тот день бесконечным, и уже вечерело, когда я, мой конюх и проводник, оставив долину, начали круто подниматься вверх, пока не оказались на уступе, расположенном очень высоко над рекой, на самом краю обрыва, откуда поток внизу выглядел как узкая лента. И тут, едва обогнув выступ крутого утёса, мы вдруг обнаружили, что очутились на узкой, неровной тропе, на краю развернувшейся внизу глубокой пропасти; моя левая нога фактически висела над нею. Одно неловкое движение, моё или лошади, какой-нибудь круглый камешек под копытом, и падение в пропасть было бы неизбежным. А уже наступали сумерки! Сердце моё, казалось, подступило к самому горлу... Конь мой замер. Очень-очень осторожно я соскользнул назад прямо через конский хвост и стал погонять животное перед собой, но даже таковой способ передвижения по узкой извили-

стой тропе среди выветренных сланцев был труден и опасен. Столь острое чувство опасности ранее мне приходилось испытывать разве что во сне. Когда мы выехали на более широкое место, и дорога стала безопасной, мы вновь оседлали коней и быстро двинулись дальше. Я пребывал в ярости оттого, что караванбаши не предупредил ни об опасности дороги, ни о протяжённости этапа. Поскольку верблюдам предстояло пересечь это страшное место в темноте, я спешил как можно быстрее к бивуаку, чтобы выслать людей им на помощь.

Когда же мы добрались до лагеря, я нашел караванбаши сидящим на своем войлочном коврике и беззаботно курящим свою трубку! Не слезая с коня, я вlepил ему хороший удар тростью по спине и приказал взять веревку, фонари и поспешить навстречу каравану.

Моя вспышка гнева возымела своё действие: все мгновенно проснулись, и спасательная команда тут же двинулась в путь. В тот вечер я остался без ужина, пришлось довольствоваться чашкой чая и печеньем. А через час вернулись караванбаши со «спасотрядом», но одни, без каравана. Им встретился пастух с нашим стадом, который доложил, что верблюды движутся по долине реки.

– Так по реке есть тропа? – изумился я.

– А как же, – невозмутимо ответил караванбаши.

– Так какого же чёрта ты погнал нас на гору, где зря рисковали мы жизнями?!

– Я сказал керекешу, чтобы он провел тебя по горной тро-

пе, потому что в русле реки очень много камней, – нашел что ответить этот болван.

– Будто бы не доводилось нам ехать несколько дней кряду по каменистым руслам рек? – воскликнул я в гневе. – Ох, жаль, что не отделаю тебя крепче!

Через четверть часа появились верблюды, все целы и невредимы; оказалось, что путь по руслу реки был ничем не хуже обычного. В тот день было пройдено около 60 вёрст, и это было невероятно глупо – понапрасну изнурять животных перед самым трудным испытанием, для коего ещё потребуются полное напряжение их сил. Если держаться реки, можно вставать на ночёвку где угодно, так как Куфеланг – это всего лишь условная географическая отметка, не отражающая никаких отличий данного места от иных. Исходно слово было тюркским, но искажено тибетцами: *Кара-булган*, что значит «Они (были) подавлены» – отличное выражение тех чувств, что испытывают путники из долин Кашгарии, когда забираются на тибетские высоты.

Урок, который я преподал караванбаши, дал отличные результаты: порядок был восстановлен, каждый работник принялся изо всех сил стараться. Даже сам караванбаши как бы проснулся и стал деятельным: проявлял организаторские способности, заботу о людях и животных, каждый вечер подходил ко мне с докладом и планом следующего дневного перехода.

Керекеша улыбались, не скрывая своего удовольствия:

«Вот теперь всё хорошо, а то раньше караванбаши только и думал, что о себе да о своей трубке; жаль, что мало ему от тебя досталось». «Всё ещё впереди, – сказал я, дабы их утешить. – В следующий раз получит больше».

«*Караванбаши яман булса, адамляр атлиар барнда ульяди*», – философски рассуждали они, что означало: если караванбаши не хорош, то люди и лошади мрут в дороге – куда как верное наблюдение.

Следующее утро до восхода солнца было очень холодным. Чай, оставшийся в заварочном чайнике, замерз. Но воздух был неподвижен, и холод переносился легко. Наш лагерь был разбит в широкой долине, на открытом бесплодном пространстве, под огромным обрывом пласта конгломерата, вероятно, озёрного происхождения. Отсюда особенно хорошо были видны речные террасы. Здесь Куфеланг, верхний приток Раскемдарьи, соединяется с рекой, текущей с Ак-Тага. Месторасположение состоит из аргиллитовых сланцев, пласты которых почти вертикальны и залегают несогласно с красными, серыми и коричневыми песчаниками. В некоторых местах песчаники перемежаются слоями рыхлого угля, толщиной два-три дюйма. Литологически они такие же, как угленосные пласты в Фергане; подобные есть и на реке Караташ в Кашгарии.

Мы поднимались по склону широкой долины в сторону перевала Ак-Таг. Местность вокруг уже нельзя было назвать горным районом: то была какая-то пологая волнистая доли-

на, простирающаяся далеко окрест, с цепями низких холмов и осыпей – степь, только без всяких следов растительности на бесплодии гравийных и песчаных почв. Ещё накануне встречались кое-где кустики ревеня и клематиса, а теперь растения исчезли вообще. Были слышны крики коршунов; небольшой ястреб пролетел в направлении Ак-Тага; у небольшого родника бегала трясогузка. Обе стороны дороги были усеяны костями животных. Ветра не было, но губы мои посинели; в безоблачном небе сверкало солнце, иссушая моё лицо, которое и без того уже было тёмно-коричневым от загара. Когда поднимался ветер, лицо обжигало холодом. Лошади шли уверенно, но дышали с трудом. Несмотря на яркий солнечный свет, я ощущал какое-то странное чувство подавленности. Мы приближались к плато Каракорум.

За небольшими холмами, окружавшими высокогорную долину, через которую мы так мучительно пробирались, то тут, то там виднелись снежные вершины, а впереди над её плоскостью возникла огромная белая гора, Ак-Таг. Во второй половине дня мы к ней приблизились, и она предстала перед нами в виде длинного хребта, протянувшегося с севера на юг. Мы находились на высоте около 4900 м, и таковая заметно сказывалась как на людях, так и на животных. У подножия горы есть много источников, которые обнаруживают себя в виде пятен дёрна, мха и жалких клочков сухой травы.

Отдав приказ разбить лагерь чуть дальше, у подножия горы под прикрытием большой скалы, я отправился пешком

осмотреть кое-что относящееся к геологическому строению вершины. Но, увы, это оказалось не столь простым делом: я почувствовал себя так, будто вес моего тела удвоился, а ноги налились свинцом; сердце бешено колотилось, я задыхался. Хожение давалось с большим трудом, и через каждые несколько минут мне приходилось останавливаться, чтобы отдышаться. На этой высоте содержание кислорода в воздухе составляет $2/3$ от нормы, а атмосферное давление снижается с пятнадцати фунтов на квадратный дюйм²⁴¹ до семи.

Ак-Таг сложена из кремнистых конгломератов, из твердого желтовато-серого песчаника и песчаного мергеля, прослоенных тонкими прожилками углистого сланца. Осыпи на склонах горы имеют беловатый цвет и придают ей вид снежной вершины, откуда и произошло её название, Белая гора.

Я устал после осмотра горы и с трудом двигался к лагерю. К счастью, Саламат уже издали заметил моё удручающее состояние и вышел навстречу с моей лошастью.

Лагерь был разбит у самого подножия горы среди огромных глыб конгломерата, упавших с вершины и нагроможденных друг на друга, словно многоэтажный дом. Хаджи Тунглинг разбил свой лагерь рядом с моим, и всё место сразу оживилось от множества верблюдов, лошадей, ослов, людей и палаток. Под скальной стеной приютились наши овцы, а с

²⁴¹ Фунт на квадратный дюйм (обозн. psi), точнее, «фунт-сила на квадратный дюйм» (англ. round-force per square inch, lbf/in²) – внесистемная единица измерения давления. В основном употребляется в США. Численно равна ок. 6895 Па или 51,7 мм рт. столба.

ними – «яблоко раздора» в нашем лагере, серая кобыла, однако ни один жеребец не был способен уделить ей хоть малейшее внимание. Мой чёрный тихо отдыхал неподалеку, а красавец Хаджи Тунглинга стоял с поникшей головой и не обращал внимания вообще ни на что. Очевидно, что близость к небесам смирят самые буйные страсти, даже такие как любовь и ревность.

Верховым лошадям задали немного люцерны и ячменя, но выючные животные получили только ячмень. Последние, долгое время не имевшие никакой зелёной пищи, начали жевать наши дрова, состоящие из *бурмаса*, *Eurotia ceratoides*²⁴². Это серо-зелёный кустарник, вырастающий всего до 15 см в высоту, но с толстыми корнями длиной около метра, который хорошо горит даже в сыром виде и источает ароматный запах. Милостивая природа снабдила высокогорные пустыни Каракорума и Памира этим поистине бесценным растением. *Eurotia*, *Carex*, *Artemisia* (полынь) и *Ephedra* составляют типичную флору возвышенных плато Центральной Азии, но только *Carex* имеет настоящую пищевую ценность.

Люди жаловались на затрудненное дыхание и головную боль. Я чувствовал себя так, будто только что оправился от изнурительной болезни, чувствовал неприятный привкус во

²⁴² Крашенинниковия терескеновая, или Терескен обыкновенный и др.; син. *Eurotia ceratoides* – многолетнее травянистое растение; вид рода Крашенинниковия (*Krascheninnikovia*) семейства Амарантовые (*Amaranthaceae*). Ветвистый полукустарник. Кормовое растение для степной, полупустынной и высокогорной местности. Питательный корм для овец и верблюдов.

рту, что-то вроде жжения внутри, ужасную головную боль, сильную усталость и жажду. Чай был на вкус ужасен, еда и того хуже. На обед была вареная баранина, но не было аппетита. Чтобы сохранить силы, я заставил себя съесть кусочек мяса, но на вкус оно было как вата, и я не смог его проглотить. Механизм моего тела отказывался работать, я стал подавленным и ко всему безразличным. Без сомнения, будучи предоставленным самому себе, я не приложил бы ни малейших усилий к тому, чтобы двигаться дальше, но сознание моё оставалось деятельным.

«Если бы у меня был баллон с кислородом, всё сразу стало бы хорошо, – такая мысль пронеслась в моей голове, и тут я вспомнил, что в моем багаже есть бутылка итальянского вермута. – Я приму его как лекарство; при изнурительных болезнях это помогает сохранить силы».

Стоило больших усилий открыть свой *яхтан* (багажную суму) и откупорить бутылку, но напиток сразу же восстановил мои силы, и аппетит вернулся, хотя я всё ещё толком не мог глотать. Тогда я подумал о другом «больничном утешении» и приготовил чашку бульона из концентрата «Bovril»²⁴³ – он подействовал мгновенно и окончательно оживил меня.

Один из караванщиков принес мне чирка, которого поймал у родника. Бедная птичка была столь же истощена, как и

²⁴³ Боврил или Бовриль – торговое название густой и соленой пасты с мясным экстрактом, похожей на дрожжевой экстракт, разработанной в 1870-х годах Джоном Лоусоном Джонстоном. Концентрат можно превратить в напиток («говяжий чай»), разбавив горячей водой или молоком.

я, вероятно от голода. Я не пытался оживить её вермутом и бульоном, а просто согрел и накормил рисом, размягченным в воде, затем отнес обратно к источнику и положил на мох, рассыпав рядом немного риса.

Ближе к вечеру большой караван из ста лошадей прибыл из Индии. Большинство из путников были паломниками, возвращавшимися из Мекки, среди них несколько женщин. Одна, тщательно завуалированная, была богатая особа, если судить по одежде, – возможно, какая-нибудь вдова, которая совершила хадж. Я заметил, что все индийские мусульмане, встреченные на дороге, приветствовали нас дружелюбно со словами «Салам!», но кашгарцы проезжали мимо молча, с унылым выражением на лицах, каковое более подобает овцам, нежели людям. Паломники рассказывали, что в Ладакхе идут проливные дожди, и что они страдали там от сильного холода.

На следующий день, 27 сентября, в субботу, нам предстоял долгий и трудный этап до Брангсы. Теперь мы сильнее чувствовали тутек, то бишь горную болезнь, чем когда-либо, и наши лошади начали сдавать.

Утром, когда я осматривал лагерь, заяц, вероятно, *Lepus tibetanus*, выскочил из скал в нескольких метрах от меня, не проявляя никакого страха.

На этом высокогорном плато Каракорум нет ни лисиц, ни волков, ни стервятников, за исключением ламмергейера,

Gypaetos himalayanus sp.²⁴⁴, который, как известно, не питается падалью. Следствием является то, что туши убитых животных лежат нетронутыми. Кроме того, поскольку бактерии не переносят холода, трупы не гниют, а мумифицируются, высыхают и, в конце концов, рассыпаются в порошок. Таким же образом скелеты превращаются в известковую пыль. На водопоях часто можно видеть перемешанные с галькой и песком обкатанные фрагменты костей и некий белый песок – это останки несчастных животных, которые тысячами гибнут на этой дороге смерти.

²⁴⁴ Бородач или ягнятник (лат. *Gypaetus barbatus*) – птица из семейства ястребиных, единственный вид в роде бородачи (*Gypaetus*). «Ягнятник» – перевод западноевропейского названия *Lammergeyer* из-за традиционного представления пастухов, что он убивает овец (что неверно, так как ягнятник не охотится на живых овец, а кормится падалью – sic!). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Бородач>.

На перевале Каракорум. (*T.E. Gordon, 1876*)[20]

Встречается здесь, однако, одно замечательное крупное животное, которое обитает только на этих высотах и в разреженном воздухе чувствует себя неплохо – это антилопа, называемая оронго или чиру²⁴⁵. По такому случаю проводник советовал держать мою винтовку наготове. Караванщики же старались ехать как можно медленнее, и внимательно следили за лошадьми. Мы приближались к самой трудной стадии всего путешествия, и высушенные мумии лошадей, ослов и

²⁴⁵ Тибетская антилопа, оронго, или чиру (лат. *Pantholops hodgsonii*) – парнокопытное млекопитающее из семейства полорогих. Одно из самых малоизученных парнокопытных животных. Обитает на высоте 4500-4700 м в высокогорных степях Тибетского плато, в Кунь-луне и области Ладакх. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Оронго>.

верблюдов, целые скелеты, оскаленные черепа и груды костей красноречиво говорили о грозящей опасности.

Местность окончательно утратила свой горный характер. Теперь она представляла собой, скорее, огромную долину, отлого поднимавшуюся в южном направлении, и лишь далеко на востоке над грядой невысоких холмов была видна небольшая одинокая гора.

Перевал Каракорум, вид на запад. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Весь этот ландшафт, величественно-спокойный и неподвижный, напомнил мне приуральские степи, каковыми бывают они поздней осенью. И в то же время, воистину, это бы-

ла дорога на Крышу Мира. «Если какая-нибудь дорога в мире и заслуживает названия *Via Dolorosa*²⁴⁶, то это караванный путь через Каракорумский перевал, соединяющий Восточный Туркестан с Индией, – пишет Свен Гедин.²⁴⁷ – Словно огромный Мост Вздохов²⁴⁸, перекинулся он своими воздушными арками через высочайшие горные пространства Азии и всего мира». Однако внешний облик сей дороги никак не соответствует её значению и эпитетам, к ней применяемым: она скорее прозаична, нежели поэтична. Через пару часов неторопливой езды мы добрались до известняковых скальных обнажений, где тропа свернула влево и вывела нас в песчаный дол, зажатый меж двух отвесных скал, куда стекали ручейки талой воды. Ещё дальше встретился небольшой водоём, правда, замерзший. Здесь было достаточно удобное место для лагеря. Кое-где в низинах виднелись жалкие клочки пожухлой травы. В одной из таких лощин, примерно в трехстах метрах паслась пара антилоп, которые ускакали, едва нас завидев. Удивительно, как они могут скакать резвым

²⁴⁶ *Виа Долороза* (лат. *Via Dolorosa*, букв. «Путь Скорби») – улица в Старом городе Иерусалима, по которой, согласно христианским представлениям, пролегал путь Иисуса Христа к месту распятия. http://ru.wikipedia.org/wiki/Виа_Долороза.

²⁴⁷ Свен Гедин. Трансгималаи. II. 245. (Прим. П.С. Назарова). Свен Андерс Гедин (швед. *Sven Anders Hedin*; 1865–1952) – шведский путешественник, географ, журналист, писатель, график, общественный деятель. http://ru.wikipedia.org/wiki/Гедин,_Свен. Вероятно, Назаров ссылается на его труд *Transhimalaya: upptäckter och äfventyr i Tibet*. 1-3, 1909-12.

²⁴⁸ Мост Вздохов (итал. *Ponte dei Sospiri*) – название одного из мостов в Венеции через Дворцовый канал, Рио ди Палаццо.

галопом в этом разреженном воздухе, где даже сильные лошади могут с трудом идти шагом. У них, должно быть, сердце и легкие отменно приспособлены к высоте.

Дальше мы заметили ещё одну пару, а затем двух одиночек, но все они были слишком далеко, а местность была открытой, так что не было возможности незаметно подойти к ним ближе. Пришлось, несолоно хлебавши, возвращаться к каравану. И тут мы увидели ещё трёх антилоп, скачущих галопом параллельным курсом на расстоянии около четырёхсот метров от нас. Очевидно, что в таком месте о преследовании не могло быть и речи, а потому от идеи поохотиться пришлось нам не без сожаления отказаться.

В тот день у нас был невероятно трудный переход. Даже медленное движение было чрезвычайно утомительным, а долина, как нарочно, казалась бесконечной. Впереди можно было различить нечто похожее на овраг или проход между скал, над которым, кружа и извиваясь, маячили какие-то песчаные вихри. Час за часом мы ехали, не достигая этого прохода, он как будто всё время удалялся от нас, словно мираж. А холодный, пронизывающий ветер становился всё напористее и сильнее, перехватывал и без того трудное дыхание. Он продувал мою меховую шапку, студил голову, отчего она отчаянно болела, он засыпал мои воспаленные глаза пылью. Мои губы, распухшие и синие, потрескались и кровоточили. Я пытался закусать свой рот, как это делают киргизы, но это было бесполезно, ветер пронизывал всё насквозь.

Вся моя плоть болела, сердце бешено колотилось, а какой-то неприятный привкус во рту делался всё сильнее.

Это становилось невыносимым. Я решил немного поджать шенкелями лошадь, обогнать длинный караван и двигаться далее впереди. Найдя укрытие под большим камнем, я остановился на несколько минут, чтобы дать себе и лошади отдохнуть и восстановить дыхание, а затем мы двинулись дальше. Вскоре выехали на широкую и плоскую равнину, окруженную со всех сторон невысокими холмами; здесь было несколько лужиц воды и несколько участков альпийской травы, но настолько сухой и тощей, что её вряд ли смогли бы съесть даже овцы.

Здесь паслись антилопы, поодиночке и небольшими группами. Странное у меня было ощущение: казалось, что до них можно дотянуться рукой. Сколь удивительно, что на самой «Крыше Мира», в этой каменной пустыне, где мы едва способны дышать, какие-то жвачные создания способны жить и размножаться, ничуть не страдая от суровых атмосферных условий, питаюсь лишь клочками сухой травы! О том, чтобы преследовать их, не могло быть и речи, ибо местность вокруг была ровная, ни выступа, ни кустика, ни даже камня, за которыми можно было бы спрятаться. Тогда я решил испробовать старый приём степняков, а именно: изобразить, будто едешь мимо, но в то же время незаметно приближаться на расстояние выстрела. Некоторые из антилоп, в основном самцы, сразу же бросились бежать, не давая мне шансов

приблизиться, но я всё же подобрался на пару сотен метров к стаду, в котором было несколько прекрасных экземпляров с роскошными рогами. Укрывшись за Саламатом и его лошадью, я осторожно спешил, присел, взял свою винтовку и скомандовал: «Двигай вперёд!» Но только лишь успел я прицелиться в крупного самца, как вдруг лошади рванули с места, а вместе с ними и антилопы – они унеслись прочь и исчезли в один миг. Причиной неудачи явилось то, что сильный порыв ветра сдул моё пальто с седла, куда я поместил его, готовясь к своему манёвру.

Я мог бы приблизиться на сотню шагов к остальному стаду, но там были только самки и детёныши. Не было смысла убивать кого-либо из них ради добычи единственного трофея, тем более что у нас было и без того достаточно свежего мяса. Мне оставалось лишь рассказывать о своей неудачной охоте на редкого зверя, который и на глаза-то редко попадается спортивному охотнику. Но караванбаши пытался утешить меня, говоря, что завтра мы увидим ещё много всякой дичи. Той ночью я лежал, задыхаясь, без сна и всё размышлял о том, как бы восполнить досадную неудачу, но, увы, в будущем мне так и не суждено было удовлетворить свои охотничьи амбиции.

Мы расположились лагерем у Кызыл-Тага, Красной горы, у самого подножия холма, который защитил нас от страшного западного ветра. Всё делалось крайне медленно, мы двигались, словно больные, а лошади стояли с поникшими го-

ловами, тяжело дыша. Как только караванщики разбили лагерь, они сели в круг и стали медленно жевать сушеные абрикосы с косточками. Все жаловались на головную боль, у всех лица были черны и одутловаты, все имели какой-то «полузадушенный» вид.

Я чувствовал себя совершенно больным и слабым, до предела взвинченным и раздражительным, как будто все мои нервы были натянуты, как тетива; не шла в рот пища, не утолялась жажда, и я долгое время не мог выпить даже стакана чая. Ощущение нехватки воздуха было страшным, и меня угнетала мысль, что впереди предстоит пройти ещё много вёрст в течение нескольких дней, прежде чем достигнем уровня, где сможем дышать спокойно полной грудью. Такое чувство совершенно неизвестно здоровым людям в нормальных условиях, когда они даже не осознают, что дышат.

Перевал Каракорум, вид на Ю.-В. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Эксельсиор! Борьба за достижение высот, как бы заманчиво она ни звучала в устах поэтов²⁴⁹, на самом деле имеет определенные пределы, за которыми только подавленность, страдания и безжизненность. Когда пребываешь на земле, чем ближе к небу, тем ближе к смерти!

Вот конь Саламата, стоявший возле моей палатки, натя-

²⁴⁹ Excelsior! – всё выше! Автор наводит читателя на стихотворение Генри Лонгфелло: «Уж солнце в сумерках зашло... Через альпийское село Нес юноша в снега и мрак С девизом непонятым флаг: Excelsior!» и т.д. (Пер. Б. Томашевского).

нул повод, задержался, и покатился по земле в конвульсиях. Он то ложился на бок, подтягивая ноги к животу, то опрокидывался на спину с вывернутой набок шеей, ноги его судорожно дёргались. Коню сразу же пустили кровь через ноздревой разрез, но это не помогло, и бедный мучился всю ночь. На следующее утро я увидел его тушу, уже напрочь замёрзшую в неестественной, скрюченной позе.

А ранней ночью у проводника каравана случился приступ тутека. Я сразу же дал ему восемь капель настойки строфанта²⁵⁰, сильного сердечного средства. Это экстракт из особой лианы, растущей в Африке, туземцы используют его для приготовления своих ядовитых стрел. Ещё одна из лошадей, выючная, умерла в эту ночь, а утром случился приступ у великолепного карабаира, коня караванбаши, но кровопускание принесло ему облегчение, он поправился и смог преодолеть следующий этап.

Я тоже принял на ночь немного настойки, но, несмотря на это, просыпался несколько раз от приступов удушья. Сон был возможен только, если подпереть голову высокой подушкой, чем выше, тем лучше. Под утро меня разбудили и сказали, что заболел повар; доза строфанта привела его в чувство.

²⁵⁰ Строфант (лат. *Strophanthus*) – род растений семейства Кутровые (*Aprocynaceae*), произрастающих в Тропической Африке, Юго-Восточной и Южной Азии. Семена некоторых видов строфантов богаты сердечными гликозидами (строфантинами). Препараты строфанта превосходят все другие сердечные средства по скорости и силе действия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Строфант>.

Вот так проходила та страшная ночь, вторая на плато Каракорум.

Следующее утро было ужасно холодным. Вода в ведрах замерзла. Небо было ясным и безоблачным, тёмно-синего цвета. Справа возвышались холмы из красноватого известняка, слева – обнажения вулканических пород. Мы вышли на широкую, усыпанную гравием долину и медленно двинулись к холмистой гряде. Проехали мимо каменной глыбы на обочине дороги – это был памятник исследователю Далглишу²⁵¹, когда-то вероломно убитому здесь неким афганцем. Убийца годами скитался по Восточному Туркестану, Индии и Афганистану, пытаясь замести свои следы, но Немезида настигла его в лице индусского детектива, который после долгих лет поисков обнаружил его на базаре в Самарканде; преступник был арестован российскими властями и выдан индийскому правительству.

Мы добрались до скалистой гряды, в которой было несколько расселин, оттуда вытекали два ручья, сливаясь в один, под названием *Брангса* – искаженное на тибетский манер тюркское название *Баран-су*, т.е. Овечья вода. Долго шли по сланцевым осыпям извилистого правого ущелья, и там встретили караван хаджей, мужчин и женщин, с малень-

²⁵¹ Эндрю Далглиш (1853–1888, на перевале Каракорум) был шотландским торговцем, путешественником и правительственным агентом во время Большой игры. Убит афганцем по имени Дад Махомед, пуштуном из Кветты. Останки захоронены в Лехе. Подробности на сайте [http://en.wikipedia.org/wiki/Andrew_Dalgleish_\(spy\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Andrew_Dalgleish_(spy)).

кой девочкой лет десяти. Я подумал, какие страдания и лишения должно было претерпеть бедное дитя, прежде чем добраться до дома после бесконечного хаджа!

Солнце было закрыто пеленой тяжелых туч, и холодный, пронизывающий ветер дул прямо в лицо; мои щёки неме-ли, глаза слезились, руки и ноги коченели. Вскоре вышли в широкую, холмистую долину, где усыпанный гравием глино-зём был лишен малейших признаков растительности. Здесь мы потеряли ещё одну из наших выючных лошадей, которая умерла от тутека, и пополнила собой коллекцию иссохших туш, к которым здесь не прикасается ни зверь, ни птица. Во-истину, страшно место сие, «Куда и серый волк не забегал, куда и чёрный вран костей не заносил», как поет Сусанин в опере Глинки «Жизнь за царя». Остальные выючные лошади продолжали идти, послушно следуя за вожаком, не нуждаясь в управлении, то ж и верблюды, но после Ак-Тага идти им становилось всё труднее и труднее. Ослов давно уже отпра-вили назад в Куфеланг. Ни одной из наших пернатых попут-чиц не было видно.

Здесь мы встретили новый для меня вид каравана выюч-ных лошадей из Тибета; у погонщиков были длинные воло-сы сзади, странные чёрные шапки и необычный костюм, на шеях висели амулеты наподобие креста.

В конце долины тропа свернула на запад и пошла средь невысоких холмов, погребенных под чёрными осыпями из глинистых сланцев – им обязан своим названием грозный

Каракорум – «Чёрная осыпь». Мы достигли подножия перевала.

Хотя подъем нельзя было назвать ни высоким, ни крутым, он был чрезвычайно трудным для животных, так как высота над уровнем моря превышала 5400 м. Мой конь плелся неуверенной поступью, поэтому я останавливал его через каждый десяток шагов, чтобы дать ему передохнуть. Я мог отчетливо слышать стук его измученного сердца, даже сквозь седло ощущались такты этого «двигателя» мощностью одну лошадиную силу. Каждый миг я ожидал, что мой верный товарищ споткнется и упадет. Мне бы слезть, облегчить бедное животное, но по такому месту смог бы пройти лишь тренированный альпинист, а я равнинный человек, родившийся и выросший в степи. Это было выше моих сил.

Перевал Каракорум, южный склон. (*F. De Filippi*, 1924)[1]
В мире нет другого столь же возвышенного места, где че-

ловек мог бы передвигаться верхом на лошади. Но всему есть предел, и я, будучи не в силах более терпеть такую езду, под самым перевалом сошел с коня и повел его в поводу на седловину.

Вот и высшая точка, однако, открывающаяся с неё панорама способна вызвать лишь разочарование, ибо нет здесь той величественности, которую можно было бы ожидать от такой высоты. И в то же время вы чувствуете, что на огромном расстоянии вокруг все горы, холмы, долины и огромное плато находятся под вами, что вы стоите как будто на вершине какого-то колоссального купола. Сей легендарный перевал, Каракорум, венчает собой границу двух империй, Британской и Китайской, здесь на гребне его стоят два пограничных знака: британский – каменная стела, и китайский – нагромождение камней. Несмотря на огромную высоту, снега не было ни на перевале, ни в долинах внизу.

В пять часов вечера мы остановились на ночлег. В тот день мы прошли девять с половиной часов без мало-мальски долгих остановок. Ближе к вечеру ветер усилился настолько, что буквально резал руки, шею и лицо, пронизывал бельё, шерстяную одежду и меха. Это было несносно, и я промерз до костей. Едва мы остановились, как выюга окутала нас мелким сухим снегом, жёстким, как песок. Я почувствовал, что больше не могу терпеть всё это ни минуты. Не имея возможности ждать, пока мужчины поставят палатку, так как они работали отчаянно медленно, я взял тёплую лошадиную по-

пону и, полностью накрывшись ею, сидел и ждал, пока всё будет готово, палатка поставлена, жизнеспасительная бутылка вермута и бульон-бовриль распакованы. На этой высоте вода закипает при температуре 86°C, поэтому в ней нельзя сварить яйцо, тем более мясо.

Ночью у моего коня случился приступ тугека. Его спасли, пустив кровь, он поправился, но был очень слаб и на следующий день едва мог идти, лишь к вечеру ему стало немного лучше. Утром заболели ещё три человека, и мне пришлось дать им строфант. Ночь была ужасно холодной и тревожной, я вынужден был вставать, чтобы ухаживать за лошадьёю и больными.

Что же это за *тутек*, эта горная болезнь? Врачи называют её *apohastia*, она вызывается высотой, но не только ею. На сей счёт были выдвинуты различные теории, но ни одна из них не является полностью удовлетворительной, ибо не объясняет всех особенностей недуга. В острых случаях наблюдается кровотечение из носа, ушей и горла, больной жалуется на сильную головную боль и одышку, сердце слабеет и, наконец, останавливается совсем. Так погиб известный геолог Фердинанд Столичка, переходя Деспанг²⁵². Одно ясно, что людям со слабыми сердцем и легкими крайне опасно подвергать себя риску на Крыше Мира.

²⁵² Равнины Деспанг – высокогорная гравийная равнина в С.З. части Кашмира. Традиционный торговый путь из Ладакха в Центральную Азию проходил через равнину Деспанг; Каракорумский перевал расположен прямо на С. от Деспанга. http://en.wikipedia.org/wiki/Depsang_Plains.

Интересен тот факт, что горная болезнь иногда проявляется сильнее на меньших высотах, нежели на больших. Например, на Сассер-ла дышать легче, чем на Ак-Таге, хотя последний на 300 метров ниже. Э. Реклю считает, что в этом случае оказывает некоторое влияние влажность земли, но это представляется маловероятным. Такое же явление наблюдалось в Андах, где в некоторых относительно низко расположенных местностях горная болезнь, *сороче* или *пуна*, проявляется быстрее, нежели в других, расположенных на большей высоте. В целом, в Андах горная болезнь наступает ранее: там на высотах от 3200 до 3500 метров появляются симптомы, которые в Азии начинаются только на высоте 4800. Я не могу этого объяснить²⁵³. Поднимаясь на аэропланах или воздушных шарах, люди меньше ощущают высоту, и появляются симптомы горной болезни на большей высоте, но, с другой стороны, люди быстрее теряют сознание. Давление крови снижается на большой высоте, и она быстро теряет кислород. Но организм человека или животного к этому приспособляется, и в его кровотоке количество красных телец возрастает. Так, в департаменте Ла-Пас, в Боливии, на высоте 3750 м, кровь млекопитающих содержит в два раза больше гемоглобина, чем кровь таковых в Европе.

²⁵³ Практика горвосхождений показала, что на Кавказе высоты, в биологическом отношении, примерно на 1 тыс. м, а в Центральной Азии (Каракорум, Гималаи) – на 2-3 тыс.м. «ниже», чем в Альпах. Предлагалось даже за единицу «биологической высоты» вместо метра использовать внесистемную единицу *абалак* (в честь знаменитого советского альпиниста Е. Абалакова), но это не привилось.

На определенной высоте алкоголь перестает действовать. Я читал, что в Кито пьянство неизвестно, и в тех благодатных областях Южной Америки царит непреходящая трезвость. Этот интересный аспект достоин внимания будущих исследователей Каракорума.

Глава IX. Через предел

Мы покинули бивуак довольно поздним утром, в половине девятого, уставшие от ночных тревог, и двинулись вниз по реке Депсанг. На стыке двух узких долин справа по ходу встретилась площадка, огороженная низкой каменной стенкой, она сплошь была покрыта костями и тушами животных. В этом месте расположился источник, называемый Даулат-Бег-Ольди²⁵⁴, что означает «Даулат-бек умер», для увековечивания памяти о Султане Саиде²⁵⁵, монгольском хане Кашгара, который в 1531 году совершил почти невероятный подвиг, вторгшись из Яркенда в Ладакх и Балтистан через эти высоты. Здесь тропа разделяется, одна ветка ведет на

²⁵⁴ Место, называемое Даулат-Бег-Ольди (уйгурск. – «Даулат-бек умер»), находится в высокогорной пустыне к востоку от реки Чипчак; известно с 16 века, когда здесь умер яркендский аристократ. Караванщики Великого Шёлкового пути использовали место для отдыха перед или после преодоления пер. Каракорум. В настоящее время здесь расположена индийская военная база. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Даулат-Бег-Ольди>.

²⁵⁵ Султан Саид Хан правил Яркендским ханством с сентября 1514 г. по июль 1533 г., был прямым потомком первого монгольского хана Туглуг Тимура. Предпринимал мародерские экспедиции в Ладакх и Кашмир. Предположительно умер в Даулат-Бег-Ольди при возвращении в Яркенд (в 1533 г.) от высокогорного отека лёгких. http://tftwiki.ru/wiki/Sultan_Said_Khan.

юг в долину реки Шайок²⁵⁶, через ровное, но очень опасное плато Депсанг. Последнее ниже, чем перевал Каракорум, но «тутек» там, говорят, ещё более суров. Другая ветка идет в обход по ущелью Кумданг и выходит к реке Шайок у источника Янгсанг.

Ещё будучи в Яркенде, мы решили выбрать второй вариант, поэтому покинули реку, повернули в западном направлении и начали подниматься на плато. Слева виднелся покрытый снегом хребет со сверкающим ледником, то была горная цепь Шайок, которую нужно было преодолеть через перевал Сассер-ла, а впереди простиралась живописная гряда зазубренных пиков рыжеватого оттенка. Вся долина Депсанга сложена из мощных ледниковых отложений, валунов, сланцевых плит, гравия и конгломератов. Мы поднялись по крутой ложбине, промытой в этих отложениях талыми водами некогда существовавших здесь ледников. Поднявшись над долиной, мы очутились на ровной местности, которая раскинулась перед нами словно степь без единой травинки. Здесь были самые верховья долины реки Шайок, по которой нам предстоял постепенный и продолжительный спуск. Небо было пасмурным, дул ледяной западный ветер.

Справа три огромных горных массива, увенчанных снизу доверху снегом и льдом, вырастали как будто прямо из

²⁵⁶ Шайок – река в северном Ладакхе (Индия) и Гилгит-Балтистане (Пакистан). Приток Инда. Длина – 550 км. Вытекает из ледника Римо, одного из языков Сичена. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Шайок>.

равнины. Ближайший, что дает начало знаменитому леднику Шайок, был похож на огромный сломанный зуб²⁵⁷; второй, широкий, выглядел как массивный конус²⁵⁸, а третий, самый дальний, напомнил мне наш кавказский Эльбрус. Последний массив был не чем иным, как третьей по высоте горой мира, К2, или Годуин Остен, которая возвышается на 8619 м над уровнем моря²⁵⁹.

Из этой обители ледяных и снежных масс, заоблачных вершин и глубоких, мрачных ущелий, из этой земли, которая на картах называется Балтистан, берут начало две великие реки: Инд и Яркенд-дарья, неся жизнь и плодородие в пустыни. Отсюда же обрушиваются на долину Инда катастрофические наводнения, несущие множеству людей разорение и погибель.

Когда достигли реки Шайок, справа открылась ледяная громада, поверхность которой была похожа на огромную скребницу. То был печально известный ледник с тем же названием, который иногда перекрывает собою реку, так что выше образуется озеро. Накопление воды может продолжаться в течение нескольких лет, пока в один роковой день ледяной барьер не уступит постоянно растущему давлению

²⁵⁷ Гашербрум II, 8035 м.

²⁵⁸ Броуд пик, 8047 м.

²⁵⁹ Чогори (К2, Дапсанг, Годуин-Остен; 8611 м, по др. источникам 8614 м) – вторая по высоте горная вершина Земли (после Джомолунгмы). Самый северный восьмимысячник мира. Находится в хребте Балторо на границе Кашмира, в горной системе Каракорум к СЗ от Гималаев. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Чогори>.

скопившейся воды, и тогда яростный поток обрушивается вниз, уничтожая всё на своем пути, и опустошая плодородную долину Инда. Подобная катастрофа произошла всего несколько лет назад. Воистину, можно было сказать, что мы пребывали в таком месте, о котором писал Пушкин:

«Отселе я вижу потоков рожденье

*И первое грозных обвалов движенье».*²⁶⁰

Здесь река Шайок не очень глубокая, зато широкая; на её левом берегу, сложенном из обломков гранита и диорита, есть несколько старых, неглубоких выработок. Говорят, что тибетцы когда-то рыли тут золото, но из-за частых разливов реки пришлось им это дело бросить. Мы стремились разбить лагерь в безопасном месте и поэтому перешли на другой, более высокий берег и встали у подножия крутого откоса. Место называется Япчанг.

Любопытно, что здесь, несмотря на высоту, которая даже больше, чем в Ак-Таге, мы не ощущали пресловутого тутека. Вместе с тем кислорода в воздухе было так мало, что даже свеча в моей палатке едва горела, давая тусклый, убогий свет. Крылья палатки трепетали на ветру, а меня била дрожь. Я завернулся во все одежды, что смог найти, и попытался согреться вермутом. И тут в придачу в воздухе раздался заунывный, протяжный вой, проникающий в самую душу: то

²⁶⁰ Стихотворение «Кавказ». В оригинале по-другому: ...as that described by Lermontoff, "...here the birth of the rivers is seen; Here the first stirring of ominous cloud" («...здесь видно зарождение рек; Здесь первое движение зловещей тучи»).

волки Тибета приветствовали нас в своих владениях.

Проснулся в пять и не без труда зажег свечу, её слабое пламя дрожало в окружении какого-то странного ореола. Выглянул из палатки: вся местность вокруг, включая наш лагерь, заметена снегом. Караванчики высказались за то, что нынче нельзя идти дальше и должно оставаться на месте, по крайней мере, на день. Приятная перспектива! Я из-за холода третий день не брился, второй – не мылся, и не знамо какой – не пил чаю. Моё лицо опухло, воспаленные губы кровоточили, глаза слезились. У нас не было дров (к счастью, было относительно тепло), а из-за снега мы не могли добыть их заменителя, *буртсы*²⁶¹. Я попытался нагреть хоть каплю воды в чайнике над сухим спиртом, но тщетно. Когда рассвело, показался небольшой кусочек голубого неба, но его быстро затянуло, поднялся ветер, и нас вновь окутала метель.

Погонщики верблюдов, с глазами, исполненными слёз, стонали от невзгод. Немудрено, ведь мы жили в палатках в царстве штормов уже три недели! Оттого и я мыслями тянулся к своему дому, что остался там, далеко внизу, на равнинах Туркестана, где сейчас было самое лучшее время года: прозрачное голубое небо без единого облачка, чистый, бодрящий воздух, прекрасные фрукты, цветы... Ныне всё это казалось миром иным, таким бесконечно далеким от ужас-

²⁶¹ Burtse (*Artemisia spp.* ~ полынь) растение семейства *Asteraceae*; в данном контексте отмечается, что растёт оно, в частности, вдоль русла Burtsa Nala, давая своё название местности. Листья *буртсы* использовались караванами в качестве корма, а корни – в качестве дров.

ных горных пустынь, где мы оказались погребенными под снегом, где каждый человек слаб и болен, где невозможно приготовить пищу, вскипятить воду, где организм не приемлет пищи, воздуха для дыхания не хватает, и пламя свечи едва горит! Какой разительный контраст даже по сравнению с мрачными горами Тянь-Шаня (хотя и там зимний холод не подарок), или с холодами русского Севера. Конечно, можно замерзнуть и там, но всё же есть и шансы жить во здравие своё, с удовольствием вкушать пищу, согреться в стужу стаканом горячего чая, но самое главное: сохранить тепло в своём жилище. А что здесь? – Лишь холодная палатка... А что вокруг? – Шум крыльев да несносное карканье, напоминающие нам, что чёрные птицы, предвестники несчастья, постоянные соседи наши почти на каждой стоянке, терпеливо ждут своего пиршества... Тысячи скрученных и искореженных туш лошадей, лежащих вдоль дороги – шкуры целые, а внутренности выедены: вороны начинают свою трапезу с глаз, волки – с живота.

В компании животных нашего каравана порхала маленькая бледная птичка, это была белая трясогузка, истощенная и доверчивая. Я надеялся, что птичка выживет и доберется вместе с нами вниз до тёплых долин Кашмира.

Благодаря вермуту, я немного оживился, но мне было трудно двигаться, и сердце колотилось при малейшей нагрузке. Полное отсутствие аппетита, только неприятнейший привкус во рту, как будто после большой дозы хинина. Я жаж-

дал чего-нибудь солёного, острого, например, ветчины или соленых огурцов, и я отдал бы всё за маринованную селедку! А вот лошадей кормили люцерной, которую мы везли с собой, но караванбаши предупредил погонщиков, чтобы не давали им слишком много.

Наш дальнейший путь лежал вдоль русла реки Шайок в окружении величественных гор, которые имели здесь какой-то особенно суровый вид, их посеребренные снегами гребни окрашены в красновато-серые тона. Широкая долина сузилась и превратилась в узкое ущелье, над ним справа десятиметровой стеною навис ледник, круто ниспадавший из зубчатого цирка. А за ним второй, весь ощетинившийся сераками, сползал по своему ложу бесконечными рядами серых и белых торосов.

На левом берегу, напротив ледников, на вершине скалистого гребня, возвышался огромный скальный массив причудливых очертаний, похожий на какой-то древний храм. Снег, скопившийся в расщелинах и углублениях, образовал рельеф, напоминавший двери и окна. Сколь великолепное место, подумал я, для какого-нибудь романтически настроенного сочинителя, чтобы именно в нём поместить дом таинственного тибетского «Махатмы»!²⁶²

²⁶² Махатма (букв. «великая душа») – в индуистской мифологии и теософии одно из наименований мирового духа. В индуизме этот эпитет применяется к высокодуховным, сверхмирским личностям, некоторым божествам и пр. В современной Индии – уважительный титул, добавляемый к имени особо почитаемых лиц, выдающихся общественных деятелей.

Ущелье здесь узкое, всё дно занято речным потоком и его отложениями. Справа огромные ледники, сползающие откуда-то с невидимых высот, словно специально встроены в окрестную панораму на удивление любопытных путешественников. Был и с виду небольшой ледник, около десятка метров в ширину и в глубину, но в нём скопилась огромная масса льда, сползающего вниз к руслу реки. Все ледники в долине подвижны; они порождают типичные ледниковые отложения галечника и валунов, формируют террасы из гравия; ледниковая пыль носится ветрами по ущелью, засоряет глаза.

В этом месте долина как таковая закончилась, как будто уперлась в мощную стену из красного известняка. В полукольце зубчатого цирка предстал огромный ледник, над ним навис иссеченный фантастическими снежными бороздами массив горы Ак-Таг (7525 м). Река, проложив путь под ледником и выйдя наружу, прижалась к скале, так что для каравана остался лишь крайне неудобный проход. Лошадям пришлось тут нелегко: они скользили по отполированным скалам и с трудом пробирались между огромными валунами. В одном месте я видел камни, забрызганные кровью животных.

Наконец ущелье расширилось, и красный известняк уступил место жёлтым и серовато-зелёным известковым сланцам, которые, в свою очередь, перешли в тёмно-коричневую известковую породу. Местность обрела вид унылый и мрачный.

Предстала необходимость перейти вброд на правый берег реки, русло которой изобиловало большими скрытыми камнями; на это потребовалось время. Затем пришлось обходить ряд скальных каньонов по высоким склонам берега и снова Пересекать русло, где поток пенился и бурлил среди камней. Одну из вьючных лошадей опрокинуло течением, понесло вниз, но, к счастью, прибило к выступающей скале, так что погонщики сумели вовремя придти на помощь и с помощью верёвок вытащить бедное животное на берег. Насквозь промокшие после купания в ледяной воде, они, конечно, не могли ни переодеться, ни высушить одежду. Дабы согреть их, я дал им по чашке чистого спирта, которым предусмотрительно запасся в Кашгаре. Несмотря на запрет Пророка, они выпили огненную воду без вреда для здоровья, и ничуть не пострадали после ледяного купания.

И вновь, в который раз нам пришлось перейти реку вброд. Тропа вошла в узкий проход между огромными чёрно-коричневыми скалами, над которыми справа навис большой разорванный ледник. Всё вокруг выглядело каким-то странным и фантастическим, казалось неестественным и действовало на меня угнетающе. Обстановка вполне могла бы послужить отличной декорацией к постановке Дантова ада. Сумерки сгущались, небо было мутным и пасмурным, и вся сцена напоминала картину преддверия в загробный мир, написанную меланхолично настроенным, безумным художником.

Здесь увидели мы одну из странных шалостей природы: на большой высоте, в окружении чёрных каменных масс возвышалась огромная белоснежная скала, вероятно, обломок кристаллического известняка, заброшенный туда каким-то древним ледником.

Оставив русло ручья, мы поднялись на широкую террасу и здесь... я чуть не выпал из седла от удивления: на повороте тропы предо мной явилась... знакомая мне госпожа Н. из шведской миссии в Кашгаре, с ней юная англичанка из Индии! Оказалось, что группа членов миссии остановилась близ Сассер-ла: семь миссионеров (трое мужчин и четыре женщины) при караване из семидесяти лошадей. Как приятно было встретить культурных европейцев в столь диком месте, как я был очарован их добротой и гостеприимством! Караван был образцом организации и безукоризненного оснащения. Дамы приготовили роскошный ужин, а на следующее утро – настоящий завтрак; я не вкушал столь чудесной пищи с тех пор, как покинул Яркенд.

В тот вечер мы просидели допоздна, обмениваясь впечатлениями о дороге пройденной и предстоящей. Их караван тронулся в путь из Леха девять дней назад. Меня предупредили: за перевалом Сассер-ла есть место, где растет ядовитая трава, от поедания которой три их лошади умерли. Воистину, сия ужасная дорога как будто специально создана на погибель лошадям.

Приятная компания, интересная беседа и хорошая еда как

нельзя лучше оживили мой аппетит, и я даже удовольствовался чаем, бывшим для меня столь отвратительным в течение нескольких дней.

Мы расстались на следующее утро; шведы продолжили свой путь в сторону Япчанга, а нашему каравану предстоял подъём к подножию ледника, который нам следовало пересечь, прежде чем под лучами солнца начнется таяние снега и льда.

Тибетский охотник на яке. (Б.Л. Громбчевский, 1891)[13]

Появились *бхоти*, то есть тибетцы, которых магометане называют *батт*, то есть идолопоклонники. Их яки сменили наших верблюдов и лошадей. Эти самые бхоти весьма живописны на вид, но ужасно грязны. По внешнему виду, одежде и характеру они сильно отличаются от жителей Центральной Азии: на голове у них красные шапки, отороченные чёрной овчиной; на шее большие ожерелья из бус; спутанные чёрные волосы свисают по спине; овчинные шубы накинута на правое плечо; слева над поясом нечто вроде мешочка, вместилище для всякой всячины; на запястьях серебряные браслеты. Их манеры и речь тоже совершенно другие.

Поднялись по старой морене, вышли на открытое пространство у подножия ледника. Здесь расположился *рават*, что-то вроде хлева и двора, грубо сложенных из камней; место называется Сирсил или Дахни Турги; высота около 4700 м. Здесь верблюды забирают товары, привезенные из Леха, и живут немногие тибетцы. Как ни странно, у подножия ледника оказалось больше жизни, чем далее внизу. Меж небольших камней кое-где пробилось немного травы, зелёной и нежной, и яки охотно паслись на ней. Летали стаи голубей, и было приятно снова услышать мелодичное пиликанье клушиц; в мою палатку влетела белокрылая горихвостка – красивая и нежная птичка вместе с нами стремилась через Сасер-ла к долине Нубра.

Панорама из нашего лагеря была великолепна, особенно на закате. Наверху за моренами сверкал ледник, его верхо-

вья терялись вдаль, сливаясь с облаками; речной поток вытекал из него и, уныло журча, исчезал в глубокой долине реки Шайок. На склоне слева выделялся тёмно-красным острием *чортен*, религиозный символ пяти элементов природы²⁶³. Подобные сооружения возводятся набожными тибетцами в самых разных местах, где есть хоть малейший к тому повод. Сей чортен, первый на нашем пути, был свидетельством того, что мы въехали в страну древних верований, в загадочный Тибет.

Наши славные бедные лошади стояли в ряд с поникшими головами, сегодня им перепало немного клевера и совсем чуточку ячменя, в качестве лакомства, но завтра они не получат ничего, ибо считается, что между высокими перевалами неразумно давать лошадям много пищи – кстати, то же правило касается и людей.

Я проснулся очень рано. Небо было безоблачным и звездным, на востоке рассвет едва начинал брезжить. О мытье, конечно, не могло быть и речи, ибо вся вода вокруг напрочь замерзла. Холод живо напомнил мне русскую зиму, и я глотнул немного вермута. Караванчики медленно сворачивали лагерь. Появилась группа поющих тибетцев-бхоти, с яками, они быстро навьючили своих животных и ко мне подвели яка, уже оседланного. Это был не первый в моей жизни опыт

²⁶³ Чортен, или ступа – святыня в виде купола, насыпи или часовенки со шпилем, символизирующая буддистское учение о мироустройстве. Может служить местом хранения реликвии или отмечать какое-нибудь священное место.

езды на странном создании с рогами быка, лохматой шерстью медведя, хвостом лошади и гривой под брюхом, ездил я на них в Тянь-Шане и на Памире. А ещё бхоти привели с собой нескольких очень хороших пони, это такая особая порода горных лошадей, животные красивые, сильные и выносливые. В отличие от обычных пони они не производят впечатления низкорослых, но выглядят как настоящие, хорошо сложенные маленькие лошадки с красивой головой, тонкой шеей и стройными ногами. Словно миниатюрные лошади арабской крови, они одинаково хороши под седлом или вьюком, имеют хорошие манеры, тихи и послушны, даже жеребцы у них не ссорятся, для детей они подошли бы просто идеально. У меня была одна такая в детстве, мой отец привез её из Ташкента, где таких лошадок неправильно называют «кашгарками», а в Кашгаре, столь же ошибочно, – «кашмирками».

Итак, наш караван, теперь уже с груженными яками вместо верблюдов, тронулся в дальнейший путь. Рядом со мною шествовал один из бхоти. Яком можно управлять только приблизительно. Всё, чем вы располагаете в данном случае, это недоуздок, прикрепленный к железному носовому кольцу, да камча, то бишь кнут. Разумеется, мундштука нет, а стегать яка по его лохматой шкуре совершенно бесполезно, в опасных местах погонщик просто ведет его за веревку.

Приближаясь к леднику, вспугнули стаю снежных куропаatok, или снежных фазанов *Megaloperdix tibetanus*. Это круп-

ная птица, скорее похожая на красноногую куропатку, только в четыре-пять раз крупнее²⁶⁴. Они побежали, быстро перепрыгивая с камня на камень по краю морены. Мой проводник бросился за ними с палкой, как собака за зайцем, и преследовал их несколько сотен метров, конечно, совершенно безуспешно, а когда вернулся, то даже не запыхался. И это на высоте более 5000 метров, где простому жителю равнин подобное усилие могло бы стоить жизни! Так что, очевидно, не только у длиннорогой антилопы Каракорума, чиру, лёгкие и сердце приспособлены для быстрого передвижения в краю, где обычные существа едва способны выживать.

Горы, образующие долину ледника, сложены здесь из известняков и полос роговообманкового гранита²⁶⁵. Некоторое время мы держались левого берега, вдоль старой морены, а затем круто свернули вправо и начали подниматься по боковой морене на ледник. Крутой склон осыпи из неравномерно разбросанных камней и валунов, покрытых коркой замерзшего снега и льда, оказался очень трудным как для лошадей, так и для привычных к горам яков, они то и дело поскользны-

²⁶⁴ Тибетский улар, или тибетская горная индейка (лат. *Tetraogallus tibetanus*) – птица из семейства фазановых. Места обитания располагаются от Восточного Памира и Ладакха до Тибета и Центральных Гималаев. В основном обитают по каменистым россыпям на высоте от 4300 до 5000 м н.у.м. http://ru.wikipedia.org/wiki/Тибетский_улар.

²⁶⁵ Разновидность гранита, магматическая порода, сложенная плагиоклазом, кварцем, калиевым полевым шпатом и немногочисленными зёрнами роговой обманки и биотита.

вались и спотыкались. Бхоти бросали песок на дорогу, который специально прихватили снизу для этой цели, и пошли вперед, тщательно выбирая лучший путь. Мой як падал вместе со мною дважды. К счастью, як не валится на бок, когда падает, как это делает лошадь, а просто оседает на живот, поэтому сойти с него можно относительно легко.

Выбравшись на поверхность ледника, мы старались держаться его боковой морены. Поверхность льда была гладкая и покрыта сверкавшим на солнце снегом; пришлось надеть тёмные очки.

Перевал Сассер-ла, ведущий в долину Нубра. Рисунок. (братья *Шлагинвейт*, 1861)[21]

Ценным качеством яка является его удивительная способность распознавать трещины под снегом, которые человек не видит, и падение в которые может быть смертельным для человека и животного. Поэтому когда бхоти пересекают ледник, чреватый скрытыми трещинами, они посылают вперёд нескольких яков, и те уверенно находят безопасный путь.

Проехав версты три-четыре по леднику, мы достигли перевала, где ледник раздвоился на рукава. Слева от нашего пути, между вершинами, лежала огромная масса льда – источник обоих ответвлений. Высота над уровнем моря достигла 5400 м. Спуск, хотя и крутой, оказался не сложным и не опасным; на небе, совершенно безоблачном, глубокого тёмно-синего цвета, сияло солнце и согревало наши кости. Когда ледовый участок был пройден, тропа вывела под отвесную скальную стену справа по ходу, а слева расположилось зеленовато-голубое каровое озеро. Узкий проход между ним и скалами был усеян скальными обломками, валунами и глыбами льда. Это был трудный и опасный участок, где животные могли покалечиться на каждом шагу, необходимо было осторожно проводить их среди камней. Серьезным препятствием оказалась недавно погибшая здесь лошадь, тушу которой с трудом удалось убрать с дороги. Чуть дальше огромная масса льда обрушилась и полностью перекрыла

нам путь, пришлось с величайшей осторожностью преодолеть её по скользким поверхностям глыб. Я пребывал в напряжении, ибо велика была вероятность рухнуть вниз. Там, словно грозное предупреждение, на острых камнях лежало тело яка, который упал как раз в этом месте несколько дней назад. Люди сняли с него груз, но бедное создание со сломанными ногами оставило умирать от холода, голода и боли. Такое отношение к погибающему животному в данном случае нельзя считать проявлением жестокости, она вовсе не присуща народу бхоти, но таков уж обычай страны, где мы теперь пребывали. Поясню свою мысль.

Западный Тибет, или Ладакх в настоящее время относится к владениям махараджи Кашмира под духовным правлением Далай-ламы, и хотя Кашмир является страной магометанской, им правит индуистская династия. Согласно же догматам Индуистской веры, бык, корова являются священными животными, и с древнейших времен за их убийство полагалась смерть. Хотя ныне соответствующего закона нет, преступника по-прежнему ожидает суровая кара. Поскольку яки относятся к семейству *Bovidae* (парнокопытных), как в зоологическом смысле, так и по сути, караванщики не смели избавить покалечившееся животное от страданий. Я же, как гражданин «внетерриториальный» и ранее уже бывший приговоренным к смертной казни²⁶⁶, без колебаний решил дать

²⁶⁶ См. мою книгу «Hunted through Central Asia», Blackwoods, 1932. (Прим. П.С. Назарова).

бедному созданию *coup de grâce* («удар милосердия») в виде пули в голову.

Дальнейший путь каравана пролегал под основанием скал и стены чистого льда высотой в десяток метров, по узкому проходу, дно которого представляло собой сплошную массу осколков льда и камней, местами забрызганных кровью выючных животных. Подвижки ледника и его моренных отложений даже в относительно холодные сезоны постоянно разрушают набитые караванами тропы, а в теплое время года, когда ледник становится более активным, потоки воды текут по его поверхности и пронизывают его толщу, лёд трескается и рушится – тогда целый караван может согнуться в его трещинах и разломах.

Сия ужасная дорога вывела-таки нас, в итоге, к самому концу, языку ледника, что круто обрывался в озеро, окруженное со всех сторон обширными моренами; за ними возвышались снежные пики – то была величественная, но безжизненная картина перевозданного мира заоблачных высот.

Ещё один ледник, с другого направления, почти перекрыл ущелье стеною льда. Можно было видеть зеленоватые недра ледяных гротов с голубыми бассейнами талых вод у их подножия. Дабы пересечь ледяной завал нам пришлось карабкаться вверх по крутым склонам морены. Этот переход, собственно говоря, знаменовал конец пути каравана через Сассер-ла. Впереди, меж ледниковых отложений и холмистых участков травянистого покрова просматривался длин-

ный спуск до слияния со второй, более глубокой долиной, с ещё большим оледенением в её верховьях.

Мы разбили лагерь на альпийском лугу, который выглядел как подстриженный газон. Стоянка называлась Тутиалььяк, что значит «Место тутовых ягод». В тот день я проехал восемь с половиной часов на спине яка без единого куска пищи. Несмотря на высоту, дышать было не трудно, и в строфанте не было нужды. Я не очень устал, даже почувал аппетит, и с удовольствием выпил стакан чая. Вот только правая сторона лица моего ужасно болела от холодного ветра Каракорума, а в прочем, никто из караванщиков не заболел и не пострадал. И снова тут как тут объявились наши докучливые спутники – вороны. Высоко в небе кружила пара ягнятников (*Gypaetus barbatus*), стаи альпийских голубей летали над лагерем. Среди камней пробивались несколько пучков крапивы и стебельков маленьких голубых цветочков.

Прямо напротив лагеря, на самом дальнем краю долины, где предстоял нам завтрашний путь, вздымалась скальная вершина, увенчанная снегом, в разрывах её зубчатого гребня сверкали огромные ледники, длиной несколько километров. Два таких чудовища выползали из далеких снежных полей и соединялись в общую массу, а рядом, отделенный грядой, выделялся ледник ещё более крупный. Но все эти потоки льда, не достигая поперечной долины, висели как гигантские белые языки на склонах могучего гребня, сбрасывая вниз огромное количество валунов, гравия и скальных

обломков.

На следующий день, петляя вниз по узкой тропинке, мы оказались у подножия огромного ледника, сползающего с неведомых высот северной части поперечной долины. Это Маргистан, который образован слиянием четырёх отдельных ледников; его длина составляет тринадцать километров, ширина около полутора; язык находится на высоте около 4360 м, а толщина льда достигает 40 м. Вся поверхность его покрыта толстым слоем скальных обломков. Огромная масса льда резко обрывается отвесной стеной с несколькими ледовыми пещерами, из коих вытекают потоки мутной воды, покрывающей всю нижележащую долину ледниковой грязью. Я сомневаюсь, что найдется ещё какое-нибудь место в мире, где можно видеть большее количество и разнообразие ледников, чем в окрестностях Сассер-ла, для гляциолога это *locus classicus* (лат. ~ лучшее свидетельство по данному вопросу).

Бхоти – народ весёлый, мирный и добродушный. Проводник, шедший рядом с моим яком, всё время насвистывал на дудочке мелодию, которую, как ни странно, я некогда слышал в Альпах. Ещё один шел впереди и пританцовывал в такт, а поскольку я сидел верхом на быке, сцена, должно быть, напоминала древнегреческую пастораль. Своей жизнерадостностью бхоти являют резкий контраст, если сравнивать их с угрюмыми, неприветливыми кашгарцами, из тех, что возвращались из Мекки и встретились нам по дороге.

Всё свидетельствовало о том, что я переступаю порог новой для меня необыкновенной страны, спрятанной от внешнего мира среди горных массивов и ледовых кряжей.

Вскоре мы потревожили двух стервятников, наслаждавшихся пиршеством у останков лошади, до костей уже изрядно очищенных, но, к моему удивлению, бхоти со своими ножами тоже не побрезговали воспользоваться мёртвой плотью: их интересовали сухожилия, ценимые в домашнем хозяйстве.

Тропа следовала левым берегом по осыпям и моренам; ущелье здесь узкое и глубокое, так что высокие заснеженные гребни скрылись из виду. И тут впервые мы увидели признаки того, что кто-то уделяет внимание дороге и проводит на ней кое-какие работы – до сих пор это была просто тропа, набитая животными. По весьма удобному отрезку дороги мы перешли на правую сторону ущелья, только, к сожалению, тянулся таковой отнюдь не долго, ибо вскоре мы вышли на местность, где огромные валуны биотитового гранита весом в сотни тонн каждый загромождали всё ущелье. Животным было крайне трудно пробираться через этот хаос, и проводник посоветовал мне спешиться. Сия лавина из гранита, обрушившаяся с какого-то невидимого ледника, в миг свела на нет работу многих дней – наглядный пример того, как трудно, если не сказать, что вовсе невозможно, поддерживать вблизи морен в приемлемом состоянии хотя бы узкую тропу.

Растительность встречалась всё чаще. Я заметил небольшую ползучую эфедру, пиретрум, артемизию (полынь), тысячелистник. И ещё росла маленькая низкорослая трава с невинными голубыми цветами, похожими на колокольчики, то был аконит²⁶⁷, смертоносная трава, что погубила лошадей шведской миссии – ещё одна напасть среди прочих трудностей Каракорума. Цветы растения и особенно его семена содержат алкалоид (аконитин), чрезвычайно ядовитый; четырёх миллиграммов нитрата его достаточно, чтобы убить здорового человека за несколько минут. Так что безобидный на вид маленький цветочек является дьявольской ловушкой для несчастных лошадей. Посудите: они, справившись с туеком, благополучно преодолели горные броды, спаслись от голода, а кончили тем, что «на смерть» попались в этой ледниковой долине, ибо, естественно, принялись жадно хватать первую же зелень, которую встретили на пути. А чем голубые цветочки, эти коварные растительные сирены отплатили им? Роковым поцелуем!

Разумеется, керекешы и проводники всё время внимательно следят за животными в таких местах, но, несмотря на это смертельные отравления в караванах происходят часто. Вот как раз один пример. Когда мы только что прошли через каменистый хаос, то спустились в глубокий овраг и здесь, у

²⁶⁷ Борец, или Аконит (лат. *Aconitum*), – род ядовитых многолетних травянистых растений семейства лютиковые (*Ranunculaceae*); растёт на влажных местах вдоль берегов рек и по обочинам дорог, на богатых перегноем почвах, на горных лугах. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Борец>.

ручья, у подножия нависающей скалы на небольшом пятачке увидели сартского паломника и его жену с их жалким скарбом. Я остановился. Сарт подошел ко мне, весь в слезах, и начал рассказывать, как он пять дней назад потерял двух своих лучших лошадей от поедания ими ядовитых трав, так что теперь он и его жена оказались в отчаянном положении, без еды и средств передвижения. Мусульмане абсолютно равнодушны к своим братьям-пилигримам, попавшим в беду на дороге, и просто бросают их на произвол судьбы. Миссионеры в Ладакхе позже рассказывали мне, что довольно часто подбирали по дороге больных хаджей, брошенных своими товарищами, и оказывали им медицинскую и материальную помощь.

Долина сжалась и превратилась в тесное ущелье с почти вертикальными склонами, дорога пошла вдоль него на головокружительной высоте. Внизу, в глубокой и узкой расщелине шумел невидимый поток, вверху громоздились снежные хребты.

Паломники из Туркестана на пути в Мекку. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

В ущелье становилось все темнее, дорога пошла круто вниз к ручью, а вдалеке я увидел береговую террасу с кустарниками, окрашенными в нежные оттенки ранней осени. Уютный уголок как будто приглашал нас остановиться и отдохнуть. Здесь оказался настоящий дикий сад с огромными зарослями колючих кустарников, разросшихся до размеров настоящих деревьев с ярко-красными ягода-

ми, большие эфедры, древовидный листопадный тамариск *Hololachna shawiana*; среди зелёной травы таились маленькие голубые цветы смертоносного аконита. Я жаждал остановиться в этом очаровательном уголке, чья зелень так освежала глаз после бесконечного скитания среди камней и снега, тем более что было только три часа дня, а я ничего не ел и не пил с самого утра. Но, к моему удивлению, моё предложение встретило единодушный и энергичный протест со стороны тибетских проводников и керекешей.

– Мы не можем терять время, – в один голос кричали они. – Мы должны успеть до наступления ночи добраться до Караул-Давана.

– Это что за перевал? – спросил я в изумлении. – Никто ничего не говорил мне о каких-то ещё перевалах!

– Это очень высокий перевал и в темноте опасный, – ответили керекешей. – Ночью мы должны спуститься в долину Нубра, – добавил проводник.

И действительно, надо отметить, забегая вперёд, что предстоявший неожиданный мною перевал оказался наиболее впечатляющим из тех, которые мне довелось преодолеть в жизни; пусть среди них он не был самым опасным, но вызвал большое напряжение моих нервных сил из-за своего мрачного величия и глубины окружающих его пропастей. Он мог бы послужить декорацией для сцены, иллюстрирующей врата в мир иной, и действительно, он привел-таки меня в этот мир, новый и сказочно прекрасный.

На небольшом расстоянии вдоль русла потока овраг сужался ещё более, почти закрытый огромной стеной из гранита, отполированного каким-то древним ледником. Казалось, что скальный барьер вздымается прямо к небу, исчезая в облаках, а нам для прохода оставлена только щель, разделяющая его сверху донизу. И эта расщелина шла явно вниз, в какие-то адские пределы, куда речной поток низвергался с ревом и терялся из виду. Я встал в оцепенении: «Куда же теперь ведет дорога? Где тут проехать? Или наш путь ляжет по гладкой гранитной стене, коей верх не можем угадать?» Нет, таковой путь казался невозможным, и я боялся даже представить себе преодоление вертикального обрыва. В недоумении пытливо смотрел я на проводника бхоти, он же молча взял за недоуздок яка и повел его по узкому уступу, нависающему над краем пропасти.

Рёв потока в глубине туманной пропасти среди чудовищных скал, которые, казалось, раздавят нас своей безмерной высотой, уозость уступа, по которому полз мой як, вновь и вновь вызывали в моей памяти картины ада, о коих читал в детстве в «Божественной комедии». Воистину я был зрителем той сцены, где Гюстав Доре²⁶⁸ изобразил Вергилия, ведущего Данте в ад через страшную дымящуюся яму, только в

²⁶⁸ Луи Огюст Гюстав Доре (фр. Louis Auguste Gustave Doré; 1832–1883) – французский график, а также живописец и скульптор; один из самых плодовитых и популярных мастеров книжной иллюстрации XIX века. В 1874–1879 году нарисовал 87 иллюстраций к трёхтомному изданию «Божественной комедии» Данте. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Доре, Гюстав](http://ru.wikipedia.org/wiki/Доре,_Гюстав).

реальной жизни Караул-Даван был грандиознее и страшнее. Данте, по крайней мере, пробирался горизонтально, а здесь приходилось извиваться над бездной то вверх, то вниз. Разумеется, я полностью доверил выбор пути своему бхоти-Вергилию, который медленно плелся впереди, ну а жизнь свою пришлось доверить яку, в чьих ногах я был уверен более, нежели в своих собственных.

Смелое животное поднималось по скальной стене всё выше и выше. Вскоре естественные уступы и балконы закончились, и пошли участки, где тропа была пробита вручную. Глубоко внизу вереницей, как по лестнице, подтягивался наш караван, с высоты похожий на муравьёв, ползущих по стенке. Опасное место: камень, случайно вырвавшийся из-под копыт животного, легко мог бы убить кого-нибудь из находящихся внизу.

Мы достигли изрядной высоты над ложем, и голова моя кружилась, когда я обращал свой взор вниз, в ущелье, уже погружавшееся в сумерки. А тропа всё продолжала петлять и тянуться вверх по узким карнизам.

Как нарочно, внизу произошло что-то непредвиденное, и мой проводник вынужден был вернуться для оказания помощи. Як, оставшийся без своего хозяина, сразу же начал волноваться, пошел неверными шагами, как бы нехотя, и мне никак не удавалось направлять его с помощью недоуздка. Подобно лошадям и мулам, яки имеют странную привычку идти по самому краю узких горных троп, где с одной сто-

роны скала, а с другой пропасть. Осмелюсь предположить, что они, чувствуя вес человека или груза на спине, боятся не столько пропасти, сколько потери равновесия при ударе об стену.

Мы продолжили восхождение. Что за прекрасное чувство! – висеть с яком, но не над пропастью, а как бы в воздухе, ибо ущелье, скалы и всё прочее оказались вдруг где-то под нами. Тропа вышла на перегиб склона, и я увидел капище из камней с кусочками материи на палке, воткнутой в самую его макушку. Это был *обо*, отмечавший самую высшую точку перевала, обычай ставить таковой в примечательных местах очень древний²⁶⁹. Их часто можно видеть в Туркестане и в киргизских степях, где они именуются так же.

Воздух огласился мелодичными возгласами бхоти. Мы благополучно достигли седловины перевала. Панорама неопишима: долина Нубра у наших ног; позади, справа и слева ничего, кроме хрустального пространства. Казалось, мы стоим надо всем сущим вокруг. Под нами простирался вдаль слой облаков, впереди утёс отвесно падал в их таинственную глубину, а дальше прорезался великолепный гребень с вершинами, увенчанными снегом и льдом. Его поверхность была изрезана глубокими складками, что шли круто вниз и пе-

²⁶⁹ Обо – культовые места в культуре монголов, бурят, тувинцев, хакасов и других тюрко-монгольских народов Центральной Азии. В традиционной форме представляют собой кучи из камней, или деревья, украшенные ленточками и флажками. Располагаются у дорог, на горных перевалах, на вершинах, у озёр, на берегах рек. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Обо>.

реходили в мозаику жёлто-зелёных пятен и узких полос – то была огромная осыпь, частично покрытая растительностью. В самом низу её виднелась узкая серая полоса реки Нубра. Здесь, наверху, на этом орлином утесе дул пронизывающий ветер. Я чувствовал себя как бы невесомым, казалось, что воздушный эфир вот-вот подхватит меня, вместе с яком и всем остальным, закружит и увлечет в космическую даль.

Я почувствовал, что следует как можно быстрее спускаться, ибо путь вниз предстоял не лёгкий: таковой, словно гигантская лестница, был вырублен в скале. Каким он был в глубину, я даже не пытался оценить, но в длину, видимо, вёрст семь, так как спуск занял $1\frac{3}{4}$ часа. Полпути вниз я преодолел верхом на яке, остальное пешком. Весь спуск проходил по тропе, частично вырубленной в скале, местами – по оврингам (искусственным подпоркам). Столь невероятная лестница воздает честь одному английскому инженеру, который построил её сорок лет тому назад, а до того дорога шла по гребню хребта и спускалась в долину гораздо дальше.

Спустившись донизу, перешли через реку по тибетскому мосту, закреплённому на огромных валунах. На зелёной поляне паслись чёрные яки каравана из Лхасы, остановившегося на бивуак, а мы разбили свой лагерь поблизости. Темнело. Воздух был тёплым, приятным и мягким, дышать было легко, и волна удовлетворения нахлынула на меня, в душе воцарились мир и спокойствие. Расположившись на большом камне, я с наслаждением пил чай, снова обретший свой вкус

и аромат. Ко мне возвращались естественные человеческие ощущения, я словно возвращался из комы, в которую погрузился во время перехода через заоблачные выси.

Легкий ветерок доносил откуда-то аромат шалфея. Я слышал, как у лагерного костра караванбаши поучал бхоти быть вежливыми и уважительными к европейцам: хороший почин, однако, на мой взгляд, его нравоучения были всё равно, что «сапог, надетый не на ту ногу», ведь неимущие бхоти вполне способны были сами преподавать кому угодно хороший урок вежливости.

В ту ночь я спал так, как не спал уже целую вечность.

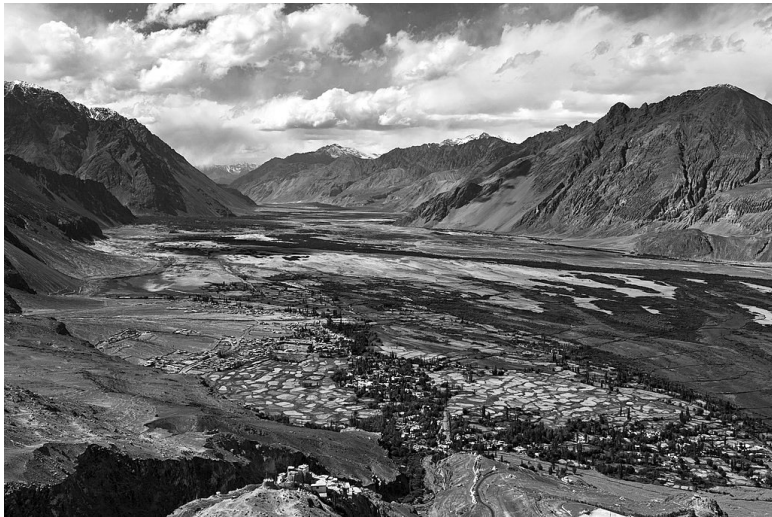
Глава X. Прекрасная долина Нубры

Утро следующего дня выдалось особенно ярким и солнечным, воздух неподвижен и свеж. Местность вокруг чрезвычайно живописна. Позади нас громоздились уходящие в облака отвесные гранитные стены, за ними виднелись могучие снежные пики; вниз простиралась долина, полукругом запертая стеною ледниковых отложений; лишь в одном месте морену прорезал ревущий поток, по ложу своему несущий валуны и гальку. Трудно было сходу понять, откуда он берет начало, где и как пробил себе путь в гранитном бастионе. В конце концов, при тщательном исследовании, я обнаружил в скале узкую извилистую расщелину – из неё то, бурля, он и вырывался. Вероятно, в ту пору, когда древний ледник заполнял долину Тутиальяк, здесь был ледопад, он отложил здесь свои морены и проточил узкую извилистую расщелину

в граните. Кто знает, что там, в глубине этой мрачной теснины, в самом сердце горы?

В восемь мы тронулись в путь. Я снова сел на коня, и после двух дней езды на существе, которое напоминало мне скорее бурого медведя, нежели быка, я ощутил, как же это здорово вновь оседлать хорошую лошадь. Тёплое солнце, ясное голубое небо, хорошо наезженная дорога по долине с гребнями, возвышающимися по обе её стороны, новизна обстановки – всё это способствовало благорасположению духа. Я осматривался вокруг с живым интересом, тем паче, что здесь было чем полюбоваться. Долина Нубры, небольшая обособленная область Западного Тибета, отрезана от остального мира ледовыми барьерами горных кряжей, а потому, несмотря на то, что расположена непосредственно на часто посещаемом караванном пути, не утратила своей индивидуальности, унаследованной от тысячелетий.

Мы объехали высокий участок берегового хребта по тропе, усеянной большими гранитными глыбами, масса которых достигала, вероятно, нескольких сотен тонн; острые сколы выглядели так, будто глыбы отбиты каким-то гигантским геологическим молотком. Поверхность некоторых покрывал «пустынный загар», иные, с острыми углами и краями, очевидно, рухнули откуда-то сверху сравнительно недавно.

Долина Нубра. (*KennyOMG*, 2009)[22]

Сама по себе долина реки Нубра не плодородна. Её ложе покрыто гравием, песком и галькой, а берега суть вертикальные стены из гранита. Там, где ручьи притоков выходят из боковых ущелий, как правило, организовано искусственное орошение, поля очищены от камней, огорожены и засеяны. Каждый дюйм почвы и каждая капля воды используются, и ничто не пропадает зря. А если орошаются места, представляющие собой массу камней или песка, то и там появляется дикая растительность: прекрасный травяной покров, ковыль, шалфей, шиповник, селитрянка, тамариск и ещё кое-какие кустарники. Даже таковые ухожены, окружены забора-

ми из ветвей колючего кустарника или каменными стенками. Часто живые изгороди из шиповника густо увиты клематисом, снова явившимся здесь в изобилии, белый пух его семян покрывает заборы, стены и даже деревья. Наш путь капризно петлял среди этих стен, полей и маленьких садов, иногда он был весьма каменист, даже шел по ступенькам, то и дело пересекая ручьи и оросительные каналы. Всё аккуратно и чисто, обо всем, очевидно, заботятся; нет ни сорняков, ни грязи, ни мусора. Небольшие травянистые участки тщательно огорожены и превращены в небольшие пастбища, где пасутся также небольшие по размерам овцы. В маленьких садах растут цветы и простые сорта деревьев: ивы, тополя, абрикосы. В зелени садов, в их уголках стоят белые *чортены*, похожие на большие мраморные вазы. Всё здесь скромно, просто, отчасти бедно, но это тщательная, трудолюбивая, достойная и по-своему благородная бедность. Природа здесь небогата и даже сурова, но люди, живущие в скромных домах, трудолюбивы, умеренны и не лишены вкуса, они любят и лелеют то немногое, что природа им дает. Сколь характерно, что какой-нибудь гранитный валун, лежащий у дороги, всегда бывает покрыт аккуратно выгравированными надписями, и непременно будет сакральная формула тибетцев «Ом мани падме хум – О сокровище в цветке лотоса!» Так всюду: скалы вдоль дороги и близ деревень, все большие камни испещрены, украшены надписями.

Мы проехали мимо ряда продолговатых, призматических,

прямоугольных сооружений в виде надгробий, шести и более метров в длину и до полутора метров в высоту, называемых *мани*²⁷⁰. Их поверхность покрыта множеством камней, скальных обломков, валунов и сланцевых плит с выбитой на них священной формулой буддизма. Руки благочестивых монахов никогда не устают украшать гравировкой безжизненный камень, превращая его в *ex voto*²⁷¹ великому Гаутаме Будде, как призыв к благословению скудных даров природы.

²⁷⁰ Камни *мани* – каменные плиты, булыжники или галька с высеченными на них слогами мантры Авалокитешвары. Термин может использоваться также для обозначения камней с любыми высеченными на них мантрами. Часто намеренно размещаются вдоль обочин дорог или берегов рек; иногда из них делаются курганы, туры или подобия длинных стен, которые считаются местом для подношений или обитания божества. http://ru.wikipedia.org/wiki/Камни_мани.

²⁷¹ Вотивные предметы, вотивные дары (лат. *votivus* «посвящённый богам» – *votum* «обет, желание») – различные вещи, приносимые в дар божеству по обету, ради исцеления или исполнения какого-либо желания. Обычай приношения вотивных предметов – смягчённая форма жертвоприношения. http://ru.wikipedia.org/wiki/Вотивные_предметы.

Ладакхские женщины в национальных одеждах. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Вскоре встретилась нам на пути женская фигура, живописная до такой степени, что в иной обстановке было бы уместно сказать: её костюм создал художник для какой-то экзотической оперы. Лицо незнакомки было смуглым, тюркского типа, маленькие глазки – как чёрные вишенки, широкий головной убор, похожий на капюшон кобры, свисал по спине узкой лентой и был украшен бирюзой; под ним локоны волос, чёрные как смоль, сливались с наплечниками из овечьей шкуры. Поясок вокруг талии, повязанный поверх тём-

но-красного халата, подчеркивал стройную фигуру, спину укрывала шкура козлёнка мехом наружу. Всё местное женское население, включая девочек шести-восьми лет, одевается примерно таким же манером. Ни одна женщина даже на минуту не выйдет на улицу, чтобы, скажем, набрать воды или поработать в саду, не облачившись в полный комплект, и уж тем паче, не надев головного убора с бирюзою.

Маленькая девочка подошла ко мне и сделала изящный реверанс, опустила ручки и погремела браслетам из белых ракушек на своих запястьях. Потом странный звук, будто из серебряной трубы, донесся со стороны холмов, повторился и угас в неподвижном воздухе. Сколь был он мелодичен, как соответствовал странной долине и голубому небу, нежной пелене облаков и чудесному её воздуху, свободному от пыльной дымки Центральной Азии! – то была музыка лам, призывающая к молитве. В верховьях ущелий либо на вершинах скал можно видеть довольно высокие здания своеобразной архитектуры, с балконами на верхнем этаже, и лам, там стоящих, облаченных в желтые или красные одежды, сообразно принадлежности к своей касте, с очень длинными медными трубами, подобными той, что считается неперменным атрибутом архангела Гавриила.

Средь полей можно видеть маленькие молитвенные домики, украшенные длинными полотнищами с молитвами, на таковых начертанными; буддисты верят: колеблемые ветром флаги возносят мантры к небесам. Равно с таковой же целью

вдоль каналов и ручьёв сооружены маленькие водяные колеса, вращающие молитвенные барабаны: непрестанно вращаясь, они шлют молитвы во благо создателя.

По узкой тропинке, петляющей между каменными стенами и колючими изгородями из вьющихся растений, мы въехали в деревню Панамик, группу домов с маленькими садами и двориками.

Жилища бхоти миниатюрны, как, впрочем, и всё остальное в их заколдованной стране – лошади, скот, овцы, даже поля. Дома у них маленькие, но высокие, в несколько этажей, с необычно высокими крышами, построены аккуратно из хорошо обработанного камня, стены гладкие и ровные. Маленькие окна не имеют стёкол, вместо них ставни с причудливой деревянной резьбой, потому внутри дома темно, мрачновато; среди голых каменных стен и скудной мебели не особенно уютно – вот простая жизнь, не изменившаяся за тысячу лет.

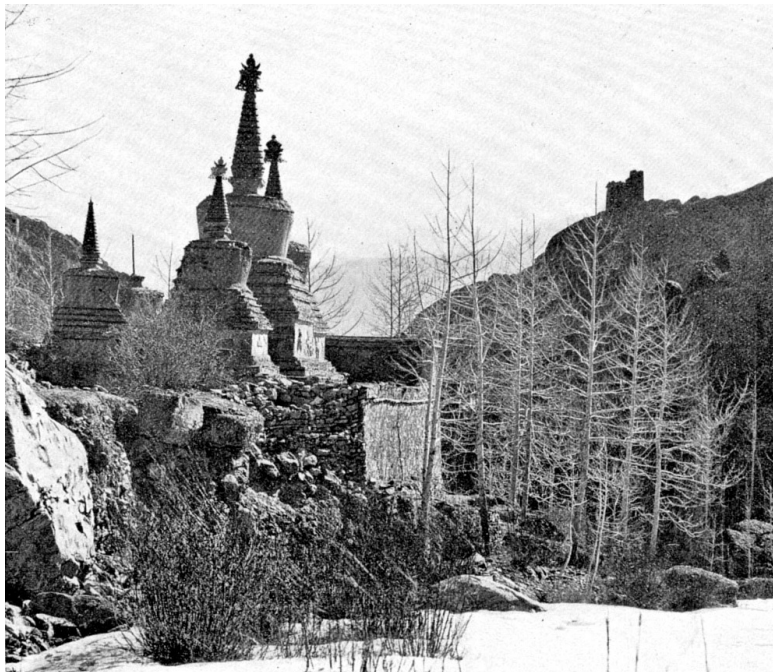
В маленьких чистых двориках молотят ячмень, их главный продукт питания. Гумно настолько гладко и утрамбовано, что на нём не может потеряться ни единого зерна. Молотит, собственно, животное посредством своих копыт, а бхоти лишь водит его туда-сюда и поет особую «молотильную» песню. Кстати, в этой мирной трудолюбивой стране не услышишь диких или резких звуков, суть только мелодичные и музыкальные, и таковые вместе с молитвенными трубами слышны на протяжении всего дня. На лоне здешней природы

они действуют успокоительно, принося отдых телу и покой в душу путника после трудного пути.

Неудивительно, что селение Панамик используется в качестве лагеря для отдыха караванов, идущих из Лхасы или Яркенда. Но я ещё не исчерпал всего очарования сего маленького местечка: благосклонная природа или, быть может, какая-то добрая фея наделила восхитительную долину горячими минеральными источниками для лечебных ванн, а что может быть более подходящим для измученного путешественника?

На въезде в деревню нас встретил вежливый молодой человек в красной шапке и провел к месту, предоставленному для разбивки лагеря – на поляну, огороженную каменной стеной; чтобы впустить туда наш караван, он просто разобрал часть ограды. Плотная невысокая трава, словно английский газон покрывала уютную поляну, в углу её, под огромной ивой, стоял белый *чортен*. Здесь росла *перовския*²⁷², которая во время цветения похожа на лаванду, её русское название обратило мои мысли к родине.

²⁷² Перовския (лат. *Perovskia*) – род растений семейства Яснотковые (*Lamiaceae*). Род назван в честь военного губернатора Оренбургской губернии В.А. Перовского. Полукустарник; включает 9 видов; произрастает в Юго-Западной и Центральной Азии. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Перовския>.

Группа чортонов. Ладакх. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Лошади стояли под деревьями, явно довольные окружающим миром и, вероятно, ощущением того, что наконец-то завершилось их изнурительное путешествие. Моя палатка расположилась возле каменной стены, а полевая кухня – под сенью огромного абрикосового дерева. Сразу же был приготовлен обед, мною, понятное дело, ожидаемый с особым нетерпением, ведь мы оказались в чудесной стране, где

страждущие обретают вкус к жизни, а больные исцеляются.

Мне, кстати говоря, стоило немного подлечиться, ибо мою нижнюю губу покрывали язвы, верхнюю – наросты и волдыри, кожу рук – глубокие трещины; вся правая сторона лица отчаянно болела. Некоторые караванщики были в столь же плачевном состоянии, иные жаловались на сильные головные боли.

Большой орел кружил над нами; полузабытый звук – трещание сорок смешивался с хрипловатым свистом галок; по ту сторону стены журчала Нубра. Вдалеке увенчанные снегами горные вершины тонули в нежно-голубой дымке. За рекой, высоко-высоко на склоне бесплодной горы, из крошечного сада рядом с родником приютился маленький белый домик. Как люди туда забираются? Должно быть, карабкаются как насекомые. Впрочем, у тибетцев это в крови: любят взбираться на высокие скалы, стремятся ближе к небесам. Монастыри у них всегда расположены высоко, на трудно доступных скалах, даже их жилые дома, по непонятным причинам, часто строятся на краю обрыва.

К четырем часам пополудни солнце скрылось за высоким хребтом, и долина оказалась в тени. В наш лагерь заглянул лама, в странной рогатой шапке, тёмно-красном халате, с неизменным веретеном и пряжей в руках, потрепанный и грязный. Вся одежда тибетцев сделана из шерсти, и мужчины никогда не прекращают прясть. Но одежда никогда не стирается, а люди никогда не моются, вернее, моются только

два раза в жизни – после рождения и после смерти. Бхоти всегда с удивлением взирали на мой туалет, когда я мылся горячей водой с мылом. Остается лишь удивляться тому, как в них примиряется пренебрежение к личной гигиене с чистотой их домов, дворов и садов, с тем несомненным эстетическим вкусом, с коим они выбирают места расположения и внешний вид своих жилищ.

Вечером прибыл караван из Индии и расположился лагерем неподалёку. Его владелец нанес мне визит. Вид его был колоритен: высокая шапка из овчины, большие золотые кольца в ушах; ноги, тонкие, как жердочки, в обмотках и тапочках. Он шел сюда из Леха со своим караваном три дня, а здесь намеревался отдохнуть всего один день и идти дальше, так как через десять дней холод на Каракоруме должен был сделаться невыносимым. Он сказал мне, что перевал Кардонг со стороны Леха в хорошем состоянии, и преподнес отличный подарок в виде свежей капусты – ценное дополнение к провизии для тех, кто давно не ел свежих овощей. Вообще, все индийцы, коих мы встречали по дороге, были очень вежливы и добры.

Настала ночь. Луна осветила снег на вершинах, небо осталось тёмно-синим, и всё вокруг, старые деревья в садах, скалистые склоны неподалеку, серебристая полоса реки, погрузилось в загадочный полусвет. Белый чортен, яркий в лунном свете, выделялся на темно-зелёном фоне.

О, как изменился мир, меня окружающий! После диких

пустынь Туркестана, ледяных высот Каракорума всё вокруг стало новым, незнакомым, непохожим ни на что виденное мною ранее. Путешественник, идущий со стороны Индии, приближается к долине Нубра постепенно, проходя через Ладакх и Тибет, и не так бывает поражен её очарованием, нежели тот, кто приходит к ней из пустынь севера.

Вся эта долина, её природное великолепие и красота, её живописная и своеобразная природа, вежливость и простота её жителей, их достойная бедность, поразительное трудолюбие, способность радоваться жизни произвели на меня неизгладимое впечатление. Казалось, я грежу наяву какой-то сказочной страной, где все бедны, добры и праведны. Возжелай какой-нибудь поэт воспеть страну идеальных добродетелей, или художник иллюстрировать сказку о доброй фее и бедном, но трудолюбивом народе, не смогли бы сделать ничего лучшего, чем посетить долину Нубры, дабы найти свою модель в реальной жизни.

Бхоти ухаживают за своими полями как на образцовой ферме, камни тщательно выбирают и используют для возведения стен, землю выравнивают, как стол, и каждый клочок её бывает возделан. Мне понравилось их трудолюбие, любовь к природе и животным, заботливость о каждом дереве, кустике, даже о траве. Не могу удержаться от сравнения их с нашим русским мужиком, который имеет бескрайние просторы самой плодородной земли в мире и при этом умудряется на ней голодать. В долине Нубра, где бхоти процвета-

ют, поют и смеются всю жизнь, притом, что треть населения ничего не делает, только молится, русский мужик умер бы от голода. А на обильно унавоженных угодьях какого-нибудь захудалого семиреченского крестьянина семья бхоти прожила бы и сытно и счастливо.

Трудно, наверное, сыскать более жестокого истребителя природы, нежели русский крестьянин. Поговорка, которую приписывают Аттиле, киргизу по национальности, гласит, что трава не вырастет там, где прошел его конь – такую ныне киргизы применяют к русскому крестьянину, гораздо-му сводить леса, иссушать и портить водоёмы, истреблять птиц, зверей и рыбу, превращать цветущий край в пустыню. Я знаю дела рук его не понаслышке, ибо видел их не только в Семиречье. Как далёк от него народ бхоти, который бережет за оградой даже простой кустик шиповника или несколько квадратных метров травы возле маленького родника!

Шум в лагере разбудил меня до рассвета. Я взял фонарь и вышел из палатки, вижу: несколько погонщиков собрались возле издыхающей лошади караванбаши. То был красивый жеребец из Ферганы, покладистый и отлично выезженный. Он тяжело и прерывисто дышал, лежа на боку, с пеной на губах; видимо, съел немного аконита в том самом коварном месте, где мы спустились с ледников в долину. Воистину, какой-то злой дух делает всё возможное, дабы огородить сказочный край Нубры от внешнего мира, какое-то проклятие лежит, как напасть, на этой ужасной *via dolorosa* караванных

животных.

Утро выдалось пасмурным, и легкий туман простирался вниз по долине, вершины тонули в облаках, воздух был неподвижен и мягок. Пока я завтракал, выглянуло солнце. Огромный тибетский пёс почтил меня своим визитом. Здесь много собак, они спокойны и дружелюбны, у них длинная шелковистая шерсть, они хорошие сторожа, но на незнакомцев не нападают, в отличие от своих киргизских сородичей, и не лают без толку всю ночь напролёт. Тибетцы своих собак любят и хорошо к ним относятся.

Появились белые трясогузки, наши верные спутники в дороге; где-то в кущах щебетали синицы, большая стая воробьев расположилась на ветвях – но то были не индийские *Passer indicus*, распространенные в Туркестане, но скорее европейские полевые *P. montanus*. На полянах паслись коровы размерами не более телёнка и козы, похожие на игрушечных.

Когда рассеялся туман, я отправился взглянуть на горячие источники. Дорогу мне показал местный старожил, весь в лохмотьях, в рубашке с дырами, но с серебряными кольцами в ушах и золотыми браслетами на правом запястье. Горячие источники бьют из гранита, имеют высокую температуру и содержат изрядное количество растворенного карбоната натрия, который тут же выпадает в осадок. Скальное ложе, богатое содой, размыто водой, и потому имеет рыхлую, губчатую структуру. Ниже по течению Нубры имеются большие залежи соды, которую местные жители собирают и про-

дают, сами же используют её для приготовления чая. Трудно сказать, берут ли своё начало эти источники в самом граните или в какой-то другой, глубоко залегающей карбонатной породе.

Вдоль ручья растет зелёная трава, а в нём самом – водоросль, вызывающая осаждение железа; в итоге русло минеральных вод выделяется ярко-жёлтым, красным и зеленым цветами; в некоторых местах из расщелин в скалах струится пар. Вода одного из источников поступает в примитивную ванну, выложенную из камней. Рядом расположился двухэтажный домик, также каменный и столь же примитивной конструкции, предназначенный для тех, кто желает принять ванну. И я не преминул насладиться таковой сполна, благословляя добрую фею заколдованной долины за то, что она предоставила усталому путнику столь благодатную роскошь. Множество симпатичных маленьких ящериц, серых с ярко-оранжевыми шейками, бегали по камням, будто живые цветы.

Вечер того дня выдался особенно приятным. После ванны я долго сидел в саду возле палатки, пил чай и любовался пейзажем. Солнце спряталось за горой, и абрикосовые деревья приобрели золотые и пурпурные оттенки осени, составляя поразительный контраст с тёмно-зеленым кустарником и яркой зеленью ив. Опушенные цветы клематиса покрывали большие деревья и живые изгороди. Пришел забавный белый козлёнок и встал на задние ноги, дабы полакомиться аромат-

ными и нежно кислыми ягодами боярышника. Белые чортены, немые свидетели какого-то странного, неземного культа таинственно светились в полумраке. Всё дышало спокойствием и миром.

И тогда вдруг поднялся переполох, послышался звон бубенцов, ржание лошадей и крики на незнакомом языке: то прибыл караван из Кашмира и начал становиться лагерем на соседнем поле. Тяжело груженные лошади, в предчувствии предстоящего отдыха, шли довольно бодро; верхом на широких выючных седлах ехали индийцы в жёлтых чалмах. Мой жеребец заволновался, задрал шею и хвост и заржал, приветствуя вновь прибывших гостей из далёкой страны. Замелькали смуглые молодые лица в обрамлении черных кудрей. Тут же явились молодые девушки из племени бхоти и принялись с любопытством разглядывать незнакомцев.

На следующее утро мы покинули гостеприимный Панамик. Небо было пасмурным, облака сгустились над долиной и разразились холодным дождём, но позже прояснилось и потеплело. Дорога шла по песку и гравию долины, где росла лишь селитрянка; последняя выглядит здесь несколько иначе, нежели в северных долинах: листья укорочены, как у солянки, ветви также короче, но само растение выше. На небольшом водоёме спугнули стаю чирков.

Во второй половине дня прибыли в Тагар, самую большую деревню в долине. Её название на кашгарском диалекте означает мешок или сумку. Мне показалось странным, что неко-

торые бхоти здесь говорят на тюркском языке, разумеется, на кашгарский манер. Вскоре проехали еще одну большую деревню, где не встретили ни души на улицах, затем поднялись по склону горы высоко над долиной, пересекли ручей и прошли сквозь обширные и густые, как лес, заросли облепихи. Лагерь разбили на уютной травянистой поляне, огороженной, как обычно, стеною из камней. Стаи кекликов совершенно беззаботно бродили вокруг, даже по улочкам деревни, словно домашняя птица. Бхоти не трогают их, а птицам, похоже, нравится соседство с человеком. Кто поднимет руку или ружье на столь доверчивую дичь?

Деревня расположилась на холме восточного берега долины. Поток, её орошающий, вытекает из бокового ущелья, при этом часть воды отбирается арыком и направляется в монастырь, что расположен высоко над деревней и выстроен в обычном тибетском стиле в виде высокого параллелепипеда с причудливыми балконами. Освещенное лучами заходящего солнца, белое здание монастыря на фоне гранита выглядело внушительно. По обе стороны от него на склоне холма разбросаны белые пятна – жилища отшельников.

У подножия холма, в тенистом саду, окруженном высокими деревьями, расположился небольшой по площади, но высокий каменный дом с маленькими окнами и кровлей из плотных жгутов соломы – в нём жил хозяин территории, на которой мы разбили свой лагерь. В прилегающем саду, под сенью высоких ив приютился традиционный белый чортен –

таковых, равно как и священных мест *мани*, здесь в садах и по склонам гор множество.

Во дворе молотили пшеницу, её не жнут, а вырывают с корнем; она вызревает на высоте до 4000 м, а ячмень – до 5000 м. Жареная ячменная мука, называемая *сату*, с мясом и чаем составляет основную пищу бхоти; не скажу, что такая плоха.

Здесь можно было видеть изрядное количество женщин, всех возрастов и сословий. Представительницы прекрасного пола у народа бхоти не отличаются ни красотой, ни чистоплотностью, и они, конечно же, не моются. Но вот что любопытно: молодые и старые, богатые и бедные, все без исключения, по крайней мере, в этом районе, носят головной убор в виде капюшона кобры, украшенный бирюзой либо иными камнями. Когда и каким путем сей уединенный уголок, затерянный среди горных массивов Азии, унаследовал обычай фараонов носить в виде головного убора священную эмблему кобры?

На фоне пренебрежительного отношения бхоти к личной гигиене чистота их домов выглядит особенно удивительной; то же касается их дворов, садов и улиц, где нет мусора, грязи, навозных куч, столь характерных для Кашгарии. Вообще в Ладакхе нет той антисанитарии, пресловутой «грязи Востока», которая особенно бросается в глаза в Китае и Средней Азии. Я уже не раз использовал эпитеты «сказочная, волшебная» в отношении Нубры, потому что долина, действитель-

но, более напоминает сценическую декорацию, нежели реальность. Утешительно сознавать, что в двадцатом веке есть ещё возможность проехать верхом на лошади через малоизвестные земли и страны, сохранившие наследие веков и самобытность культуры, избежавшие безликого однообразия европейской цивилизации.

Долина р. Шайок. (*Mahuasarkar25, 2007*)[23]

Неподалёку от деревни Тагар Нубра впадает в реку Шайок, которую мы видели ранее с перевала Сассер-ла. Шайок огибает массив Сассер и течет с востока на запад, в направ-

лении гор Балтистана. Зимой, в межень, она замерзает, и по ней можно проехать, минуя Сассер-ла, Караул-Даван и Нубру. Долина реки широкая, выложена гравием и песком, который местами образует дюны и барханы, в иных местах утопает в зарослях шиповника и тамариска, достигающего здесь размеров больших деревьев; есть болотистые участки и деревни, где поля орошаются арыками. Одну из таких деревень мы проехали в полдень, её живописные улицы пролегали в тени огромных мелколистных ив. Здесь же появились первые деревья карагача (разновидность вяза), каковые я видел ещё в поселке Кёк Яр. Белые чортены высились как сторожевые башни.

За деревней долина стала каменистой и бесплодной, но вновь оживилась, когда мы подъехали к подвесному мосту вполне современной конструкции – первому признаку цивилизации. Мост подвешен высоко над потоком на двух каменных опорах и шести стальных тросах. Как только наш караванбаши ступил на мост, явился охранник в лице весьма энергичной женщины-бхоти, одетой в традиционно тибетском стиле, т.е. в шапке-кобре с бирюзой, в тёмно-красном плаще и овчине.

Странное дело, но мой конь, который ни мало не колебался на самых головокружительных обрывах и неровных мостах местной конструкции, дрогнул перед этим творением современной инженерии. А причина была в том, что мосты, строящиеся местными жителями, качаются только в верти-

кальной плоскости, без бокового движения, в то время как искусно построенные европейские имеют склонность раскачиваться ещё и в горизонтальной плоскости. Ступив на мост и, обычно, достигнув его середины, лошадь начинает спотыкаться и шататься, будто пьяная, что способствует дальнейшему росту колебаний, тем большему, чем тяжелее груз на её спине. По сему я счел разумным заранее слезть с коня и провести его в поводу.

За мостом дорога пошла вдоль берега реки под крутым обрывом из гранита и моренных отложений. В целом дорога была в хорошем состоянии, но местами усыпана обломками камней и пролежала под опасными карнизами; встречались песчаные участки, трудные для лошадей. Справа открылся огромный амфитеатр у подножия гор, весь поросший деревьями, с ручьем посередине; на заднем плане расположился внушительных размеров монастырь. Сие место, называемое Картса, было выбрано нами для ночлега. Все низинные участки его, более или менее ровные, заняты под террасированные поля, всюду зелень, кустарники, деревья. Лагерь разбили на берегу ручья, на поляне возле древних развалин какого-то дома с многочисленными комнатами. Рядом росли несколько старых яблонь, некоторые с огромными дуплами и множеством ветвей, идущих от одного корня. То явно был старый фруктовый сад, и возрасту ему было, вероятно, не менее сотни лет. Но кто мог посадить его в столь отдаленном горном оазисе? Кто и когда жил в огромном старом доме?

Установилась отменная погода, день был тихий, небо безоблачное, даже стало жарко, и начали донимать мухи. Здесь, в долине р. Шайок появились белокрылые горихвостки, которые нам не попадались ни в Долине ледников, ни в Нубре; значит, эти красивые маленькие птички мигрируют по долине Шайока, избегая ледяных высот Сассер-ла. Местный бхоти принес несколько очень вкусных яблок, это были первые фрукты, которые встретились нам по южную сторону гор. Природа здесь богаче, чем в Нубре. Высокие тополя с золотистой листвой окружали луговину с нашими палатками, река журчала среди зарослей старых ив и розового тамариска.

Повсюду можно было различить морены древних ледников. Высоко вдаль красно-белый монастырь выглядел как старинное сельское поместье, на заднем плане громоздилась заснеженная вершина. Солнце только что зашло за неё, и наша долина погрузилась в тень, только пики на дальней стороне Шайока купались красно-золотых лучах заката. В ложе долины понемногу темнело. Луна показалась из-за хребта и осветила здание монастыря загадочным светом; Венера, Марс и Юпитер засверкали на небе, выстроившись в линию. Наступила восхитительная ночь, тёплая и тихая, какой я не видел на протяжении нашего долгого пути. Заискрились огни наших лагерных костров. Столь приятная обстановка среди скалистых гор располагала к сладкому сну. Это была наша последняя ночёвка в тёплой зелёной долине. Впереди нас снова ожидали бесплодные горы и среди них очередной

ледник – Кардонг.

С утра наш путь лежал вниз по долине реки Шайок, большей частью по уступам, высоко над её руслом. На протяжении нескольких километров протянулись участки, где дорога шла по камням, искусно уложенным и прочно связанным с крутой поверхностью скальной стены. В таких местах только одна сторона кладки, обращенная вниз по склону, была отвесной, т.е. опасной. Но там, где на пути встречалась в скале какая-либо расщелина, приходилось ехать как бы по верху стены, иногда довольно высокой, ибо отвесными становились уже обе стороны, и появлялся двоякий выбор, в какую из сторон, если что, падать вместе с лошадью. Такой путь вызывает головокружение, но, к счастью, не у лошади, а потому всаднику надлежит следовать золотому правилу кавалериста – смотреть промеж её ушей. Ещё хуже дело обстоит, когда путь идет под нависающей скалой, так что высокий человек на высокой лошади просто не может там проехать. В таких случаях следует придерживаться другого правила: если не уверен в своём животном, лучше иди пешком.

При впадении Нубры в Шайок, мы взяли вправо, и здесь сразу же началось наше восхождение на перевал Кардонг-ла, то есть через первый хребет Гималаев на пути в долину Инда. Внизу ущелье сплошь заросло деревьями и кустарниками, среди коих я смог различить несколько огромных тамарисков со стволами толщиной до $\frac{1}{3}$ метра. Езда верхом по этому совершенно дикому лесу доставила мне истинное на-

слаждение. Но чем выше мы поднимались, тем более редел лес, деревья тончали и становились ниже, речной поток свелся к простому ручейку, и там, где дорога свернула в боковое ущелье, мы снова оказались в альпийской зоне. Миновали руины какого-то старого здания вроде караван-сарая, ряд старых чортонов и вышли на плоскую возвышенность, где расположилась деревня Кардонг. Под ней простиралась глубокая долина с террасами полей ячменя и трав. Ниже паслись яки, сверху похожие на чёрных муравьев. Вдалеке приютился монастырь.

Тамариск-гребенщик. (*F.N. Meyer*, 1911-1915)[18]

Деревня Кардонг состоит из нескольких жалких каменных домов, чортонов, каких то круглых строений и окруженного высокой каменной стеной большого караван-сарая, куда мы и въехали. Обширный двор был завален товарами, комнаты для путников темны, грязны и холодны, и потому я распорядился, чтобы мою палатку поставили во дворе, с чем шестеро бхоти под руководством седьмого ловко справились. Посередине двора произрастала группа ив, полностью окруженная каменной стеной без проёмов. Тут же валялась куча старых гирь и ярмо, напомнившие мне о базарах наших деревень. Для полноты сходства возле гирь стоял *сарайман*, то есть управляющий караван-сарая, бхоти, но светлокожий, с лицом, как у татарского казака.

Взвешивание товаров на безмене. (К.Г.Э.Маннергейм, 1907)[7]

Мы прибыли около полудня, поэтому времени у меня было довольно, чтобы взглянуть на окрестности. Погода тому благоприятствовала: небо синее, безоблачное, на солнце жарко, лишь к вечеру со стороны снежных гор налетел ветер, и стало холодно. Рядом с *рабатом* (караван-сараям) расположились три круглых каменных строения, крыши выложены из сланцевых плит, на них выбиты сакральные надписи; вдоль стен устроены молитвенные барабаны. Повсюду ка-

менные изгороди; они обрамляют посевы ячменя и трав для сена, поддерживают террасы на склонах гор. У ручья я заметил зелёного кулика (*Totanus ochropus*), жаворонка (*Tringa temminckii*); по дворам порхали несколько горихвосток и вездесущие воробьи.

Женщины, которые и здесь носили бирюзовые украшения на головном уборе, руководили обмолотом ячменя; зерно его, отличного качества, очень крупное, без оболочки, известно как *гималайский* ячмень. Все здешние поля искусственно орошаемые, что кажется странным для такого высоко расположенного места (ок. 4000 м), однако в этой части Гималаев осадков выпадает мало, и снежная линия поднимается до 6000 м.

Вдали виднелись бескрайние горные просторы, большей частью бесплодные, пустынные и заснеженные. Гранит и гнейсы суть преобладающие в окрестностях породы, но мне встречались и фрагменты крупнокристаллического диорита.

Незаметно подкрался вечер, из-за хребта вышла луна; из монастыря донеслось приятное пение ламы – вечерний призыв к молитве. Пора настала вернуться в лагерь. Завтра предстоял последний трудный переход через заснеженный ледник Кардонг и перевал на высоте 5350 м.

Однако на следующий день нам не суждено было сходу преодолеть Кардонг-ла. Мы лишь поднялись на высоко расположенные древние морены и заболоченные участки с несколькими источниками, откуда берет свое начало река.

Внезапно поднялся сильный ветер, стало очень холодно, и перевал скрылся в вихрях метели. Бхоти заявили, что дальше идти невозможно, и что надо переждать до следующего дня. Пришлось стать лагерем у подножия перевала, возле маленькой каменной хижины, приюта для запоздалых путников. Я не возражал, ибо як, бывший подо мною, оказался довольно слаб и шел так медленно, что я начал сомневаться, сможет ли он вообще перевезти меня через перевал. На самом деле, это был не настоящий як, а *дзо*²⁷³ – помесь яка и коровы; таковой гибрид обычно предпочитают для верховой езды из-за его спокойного нрава, хотя он, конечно, не обладает силой и выносливостью настоящих яков. Одомашненный як, когда хорошо выведен и выкормлен, бывает очень крупным животным, с маленькими рогами, массивной головой и тёмно-коричневой шерстью. Идя по снегу, он низко опускает голову, часто набирает его в рот и производит характерное хрюканье, за что и получил свое научное название *Bos grunniens* (хрюкающий бык). Гибрид снега не ест, не хрюкает, зато своеобразно скрежещет зубами.

Мы уже находились на изрядной высоте, выше 4800 м, что было довольно ощутимо, ибо симптомы горной болезни проявились вновь: усталость, неприятный привкус во рту, потеря аппетита; чай снова стал как неприятное лекарство,

²⁷³ Хайнак, или дзо (монг. хайнаг) – гибрид яка и домашнего быка. Встречается в Монголии, Тибете, Бутане и Непале, где имеет название дзо. Используется в сельском хозяйстве. Самцы хайнака стерильны, а самки, которых называют ещё дзозом, фертильны и способны скрещиваться с яком и с крупным рогатым скотом.

как было то на Каракоруме. Ночь была очень холодной. Я проснулся с ощущением удушья, но подсунув подушку под голову так, чтоб была как можно выше, я сподобился заснуть.

Встали рано, до рассвета. Я принял восемь капель строфанта и, может быть, потому подъём показался мне не особенно трудным. Перевал Кардонг-ла²⁷⁴ представляет собой огромный цирк, заполненный ледником, подобный кальдере вулкана с полуразвалившейся стеной. Ледник спускается прямо в разлом, и чтобы добраться до него, необходимо сначала подняться к цирку, пройти по его краю и затем пересечь боковую морену. Путь оказался труден как для яков, так и для лошадей. Дорога шла вниз по крутому левому склону, по обледенелым камням и скалам, по ледовым ступеням. Животные постоянно скользили и падали. В тот раз я ехал на другом яке, животном крупном и сильном, но даже он падал несколько раз. Однажды, когда он всерьёз сорвался и покатился вниз, я едва успел вовремя отскочить в сторону. К счастью, укатился он не далеко и быстро встал на ноги, но продлись его падение ещё немного, неминуемо сорвался бы дальше вниз по крутому снежнику и свалился бы в пропасть, прямо на язык ледника.

В зимнее время, когда ледник покрыт толстым слоем сне-

²⁷⁴ К(х)ардунг-Ла (перевал Кхардунг с тиб.) (заявленная высота 5602 м (18380 футов), реальная – 5369 м) – высокий перевал в Ладакхе, Индия. Исторически использовался караванами из Леха на пути в Кашгарию.

га, движение по нему не представляет особой опасности, но я не могу представить себе, как это возможно летом, когда камни не скованы льдом, по поверхности ледника стремятся потоки воды, и сам он являет собой лабиринт обрывов и трещин.

Мы достигли гребня морены, дальше предстояло пересечь ледник по глубокому снегу и подняться по его краю до седловины перевала. Животные тонули и барахтались в глубоком снегу, выпавшем за ночь. Навстречу пробивалась следовавшая в Кардонг группа бхоти с ослиами, груженными товарами из Леха. Жаль было видеть несчастного ослика, который опрокинулся на спину и беспомощно дрыгал ножками; на шее у него трагикомично позвякивал колокольчик; тяжелый груз не давал ему никаких шансов самостоятельно встать на ноги, и он, видимо, понимая свои обстоятельства, с покорностью ожидал помощи от людей. Опасное место: вся масса снега, покрывающая ледник, в любой момент могла обрушиться в виде огромной лавины, сметая людей и животных.

Наконец мы достигли вершины трудоёмкого подъема и вздохнули с облегчением, ибо благополучно миновали последний из опасных перевалов на пути в Кашмир. Будто в награду за пережитое засветило солнце, небо стало безоблачным, но бездонная его синева казалась угрожающей. Спуск с седловины перевала был свободен от снега, но оказался длинным и крутым, шел всё время вниз по морене, серпанти-

нам среди скал и нагромождения камней. На боковом гребне ущелья, на самом верху, скальные жандармы напоминали развалины друидских памятников. Добрались до места, где были устроены несколько приземистых укрытий, частично вырытых в земле, частично сложенных из камней; кое-где появились пяточки зелёной травы. Остановились на обед, потом тронулись дальше вниз.

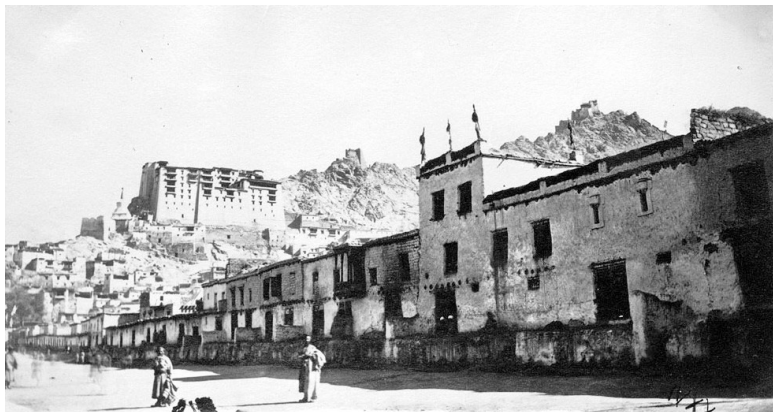
Дорога вниз по ущелью, всё ещё очень каменистая, позволила мне пересечь с яка на лошадь. Вскоре долина сделала крутой поворот влево, и взору предстал живописный вид на террасированные склоны холмов, фруктовые сады, огороды, монастыри на холмах и группы чортонов, один из которых на переднем плане размерами и формой напомнил мне церковь. Горы вокруг оставались каменистыми и бесплодными.

Проехали ещё дальше вниз по ущелью и вышли к лесистому участку в его устье – месту слияния с широкой долиной Инда, текущего с востока на запад. Слева от дороги возвышалась крутая скалистая гора с группой чортонов у её подножия и множеством странных высоких, узких тибетских домов. Вдоль гребня горы расположились древние укрепления, ламаистские монастыри, и в конце его, на возвышении – огромное, высокое и мрачное здание с узкими оконными проемами, в котором нетрудно было узнать то, что я так часто видел на иллюстрациях и фотографиях – древний замок или дворец бывшего правителя Малого Тибета. У подножия холма примостился городок.

Это был Лех!

Глава XI. Лех и путь вниз по Инду

Мы въехали в него через городские ворота. Караванбаши до такой степени был потрясен своеобразием окружающего мира, что слез с коня и с важным видом зашагал впереди каравана. Двигаясь по главной улице, миновали ряд европейских домов со стенами, увитыми пушистым клематисом, и садами, полными цветов; пересекли травянистую поляну, где среди камней струились прозрачные воды родников. Остановились на широком дворе, в тени старых ив и тополей, одетых в желтизну и пурпур поздней осени. Посередине двора расположилось бунгало – просторный одноэтажный дом с верандой.

Лех. Вид базарной площади и дворца. (*E.F. Chapman*, 1875)[4]

День был тёплым и солнечным. Сам факт прибытия в город, возможность принять ванну и ночевать в доме после нескольких недель палаточной жизни среди камней и снежных бурь – всё это вызвало во мне благодатное чувство душевного покоя.

Тотчас же появились продавцы дров, женщины принесли корм для лошадей. Пара маленьких девочек лет примерно одиннадцати или двенадцати, одетые, как водится, в костюмы с бирюзовой коброй на голове и козьей шкурой на спине, принялись подметать комнаты и стелить ковры на веранде. В бунгало имелось несколько комнат с ванной и туалетом; большая столовая с окнами мансардного типа размещалась посередине. Во всех комнатах полы были покрыты коврами индийского производства. Едва мы успели разгрузить лошадей, как пришли парикмахер и прачка и предложили свои услуги. Я никак не ожидал встретить такие удобства в маленьком тибетском городке, тем более что таковой расположен на высоте 3740 м.

Вечером, после ужина, расположившись в своей комнате в удобном кресле у камина, я почувствовал, что ко мне возвращаются обычные человеческие ощущения. Самая трудная и опасная часть путешествия осталась позади. Я достиг Британской Индии, страны, где существовали закон и порядок, телеграф и почта, настоящие дороги и, что очень харак-

терно, – такие вот бунгало, в одном из которых я оказался.

«Пусть мне ещё предстоит долгий путь, верхом на лошади, на больших высотах, но больше не будет горной болезни, тугека; условия путешествия будут цивилизованными; можно будет бриться каждый день и даже мыться!» Лёжа в тёплой комнате на мягкой кровати, погруженный в столь отрадные мысли, я заснул сном праведника.

На следующее утро меня разбудил радостный звон колоколов. С немым восторгом внимал я их музыке, которую не слышал на протяжении пяти горьких лет! Сколь дорога она сердцу всех русских (кроме, разумеется, большевиков), ибо возвращает воспоминания о былом счастье, о родине, о счастливой семейной жизни, воскрешает самые яркие картины детства, родного дома и светлых праздников! Звонили церковные колокола Моравской миссии, осуществлявшей христианскую работу в Ладакхе²⁷⁵. Через открытое окно и золотистую листву деревьев в комнату проникали лучи утреннего солнца. Небо было ярко-голубым, воздух свеж и прозрачен.

В тот день, в воскресенье, меня пригласили на обед в Моравскую миссию. Любезная хозяйка, госпожа Куниг, показала мне свой дом, все здания и помещения миссии, восхитительный сад, утопавший в цветах душистого горошка, кос-

²⁷⁵ Начиная с 1850-х годов в Ладакх проникало европейское влияние; в 1885 году в Лехе была основана миссия протестантской Моравской церкви («Моравские братья»). См. о Ладакхе на сайте <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ладакх>.

меи, годееии, огроонных пеларгоний и многих других, огород с различными овощами, где также росла клубника, лишь недавно появившаяся в Лехе. Из окна гостиной открывался великолепный вид на долину Инда, высокий горный хребет за рекой с его снежными вершинами и сползающими вниз ледниками.

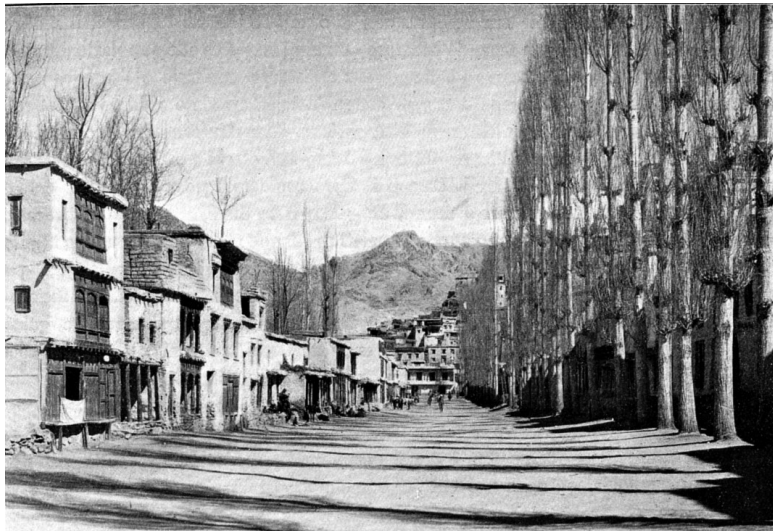
Члены и сотрудники Моравской миссии в Лехе. (Неизв. автор конца XIX-начала XX в.)

Обед был восхитителен, картофель и брокколи приготовлены отменно. Зная, как трудно сварить что-либо должным

образом на высоте более 3700 м, я был так удивлен, что моя хозяйка раскрыла мне секрет своего искусства. Весь обед был приготовлен в специальном аппарате, в чём-то вроде «пищеварки Папена»²⁷⁶, т.е. в герметичной ёмкости, находящейся под повышенным давлением пара. Ингредиенты помещаются в аппарат, крышка его завинчивается; после нагрева в течение определенного времени и выдержки готовое блюдо извлекается непосредственно перед подачей к столу.

Октябрь и ноябрь в Ладакхе – лучшее время года. В январе и феврале очень холодно, иногда внутри каменных домов даже холоднее, чем на улице. Весна начинается поздно, деревья распускаются не раньше июня.

²⁷⁶ «Пароварка» (steam digester), изобретенная французским физиком Дени Папéном (Denis Papin) в 1679 году; предшественница автоклава или бытовой «скороварки».

Лех. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Вот главная улица Леха: она засажена тополями и не раз была запечатлена на фотоснимках; на тех, что я видел, тополя были ещё саженцами. Теперь передо мною стояли взрослые, даже старые деревья, скрюченные и шишковатые. Безусловно, для тополей здесь слишком высоко, но их блюдут, за ними ухаживают. Неподалеку от базара ствол огромного тополя наклонился над аллеей, и чтобы он не рухнул, под ним установили железную опору. Лавок на базаре немного, товары в них не особенно интересны, но торговцы могут предложить на рассмотрение различные редкие антиквар-

ные вещицы из Лхасы. Я, например, приобрел старинную фарфоровую чашу-пиалу купно с медным ларцом. Пиала – неотъемлемая спутница каждого тибетца, он всегда носит её где-нибудь у себя за пазухой: так было принято у скифов и, до недавнего времени, у их потомков, киргизов. Люди победнее используют чаши деревянные, более обеспеченные – таковые же, но оправленные серебром, затем по ранжиру следуют полностью серебряные и, наконец, фарфоровые в серебряной оправе. А у многих лам даже есть кубки, сделанные из черепной коробки человека на подставке из серебра, какими пользовались когда-то болгарские ханы. Ещё один незаменимый предмет в обиходе тибетцев – ложка, которая всегда висит у них на поясе. Ложки, размерами до 15 см в длину, делают из металла, и бывают они двоякого вида, для мужчин и для женщин. Те и другие замысловаты: нижняя часть служит для зачерпывания бульона или чая, а верхняя – для размешивания *саму*, т.е. баланды из жареной ячменной муки с чаем или водой.

Но более интересными, нежели товары, являются человеческие типы, кои можно встретить на здешнем базаре. Здесь и тибетцы из Лхасы, расположенной в трёх месяцах пути отсюда; и кашмирцы, часто одетые весьма живописно и нарядно; индусы из Пешавара; крепкие горцы из Балтистана, чьи серые костюмы настолько сливаются со скалами, что когда они отдыхают на обочине дороги, их едва можно различить; неуклюжие кашгарские сарты с длинными халатами; и про-

чие, и прочие.

Лингва-франка²⁷⁷ здесь – это наш среднеазиатский тюркский, и редко встретишь человека, который говорит по-английски. Тибетский язык весьма трудно выучить до такой степени, чтобы говорить на нём правильно. Ибо в современном виде он состоит из двух своих подмножеств, необходимых в повседневном общении: язык, используемый между людьми социально равными, и более формальный, на котором дозвоительно обращаться к человеку более высокого ранга, например, слуге – к своему хозяину. Помимо того, существует ещё *классический* тибетский язык, который не понимают даже многие ламы. По таковой причине бывает забавно читать рассказы некоторых путешественников, повествующих о том, как они «изучали тибетский язык у лам» в Ладакхе и читали «древние манускрипты в монастырях» с дивными историями о пребывании Иисуса Христа в Тибете, где он, якобы, провел несколько лет в качестве *чолы*, т.е. ученика в тибетском монастыре. Подобная чушь была написана одним русским путешественником²⁷⁸ около тридцати

²⁷⁷ Лингва франка (итал. lingua franca «франкский язык») – язык или диалект, систематически используемый для коммуникации между людьми, для которых родными языками являются языки иные. http://ru.wikipedia.org/wiki/Лингва_франка.

²⁷⁸ Имеется в виду Николай (Шулим) Александрович Нотович (1858–1916) – российский разведчик, писатель, журналист, дворянин и казак-офицер. Написал по-французски книгу «Неизвестная жизнь Иисуса Христа», которая более известна как «Тибетское Евангелие» и якобы содержит ранние проповеди Иисуса и предполагает, что Иисус некоторое время жил в Индии. <http://ru.wikipedia.org/>

лет назад, а совсем недавно её снова разнес по умам русский художник Рерих²⁷⁹.

Послеполуденное время я был занят тем, что ублажал кашгарцев, спутников-керекеши моего каравана, которым скоро предстоял путь домой. Купили барана и зажарили его целиком, приготовили неограниченное количество чая с булочками, сушеными фруктами и т.д. То был знак благодарности за благополучное завершение трудного и опасного путешествия, *Худай*, как называют его в Туркестане, моё приношение Аллаху. Караванбаши и керекеши, со своей стороны, благодарили меня и желали доброго пути в Кашмир. Они были особенно признательны мне за то, что я, по их словам, «понимал, как путешествовать», не торопил их, не суетился и давал людям и животным достаточно времени для отдыха. А ведь зачастую, путешественник, привыкший к удобствам цивилизации, ставит собственный комфорт превыше всего и спешит добраться до места назначения как можно быстрее, нимало не заботясь о нуждах каравана. Таковой вскакивает на лошадь сразу после завтрака, не понимая, что его слугам нужно время, чтобы собрать вещи, свернуть лагерь и загрузить животных. Забывает, что его обязанностью является последним покинуть бивуак, убедившись лично, что всё правильно упаковано и погружено, что вьючные животные могут идти в ногу с верховыми. Спешить при этом – вопию-

[wiki/Нотович, Николай Александрович.](#)

²⁷⁹ Подробнее см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Тибетское_Евангелие.

щая глупость, ибо последствия могут стоять жизни не только животным, но и караванщикам.

Во дворе нашего бунгало жила маленькая девочка лет десяти. Каждый вечер я видел, как она, по-праздничному одетая, расцветая в улыбке, входила во двор с корзиной, полной... конского навоза! Собрание сего ценнейшего продукта на улицах входит в обязанность детей и производится посредством особой лопатки с длинной ручкой. То ж принято и в Кашгаре, но там дети не столь брезгливы, и собирают навоз руками. Однажды, когда после сильного ветра улицы покрылись опавшей листвой, для сбора таковой высыпали на улицу многочисленные дети, по большей части девочки вплоть до малышей пяти-шести лет; все были одеты в традиционные костюмы, имели на голове бирюзовую кобру, а на спине – маленькую корзинку.

Ещё одним очень характерным украшением тибетских женщин служат браслеты из конических раковин. Их надевают на запястья ещё в детстве и носят до конца жизни, поэтому, повзрослев, женщина не может их снять, даже если бы захотела. Так символизируется подчиненное положение женщин. Те из них, которые обращаются в мусульманскую веру, заменяют свои браслеты на серебряные. Молодые девушки недурно выглядят, но быстро стареют, их лица становятся морщинистыми и некрасивыми, кожа темнеет, и тогда в ход идёт ярко-жёлтый сок ягод в качестве косметического средства, с двойной целью: защититься от солнечных ожогов

и от дурного глаза.

Но не следует думать, что представительницы прекрасного пола в Ладакхе подчиняются своим мужьям в той же мере, как и женщины магометанских стран Азии. Напротив, Ладакх, или Малый Тибет является единственной в мире страной, где до сих пор преобладает многомужество – вид семейных отношений, официально признанный государством и религией, для европейцев совершенно непостижимый, отталкивающий нас и граждан других стран-соседей, равно мусульман и индусов. Здешняя тибетская семья состоит из нескольких братьев, которые имеют одну жену. Точнее говоря, женится старший брат, но через неделю он передает свои права следующему брату, и так далее. Таковых братьев, делящих между собой расположенность одной жены, может быть до четырех или пяти. Но это далеко не всё. Прекрасная «половина» семьи имеет право дополнительно, на своё усмотрение, выбрать ещё кого-нибудь на стороне. Такой избранник становится полноправным членом семьи, считается братом и пользуется со всеми остальными братьями не только привязанностью их общей жены, но и правами на всё их имущество.

Дочери богатых и знатных тибетцев имеют право на выбор мужей, и те становятся членами семей своих жён и участвуют в общем имуществе. Иногда выбор девушки приходится на парня без общественного положения, и тогда, как бывает в сказках, он сразу становится богатым, видным и счастли-

вым обладателем прекрасной девы. Но иной раз может случиться, что избранника постигнет, как тоже бывает в сказках, и злая судьба. Если ему не удастся угодить молодой леди или она разочаруется в своем возлюбленном, то через неделю его могут выгнать из дома и вернуть в прежнее состояние, причём по обычаю, ради смягчения удара судьбы, несчастный бывший муж получает компенсацию в виде овцы. Но даже если он и сподобится пережить неделю испытательного срока и станет постоянным мужем, за женой остается право добавить ему «братьев» *ad lib.* (на своё усмотрение). Нелегко объяснить происхождение столь странной формы брака. Во всяком случае, это не связано с недостатком женщин, поскольку треть мужского населения и лишь небольшая часть женского проводят свои дни в безбрачии монашеской жизни. Согласно Юлию Цезарю, многомужество было также распространено в древней Британии²⁸⁰.

Религия Ладакха, ламаизм, является печальным примером извращения, которому может подвергнуться возвышенное вероучение, если оно не сопровождается духовным развитием и просвещением. Чистое нравственное учение Будды было превращено в смесь суеверий, диких верований и противоречий. В то же время известно, что в средние века буддизм был широко распространен среди горцев северной

²⁸⁰ Гай Юлий Цезарь плавал в Британию дважды, в 55 и в 54 годах до н.э. По его наблюдениям, у древних кельтов Британии отцом всех детей жены-героини считался мужчина, «первым вошедший в её дом».

Индии и оказал благое влияние на обычаи народа. Во многих районах даже была отменена смертная казнь, и серьёзные преступления просто наказывались изгнанием в более дикие горные области. Основой религиозных воззрений ламаистов лежит идея о необходимости искупления греха в этой жизни посредством молитв, дабы избежать страданий в жизни следующей. Религиозные воззрения и танцы лам, с их гротескными и ужасными масками, внушают простому тибетцу представления о мире ином и чудовищах, его ожидающих. Спасением, конечно же, могут быть только молитвы лам. Поэтому каждая тибетская семья посылает сына или дочь в монастырь, чтоб те молились за грехи, но всё же оставляют ветру и воде рутинный труд непрерывно молиться небесам с помощью флажков и молитвенных барабанов.

Существуют две основные секты лам: *красная* и *желтая*. В первой монахам разрешено жениться и заниматься сельским хозяйством, а во второй не разрешается ничего, что не касается религиозных действий. Монахи и монахини не отделены друг от друга, последние скорее являются послушницами в мужских монастырях, т.е. выполняют различные обязанности: носят воду, пекут хлеб, готовят еду и т.д.

Помимо ламаистов, среди жителей Ладакха есть много мусульман и индусов, поэтому в Лехе не видно той гармоничной картины быта, каковой отличается уединенная долина Нубры. И всё же Лех – необычайно самобытный город. Своим живописным видом он во многом обязан мас-

сивному каменному замку, что возвышается над городом и долиной. Требуются определенные усилия и выдержка, чтобы подняться к нему по узкой лестнице, вырубленной прямо в скале. В этом замке сто комнат, все словно тёмные мрачные мешки, полные пыли, и лишь одна из них содержится в приличном виде, поскольку предназначена для новогоднего визита наследственного правителя Ладакха. Он обитает здесь один лишь месяц, а остальное время предпочитает более приятное место на левом берегу Инда. Старый замок пробуждает мысли о далеком и таинственном прошлом, о легендах и происхождении этого странного народа и земли, затерянных в тумане древности, до сих пор ещё не известных цивилизованному миру Европы.

Очаровательной картиной стал для меня матч по национальной игре поло, организованный представителем махараджи Кашмира. Раньше в поло играли на главной улице города, аллее тополей, но в тот момент для этого служила специальная площадка за городом, между стеной замка и полем с ячменным жнивьем. Отсель на юге, за руслом Инда, взору предстал внушительный гребень, увенчанный снежными вершинами и ледниками. На севере громоздился утёс со старым замком наверху, а за ним – скалистая гора с тёмным и мрачным монастырём, перестроенным из ещё более древнего замка – во время матча я наблюдал за ним, освещенным лучами заходящего солнца. Играли все: тибетцы, мусульмане, индусы. Зрители разместились на стенах сада и везде, где

только можно было найти место. Здесь были тюрбаны и фески, шапки лам и тибетцев. Местный оркестр играл в честь победителей. Можно ли вообразить более живописный фон для древней азиатской игры, берущей начало с легендарных времен императора Афрасиаба?

Представитель махараджи явился на матч в сопровождении нескольких слуг и прирученного *кианга* – тибетского кулана, *Equus kiang*²⁸¹, внешне похожего скорее на светло-гнедого мула, нежели на лошадь или осла. Его легко приручить, но нельзя ни оседлать, ни запрячь.

²⁸¹ Кианг (лат. *Equus kiang*) – вид млекопитающих семейства лошадиных (*Equidae*). Встречается в Тибете и прилегающих районах. Кианг является близким родственником кулана, однако несколько крупнее и имеет большее сходство с лошастью. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кианг>.

Ладакхский кианг. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

В киргизских степях Тургайской и Акмолинской областей до сих пор обитает близкородственный вид – джигитай, или монгольский кулан, *Equus hemionus*. Когда-то у меня был такой, его ещё жеребенком поймал один киргиз, выкормил посредством кобылы и приручил. Забавный был питомец, но с возрастом его нрав испортился. Эти дикие ослы встречаются в Тибете большими стадами в сто голов и более. На протя-

жении восьмидневного пути из Леха в Лхасу, на открытом бесплодном плато встречается множество киангов, а также диких яков, но охотиться на них запрещено. Кстати говоря, описанный ещё Н.М. Пржевальским дикий як – первоклассная добыча, ибо охота на него требует величайшей выдержки и смелости и сродни поединку между испанским матадором и разъяренным быком. Ладакх полностью заслуживает репутации отменной страны в плане спортивной охоты.

Воздух в долине Инда чист и прозрачен, и горячие лучи солнца обжигают лицо и руки, но в помещениях, куда солнце не проникает, температура может быть ниже по сравнению с наружной на 20-30°C. В то же время воздух очень сухой, даже более сухой, чем в долинах Кашгари, атмосферных осадков мало, 100-130 мм в году. Поэтому зимой снег в горах не тает, а просто испаряется; снеговая линия проходит на высотах 5800-6100 м над уровнем моря. Воды для орошения мало, поэтому мала и площадь сельскохозяйственных земель; большую часть поверхности страны занимают бесплодные горы, скалы и каменистые грунты.

В географическом, равно этнографическом и политическом отношении Ладакх относится к Индии, но природа здесь такая же, как в Центральной Азии, с её засушливыми пустынными горами, те же здесь тамариск, тополя, ивы, элагнус (лох) и арча. Хребты Гималаев на юге лишают Ладакх влаги муссонов, и долина Инда местами напоминает долину реки Чу в Семиречье. Первое упоминание в литературе о

сей загадочной горной стране содержится в книге китайского паломника Фасяня²⁸² (400 г. н.э.), который в поисках «источника чистой веры» посетил Ладакх, столь хорошо скрытый природою от внешнего мира.

Но, несмотря на защиту, предоставленную природой, особенно на севере, Ладакх однажды в своей истории пережил вторжение именно с той стороны, по той самой ужасной дороге через Каракорум, описанной мною. В 1531 году Саид Даулат-бек, султан Кашгара²⁸³, с армией в 14000 человек, вторгся в Ладакх. Часть прорвалась в Кашмир и там перезимовала. В следующем году армия двинулась на завоевание Восточного Тибета, но почти вся погибла, не выдержав трудностей похода. Удивления достойно, как смогла преодолеть горную пустыню Каракорум столь многочисленная рать, и как султан Саид сумел организовать её снабжение.

Я пробыл в Лехе три дня, прежде чем смог составить новый караван из тибетских пони с местными погонщиками. На четвертый день в полдень я попрощался с гостеприимной хозяйкой Моравской миссии и снова тронулся в путь. Городские ворота на западной стороне Леха абсурдно маленькие, больше похожие на дверь дома. Караван вытянулся в длин-

²⁸² Упоминался ранее; см. ссылку 57.

²⁸³ Здесь, по-видимому, под одним именем «смешаны» две разных личности: вторгся Султан Саид Хан (см. сноску 256). Эпизод упоминался П.С. Назаровым в связи с источником Даулат-Бег-Ольди («Даулат-бек умер»), который будто был так назван «для увековечивания памяти о Султানে Саиде». Даулат-бек был не султаном, а торговцем, которого убил в том месте его попутчик.

ную линию и двинулся вниз по ровной долине Инда. На сей раз он выглядел иначе, нежели мой предыдущий, ибо выючные пони были чуть больше ослов, так что мой конь казался среди них великаном. Все погонщики были выходцами из бхоти, все одеты в серое, в странных шапках, с большими кольцами в ушах и браслетами на запястьях. На спинах у некоторых висел маленький котелок в сетке, у других – предмет, похожий на железный колчан и служащий для приготовления чая. Вот как здешний чай готовится: вода кипятится с содой в кастрюле, туда засыпается чай, отвар переливается в цилиндр-колчан, куда добавляется щепотка соли, немного поджаренной ячменной муки и масла, а затем все это хорошо перемешивается деревянной ложкой. Напиток получается густой, как шоколад, недурной на вкус и весьма питательный. Подобный способ приготовления чайного отвара, только без соды, распространен во всей Монголии, Забайкалье, среди бурят и даже русских. В условиях высокогорья Тибета обычный «китайский» чай не используется, ибо вкус его неприятен, в то время как чай, приготовленный местным способом, является основным продуктом питания бхоти.

Меня очень удивила тишина на остановках и бивуаках, не слышно было ни криков, ни шума, ни даже лая собак, и можно было проехать по дороге мимо, не узнав, что неподалёку расположился большой караван. Такой вот замечательный контраст с моим прежним отрядом, покидавшим Кёк Яр, где ругань керекеша сливалась с ржанием лошадей, сердитым

фырканьем верблюдов и отчаянными воплями ослов.

По дороге из Леха в Сринагар используются только лошади и яки. Верблюды оказались бы здесь весьма полезны, но одногорбый верблюд равнин никогда бы не выдержал сурового холода Ладакха. Наш двугорбый, так называемый бактрийский верблюд великолепно приспособлен к холодным и сухим зимам степей, но не смог бы пересечь ледники и морены. Он красив в своей зимней шубе; густая, пушистая шерсть покрывает всё его тело, словно одеяло; волосатая бахрома защищает его длинную шею от холода, когда он спит на земле; его волосатые ноги похожи на мешковатые бриджи или гольфы; на голове масса вьющихся волос подобна парикку. Благодаря такой защите наш верблюд спокойно переносит суровейшие морозы тургайских степей, когда температура опускается ниже точки замерзания ртути. Всё, что ему нужно для ночлега, это чтобы снег был убран, иначе, растаяв, таковой потом замерзнет на его животе в виде ледяной корки. Видимо для той же цели – переносить ночёвку на холодной земле, природа наделила яка плотным волосатым покровом, полностью покрывающим его брюхо.

Интересно, что в Ладакхе почти все животные зимой обрастают подшерстком из очень тонкого пуха, известного под названием *пашмина*²⁸⁴ (pushmin), что сродни нашему русско-

²⁸⁴ Пашмина (от перс. – пух) – тонкая, мягкая, тёплая ткань, получаемая из пуха (подшёрстка) кашмирских горных коз, или как их ещё называют, кашемировых коз (один из видов *Capra hircus*). Родиной кашемировых коз являются Гималаи, преимущественно Ладакх (Малый Тибет). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Пашмина>

му слову «пушнина». Мягкий пух ладакхских коз служит материалом для знаменитых кашмирских шалей. Собственно козы Кашмира не дают такого пуха по причине мягкой и влажной тамошней зимы, поэтому материал для шалей импортируется из Ладакха и Кашгара. Козы южного Урала и Приуральской степи отрачивают такой же пух, и это породило аналогичный домашний промысел у казаков Оренбуржья: платки или косынки, известные как *оренбургские*, были похожи на тончайшее старинное кружево белого или серого цвета. Пуховый платок такого рода, размером 16 м^2 , можно было протянуть через обручальное кольцо, настолько ткань его была тонка. Но эти оренбургские платки исчезли, как и старинные кашмирские шали.

В первый день мы дошли только до деревни Спитук, расположенной на берегу Инда²⁸⁵. В её окрестностях склоны на правом берегу реки покрыты мелким сероватым песком, похожим на снег.

Пески, лежащие на склонах холмов и в окрестных долинах, словно ледники, сползают вниз по оврагам и образуют нечто вроде «пескопадов». Дело в том, что по северную сторону реки горы состоят из гранита и других кристаллических пород, которые здесь выветриваются под воздействием мороза и солнца, как это бывает в засушливых пустынных

мина.

²⁸⁵ Спитук (Спиток, Spituk, Spitok) – небольшая деревня на берегу реки Инд, в которой находится живописный буддистский монастырь.

районах, и вместо валунов, гравия и гальки, характерных для стран с обильными атмосферными осадками, образуется песок. Горы на левом берегу состоят из песчаников и сланцев, т.е. река течет вдоль пограничной линии между двух геологических формаций.

Спитук. Монастырь. (*Redtigerxyz*, 2009)[24]

Там, где дорога подходит близко к реке, возвышается холм с древней крепостью. Его живописный вид напомнил мне берега Рейна с его древними замками. Повернув направо, мы обогнули остатки древней речной террасы из типично озёрных отложений. Здесь когда-то было озеро, вероятно, красоты необыкновенной.

Миновали ряд больших чортенов и остановились в обширном саду, где в окружении высоких ив, тополей и множества лохов (*Eleagnus*), словно старинная заброшенная усадьба, расположилось одинокое бунгало. Цвели большие кумаонские ирисы (*Iris kumaonensis*), которые употребляются здесь как зимний корм для скота. Землю толстым слоем устлали опавшие листья, вдоль каналов с прозрачной водой ещё зеленела трава. Казалось мне, что вот-вот из кустов выпорхнет вальдшнеп или взлетит фазан, но, увы, то было лишь веянием чисто внешнего сходства обстановки с моим далеким севером... – в саду порхали несколько горихвосток, да стрекотали сороки. Долго бродил я по окрестностям, знакомясь с природой верховья великой реки Хиндустана, и то и дело испытывал странное чувство, будто вновь оказался в Семиречье, в какой-нибудь горной долине Тянь-Шаня.

Дорога из Сринагара в Лех была не раз описана теми, кто по ней путешествовал, она отменно проложена, удобна для езды верхом и поддерживается в лучшем виде. В местах остановок устроены бунгало, где за определенную сумму можно получить провизию и фураж для лошадей. За этим присматривает офицер, Британский объединенный комиссар в Ладакхе. Впечатление, производимое дорогой, весьма зависит от направления, с которого прибывает путешественник. Если движется он из Сринагара, то после роскошных бунгало Кашмира и езды в автомобиле по субтропикам южных Гималаев, узрит вдоль узкой дороги меж пустынных гор

лишь однообразие и бедность. Но тому, кто проложит свой путь в обратном направлении, через высоты Крыши Мира, сквозь лишения и опасности, путешествие из Леха в Сринагар сулит радость избавления от мук и всё возрастающий интерес к окружающему миру.

Лично для меня, преодолевшего путь от южного Урала через киргизские степи, Туркестан, Семиречье и Кашгарию, предстоявший участок дороги вызывал наибольший интерес. Ведь передо мною завершалось разворачивание во всех деталях необъятной панорамы изменяющегося облика местности, растительности, природы и людского быта на просторах почти половины Азии, я увидел своими глазами многое, что надлежало удержать в моей памяти. Несмотря на все лишения и опасности, коим подвергся, я ни за что на свете не променял бы своё странствие на все современные «экспедиции» самолётом в иные сколь угодно привлекательные места.

Наша следующая остановка была в горном поселке-оазисе Ниму, разбросанном в двадцати вёрстах от Спитука. Плавный спуск по отрогам гор приближал нас к Инду в том месте, где река вытекает из скалистого ущелья. Караван обогнул скалу из зелёных и тёмно-красных порфиринов, проехал ряд чортенов у её подножия и потянулся вдоль каменных оград террасированных полей. Повсюду струились кристально чистые воды небольших оросительных каналов. Маленькие домики в характерном Тибетском стиле, с нарядными балконами, виднелись среди абрикосовых деревьев,

покрытых жёлтой и пурпурной листвой; огромные деревья арчи высились словно кипарисы. Мы въехали в обширный сад по дороге, проложенной прямо под огромным чортеном, словно под надвратной церковью. На сочной луговой траве паслось несколько миниатюрных чёрных овец, в центре сада расположилось небольшое, но очень уютное бунгало. Здесь росли яблони, и было заметно теплее, чем в Лехе; весь день был ярким и солнечным.

Участок дороги от Ниму до следующей деревни Саспул украшен целой вереницей чортенов и каменных гряд *мани* длиной до сотни метров, сплошь покрытых плитами с высеченными на них тибетскими мантрами. Дальше Инд, сделав поворот влево, исчез из виду в тесном скалистом дефиле, а дорога, в обход теснины, ушла в боковое ущелье, промытое в сильно эродированных песчаниках серого и тёмно-красного цвета. Неподаляку в окружении многочисленных чортенов, больших и малых, всех видов и конструкций приютилась небольшая деревня с длинной улочкой, высокими то полями и пёстрыми абрикосовыми деревьями. Справа высились бастионы из песчаника, выветренного в самые фантастические формы. Вся картина местности предо мною была так причудлива, а цвета её столь ярки, что была достойна кисти художника. Здесь среди скал и утесов друг над другом разместились маленькие тибетские домики, один из них трёхэтажный. Самые высокие скалы и вершины увенчаны руинами древних башен и старых крепостей.

Может показаться непонятным, почему тибетцы при выборе мест для жилищ одержимы стремлением забираться как можно выше и создавать себе трудности в повседневной жизни: карабкаться по скалам, таскать воду и дрова по крутым каменистым тропам? Вероятно, сама жизнь среди гор, скал и утесов наложила отпечаток на всё их существо, так же как на лазающих по горным склонам птиц и млекопитающих, а наследственность на протяжении тысячелетий сделала таковое стремление второй их натурой.

После столь живописной деревни, которая как бы перенеслась сюда из давнего прошлого, дорога крутыми зигзагами среди валунов и старых ледниковых морен вывела нас на возвышенное пустынное плато. Местность была абсолютно голой, лишь кое-где в лощинах и между холмами росла трава и каперсы, *Capparis spinosa*. Вскоре нагнал я небольшой караван индусского торговца с товарами, направлявшегося в Скарду, столицу Балтистана. Он вез с собой палатку, складную мебель и другие полезные предметы домашнего быта. Мой новый попутчик приветствовал меня со всей учтивостью и сообщил мне ряд полезных сведений о стране, которую, очевидно, хорошо знал. В частности поведал, что зимой сюда заходят горные козлы, но местным жителям охотиться на них строго запрещено. Так беседуя друг с другом, мы шли некоторое время по дороге пешком, ведя своих лошадей в поводу.

Тем временем дорога постепенно спустилась с плато об-

ратно к Инду, в его долину, существенно расширившуюся; все удобные места её заняты полями, садами и фермами. Как и в большинстве местных деревень Ладакха, почвы здесь искусственные, созданные терпеливым трудом населения; земля очищена от камней; участки разбиты на склонах гор и холмов в виде прилегающих друг к другу террас, обнесены массивными каменными стенами, к ним проведены оросительные каналы из оврагов, иногда от довольно высоко расположенных источников.

Инд течет здесь в узком каньоне. Горы за ним, на южной стороне, высятся словно гигантская стена; ледники сползают вниз со снежных вершин, их языки висят высоко над долиной. Терраса левого берега реки сложена из пластов серых и тёмно-красных сланцев, стоящих вертикально, их зазубренные вершины голы и безжизненны.

После Саспула перешли по мосту через горный поток, впадающий в Инд. На ближайшей к мосту возвышенности виднелся древний полуразрушенный замок. Все эти древние руины, ламаистские монастыри, замки и дома выстроены из камня, что резко отличает Ладакх от Туркестана, где все здания, как древние, так и современные, построены из глины или необожженного кирпича, которые быстро разрушаются, и всё, что остается от них со временем – это кучи земли. Единственные каменные здания, которые я там видел, суть хорошо сохранившиеся, но очень древние остатки старого буддийского монастыря, находятся недалеко от китайской

границы, в ущелье Таш-Рабат, к северу от Чатыр-Куля.

Спустились к Инду и вошли в его ущелье через некое подобие триумфальной арки в виде чортена, похожего на сторожевую башню какого-нибудь средневекового города. Речной поток зажат меж двух высоких скал, на коих подвешен длинный и узкий мост местной конструкции, разумеется, без перил. Чтобы проехать по такому мосту, когда он раскачивается над бурлящим внизу потоком, нужно быть очень уверенным в своей лошади, и даже чтобы пройти по нему пешком, требуются крепкие нервы. К счастью, наша дорога не пересекала реку, поэтому сомнительное удовольствие подражать ниагарскому Блондену²⁸⁶ отпало само собой.

Всю дорогу до следующего посёлка Нурия (Снурла) мы то двигались вдоль по ущелью близ реки, то взбирались на высокие береговые террасы. Местами ущелье расширялось, и тогда вдоль ручьев, бегущих с гор, взору являлись поля, сады, дома и заросли деревьев, но затем мрачные скалы вновь начинали прижиматься к дороге. В одном таком месте моё внимание привлек крутой склон, покрытый осыпями: он был сверху донизу расписан, словно гигантской кистью, тёмно-зелёными, коричневыми и красными полосами. Гора была сложена из вертикальных пластов песчаника, ко-

²⁸⁶ Жан-Франсуа Гравеле-Блонден (фр. Jean François Gravelet-Blondin; 1824–1897) – французский канатоходец. В США приобрёл известность благодаря своей идее пересечь ущелье ниже Ниагарского водопада по канату над водой. Данный трюк он выполнял несколько раз, причём всегда в разных вариациях. http://ru.wikipedia.org/wiki/Шарль_Блонден.

торые выветрились и приобрели поразительную окраску, что возможно только в засушливых районах, где склоны гор не защищены растительным покровом.

Бунгало в Нурии расположилось над обрывом глубокой расщелины, в глубине которой бушевали зеленовато-голубые воды Инда. Местность вокруг была завалена массами валунов и галечника, но в маленьких садах деревни росло немало абрикоса и грецкого ореха; меня даже угостили маленькими вкусными яблоками. Здесь хорошо было растянуться в кресле на веранде бунгало, но думалось о другом: выбраться бы на открытую равнину, в широкую зелёную степь и, дав волю коню, промчаться по ней хорошим галопом! Но увя... вокруг меня лишь горы, скалы, ледники, теснины да пропасти... Верховая езда на столь тернистых путях возможна лишь осторожным и медленным шагом, она утомительна и скучна, требует постоянного напряжения нервов – таковая всегда меня угнетала. Я жаждал простора и свободы! Но путь ещё был долог и ничего, кроме гор не сулил. Бог один ведал, какие сюрпризы готовила мне дорога...

Да, различия между очаровательной долиной Нубры и почти бесплодной, суровой долиной Инда велики. Там, в окружении увенчанных снегом и льдом высочайших гор, отгороженная от внешнего мира, расположилась уютная долина с ровным ложем и спокойно текущим речным потоком. Здесь же повсюду овраги, крутые откосы; вершины гор скрыты за холмами; река то и дело ныряет в узкие каньоны, ревет, гро-

хочет и бурлит. Там всё причудливо, живописно и красочно, как будто явлено из неведомого, далекого прошлого; всё самобытно, пускай бедно, но приятно; на лицах жителей радость и счастье. Здесь же все серо и уныло, как будто придавлено какой-то внешней силою, что вторглась и испортила изначальный облик и самобытную жизнь страны.

«Вам надо хорошо следить ночью за лошадьми, или запереть их во дворе, – предупредил меня охранник бунгало. – Здесь есть конокрады, которые могут угнать их в Балтистан». – «Что же вы не держите сторожевых псов? – удивился я, вспомнив, каких сильных и красивых собак я видел в Нубре. – «Собак нечем кормить, а зимой с гор спускаются волки и пожирают их».

Но характер тибетцев такой же, как у бхоти: они добродушны, честны, исполнены трудолюбия. Вот одно из свидетельств последнего: на дальнем берегу реки тибетцы собирают среди скал по чуть-чуть, с величайшим трудом и риском для жизни, маленькие копны травы; когда зимой наступят морозы, траву переправят через реку в деревню. А вот чего здесь нет, того нет: не слышно мелодичных песен Нубры, не видно танцев бхоти.

Наш следующий привал пришелся на маленькую деревню Халтзе с её приятными на вид домами и старыми деревьями на крутом склоне долины; здесь уже были почта и телеграф. Маленькое симпатичное бунгало расположилось высоко, ниже раскинулись поля и дома тибетцев. Под огромными тени-

стыми деревьями грецкого ореха сложены тюки с товарами, здесь же расположился караван яков и лошадей. По другую сторону Инда массивной стеною вздымался горный хребет.

Неподалёку от здания почтовой конторы красовалась вилла миссии, построенная в тибетском стиле²⁸⁷. Преподобный Берроуз и его супруга любезно пригласили меня отобедать с ними, и я провел три приятных часа в их очаровательной компании. Они жили здесь уже не первый год и хорошо знали Балтистан, так что беседа оказалась для меня весьма полезной. Мистер Барроуз не только врачует души туземцев, просвещая их христианским учением, но и лечит их телесно, возвращая зрение слепым путем искусного лечения катаракты.

Кстати говоря, тибетцы гораздо более гуманно относятся к своим страждущим, чем жители Кашгара. Как я уже отмечал, многие паломники лишаются сил и болеют во время хаджа (в основном дизентерией); таковых благоверные просто бросают на произвол судьбы. Незадолго до моего приезда один индус подобрал мусульманскую женщину, брошенную на обочине дороги, и привез её в Лех.

Гостеприимные миссионеры снабдили меня обильным запасом свежих овощей со своего огорода, а также номерами индийской газеты «The Pioneer», которую я с удовольстви-

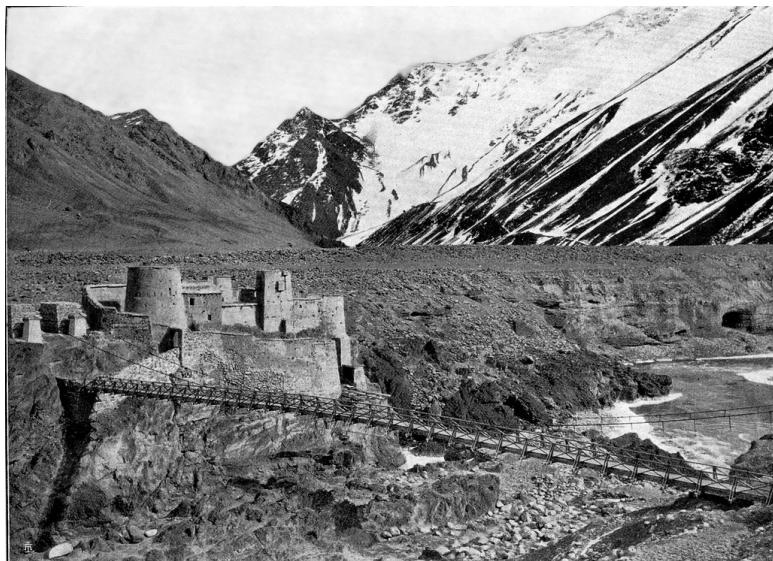
²⁸⁷ Немецко-моравская церковная миссия, открывшаяся в Лехе в 1885 году, имела отделение в Халтзе (Khaltse). Действовала до обретения Индией независимости в 1947 году; играла заметную роль в медицинской и образовательной сфере, но мало преуспела в деле обращения местных в христианскую веру.

ем читал в далёком Кашгаре. Деревня Халтзе, несмотря на почту и телеграф, является по сути оторванной от внешнего мира дырой, и я всегда испытывал чувство глубокого уважения к самоотверженным труженикам, которые ради христианского долга посвятили свои жизни гуманным целям в диких и пустынных уголках земли.

Погода по-прежнему была великолепной, небо безоблачным, когда наш караван ранним утром покинул деревню. Миновали группу чортонов и спустились к Инду, где дорога разделилась: одна шла по правому берегу в Скарду, а другая по мосту через Инд – в Кашмир.

Интересен и красив был мост. Река, зажата в том месте вертикальными скалами, сужалась, но всё же оставалась весьма широкой. Подход к реке с правой стороны защищен замком, в точности похожим на настоящий средневековый европейский *tête de pont* (предмостное укрепление, плацдарм) с башнями, бойницами, крепостными стенами и огромными воротами. Въехав внутрь крепости, путешественник минует узкий двор и попадает прямо на мост, длинный, прогнутый и качающийся словно колыбель. На противоположном, левом берегу мост выводит прямо к отвесной скале, а дорога резко поворачивает вправо и поднимается на террасу. Хотя с близкого расстояния крепость оказывается весьма хлипкой конструкцией, сложенной на обычной глине и имеющей скорее декоративный, нежели оборонительный характер, вид на реку, мост, скалы и замок очень

красив и вполне достоин служить антуражем великой реки
Далее тропа круто свернула в узкое и мрачное боковое
ущелье и потянулась по уступам над стремниной, гремевшей
внизу среди нагромождений скал, камней и конгломератов.

Мост через Инд в Халтзе. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Глава XII. Переход Ламаюру – Драс

Итак, мы покинули долину Инда и двинули свой караван
в южном направлении, по узкому каньону, похожему на глу-
бокую трещину в скальном массиве. Внизу гремел поток ре-
ки Йону, берущей начало под перевалом Фоту-ла (4270 м).

Узкая тропа прижималась к почти отвесной стене и поднималась над руслом на значительную высоту. Кое-где она была настолько разрушена, что проезд был едва возможен; местами были отчётливо видны следы сорвавшихся вниз животных. На таких участках приходилось вести лошадей в поводу. Вообще надо сказать, что подъём из долины Инда к высотам Ламаюру оказался одним из опаснейших отрезков этапа, хотя и не лишенным красоты.

Вскоре мы достигли того места, где тропа переходила с одного берега на другой. Над мчавшимся в глубине каньона потоком висел очередной мост. Но, к немалому удивлению моему, и большему – моего коня, таковой был, на сей раз, снабжен... перилами! При виде столь необычного явления, как перила вдоль моста, мой верный спутник так опешил, что встал как вкопанный. Пришлось мне выйти на мост первым, дабы лично подать ему пример мужества и отваги.

Поблизости, как ни странно, явилась взору маленькая каменная хижина с крошечным садом, совершенно одинокая в этой бесплодной горной расщелине, ибо далее вокруг не было ровно ничего, кроме голых скал.

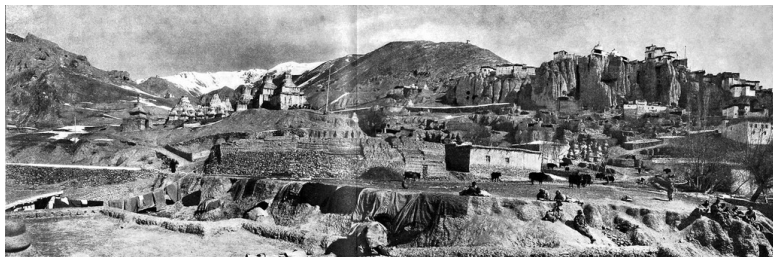
Затем путь стал ещё хуже: исчезли уступы на крутом скалистом склоне, и тропа пошла по искусственным опорам, выложенным из камней, по участкам трудным и опасным. Мрачные скалы здесь состояли из конгломератов, гранита, сиенита, гнейса и сланцев, очень твердых, тёмно-зелёных и красных, напоминавших яшму.

Вдруг каньон сузился ещё более и превратился в столь узкую щель среди огромных скал, что вокруг не стало никакого обзора; где-то внизу ревел невидимый водопад. Тропа резко свернула вправо и серпантинном пошла вверх по крутому склону. Здесь опасно было двигаться верхом, но и пешком идти утомительно вследствие высоты. Извивы тропы были коротки и круты, и караван подо мной выглядел так, будто ползет по лестнице. Упади здесь лошадь, ничто не спасло бы идущих под ней, все вместе рухнули бы далее вниз. Между тем, бедные животные с трудом преодолевали крутой подъём, и нам приходилось останавливаться каждые несколько минут, чтобы дать им хоть немного отдышаться. Когда мы оказывались на вершине гребня, нам приходилось то подниматься, то спускаться по узкой тропе, извивавшейся над крутыми обрывами. Иногда достигали самого русла, и некоторое время двигались по долине; в таких местах река мирно текла, журча среди камней.

И вот снова подъём по серпантину крутого откоса, снова путь узкий и опасный по краю пропасти, из коей доносился рёв бушующего каскада. Окончание подъёма венчал одинокий скальный жандарм, столб из конгломерата, торчавший словно указательный палец. Итак, преодолев две ступени очень крутого подъёма, очутились мы на обширном холмистом плоскогорье, чья поверхность представляла собой сильно эродированные озёрные отложения. На верхнем краю крутого откоса прилепились монастырские здания, среди ко-

их, судя по внешнему виду, были как старинные, так и построенные сравнительно недавно. Толща лёссовых скал изрыта пещерами – кельями отшельников. Это был знаменитый монастырь Ламаюру²⁸⁸.

Бунгало, где я остановился, расположилось на небольшом возвышении, с верандой на юг, к скалистой горе, у её подножия струился ручей, окаймленный ивами. От Халтзе было всего около 16 вёрст, но мне потребовалось четыре часа, чтобы проехать их, настолько крутым и утомительным был подъем от Инда на плато Ламаюру. Караван прибыл через час после меня.

Ламаюру. Панорама. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Трубный глас, зовущий к молитве, доносился из ламаистского монастыря и сливался со звонкими голосами клушиц,

²⁸⁸ Ламаюру – один из ранних монастырей Ладакха, находящийся в долине верхнего Инда, в 127 км на запад от Леха. Основан в XI веке; относится к направлению буддистской школы Дрикунг Кагью («Красные шапки»). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Ламаюру>.

летавших над склонами. Отобедав, я отправился взглянуть на монастырь.

Среди множества других зданий, расположенных на вершинах лёссовых столбов, одно выделялось особенно – с виду новое, выкрашенное в белое, с балконами, нависающими над обрывом – оно явно довлело над всеми прочими. У подножия горы расположилось множество чортенов; здесь же источник с кристально чистой водой струился вниз по склону. У родника суетились женщины, несколько монахинь в том числе, с большими металлическими сосудами за спиной, в коих носят они воду для монахов. Казалось бы, куда удобнее, проще и практичнее, а также гуманнее использовать ослов, как это делают в Кашгаре. Но, видимо, снабжение монахов водой считается почётной обязанностью прекрасного пола, в то время как сильный пол целиком призван к исполнению молитвенных священнодействий. Впрочем, представители такового не слишком утруждают свои головы чтением священных книг, а предпочитают делегировать молитвословие более удобным и эффективным водяным колесам.

Я поднялся выше и увидел, что весь холм представляет собой целый лабиринт домиков, каменных загонов для скота, дворов и извилистых улочек. Затем вошел в длинный, почти закрытый коридор со ступенями, вырубленными прямо в скале. Он круто поднимался вверх, маленькие окошки, прорубленные в наружной стене, тускло освещали неровные скользкие ступени. Всё было грубо, просто, но в то же время

ИСПОЛНЕНО ТАИНСТВЕННОГО СМЫСЛА.

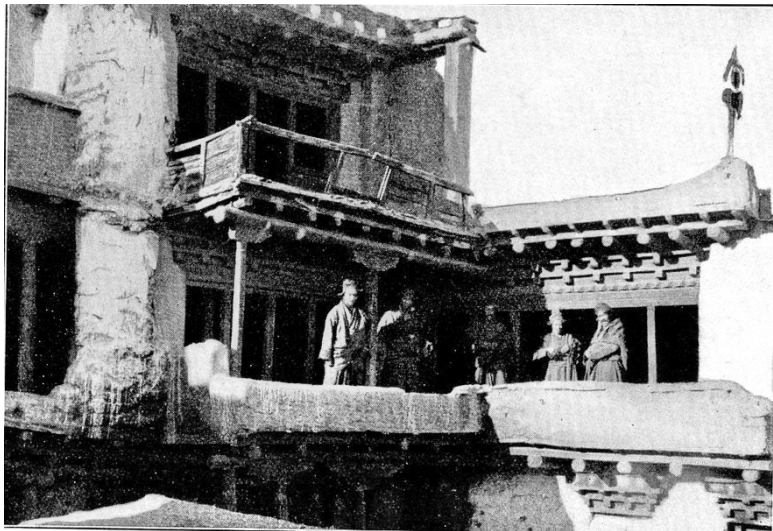
Молитвенные барабаны в монастыре Ламаюру. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Странным и почти болезненным было чувство, которое испытал я в странном проходе, в атмосфере истинной древности, как будто очутился в подземном мире, где чудом сохранилась жизнь минувших тысячелетий. Здесь попутно нагнал я молодую монахиню, согбенную под тяжестью железного бака с водой; бедняжка шла медленно, задыхаясь. Воистину, не лёгок путь к воздаянию за службу монахам и ла-

мам!

Коридор вывел на открытое место, с которого моему взору открылась прекрасная панорама. Далеко внизу серебрилась лента реки, и заунывный, едва слышимый крик чиби-са доносился с её берегов. Тем временем странный туннель продолжал тянуться вверх. Переход от яркого солнечного света, от жизни, что осталась где-то внизу долины, в мрачные недра массивной скалы не может не впечатлить. Я даже замер в нерешительности. И вдруг из темноты явилась фигура ламы с добродушным лицом и рыжими волосами; вежливым жестом он пригласил меня последовать за ним наверх. Туннель резко повернул вбок, и мы оказались на самом верху утёса, где над обрывом расположилось трехэтажное здание монастыря. Путь к нему проложен по верху высокой стены, которая, вероятно, построена с чисто декоративными целями, ибо с неё сквозь бойницы ничего не было видно, кроме голубого неба.

В главном здании монастыря размещены: кельи монахов, библиотека и конторы; в большом зале – образа, статуи, на столе кадила, свечи и прочая атрибутика буддистского обряда, включая фаллосы, вылепленные из теста. Образы выполнены в индийском стиле, но есть и фрески святых с нимбами вокруг голов, как на наших христианских иконах, есть и странные фигуры, похожие на крылатых львов.

Балкон монастыря Ламаюу. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Я вышел на балкон – захватывающая картина! Словно парить в воздухе, а вокруг лишь синева небес, будто весь мир остался где-то там, далеко внизу. Воистину странное чувство: стоять на тверди, видеть синее пространство и более ничего, с взором, предстоящим самому Небу! Начинаешь понимать, откуда оно взялось, это вечное стремление лам к высоте, и что движет ими в их молитвенном порыве в воздушном пространстве над грешным миром. Чувство религиозной экзальтации должно быть особенно сильным в час раннего утра, до восхода солнца, когда всё внизу дремлет в те-

ни ущелий, и только на высотах виден свет от солнца, ещё скрытого за горными пиками.

Никто из тех, кто видел службу тибетских лам, их одеяния, статуи, кадиланицы, свечи и проч., не может не поражаться внешним сходством между ней и службою римско-католической. Конечно, здесь не может быть и речи о подражании или заимствовании. Первые миссионеры, достигшие Востока, когда увидели буддийский ритуал, были поражены таковым сходством и объяснили его проделками дьявола, который в причинении зла роду человеческому поспешил начать с народов Востока, дабы научить их религии ложной и служению извращенному. Иезуитский священник Ипполито Дезидери²⁸⁹, который прибыл в Тибет в начале XVIII в., пришел к положительному заключению, что все несообразия ламаизма были вызваны ничем иным, как кознями сатаны.

Осматривая монастырь, я увидел в одной из комнат нескольких монахинь, готовящих обед для братии. Видимо, правила монастыря здесь не слишком строгие, и не настаивают на разделении полов. Полностью аскетический образ жизни, возможно, ведут отшельники, живущие в одиночестве где-нибудь на вершинах скал или в пещерах.

Внизу у родника дети предлагали купить у них гроздь красных ягод шиповника, взамен цветов. Тибетцы вообще

²⁸⁹ Ippolito Desideri; An Account of Tibet, edited by Filippo de Filippi (Routledge). (Прим. П.С. Назарова). Ипполито Дезидери (итал. Ippolito Desideri; 1684–1733) – итальянский иезуитский миссионер в Тибете, успешно изучивший тибетский язык и культуру. http://ru.wikipedia.org/wiki/Дезидери,_Ипполито.

очень любят цветы, особенно ноготки, *Calendula*, а когда их нет, украшают свои головы плодами физалиса, шиповника или узколистного лоха. Тибетские вóроны, *Corvus tibetanus*, коих здесь великое множество, с важным видом разгуливали среди монастырских зданий. На берегу ручья расположились несколько водяных мельниц с приводом от примитивных турбин. Сооружения эти находятся внутри низких домиков, где разместиться можно разве что сидя; единственный вход внутрь – через круглое отверстие, тщательно закрываемое большим камнем.

Ламаюру находится на высоте 3410 м над уровнем морем, то есть на той же высоте, что и Лех, но растительность здесь ещё беднее, окружающие горы совершенно бесплодны, лишь кое-где в укромных местах торчат скудные травинки, давая пропитание для немногочисленных коз местных жителей.

Монастырь Ламаюру, современный вид. (*Dmitry A. Mottl*)
[25]

Было чудесное утро, когда наш караван покинул Ламаюру, и вдоль полей, мимо длинного ряда чортонов потянулся вверх по долине. Склоны её, сложенные из конгломератов, подверглись здесь сильному выветриванию и являли собой причудливые конусы и колонны, столь характерные для засушливых мест. Кое-где разбросаны обломки сланца и жильного кварца, что наводит на мысль о золоте. Действительно, песок и гравий нижних притоков реки золотоносны, и зимой туземцам удастся намыть там некоторое количество драгоценного металла.

Наш путь по притоку реки к перевалу Фоту-ла, чья высота 4270 м, не был ни крут, ни каменист, и чем ближе мы были к цели, тем больше вокруг появлялось растительности: пятна травянистых полей на склонах, зелень заболоченных участков возле источников, низкие кустарники и дикая лаванда перóвския. Всё это радовало взор, и выезд на перевал казался подъёмом на обычную гору. Вместе с тем, на самом вер-ху взору открылась панорама бесконечной цепи голых ска-листых вершин, которая ясно говорила о том, что мы пре-одолевали очередной водораздел.

Панорама горной цепи с перевала Фоту-ла. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Справа от седловины торчали вертикальные пласты сланцев, видом своим напоминавшие груды бесчисленных досок.

Спуск с перевала оказался ещё легче, чем подъем, ибо шел он по отлогим склонам и впадинам. Через несколько вёрст, миновав несколько стен *мани*, чортенов и каменных

хижин, вышли в поперечную долину. Слева открылось устье живописного ущелья со снежными вершинами вдали, а справа, за изгибом тропы, где нашему воображению чудился крутой обрыв, нас ожидал приятный сюрприз. Долина вдруг расширилась, образуя обширный амфитеатр, прорезанный рекой, с хижинами, полями, рядами чортенов и красивым деревянным мостом через реку. Ещё пара вёрст, и мы достигли маленького бунгало, расположенного в устье бокового ущелья, из него тек канал для орошения полей деревни Карбу. К западу от бунгало стеной возвышалась огромная известняковая скала, за которой уже в три часа дня пополудни скрывалось солнце. По берегам канала раскинулись ивы, у подножия холма столпились чортены – верные свидетели тибетской набожности. Горизонт закрывали вершины, увенчанные снегами. Не было ветра, и ещё не наступил вечер, когда внезапно похолодало: это какой-то пласт холодного воздуха незаметно выполз из ущелья с поверхности скрытого там ледника.

Напротив бунгало расположилась мечеть. В этом районе среди тибетцев много мусульман, мирно живущих бок о бок с ламаистами. То была первая мечеть, которую я видел после Ак-Меджида, или, скорее, после Кёк-Яра. Чем дальше мы удалялись от Леха, тем всё больше менялся внешний вид жителей, их жилищ и одежд, тем больше отклонялись они от чисто тибетских типов, виденных мною в очаровательной долине Нубра.

Возле Карбу нередко бывают землетрясения, как, впрочем, и вообще в Ладакхе. Кстати, в ночь моего прибытия в Лех там произошел заметный толчок. Но жители Туркестана привыкли к этому явлению и не обращают на него внимания.

Утром, когда мы покинули Карбу, вода в канале замерзла. Вокруг тянулись широкие аллювиальные террасы, покрытые полями и деревушками. Проехали мимо развалин, о которых упоминал Беллью²⁹⁰, участвовавший в экспедиции Форсайта. Чем дальше мы продвигались, тем больше встречалось доступной для орошения и земледелия земли, тем больше было зелени на холмах, шире долины, гуще и благополучнее их население.

Справа от реки возвышалась одинокая скала с живописными развалинами внушительного старого замка на вершине и небольшой деревушкой, приютившейся возле её подножия. Здесь мы оставили долину реки, свернув направо, и двинулись вверх на перевал, подобный тому, что был пройден в предыдущий день, но даже ещё более лёгкий, покрытый травой, правда, уже засохшей. По дороге встретились миссионеры, муж и жена, и возле седловины перевала – де-

²⁹⁰ Генри Уолтер Беллью (Henry Walter Bellew) (1834–1892) – британский офицер медицинской службы, индийского происхождения, работавший в Афганистане. В 1873–1874 годах участвовал во Второй Яркендской миссии под руководством Томаса Дугласа Форсайта. Автор книги *Kashmir and Kashghar. A narrative of the journey of the embassy to Kashghar in 1873-74*. Переведена на русский: Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгар в 1873–1874 г. СПб, 1877. http://en.wikipedia.org/wiki/Henry_Walter_Bellew.

вушка с золотистыми волосами, одиноко бредшая с палкой в руке. Мы остановились.

– Вы швед? – спросила она.

– Нет, я русский беженец, следую из Западного Китая в Индию, затем в Европу.

Мы поболтали несколько минут. Девушка направлялась в Лех, в Моравскую миссию, дабы посвятить себя образованию туземцев, уходу за больными и распространению среди них христианства. Она тепло пожала мою руку при расставании и напутствовала:

– Да благословит вас Господь!

Столь нежданная мимолётная встреча, искренне высказанное пожелание добра произвели на меня впечатление неизгладимое. И досель думается мне: эта девушка, молодая и красивая, покинула свой дом, семью, друзей, мир культуры и развлечений. Движимая христианской добродетельностью, она отправилась в чужую, негостеприимно-холодную страну, чтобы вести там жизнь одинокую, преисполненную труда и лишений! От всего сердца я желаю ей счастья и удачи.

Перевал, что пройден был нами в тот день, был необычайно похож на предыдущий. Слева на седловине взору предстали те же сланцы с зубчатым гребнем, подобным петушину. Спуск по травянистому склону привел в широкую долину реки Вахат-дарья, иначе Вакха. На её дальней стороне один над другим громоздились ряды скалистых гребней. Слева от нашей дороги, там, где ручей впадает в реку, возвы-

шалась огромная скала, видом своим напоминающая человеческую голову; у её подножия расположилось множество тибетских домиков. По всей округе, даже высоко на склонах гор, видна была сеть оросительных каналов, с рядами ив и террасами полей. Миновали деревню Мулбек и вышли в самый конец долины, теснимой подступающими скалами. Тропа следовала по склонам северной стороны ущелья и подвела к отдельно стоящей скале с развевающимися молитвенными флагами на вершине и кучкой тибетских домов у подножия. Особо выделялось красивое здание с большими окнами, заколоченной дверью и маленьким садом; из крыши торчала скрытая по пояс статуя Будды. Дальше по дороге встретилась ещё одна большая скала с руинами замка на вершине и высоким белым монастырём. Уму непостижимо, как живущие там монахи находят дорогу по крутому склону утёса.

У самого подножия скалы расположился караван-сарай с современной мечетью, как в Карбу. Тропа вела туда сначала по уступам и искусственным подпоркам высоко над дном долины, а затем спускалась к маленькому бунгалу, стоящему в окружении тенистых ив. Внизу текла река, за ней виднелись каменные ограды и террасы полей; дальше ярусами чередовались отвесные стены конгломератов и осыпей, над ними громоздились выветренные известняковые пласты в виде причудливых башен, колонн, крепостных стен и развалин.

Тибетцы не выгуливают своих лошадей после завершения утомительного перехода, как это делают наши погонщики в

Туркестане, и парень, которому я передал поводья, дабы он выгулял лошадь, просто уселся на стенке ограды с вожжами в руке и принялся, как говорится, бить баклуши. Поскольку никто здесь не понимал нашего среднеазиатского *lingua franca*, то бишь тюркского, мне не удалось объяснить, чего я от него добиваюсь.

После обеда я отправился посмотреть на статую Будды, что торчала над крышей дома выше пояса. Во время вторжения в Ладакх войск султана Саид Бека, тибетцы закрывали статуи Будды, высеченные в скалах, обнося их стенами зданий. Они не без оснований опасались, что их «*Батты*» разрушит фанатичный магометанский полководец, для которого статуя Будды всего лишь идол, или какой-нибудь магометанский солдат изуродует святыню, как это сделал революционный французский генерал со Сфинксом, отстрелив несчастному изваянию нос.

Здесьний Будда полностью обнажен, лишь на шее ожерелье, у него четыре руки, две из которых держат змею. Охватывающий статую дом побелен, карнизы и окна выкрашены в красный цвет. В одном углу крыши, плоской, как и всех здесьних домов, разместилась большая белая ваза грубой работы с букетом из сухоцветов. Выше на скале, прикрепленные к столбам, реяли два белых шелковых полотнища, что-то вроде юбок с бледно-голубой каймой – видимо, дар статуе от какой-то важной персоны.

Отсюда открывался прекрасный вид на долину, деревню и

скалу, похожую на голову, которую заметил я ещё по дороге. На фоне безоблачного тёмно-синего неба живописно возвышалась неприступная скала с ламаистским монастырём, прилепившимся на самом краю, а над ним парил бородач-ягнятник. Вероятно, размышлял я, обитатели столь недоступного убежища не живут в таком же тесном контакте с миром и монахинями, как их собратья в Ламаюру.

Наш караван прибыл поздно и расположился в караван-сараях. Надо сказать, что тибетские пони, несмотря на скромные свои размеры, хорошо несут груз, даже если каждый день им приходится преодолевать трудные подъемы. Тибетцы относятся к своим лошадам хорошо, не бьют их, не кричат на них и не понукают бранью. Возможно, именно такое обращение вознаграждается хорошим нравом животных. Так же и араб, относящийся к своей лошади как к члену семьи, сообщает ей спокойствие и дружелюбие. Напротив, нетерпеливый и вспыльчивый нрав сарта из Туркестана, несомненно, сказывается на характере его лошади карабаира, *аргамака*. Тибетские лошади могут жить сравнительно долго и до глубокой старости сохранять работоспособность. В караване одного миссионера была кобыла тридцати двух лет, которая несла полный груз, выглядела бодрой, лишь зубы у неё изнашивались, а потому каждый день для неё специально распаривали ячмень.

На следующий день нам предстоял этап в 36 вёрст, ничего необычного для хорошей седельной лошади на равнине, но

для тибетского вьючного пони на горных тропах это немалое расстояние.

Было 24 октября, всего два месяца прошло с тех пор, как я покинул Кашгар, и теперь был недалек от цели моего долгого путешествия, Сринагара, порога европейской цивилизации. В тот день нам предстояло разбить лагерь в Каргиле, большом селе, центре административного района, где заканчивалась территория буддийской веры и культуры и начиналась область преобладания ислама. Прощайте чортены, священные каменные мантры *мани*, большие ламаистские монастыри, высокие тибетские дома, своеобразные костюмы! Лишь облик жителей, их лиц и характеров обещал остаться неизменным, мы и далее надеялись встречать представителей народа честного и добродушного.

«Там, за перевалом Зоджи-ла, вы должны быть крайне осторожны, зорко следить за своими вещами, ибо народ тамошний – страшные воры, совсем не такие, как здешние простодушные, честные люди», – напутствовали меня честным и откровенным предупреждением.

В тот день нам пришлось ехать по высоким карнизам, где узкая тропа на мягкой породе рушилась под копытами лошадей, затем по ущелью, меж скал из тёмного серпентина, мимо живописного водопада, спускавшегося вниз серией извилистых каскадов... и вновь по скалистым карнизам с искусственными опорами над пропастью, высоко над рекой. Путь то и дело преграждали боковые расщелины с узенькими мо-

стами, по которым я проезжал с замиранием сердца. Миновали деревню Даргет и достигли места, где ущелье было зажато между двух скал, одна из сланцев, другая из конгломерата. Чтобы объехать эту теснину, пришлось подняться зигзагами по крутому склону на очень значительную высоту, а затем снова спуститься к реке. Здесь, после напряженного преодоления узких карнизов было приятно расслабиться и ехать некоторое время по ровной местности среди зарослей тамариска. Равно было облегчением вновь видеть хоть какую-то растительность, пусть даже скудную. Остановились на обед в деревне под названием Паскум или Пашкюм.

Дальше долина расширилась и разбилась на поля, сады и деревни, вся в зелени и поразительном контрасте с серыми бесплодными горными массивами, её окружавшими. Однако далее она снова выклинилась в непроходимый каньон, промытый в конгломератах, и дорога пошла в обход его по крутому склону.

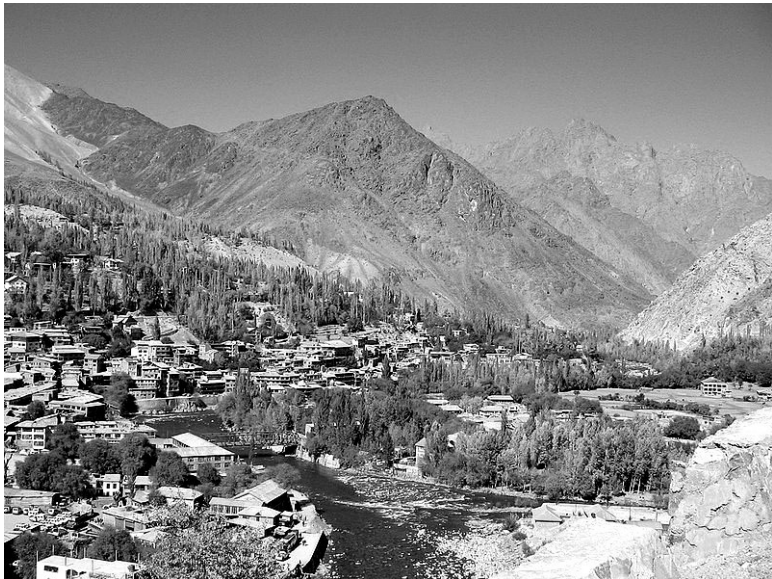
Когда достигаешь вершины, естественно, ждешь спуска, но я был удивлен, когда увидел перед собой обширную травянистую равнину. Тем более удивил меня оросительный канал, что пересекал дорогу и устремлялся в искусственный туннель, пробитый в конгломерате. Откуда же канал черпал воду, ведь равнина находилась на большей высоте, нежели ручьи и реки, оставленные далеко внизу? Мы ехали целый час по этому плато, и я чувствовал себя так, будто снова оказался в своей любимой степи, и впервые за всё долгое утоми-

тельное путешествие позволил себе роскошь двинуть рысью. Мой конь, по всей видимости, вполне разделял мои чувства.

Отсель открылся вид на глубокую и узкую долину реки Суру с городом Каргил. Дорога пошла в котловину, круто ниспадавшую к реке, по каменной кладке к длинному подвесному мосту, соединявшему две части города. На ближней стороне, на горном склоне среди садов и огородов, разделенных улочками, расположилась вилла причудливой архитектуры с арками и ажурными стенами, словно павильон на какой-нибудь выставке. То была резиденция представителя махараджи.

Подвесной мост зловеще раскачивался из стороны в сторону, так что всяк по нему идущий шатался словно пьяный. Возле моста река разлилась, подпруженная естественной плотиною, и вода стояла, как в озере, но ниже бушевала среди камней. Только перебрались на левый берег, как вновь пришлось ехать по искусственной кладке, причем довольно высокой и местами почти полностью разрушенной. Не сомневаюсь, что со временем таковая развалится вовсе.

Узкая долина реки, по сути, представляла собой расщелину с поперечным сечением в виде огромной буквы V. Она свернула влево, а дорога пошла прямо всё выше и выше среди разных зданий, мимо почты и телеграфа, пока не достигла открытого места, где в компании двух скрюченных яблонь разместилось бунгало.

Город Каргил в Ладакхе. (*Saurabh Lall, 2005*)[26]

Когда я осмотрел окрестности города Каргил, убедился, что таковые расположены на старой ледниковой морене, широкой, но ограниченной скальными бортами ущелья. Невероятным трудом и с поразительным искусством морена была разделена на террасы ровных полей, некоторые размерами не больше бильярдного стола. Поля ограничены каменными стенами, уложенными без глины и раствора, но такие ограды достаточно крепкие. Дома в городе низкие, построены не из камня, а из глины с примесью гравия, стены

неровные, нет в них той аккуратности, законченности и чистоты, что присущи домам в Ладакхе. Местные жители суть мусульмане, говорят по-тибетски, понимают язык хиндустани, но никто не понимал моего тюркского. Они носят индийскую одежду с тюрбанами (чалмами).

Мужчины Каргила занимаются экспортной торговлей, а прочая работа ложится на плечи женщин. Интересно было наблюдать, как они спускаются с холмов со связками хвороста или дров, ибо размер связки всегда много больше размера несущего, своей ношею сокрытого, что создает видимость дров, ползущих по склонам самостоятельно.

Ночь была теплой. Летом, говорят, здесь жарко так же, как в Индии, но зимы холодны и многоснежны. Утром я поднялся до восхода солнца. Небо было ясным, воздух свеж и прозрачен. Солнце взошло точно напротив веранды, огромное, огненное, пылающее солнце Индии, совсем не похожее на солнце Тибета. Горы вокруг дикие, бесплодные и необитаемые, все деревни расположены на искусственных террасах. У нас в Семиречье суть множество подобных мест, но все они пребывают в небрежении как бесполезные.

Район Каргила считается сравнительно богатым, в отличие от высокогорных областей Ладакха, Тибета и Балтистана. Въезд в последние для всякого рода экспедиций и туристов, особенно с целью спортивной охоты, ограничен. Например, количество вьючных лошадей на один караван ограничено числом сорок. Причина состоит в недостатке продук-

тов питания, которая возникает, когда гостей наезжает туда слишком много. А вот в Каргил, где есть на кого поохотиться, частенько наведываются охотники из Индии. Они забираются даже в Ладакх и Балтистан, где преследуют винторогого козла, *Capra falconeri*²⁹¹, очень желанную добычу; такой вид, могу заметить, у нас в Верхней Бухаре, в горах у реки Пяндж, далеко не редкость.

Погода стояла великолепная, тёплая, но, несмотря на это, местные жители советовали нам поторопиться, так как Зоджи-ла, перевал в долину Кашмира, мог внезапно закрыться: «Когда у нас станет облачно, – предупреждали они, – на перевале обязательно будет снег, и вы не пройдёте».

Из бунгало было видно устье реки Вакка, левого притока реки Суру, впадающей в неё как раз напротив Каргила. Внизу вдоль реки вся область древней морены занята полями и деревнями, причём дома выстроены на склонах, дабы не занимать участки земли, назначенные для посева. Напротив устья Вакки расположился форт, а чуть ниже – живописный мост местной постройки. Надо отдать ему должное: он устойчивее, нежели подвесной мост британской конструкции, расположенный выше, и гораздо удобнее для перехода. На дальней, левой, стороне реки Суру кривились улочки ба-

²⁹¹ Винторогий козёл, или мархур (лат. *Capra falconeri*) – парнокопытное млекопитающее из рода горных козлов семейства полорогих (*Bovidae*). Распространён в Западных Гималаях, Кашмире, Малом Тибете и Афганистане, а также в горах по реке Пяндж, хребтах Кугитангтау, Бабатаг и Дарвазском в Таджикистане. http://ru.wikipedia.org/wiki/Винторогий_козёл.

зара и теснились дома местных жителей.

Деревня так плотно построена и так прижата горами к берегу реки, что невозможно было различить, где, собственно, лежит наш путь. Но так или иначе, пробираясь по узким улочкам, мы вышли на уступ речного берега и двинулись вниз по долине. Через несколько вёрст свернули в долину р. Даджибал, левого притока р. Суру. На прочных каменных арках висел над рекой мост, конструкции вполне современной, европейской, но с характером несносным, ибо начал безжалостно раскачиваться из стороны в сторону, стоило только на него ступить. Как раз по нему идет дорога в Балтистан, но наш путь лежал вверх вдоль русла реки по высоким аллювиальным террасам. Здесь я впервые увидел дикую тую, *Biota orientalis*²⁹², великолепное украшение сельской местности, и многочисленные кусты особого вида смородины, *Ribes leptostachium*. Было приятно увидеть этих двух незнакомых мне представителей флоры, так как я устал от однообразия растительности за последние недели.

По дороге встретили группу пеших индусов, которые сопровождали какую-то местную знатную даму, восседавшую на лошади. Вся фигура загадочной всадницы была скрыта белой вуалью или покрывалом, и лишь крошечная яркая

²⁹² Плоскоцветочник, или Платикладус, или Биота (лат. *Platycladus*), или Восточная туя – монотипный род вечнозелёных однодомных хвойных деревьев семейства Кипарисовые (*Cupressaceae*), состоящий из единственного вида Плоскоцветочник восточный (*Platycladus orientalis*). <http://ru.wikipedia.org/wiki/Плоскоцветочник>.

черта в ней была обозначена мельканием оранжевых бриджей и красных туфель с носками, загнутыми вверх.

Дорога была очень каменистой, усыпанной валунами, и ехать можно было только шагом. Мы поднимались всё выше и выше над рекой, мимо каких-то каменных лачуг. Здесь встретили индийца в поразительной форме кашмирского офицера, верхом на первоклассной лошади с хвостом, коротко подстриженным на старомодный английский манер.

В самом конце подъема открылся вид на глубокое ущелье с узкой тропинкой, извивавшейся по высокому откосу его левого борта. От одного вида предстоящего спуска у меня перехватило дыхание: поразили огромная глубина пропасти, узость тропы и длина пути до самого дна. К счастью, всё это отчасти оказалось оптическим обманом. Просто та сторона ущелья, где виднелась тропа, пребывала в тени и потому выглядела мрачной крутой пропастью, где река, казалось, уходит в бездонную яму. Но когда проезжаешь дальше, тропа как бы расширяется, склоны становятся не столь уж крутыми и притом оживляются растениями. Здесь росли кусты шиповника и тамариска, а также красивые туи, которые с того момента стали встречаться во всё большем количестве.

Обогнув гору, следуя извивам ущелья, мы круто спускались к реке. Слева потянулись террасированные поля, орошаемые водой из ручьёв, стекавших откуда-то сверху. Я ехал верхом шесть часов без остановки, всё время шагом, по каменистой дороге, устал, был голоден и удручен, поэтому бы-

ло весьма приятно неожиданно встретить на берегу реки бунгало с караван-сараяем.

Я подумал вот о чём. Дорога, по которой мы проехали, едва ли стоит благодарности инженерам, которые её проложили. Наверное, её строили киргизы. Чтобы обойти утёс, упирающийся в реку, путь проложили через верх, тогда как не было никаких трудностей обойти его вдоль основания или прорыть туннель. Русло реки широкое и, судя по следам на камнях, места для дороги достаточно даже в половодье. Совершенно излишне утомлять путников и тащить их куда-то вверх.

Из-за толщины осыпей и ледниковых отложений трудно распознать характер коренных пород, но в Каргиле я видел контакт диорита со сланцами, а по дороге встречал выходы гранита и гнейса. Пласты древних морен золотоносны, и кое-где на откосах встречались штольни, чьи устья напоминали звериные норы. Копатели, отслеживая золотоносную жилу под землёй, часто оставляют там, под обвалами, свои кости. Поскольку не видно было выходов жильного кварца, оставалось предположить, что золото приурочено к граниту. Я попробовал сделать промывки речного песка и в нём обнаружил хризоморфные частицы.

Местные жители обитают в каменных хижинах, одеты в серые лохмотья, и цвет лица у них, особенно у женщин, тёмный, как будто их коптили. Коренные жители Каргила также одеваются в серое, на них обычно просторный шерстяной ха-

лат с бахромой по низу, который они оборачивают вокруг себя словно тогу.

На дороге встречались группы местных жителей балти из Скарду, направлявшихся в Кашмир в поисках работы. На спинах они несли масло, завернутое в шкуры и другие товары на продажу. Останавливаясь на отдых, они вешают свою поклажу на особые опоры, состоящие из палки и Т-образной поперечины. Они магометане шиитского толка, носят длинные пряди волос; в их лицах нет ничего монгольского или тюркского. Я заметил, что среди них много больных разрастанием зоба; сия (базедова) болезнь весьма распространена в Балтистане, в то время как в долине Нубра, Ладакхе, Кашмире и Гилгите встречается редко.

Балти, равно и кашмирцы, останавливаются обычно в караван-сараях, в своих длинных куртках и тюрбанах они выглядят щёгольски. Идут пешком вместе с караваном вьючных лошадей и держат очень быстрый темп. Один такой следовал из Леха в Скарду и долго держался близ моей лошади, не отставая ни на шаг.

Мы снова оказались на значительной высоте над уровнем моря, и когда в восемь часов следующего утра тронулись в путь, все лужи были замерзшими; пальцы мои от холода онемели. Дорога вплоть до самой деревни Драс пролегла по равнине, всё время плавно поднимавшейся. Не было ни крутых перепадов, ни карнизов, нависающих над обрывами, что так утомляли нас на всём пройденном пути. Казалось,

что бесконечное движение каравана то вверх, то вниз теперь осталось позади. Вдоль дороги было много искусственно орошаемых полей, кустарниковых плантаций, маленьких домиков. Миновали две деревни, Тасгам и Данфальтан. Из-за высоты было холодно, и встретившийся по пути водопад был скован льдом. Затем пересекли подножие горы с небольшим ледником на вершине. Казалось, мы снова въезжаем в высокогорную зону. Но в конце дня дорога всё же вывела нас на равнину, широкую и травянистую.

Драс, современный вид. (*Narender9*)[27]

Горы отступали вдаль, и пейзаж производил впечатление

степи, ибо тропа шла по мягкой траве, и пыль поднималась из-под ног лошадей, в точности как в наших степях в Туркестане. И вот с небольшого холма открылся восхитительный вид на долину Драс.

Она окружена высокими горами, но низ её ровный и плоский. Вдали у реки расположился собственно посёлок, группа домов в европейском стиле, в окружении садов, резко выделявшихся на серо-желтом фоне здания префектуры. Достигнув подножия склона, мы неожиданно наткнулись на здание оригинальной конструкции, одиноко стоявшее возле речки. Без веранды, под высокой конической крышей с рядом высоких дымовых труб в виде башенок с флюгарками, оно было очаровательно. Таковым зданием оказалось уютное бунгало, к нему же примыкал и караван-сарай. Здесь была масса удобств: несколько спален и большой холл в центре с камином в старомодном английском стиле, таким высоким, что в нём запросто можно было сварить хороший бульон в котле или зажарить целого барана. Вообще всё здесь напоминало средневековый европейский замок, волшебной силою перенесенный в гималайскую долину. Сходство усиливалось толстым слоем пыли на полу и на всей мебели, ветром, стонущим в дымоходе, сквозняками и немереным количеством нахальных крыс. Когда я сел обедать, они подползли к столу и стали ждать, что я приглашу их разделить со мною скромную трапезу, а некоторые даже забрались мне на плечи. Для полноты иллюзии не хватало лишь привидения, и, возмож-

но, таковое позже явилось, но я спал слишком крепко, чтобы его лицезреть.

Не столь приятен был утренний подъём, когда жестокий ледяной ветер врвался через все окна и двери. Сей «замок», очевидно, был рассчитан только на летнее проживание, а теперь наступила зима, и на вершинах за рекой уже белел недавно выпавший снег.

Отсюда дорога идет прямо до Астора²⁹³ – семь дней езды по плохой дороге через местность с богатой растительностью. В стене, ограничивающей поле неподалеку, стоят несколько каменных столбов с фигурами индийских богов. Их обнаружила здесь миссия Форсайта, запечатлела на фотоснимках экспедиция де Филиппи²⁹⁴. Франке²⁹⁵ считал их буддистскими.

²⁹³ Вероятно, упоминается долина реки Астор (приток р. Инд), которая берет начало из ледника на сев. склоне Большого Гималайского хребта недалеко от перевала Бурзил в р-не Ладакх штата Джамму и Кашмир.

²⁹⁴ Филиппо Де Филиппи (1869–1938) – итальянский врач, учёный, альпинист и исследователь. В 1913-1914 годах организовал и возглавил большую и весьма успешную научную экспедицию в Центральную Азию: Балтистан, Ладакх и Синьцзян. [http://en.wikipedia.org/wiki/Filippo_De_Filippi_\(explorer\)](http://en.wikipedia.org/wiki/Filippo_De_Filippi_(explorer)).

²⁹⁵ Август Герман Франке (1870–1930) – немецкий тибетолог. Работал в Ладакхе и Лахуле с 1896 по 1908 г. Автор труда *A History of Ladakh*. (Originally published as, *A History of Western Tibet*, 1907). Был первым профессором тибетского языка в Берлинском университете. [http://en.wikipedia.org/wiki/August_Hermann_Francke_\(Tibetologist\)](http://en.wikipedia.org/wiki/August_Hermann_Francke_(Tibetologist)).

Каменные столбы в Драсе. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Долина Драс обильно орошается многочисленными ручьями и речушками, берущими начало из источников на склонах гор, и растительность здесь намного богаче и разнообразнее, нежели в долине Суру. Дорога шла мимо руин старого форта, через приток Драса по надёжному деревянному мосту, и спустилась в ущелье, где река текла, словно в глубоком канале, вырытом в оливине, но далее, небеса знают почему, опять стала подниматься над долиной по скалистому отрогу. Здесь встретил я знакомого миссионера, преподобного доктора Кунига. Оказалось, что он ехал на том самом

каштановом лопере (рысаке), который свалился подо мной в Кашгаре и чуть не искалечил меня на весь остаток жизни. Наконец дорога обошла нижерасположенный и, видимо, труднопроходимый участок ущелья по довольно неприятному искусственному карнизу и снова спустилась на дно долины.

Появились кусты приземистого можжевельника, острова на реке покрылись кустарником. В боковых ущельях виднелись то старые морены, то ледники у подножий вершин, то склоны, покрытые свежавыпавшим снегом. В местах, где царилась тень, дорога уже промерзла.

Глава XIII. Конец пути!

Проехав десяток вёрст, мы покинули долину реки Драс. Подъём по склону невысокого хребта привел нас к бунгалю и караван-сарая, стоявших на холме в местечке под названием Машай. То, что предстало взору, я бы отнес к альпийскому поясу, каковой можно видеть где-нибудь возле вершин Монте Дженеросо или Монт Пилатус в Швейцарии²⁹⁶. На юге виднелся горный хребет, с которого питаемый снежником ледник сползал в ущелье реки, что протекала как раз неподалёку от нашей стоянки. На берегу, голом и пустынном, рас-

²⁹⁶ Монте-Дженеросо (итал. Monte Generoso) – гора высотой 1701 м, расположенная в Альпах на границе между швейцарским кантоном Тичино и итальянской провинцией Ломбардия. Пилатус (фр. Pilatus) – горный массив в швейцарских Альпах, на границе кантонов Обвальден, Нидвальден и Люцерн, его главная вершина имеет высоту 2128 м. По легенде название происходит от имени Понтия Пилата, потому что на склоне горы будто бы находилась его могила.

положилась пара двухэтажных домов в стиле швейцарского *châlet* и одно здание пониже – таковые служили зимней резиденцией телеграфиста и лиц, ответственных за содержание дороги. На севере маячил крутой утёс, под ним шумела река Драс, а дальше на фоне вечернего неба темнел зубчатый гребень скалистой вершины.

Вероятно, в весеннюю пору, когда альпийские пастбища утопают в цветах и зелени трав, местность вокруг выглядела бы куда приятней. Однако до весны было далеко, а ледник находился рядом, к тому же темнело, и холодный ветер принялся завывать в дымоходе. Я слышал ворчание реки, дрожал от холода и держался поближе к пылающему огню камина. Мои мысли вращались вокруг завтрашней поездки.

Завтра мы покинем эти негостеприимные высоты, все эти плоскогорья, карнизы, пропасти и т.п. и спустимся в долину Кашмира, одолев перевал, известный с незапамятных времён под названиями Зой-ла, Зоджи-ла или Зой-джал²⁹⁷. Нам предстояло проехать всего пару десятков вёрст до селения Сонамарг, которое находится в лесном поясе Кашмира. Завтра, размышляя я, меня ждут разительные перемены в окружающей природе и климате.

²⁹⁷ Зоджи-Ла – перевал (3528 м) в Индии, расположен на современном шоссе между Сринагаром и Лехом в западных Гималаях. В зимнее время часто бывает закрыт. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Зоджи-Ла>.

Перевал Зоджи-ла. (*F. De Filippi*, 1924)[1]

Сколь сильными были во мне чувствования, когда я осознал, что почти достиг цели моих странствий – долины Кашмира, мечты моей юности! Спустя пять лет после той холодной январской ночи 1919 года, когда я покинул Ташкент, наконец-то стою ныне возле её порога²⁹⁸. Время, мною в пути затраченное, сравнимо с тем, что потребовалось некогда знаменитому Марко Поло, и средства, мной использованные, суть те же самые: пешком, на спинах лошадей и яков.

Забегая вперёд, скажу, что картина природы, развернув-

²⁹⁸ См. *Hunted through Central Asia*, p. 35. (Прим. П.С. Назарова).

шаяся передо мною на следующий день после сравнительно короткого перехода, превзошла все мои ожидания.

Следуя вдоль берега реки по каменистой, плохо ухоженной дороге, мы вскоре достигли живописного холма, который был виден ещё из бунгало. Ущелье перед нами расширилось, и взору предстала обширная поляна с плотным травяным покровом. Здесь сливались три потока, образующих верховья реки Драс. Слева от дороги примостилось здание телеграфной станции, построенное из разноцветных сланцевых плит. День был ярким, солнечным, дуновение лёгкого ветерка действовало освежающе. Долина повернула направо, и картина стала выглядеть по-настоящему весенней: тут и там вдоль подножий холмов белели обширные поля таявшего снега. Лошади их осторожно обходили, зная по опыту, что под снежным настом могут быть ямы. На солнечной стороне зеленела свежая трава, золотились глянцевые чашечки лютиков, а на солнечной стороне этой маленькой котловины расположилась целая рощица чахлых березок *Betula bhojputra*, которые уже сбросили свои листья²⁹⁹. Слева небольшой, но живописный водопад вырывался из узкой теснины, образуя

²⁹⁹ Ср.: «Перевал Зоджи-ла составляет резкую границу древесной растительности, почти совершенно исчезающей к востоку от него. Мне никогда и нигде не приходилось наблюдать такого быстрого исчезновения древесных пород, как здесь, на географической границе Кашмира с Ладаком. Уже за возвышенностью, на которой находится “обо”, встречается одна лишь береза, растущая здесь невысоким деревом, с редкой листвой, а за перевалом она превращается в низкий и корявый кустарник (*Betula Bhojputra*)». Новицкий В.Ф. Из Индии в Фергану. Зап. Имп. РГО по отделению этнографии. Том XXXVIII, № 1. СПб. 1903.

речушку. Ничто не указывало на то, что мы находимся на высоте 3440 м, что мы пересекаем гребень Гималаев. Такую картину можно было бы видеть весной в любой горной долине Шотландии или в предгорьях Урала. Не было ровно ничего такого, что предвещало бы великолепную и впечатляющую панораму, ожидавшую нас впереди.

Мы стояли на вершине хребта «Заскар, который, огибая южный край возвышенной равнины Деосай в Балтистане, отделяет её от долины Кашмира и продолжается до массива Нанга Парбат (8117 м), и далее на север от Свата и Баджура»³⁰⁰.

Когда перешли на левый берег ручья, немного поднялись и спустились по снежнику, то оказались на седловине. А когда вернулись на правый берег, я заметил, что вода течет на запад, тогда как ранее она текла на восток. Значит, нечётко выраженный водораздел между бассейнами двух великих рек, Инд и Синдх³⁰¹, был нами пройден. Маленький ручей, который мы только что дважды пересекли, и был истоком реки Синдх.

По мере спуска с перевала, небольшой распадок, куда

³⁰⁰ Отрывок, заключённый в кавычки, видимо, заимствован П.С. Назаровым из какого-то справочника. Автор хочет подчеркнуть географическую значимость данного места.

³⁰¹ Синдх или Синд – река в районе Гандербал территории Джамму и Кашмир, Индия. Крупный приток р. Джелум; берет начало из ледника Мачой, расположенном на высоте 4800 м к югу от пер. Зоджи-ла; длина 108 км. http://en.wikipedia.org/wiki/Sind_River.

стремился набравший силу ручей, стал быстро углубляться и превратился в ущелье; на правом берегу его появились заросли чахлой березы. Внезапно русло повернуло вправо, и характер местности резко изменился: лощина круто оборвалась в пропасть, а отвесные скалы устремились ввысь; взору предстал казавшийся бездонным каскад бесчисленных каньонов и пропастей. У меня от высоты и восторга захватило дух.

Караван осторожно двинулся вперёд. Глинистые борта ущелья сменились вертикальными пластами тёмных сланцев, а уступы, по которым шла тропа, превратились в овринги, нависавшие над пропастью, стены которой постепенно сближались друг с другом и становились всё более грозными. Далее тропа сузилась ещё больше и пошла по скалам зигзагами, потом нырнула под нависающую скалу, где с трудом протискивались всадник с лошадыю. Внезапно неодолимый скальный обрыв перегородил путь по ущелью, и тропа стала забирать вверх по круче. А когда, наконец, достигла верхней точки, где должен бы начаться спуск обратно в пропасть, ущелье снова повернуло под прямым углом и... как бы оборвалось. Вот поразительная сцена: стоишь над пропастью, а справа, слева и впереди лишь пустое пространство; далеко внизу простерлась долина Кашмира с её реками, лесистыми холмами, скалистыми гребнями и снежными вершинами по окоёму. И вновь у меня от неопишуемой панорамы захватило дух!

Однако путь всё же был: тропа просто свернула вправо на почти отвесный склон с едва различимым уступом. Какое-то болезненное чувство внушала она своей головокружительной высотой, узостью и бесконечной длиной. Стена утеса, мрачная и грозная, широкой выпуклостью уходила в пропасть. Таков был наш путь в приветливую долину Кашмира.

Я предпочел идти пешком по этой головокружительной тропе, отчасти потому, что не был достаточно уверен в своей лошади, которая могла шарахнуть в сторону из-за пустяка, например, выпорхнувшей птицы из-под ног, а это закончилось бы для нас «нырянием в бассейн Кашмира» на километровую глубину. Кроме того, я испытывал особый интерес наблюдать, как меняется характер природного ландшафта по мере спуска в цветущую долину с безжизненных высот.

Скалы вокруг постепенно утрачивали свой грозный вид, а зона растительности приближалась. Да, здесь была уже совсем иная, южная флора, здесь ещё было лето, и чем ниже мы спускались, тем больше наблюдалось пышности и разнообразия в окружающем растительном мире. Здесь были цветы и ягоды, травы всех видов и кустарники – они уже покрывали весь склон горы, являя взору картину, каковую я не видел уже в течение нескольких лет.

Среди скал рос шалфей, *Geranium pratense*, с большими крупными цветами, влажные луга устилал густой ковер ярко-синих незабудок, тут и там выделялись цветы аквиле-

гии (водосбор, *Aquilegia vulgaris*) и горечавки (*G. Marginata*), мягкая почва холмов была покрыта ковылём сибирским (*Stipa sibirica*). Но больше всего меня поразила росшая среди камней тёмно-красная земляника: то была не обычная дикая земляника наших европейских лесов, а настоящая садовая, сладкая, ароматная, наподобие сорта «мускатель» с предгорий Урала, восхитительная ягода, которую редко встретишь и в садах.

Здесь собрал я несколько цветов и позже, засушив их, отправил как весточку с высот Гималаев своей семье в далекую Россию, но позже узнал, что они так и не дошли до адресата...

По пути вниз мы встретили караван кашгарских сартов, возвращавшихся домой после совершения хаджа в Мекку. Среди них была одна женщина, закутанная с головы до ног. После дорожных встреч с вежливыми, дружелюбными тибетцами и индусами, угрюмые кашгарцы производили не самое лучшее впечатление.

Был полдень, когда мы добрались до бунгало в местечке под названием Балтал, но мы проследовали дальше без остановки. Путь теперь пролегал по ровной местности, то по лесу из деревьев лиственных пород, уже сбросивших свой осенний наряд, то среди сосен с длинными, мягкими иглами, то вдоль реки и полей, поросших ковылём. На левом берегу преобладали сосны, а на правом – ели. В верховьях долины возвышалась массивная известняковая скала с гладкими,

будто шлифованными гранями.

Всё окружающее – густой лес, сосны и ели, кустарники и густая трава, заросли смородина по берегам рек – красноречиво говорило о стране, чей климат разительно отличается от центрально-азиатского. Кое-что напоминало мне юг Урала, но никак не Туркестан. Хотя осень была уже глубокой, растительность становилась всё гуще и разнообразней по мере того, как мы теряли высоту.

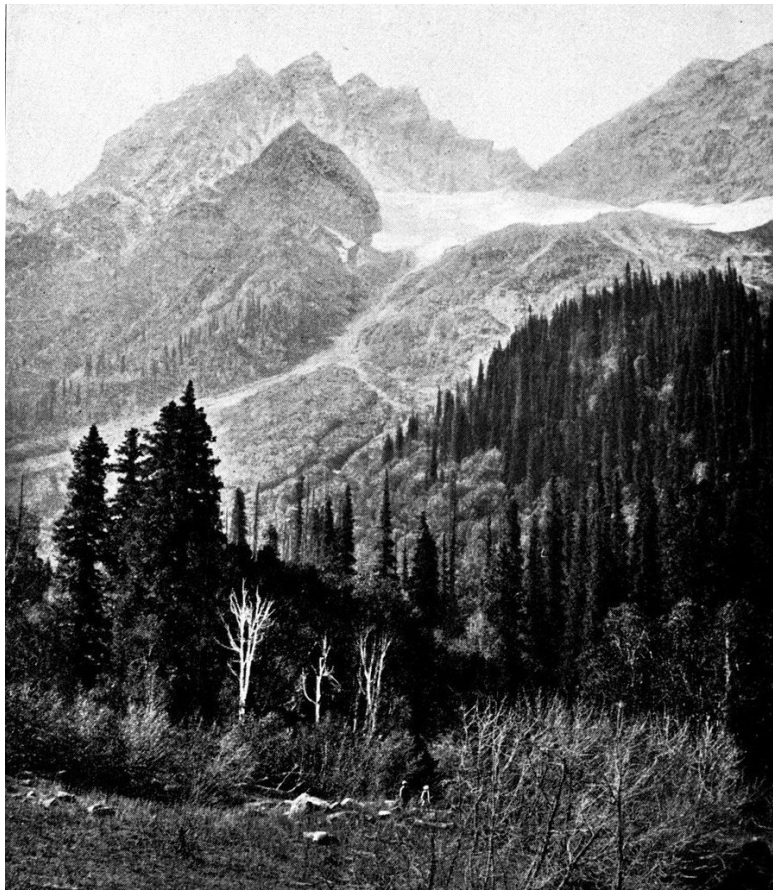
Долина расширилась, и мы неожиданно вышли к небольшому селению с деревянными домами в ложбине на высоком берегу реки. Я изумился, ибо представившийся вид живо напомнил мне Россию. Только дома были странного вида, с крутыми скатами высоких деревянных крыш. Свернули направо и по прекрасному деревянному мосту пересекли реку Синдх, немного поднялись и вышли к бунгалу у подножия холма, сплошь покрытого соснами, елями и густой травой. На дальнем берегу реки возвышался причудливо выветрившийся известняковый утёс, со щелями, каррами и гротами. Над ним летали черные вороны, не такие как наши среднеазиатские, а незнакомого мне вида.

В бунгало меня ждал ряд сюрпризов. Во дворе стояли лошади с английскими седлами, возле них суежилась пара местных слуг, один белокурый, другой черноволосый. Потом из комнаты вышли две дамы, в городских платьях и шляпках, и уселись обедать на веранде. Пока я приводил себя в цивилизованный вид, брился и мылся, индийский телеграфный

служащий принес мне телеграмму от мистера Скринна из Гилгита. Тут же пояснил, что две особы – суть американские дамы, которые направляются в Балтал к перевалу Зоджи-ла. Перевал, заметил он, через две недели, как только выпадает снег, будет закрыт, и проехать к нему станет невозможно; надо будет дожидаться суровых зимних морозов, которые скуют воды рек и дадут возможность пройти сквозь ущелье понизу и подняться на перевал по замерзшим каскадам. Я тотчас живо представил, сколь многие удовольствия сулит таковое предприятие – подниматься по льду замерших рек к перевалу Зоджи-ла в середине зимы!

После обеда две дамы вышли на улицу. Повар, не знаю, с ведома или без ведома обаятельных туристок, преподнес мне подарок в виде нескольких огурцов и картофеля. Это было ценным дополнением к моему скудному рациону.

В летний сезон местность вокруг Сонамарга пользуется вниманием туристов из Сринагара. И она того стоит, ибо дорога от Балтала до Сринагара по долине реки Синд чрезвычайно живописна. А вот бунгало в долине не так хорошо содержатся, как в Тибете, и повсюду в здешних деревнях довольно мусора и грязи.

Долина р. Синд. (*F.E. Younghusband*)[3]

Утром, перед тем как мы покинули Сонамарг, что-то пошло не так с моим конём: он выглядел больным и измож-

денным. Неприятная ссадина, которую он получил ещё в Кашгаре, внезапно воспалилась, и пришлось наложить на рану горячий компресс. Я пересел на маленького каштанового тибетского пони. У него были сильные ноги, и он хорошо нес меня, несмотря на мои 80 кг веса. Кстати говоря, этих пони редко кормят зерном.

Итак, наш караван снова отправился в путь по живописным местам. На юге был виден высокий хребет со снежниками и ледниками, сверкавшими на скалистых вершинах, с густыми сосновыми лесами в среднем ярусе и лиственными в нижнем. На северной стороне преобладали деревья лиственных пород: береза, грецкий орех (*Juglans regia*), клён, яблони и испанский каштан (*Castanea vesca*), высокое растение с ярко-оранжевыми плодами. На протяжении десятка вёрст дорога шла вдоль берега реки Синдх, чьи воды пенились среди камней, потом по лесу, иногда поднималась высоко, в обход нависавших обрывов, сквозь густые заросли, где многие виды растений были мне незнакомы. Всё изобиловало жизнью как в лесах влажных субтропиков. Я поневоле сравнивал окружающее с жалкими зарослями туграка³⁰² на равнине Кашгара, где буквально всё – почва, древесина и даже листья – было пропитано солью.

Здесь подпочвенный слой состоял из сланцев, и в местах обнажения слоя близ дороги острые края сланцевых плит представляли опасность для ног лошадей. Там, где ущелье

³⁰² *Populus diversifolia* – тополь разнолистный, или тополь Литвинова.

расширялось, образуя долину, хвойных деревьев становилось меньше, и чаще встречались огромные отдельно растущие деревья грецкого ореха, пространство между ними занимали заросли степной акации, караганы. Я заметил кашмирского нырка, *Cinclus cashmiriensis*³⁰³, порхавшего среди речных камней, это тот самый вид, который водится в Туркестане и в горных реках южного Урала.

Постепенно появлялись признаки сельского хозяйства. Поля, окаймленные каменными стенками, становились всё более обычным окружением. На них паслись чёрные буйволы и большие белые зебу³⁰⁴, столь характерные для сельского ландшафта Индии, что по одному их наличию я смог бы догадаться, в какой стране нахожусь.

Индийцы имеют обыкновение укладывать меж ветвей деревьев копны сена, зимний корм для скота, оттого здешняя сельская местность являла своеобразный вид. Берега реки утопали в зарослях орешника, дикой смородины и крыжовника. Были здесь раскидистые ивы, мощные вязы, а также айлант (*Ailanthus*)³⁰⁵, который, вероятно, был сюда завезен.

³⁰³ Подвид оляпки (лат. *Cinclus cinclus*) – птицы отряда воробьинообразных. Её также называют водяной дрозд, или водяной воробей.

³⁰⁴ Зебу (лат. *Bos taurus indicus*) – подвид вида *Bos taurus*, распространённый на территории Индийского субконтинента. В отличие от европейской коровы (*Bos taurus taurus*), зебу не ведёт своё происхождение от евразийского подвида тура, а является потомком индийского тура (*Bos primigenius namadicus*).

³⁰⁵ Айлант высочайший (лат. *Ailanthus*) – род деревьев семейства Симиарубовые (*Simaroubaceae*), произрастающих в южной и восточной Азии, Австралии, Юго-

Миновали деревню, где дома выстроены из дерева и камня, но все они выглядели ужасно грязными и закопченными. Видимо, в них печи топят по-чёрному, так как даже у местных детей физиономии были в копоти. Вокруг самих домов также полно грязи и нечистот, которые сделали бы честь даже русской деревне. Перешли через реку по мосту и двинулись вдоль подножия холмов, мимо полей, которые занимали всю мало-мальски пригодную для возделывания площадь долины. Основная сельскохозяйственная культура здесь – маис, сиречь кукуруза. Затем проехали другую деревню, утопавшую в тени огромных деревьев. Привлекли моё внимание любопытные сооружения, напоминавшие «избушку на курьих ножках» из русских сказок, что-то вроде зданий на сваях. На самом деле это были амбары или сараи. В одном дворе местные жители молотили зерно цепями, по-старомодному, по-русски. Я был немало удивлен, когда обнаружил, что обмолачиваемое зерно было не чем иным, как гречихой, *Fagopyrum esculentum*, столь распространенной и любимой в России, где из неё готовят кашу, а также пекут блины, незаменимое блюдо во время Масленицы перед Великим постом.

Как странно, что здесь, в долине Синдха, на пороге Кашмира, я наткнулся на три вещи, известные в нашем русском фольклоре. Две из них суть «избушка на курьих ножках» да

Восточной Европе, Украине и Молдове. Крупные листопадные быстрорастущие деревья. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Айлант>.

наша любимая гречка; осталось добавить третью. И таковая есть знаменитая Жар-птица, с которой я смело сопоставлю монала *Lophophorus*, точнее – один из видов его, импьянского фазана, *L. impejanus*, роскошную птицу родом из Кашмира³⁰⁶. Вряд ли в мире найдется другая, для коей название «Жар-птица» было бы основательнее. Ибо оперение лофоруса отликает блеском металла, а шея и грудь светятся, как раскаленный уголь. Фольклористы склоняются к тому же мнению. Сказка же состоит в том, что после страшных опасностей смелый Иван-царевич на богатырском коне или простоватый Иванушка-дурачок на Коньке-горбунке проезжают через тридевять земель в тридесятое царство, чтобы добыть там чудесную Жар-птицу. Историк не трудно разобраться, в какой мере сказки и мифы отражают реальность, нужно лишь владеть ключом к разгадке их тайного смысла. Не свидетельствуют ли они в данном случае о том, что народная память сохранила нечто от походов, совершенных на заре истории жителями равнин Восточной Европы в долину Кашмира через Бухару, Бадахшан и Гиндукуш? Ежели так, то Конёк-горбунки должен быть верблюдом, а Жар-птица – моналом!

За деревней долина стала сужаться, теснимая скалистыми бортами, а дорога пошла вверх по береговому откосу, пока

³⁰⁶ Гималайский монал (лат. *Lophophorus impejanus*) – птица семейства фазановых. Населяет горные леса и склоны с травянистым покровом на высотах 2 500-5 000 м в Гималаях от вост. Афганистана до вост. границы Бутана и в Тибете. http://ru.wikipedia.org/wiki/Гималайский_монал.

не достигла скалы, круто обрывавшейся обратно в долину. Но путь вниз не представился ни трудным, ни опасным, ибо дорога была вырублена прямо в скале, имела достаточную ширину и снабжена парапетом. Ах, если бы все карнизы на тропах от Кёк Яра до Сринагара были таковы!

Итак, мы спустились по легкому уклону обратно в долину. Здесь в Синдх впадал ручей, правый берег которого занимали орошаемые поля и плантации деревни Гунд-Гаганджир, скрытой под огромными деревьями грецкого ореха. Остановились во дворе маленького бунгало, населенного мышами и миллионами мух. Между бунгало и рекой росли три огромных ореховых дерева, а вдали возвышался холм, полностью покрытый лесом, сосновым вверху и лиственным внизу; золотистые осенние тона последнего очень эффектно выделялись на мрачном фоне сосен и елей. Ещё вчера я видел деревья, сбросившие листву, но здесь, ниже по долине, их едва затронули первые заморозки осени. Местные жители уверяли, что в здешних лесах водится много оленей и кабанов.

Наш тибетский караван разбил свой лагерь в тени огромного дерева грецкого ореха. Получилась живописная сцена: маленькие лошадки, тибетцы, тихо готовящие чай у лагерьного костра, выюки, уложенные в ряд, и два огромных тибетских пса, спокойно стерегущих имущество своих хозяев от посягательств посторонних зевак в этой чужой для них стране.

По дороге проехали два живописных кашмирца на краси-

вых рослых лошадях. Затем прибыл караван паломников из Мекки, среди них я распознал нескольких сартов, знакомых мне ещё по Кашгару. Они были рады встрече и остановились рассказать обо всех чудесах, что впервые увидели в Индии.

Всё было бы хорошо, но мой злополучный конь чувствовал себя плохо. Он едва мог передвигаться и, в конце концов, завалился на бок, голова его беспомощно свисла на землю. Я подложил ему под голову охапку соломы и накрыл попоной. Всю ночь я провел в сильной тревоге, так как животное отказывалось от корма и всё время лежало на боку, и можно было ожидать его смерти в любой момент. Несколько раз я выходил посмотреть на своего несчастного коня и находил его всё в том же лежачем положении, однако ранним утром он немного пришел в себя, встал на ноги и даже поприветствовал меня негромким ржанием. Я распорядился дать ему немного воды и сена, и это помогло, ибо после еды он уже мог передвигаться уверенно. Похоже, что животное съело какую-то траву, что росла в Сонамарге и попала в сено; возможно, она не ядовита, но обладает временным опьяняющим действием. Говорят, что местные лошади каким-то образом распознают её, а потому избегают. Так или иначе, это был последний неприятный опыт для моих несчастных лошадей на ужасной дороге от Яркенда до Сринагара.

Я решил не садиться пока на своего едва поправившегося коня и взял тибетскую лошадуку. Мне пришлось попробовать двух или трёх, прежде чем я нашел ту, которая могла выне-

сти мой вес. Утро было ярким и свежим, мы ехали всё время через поля, мимо многочисленных деревень, больших деревьев грецкого ореха, на которых довольно часто встречались большие клубки омелы³⁰⁷. Здесь увидел я два дерева, очень хорошо знакомые по Туркестану, – белую шелковицу, *Morus albus*, и железное дерево, *Celtis australis*³⁰⁸.

Из кустов доносилось приятное щебетание и пение, хотя была поздняя осень. Возле одного дома, стоящего у дороги, украшенного арабесками, росли огромные старые платаны. Деревни и отдельные дома встречались всё чаще. В одной из деревень, спрятавшейся в аллее тенистых деревьев, увидел я любопытный магазинчик, такой маленький, что покупатель не мог в него войти, а потому оставался снаружи, хозяин же сидел внутри, высоко задрав голову над прилавком, и бдительно наблюдал за вороватыми покупателями.

Туземцы производили странное впечатление – не то персы, не то цыгане. Элегантно задрапированные в свои тоги, в сандалиях на босу ногу, они напоминали мне евангелистов или святых с православных икон. У них в хозяйстве хорошо ухоженные рисовые поля и много буйволов.

Наш путь продолжался по широкой долине, где деревьев

³⁰⁷ Омела (лат. *Viscum*) – вечнозелёное кустарниковое растение, род полупаразитных кустарников. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Омела>.

³⁰⁸ Каркас южный (лат.) – дерево, вид цветковых растений рода Каркас (*Celtis*) семейства Коноплёвые (*Cannabaceae*). Высотой 15–20 м, с прямым стволом диаметром до 1 м, несущим шарообразную густую крону. http://ru.wikipedia.org/wiki/Каркас_южный.

было такое множество, что это был почти что лес, и около полудня подъехали к красивому каменному бунгалю, окруженному деревянной стеной. Место называлось Канган.

Здесь меня ждал очень приятный сюрприз. В конце длинной веранды сидела дама, а рядом с ней, как мне показалось, молодой человек с винтовкой в руках. Дама поприветствовала меня, и я решился подойти и представиться. И тут, к своему изумлению обнаружил, что особа, принятая мною за юношу, оказалась девушкой. Это были американцы, миссис и мисс А., которые путешествовали по Индии два года и теперь прибыли в Кашмир, привлеченные его репутацией в плане красот и спортивной охоты. Дамы пригласили меня присоединиться к ним за обедом, и возможность провести пару часов в таком обществе внесла приятное разнообразие в моё длительное путешествие. Мисс А. показала, что знает толк в том, о чём говорит, когда мы обсуждали стрельбу, оружие и лошадей. Она заинтересовалась моей лошадью и сразу же отметила некоторые характерные черты наших среднеазиатских пород.

Случайное знакомство с этими двумя очаровательными американками произвело на меня изрядное впечатление. В мире, вероятно, не существует нации, кроме англосаксонской, женщины которой способны предпринять путешествие в далекую страну без мужчин, относиться всерьёз к такому «не женскому» делу, как стрельба, и при этом не терять ни капли своего женского очарования. Мне перепало от моих

знакомок несколько экземпляров интересных газет, которые я с жадностью читал весь тот вечер.

И вот, наконец, наступил тот день, когда мне предстояло совершить последний бросок на пути в Сринагар. Поначалу характер долины был прежним, но дальше, когда пересекли вал камней древней морены, она заметно расширилась, и открылся вид на лесистую равнину в окружении горных хребтов, покрытых свинцовыми тучами.

Пересекли Синд по подвесному мосту, и дорога ушла под сень огромных деревьев; она была широка, пригодна для автомобилей и довольно оживлена: люди – кто на лошадях, кто пешком, – вьючные животные, маленькие киоски и ларьки на обочине. Всё совсем как у нас в Средней Азии, всё живо напомнило мне о покинутом доме. Здесь также росли высокие ивы вдоль дорог, журчали арыки возле рисовых полей, только участки были не как у нас, маленькие квадратики, а широкие, в виде горизонтальных террас. Но вот дома у них другого типа, поскольку нет здесь глинозёма, столь характерного для Средней Азии, и климат не засушлив, поэтому дома строят из камня или кирпича, а покатые крыши кроют камышом или сеном.

Словно высокие сторожевые башни выделялись на фоне прочей растительности огромные платаны; под кроной каждого довольно тени для отдыха сотни человек. От дуновения осенних ветров листья этих гигантов приобрели розовый оттенок; туземцы умудряются выжигать из них древес-

ный уголь.

Окрестные склоны предгорий поросли кустарником, и каждый невозделанный участок земли утопал в сплошных зарослях ирисов. Какую сказочную картину, должно быть, являют они в пору весеннего цветения!

Вот и последнее бунгало на дороге, в деревне Гангарбал, мы добрались сюда как-то незаметно. Здесь меня ждал автомобиль, посланный специально за мной из Сринагара мистром Скрином. Такой вот заботливый друг!

Мистер и миссис Скрин уже прибыли сюда из Кашгара, но их маршрут пролегал по военной дороге через Гилгит, который короче и проще, чем тибетский, но, конечно, гораздо менее интересен.

Итак, маленькая деревня Гангарбал стала конечным пунктом моей шестилетней одиссеи пешком и в седле из Ташкента в Индию. Машина неслась мимо полей, фруктовых садов и огородов, под скалой, увенчанной старым замком, затем по узким улочкам предместья, где малоэтажные кирпичные дома с крутыми крышами без фронтонов и с решетчатыми ставнями вместо стекол выглядели как после пожара. Тут и там мелькали магазинчики со всевозможными товарами, выставленными на продажу.

Столь характерные для Востока неряшливость и грязь были повсюду, но было здесь в них какое-то живописное своеобразие. Высокие дома из красного кирпича, балконы, причудливые ставни, крутые крыши резко отличают в плане ар-

хитектуры Сринагар от городов Средней Азии с их низкими домами из сырцового кирпича, плоскими крышами и обращенными на уличную сторону глухими стенами без окон. Повсюду было электрическое освещение, и, видимо, таковое было достаточно дешёвым, ибо я видел лампы, горящие в магазинах среди бела дня. И ещё я увидел водяные колонки, а это значит, что у них есть общественный водопровод. Какой контраст с городами Туркестана, ведь даже в Ташкенте и Самарканде по сей день такого нет в помине! В течение тридцати лет «отцы города» Ташкента дискутировали на все лады о наиболее удобной и экономичной форме водоснабжения, но дальше разговоров дело у них так и не пошло. Самарканд имел его в седьмом веке, как свидетельствуют арабские географы, но в веке двадцатом жители оного пьют воду из грязных оросительных каналов.

Пока я размышлял таким образом, наш автомобиль въехал в европейский квартал города, в городской сад, великолепно разбитый и очаровательный на вид. Здесь были длинные аллеи красивых деревьев, широкие игровые площадки, покрытые газоном, цветочные клумбы, виллы. Через ворота, подобные тем, каковыми отличались средневековые замки, машина въехала на территорию резиденции британского правительства. Внутренний сад, полный тропических растений с целым морем великолепных хризантем всех мыслимых цветов и оттенков, красовался на фоне холма Тахта-и-Сулейман (Соломонов трон) со старым индуистским храмом

на вершине. Венеция Востока – она была для меня восхитительна: очаровательные виды, величественные старые сады, европейский комфорт, озера, река Джелам, каналы и плавающие дома³⁰⁹, в одном из которых я поселился.

Здесь я увидел древнюю своеобразную и удивительную землю Востока, изобилие природы и плоды колонизаторского гения британского народа, который привнес порядок и комфорт европейской цивилизации, особый привкус и характерные черты в эту чудесную гималайскую долину³¹⁰.

³⁰⁹ Джелам (кашм. Vyeth) – река в Индии и Пакистане, приток Чинаба (бассейн Инда). Длина реки – 774 км. Кроме одноимённого города, река протекает через Сринагар, Бхеру и Хушаб. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Джелам_\(река\).houseboat](http://ru.wikipedia.org/wiki/Джелам_(река).houseboat) – плавающий дом, баржа с палубной каютой для жилья и отдыха.

³¹⁰ Здесь автор (или переводчик М. Бёрр?) явно идеализирует британскую колониальную политику в Индии. История таковой полна трагических событий. См. http://ru.wikipedia.org/wiki/История_Британской_Индии.

Сринагар, современный вид. (*KennyOMG*)[28].

Когда после долгих мучений я добрался до «буржуйского» города Кашгар, выйдя из мрачной могилы живых, именуемой Туркестанской АССР, мне казалось, что я избавился от ночного бреда. А после средневековой жизни в Кашгарии, после одоления пустынь Центральной Азии, высот Каракорума, ущелий и пропастей Гималаев, Сринагар предстал чем-то нереальным, и я никак не мог поверить, что действительно оказался здесь.

Сразу же по прибытии своём, получил я приглашение на чай от леди Вуд, жены британского резидента. И только вошел в прекрасно обставленную комнату, украшенную цветами, с восторгом увидел картину, живо напомнившую мне родной дом: на столе красовался серебряный русский самовар!

Когда я расположился за уютным столиком с мистером и миссис Скрин, и любезнейшая хозяйка разлила нам ароматный чай, то на меня нахлынуло чувство, которое испытывал, вероятно, герой нашей старой русской народной сказки, кто в течение долгих лет скитался по дальним странам и, в конце концов наслаждался обильным гостеприимством самой принцессы Индии!

Заключение

Теперь, когда в моём сознании проносятся картины

необъятных просторов азиатских гор и обширных равнин от южного Урала до долины Кашмира, столь близко виденных мною и глубоко прочувствованных, я не могу отказать себе в удовольствии немного пофилософствовать.

Вопросы, которые приходят мне в голову, суть следующие:

Как и где фауна и флора северных земель переходит в субтропическую?

Где проходит этнографическая граница?

Каковы различия в характере гор севера и юга, и того массивного вала, который отделяет северные равнины Туркестана от равнин Пенджаба?

Покрытые лесами холмы Урала переходят в плодородные холмистые степи Приуралья и Западной Сибири, а южнее их сменяют полупустыни и настоящие пустыни Туркестана. Именно этот широкий пояс степей и пустынь служит разделительным барьером для фауны и флоры севера и юга, он же служит границей двух разных этнических миров. Древние исседоны³¹¹ Урала, финские племена башкир, татар, чувашей и других, отделены поясом степей от арийских племен истинно персидского типа, которые населяют горы и часть предгорий Туркестана.

Разумеется, я полностью исключаю пришлый русский эле-

³¹¹ Исседоны – древний народ, обитавший в степях Южной Сибири и Урала, где по одним источникам располагалась Скифия, по другим – Сарматия. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Исседоны>.

мент, проникновение которого в Среднюю Азию началось менее века назад, и рассматриваю только этнографические составляющие населения, возникшие в глубокой древности и формировавшиеся до включения этих стран в общую европейско-азиатскую сеть паровых коммуникаций.

Путешественник севера, одолевший бескрайние степные и пустынные просторы, обнаруживал в Туркестане совершенно другой мир, иную природу, население, образ жизни, культуру, совершенно отличные от всего, что он видел раньше. И только религия, ислам, оставалась прежней, как и язык, джагатайский диалект, понятный для уроженца Урала. Степной же пояс, как таковой, что разделяет два совершенно разные оседлые народы, населен племенами кочевников-тюрков, со своей собственной древней и своеобразной культурой, самобытным образом жизни и одним из древнейших языков мира – скифским, современником языков греческого, латыни и, возможно, санскрита. Это бродячее население – тюрки, потомки скифов – свободно перемещалось по степям и равнинам Азии и Европы, низвергая империи, основывая новые народы, всюду оставляя свои следы в жизни, обычаях и крови жителей покоренных стран, особенно южных.

Культура Туркестана, возникшая в пустынных предгорьях благодаря искусственному орошению, является очень древней и схожа с культурой Персии и Северной Индии. Можно даже сказать, что мир Индо-Персии начинается в Таш-

кенте. Природа в горах Центральной Азии остается почти неизменной на всей её огромной территории, ибо животный и растительный мир там всюду практически одинаков. Пустынные горы Алайского и Заалайского хребтов в данном отношении мало отличаются от Кунь-Луны. Долины Каратегина, Валлис Коммедарум римлян, и Бальджуван³¹² похожи на долины верхнего Инда. Дарваз похож на Балтистан, плато Памира – на плато Каракорума и Тибета, а долина верховья Синдха напоминают Юлдус и Нарынкол³¹³ на Тянь-Шане. Общий тип жителей этих горных долин – так называемый арийский, или древний персидский, более или менее искаженный примесью тюркской крови, но кое-где сохранивший изначальные черты *Homo alpinus*.

Итак, мы видим, что не горные хребты образуют границу между природой и народами Индии и странами севера, а широкий степной пояс. Чисто тропическая природа Индии начинается только в Кашмире, за последним хребтом Гималаев, прорезанным рекою Джелум.

И то же относится к истории: Туркестан, Персия и Северная Индия тесно связаны между собой, а степной пояс Сред-

³¹² Бальджуванский район (тадж. ноҳияи Балҷувон) – ныне административный район в составе Хатлонской области Республики Таджикистан. Районный центр – село Бальджуван – расположен в долине реки Вахш в 190 км юго-восточнее города Душанбе.

³¹³ Юлдус – обширная котловина в центральном Тянь-Шане, вытянутая на несколько сот километров в широтном направлении. Нарынкол – в наст. время так называется посёлок в долине Баянкол в Центральном Тянь-Шане.

ней Азии играет ту же роль, что и морской рукав, разделяющий земли и культуры, но в то же время позволяющий общаться, торговать и совершать набеги. А вот загадочный Тибет, надежно отгороженный от остального мира непроходимыми стенами самых высоких гор в мире, стоит в истории особняком.

Названия Кунь-Лунь, Каракорум и Гималаи не должны вызывать в глазах читателя представление о несвязанных между собой хребтах, таких как Апеннины, Гарц, Урал или Тянь-Шань. Несмотря на то, что в горных системах Азии можно выделить определенные хребты, такие как Алайский, другие названия – Кунь-Лунь, Каракорум и Гималаи – являются чисто условными. Таковые являют собой целый лабиринт гор, долин, оврагов и плато, которые совершенно невозможно разделить на составные части. В качестве единственных чётких границ в нём могут считаться долины великих рек, прорезающих горные массивы.

Наконец, не могу удержаться от комментария по поводу исторической «ошибки» известного географа XIX века Александра Гумбольдта. Как известно, он предположил существование меридионального горного хребта в Центральной Азии, соединяющего системы Тянь-Шаня и Гималаев, для которого он предложил название Болор-Даг. В итоге было доказано, что такого хребта не существует, а название Болор-Даг местным народам совершенно неизвестно. Он исчез с географических карт, как исчезли и вулканы Централь-

ной Азии. Тем не менее, великий географ и путешественник был прав. Меридиональный хребет в геологическом смысле не существует, но существует в смысле орографическом. Ибо чем ещё является гранитная цепь Чакрагила, группы Конгур–Музтаг–Ата и их южное продолжение, что сливается с горами возле Раскемдарьи, то есть с известным хребтом Кунь-Лунь?

С равнины Кашгара эта гигантская стена высотой 5500-6000 м, простертая вдоль меридиана, хорошо видна. Только в двух-трёх местах по узким ущельям путешественник может пройти сквозь неё на пути между Кашгаром и Памирским плато. На фотографиях, приложенных к работе К.П. Скринна (*Chinese Central Asia*, by C.P. Skrine: Methuen), этот гребень изображен во всех деталях.

Термин «хребет» в орографическом плане не обязательно соответствует таковому в отношении тектоники. Совсем не обязательно, чтобы он был обязан своим существованием геологическому поднятию или складчатости. Он может не быть заметным или являться в ином виде, как это бывает, когда хребет сверху полностью разрушен эрозией или скрыт под отложениями. Именно так произошло с промежутком между хребтами Уральским и Мугожар, где горы превратились в степную возвышенность.

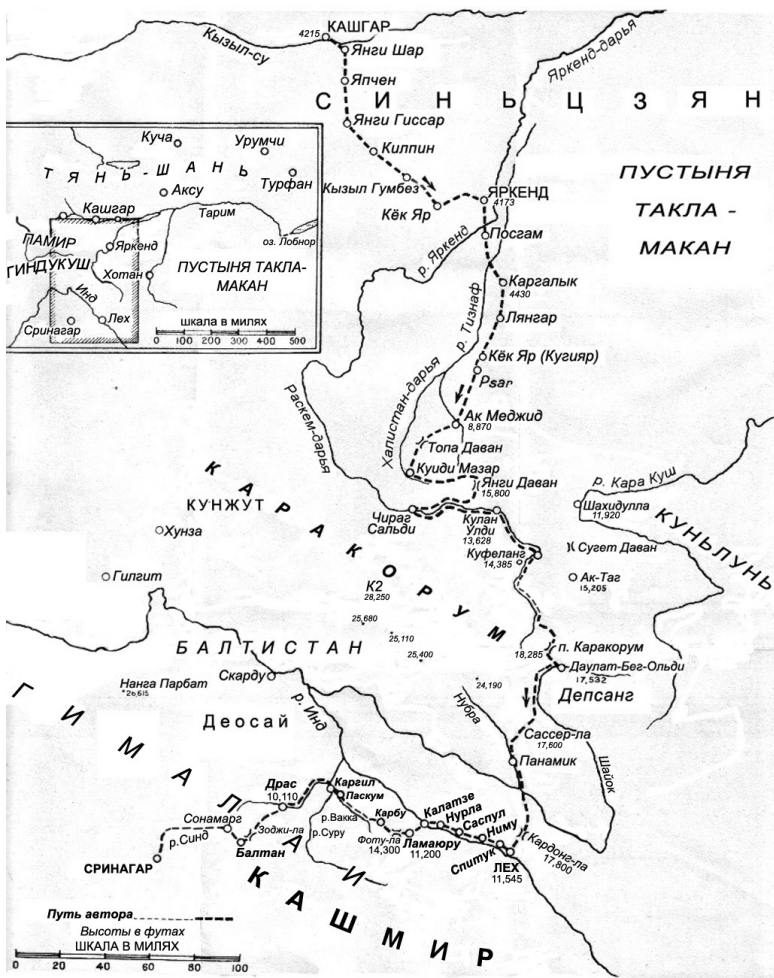
Разве не было бы справедливо и честно восстановить на карте Центральной Азии горную цепь, помещенную туда Гумбольдтом, и назвать гранитную цепь Чакрагил–Кон-

гур–Муштаг-Ата и именем великого географа?

Массив Конгур–Муштаг-Ата

Карта

Сведения об иллюстрациях в тексте и их источниках

1. *Filippo De Filippi*. Storia della Spedizione Scientifica Italiana nel Himalia, Caracorum e Turchestan Chinese (1913-14). 1924.
2. Брит. б-ка. Общ. достояние с 1927 г.
3. *F.E. Younghusband*. The Heart of a Continent a Narrative of Travels in Monchuria, across the Gobi Desert, through the Himalayas, the Pamirs, and Chitral, 1884-94.
4. *T.D. Forsyth*. Report of a Mission to Yarkand in 1873.
5. Фотоснимок Н.Ф. Петровского – консула Российской империи в Кашгаре (1882—1903).
6. *Ф. Шрадер*. Рис. по акварели М. Чапмана, 1878 г.
7. *C.G.E. Mannerheim*. Across Asia from West to East in 1906-1908.
8. *H. Lansdell*. Chinese Central Asia – a Ride to Little Tibet. 1893.
9. *Ф. Орден*. Альбом «Кавказ и Средняя Азия». 1890 г.
10. *Mark Aurel Stein*. Ancient Khotan. Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan. 1907.
11. *Ph.C. Visser*. Третья Каракорумская экспедиция, 1929-1930 гг. Фотоснимки переданы автором в общественное достояние.
12. *C.A. Гедин*. В сердце Азии. 1899.
13. Альбом видов и типов, снятых Брониславом Людвиговичем Громбчевским во время путешествия в С.-З. Тибет по поручению ИРГО. 1889-1890 гг.
14. *P.M. Sykes*. Through Deserts and Oases of Central Asia.

1920.

15. *H. H. P. Deasy* – In Tibet and Chinese Turkestan: Being the record of three years' exploration, London: T. Fisher Unwin, January 1, 1901

16. *rheins*, CC BY 3.0, via Wikimedia Commons. <http://commons.wikimedia.org/>

17. *R.B. Shaw*. Visits to High Tartary, Yarkand, and Kashgar and return journey over the Karakoram pass. 1839-1879. http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Approach_to_Yarkand,_1868.jpg. Общественное достояние.

18. *F.N. Meyer*. Вторая экспедиция Франка Мейера. Кашгария и Джунгария. 1913-1915. http://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Frank_Nicholas_Meyer Общественное достояние.

19. *Nicolai Banggaard*. CC BY 2.0. Источник: [http://en.wikipedia.org/wiki/Mazar_Pass#/media/File:Switchbacks_up_the_Chiragsaldi_Pass_\(4980m\).jpg](http://en.wikipedia.org/wiki/Mazar_Pass#/media/File:Switchbacks_up_the_Chiragsaldi_Pass_(4980m).jpg).

20. *T.E. Gordon*. The Roof of the World; being a narrative of a journey over the high plateau of Tibet to the Russian Frontier the Oxus sources on Pamir. 1876.

21. *H., A. and Robert von Schlagintweit-Sakiünliński*. «Results of a scientific mission to India and high Asia – Atlas Part II.» 1861.

22. *KennyOMG*. CC BY-SA 4.0. Источник: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Nubra_Valley_2.jpg

23. *Mahuasarkar25*. CC BY-SA 3.0.

Источник: <http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Shyok-River.jpg#/media/File:Shyok-River.jpg>.

24. *Redtigerxyz*. CC BY-SA 3.0. Источник: <http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Spituk.jpg>.

25. *Dmitry A. Mottl*, CC BY-SA 4.0. Источник: <http://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=75978242>.

26. *Saurabh Lall*, CC BY 2.0. Источник: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kargil_Town_Panorama.jpg

27. *Narender9*. CC BY-SA 3.0. Источник: http://commons.wikimedia.org/wiki/File:Drass_and_Tololing_Range.jpg

28. *KennyOMG*. CC BY-SA 3.0. Источник: http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/e/e8/Srinagar_pano.jpg/1024px-Srinagar_pano.jpg

Страничка Интернета, посвященная Павлу Степановичу Назарову:

<http://tsibanoff.narod.ru/nazaroff/nazaroff.html>